

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

2023 (№ 64)

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2023 (№ 64)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл

«Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акишков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Зайцева Нина Григорьевна, д-р филол. наук, зав. сектором языкознания Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустай Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenn-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тьну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багшиевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2023

© Авторы статей, 2023

FINNO-UGRIC STUDIES, 2023 (No. 64)

Scientific journal

The journal is founded in 1994 (February).

ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El “V. M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History”

Editorial Review Board:

Grigoryeva L. Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Zaitseva N.G., Doctor of Philology, Head of Linguistics Sector of the Institute of Language, Literature and History, Carelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Uric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsony, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzhaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V. Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertzikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

<i>Абукаева Л.А.</i> Синтаксические фразеологизмы со значением выделения, акцентирования в марийском языке	5
<i>Ключева М.А.</i> Морфологические модели названий игр в марийском языке	12
<i>Сибатрова С.С.</i> Об одной структурной модели адъективных словосочетаний в марийском языке	31
<i>Шибанов А.А.</i> Синтаксис подражательных слов в удмуртском языке.....	43

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Ананьев А.А., Устьянцев Г.Ю.</i> Предвестие смерти в марийской фольклорной традиции	53
<i>Кириллова Р.В., Федосеева Н.А.</i> Жизнь, посвященная литературе (к 100-летию со дня рождения Зои Алексеевны Богомоловой)	65
<i>Пенькова М.В.</i> Фольклорный подкорпус Национального корпуса марийского языка: к вопросу создания	75

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

<i>Васильева С.И.</i> Культурная жизнь деревни Марийской АССР во время Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	81
<i>Голева Т.Г.</i> Просветительские идеи И.В. Шестакова об образовании и духовном развитии коми-пермяков	101
<i>Петров О.М.</i> Развитие горномарийской печати в начале XX века	111
<i>Свечников С.К.</i> Взаимоотношения между мари и русскими в XVII веке	122

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Сафин Ф.Г., Илиева А.А., Гильмитдинова Е.М.</i> Этноязыковые процессы финно-угорских народов в республиках Урало-Поволжья	141
--	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Ипакова М.Т.</i> «Дорогу осилит идущий» (к юбилею Л.Я. Григорьевой).....	151
<i>Кудрявцев А.Н.</i> К юбилею С.К. Свечникова	158
<i>Молотова Т.Л.</i> К юбилею Илдико Лехтинен	161
<i>Молотова Т.Л.</i> Александр Сергеевич Казимовын шочмыжлан – 75 ий	165
<i>Цыпанов Е.А.</i> Вспоминая Владимира Ляшева (к 80-летию со дня рождения коми языковеда)	171
<i>Шутова Н.И.</i> Кузубай Герд и удмуртская этнография (к 125-летию со дня рождения ученого).....	174

РЕЦЕНЗИИ

<i>Григорьева Л.Я.</i> Рец.: Абукаева Л.А. Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства: монография. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2021. 192 с.	179
<i>Свечников С.К.</i> Рец.: Николаев Г.А. Мир волжской деревни во второй половине XIX–начале XX века. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2022. 416 с.	182

ХРОНИКА

<i>Свечников С.К.</i> VIII Республиканская научно-практическая конференция «Йьван Кырла лудмаш: этнический фактор в социокультурном развитии Марийского края»	187
<i>Федосеева Н.А.</i> XXIII Игнатъевские чтения: Горные марийцы и город Козьмодемьянск: историко-культурные взаимосвязи	189
<i>Федосеева Н.А.</i> II Всероссийская научно-практическая конференция «Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха»	192
<i>Эрцикова Г.А.</i> Совместная научно-практическая конференция МарНИИЯЛИ и ЧГИГН «Мари и чуваша: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе»	195
Хроника научных и культурных мероприятий финно-угорского мира за 2023 год	198

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

<i>Abukaeva L.A.</i> Syntactic phraseology with emphatic meaning in Mari	5
<i>Klyucheva M.A.</i> Morphological models of game names in Mari	12
<i>Sibatrova S.S.</i> On one structural model of adjectival phrases in Mari	31
<i>Shibanov A.A.</i> Syntax of onomatopoeic words in Udmurt	43

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORISTICS

<i>Ananiev A.A., Ustyantsev G.Y.</i> Knell in the Mari folk tradition	53
<i>Kirillova R.V., Fedoseeva N.A.</i> Life for literature (To the 100th anniversary of the birth of Zoya Alekseevna Bogomolova).....	65
<i>Penkova M.V.</i> Folklore sub-corpus of the Mari National Corpus: on the question of development	75

HISTORY AND ETHNOLOGY

<i>Vasilyeva S.I.</i> Cultural life of the Mari ASSR village during the Great Patriotic War (1941-1945).	81
<i>Goleva T.G.</i> Educational ideas of I.V. Shestakov on education and spiritual development of the Komi-Permyaks	101
<i>Petrov O.M.</i> The development of the Hill Mari printing in the early 20 th century	111
<i>Svechnikov S.K.</i> The relations between the Mari and the Russians in the 17th century	122

SOCIOLOGY

<i>Safin F.G., Ilieva A.A., Gilmitdinova E.M.</i> Ethno-linguistic processes between the Finno-Ugric peoples in the Ural-Volga republics	141
--	-----

PERSONALIA

<i>Ipakova M.T.</i> “A journey of a thousand miles begins with a single step” (To the anniversary of L.Y. Grigoryeva)	151
<i>Kudryavtsev A.N.</i> To the anniversary of S.K. Svechnikov	158
<i>Molotova T.L.</i> To the anniversary of Ildiko Lehtinen	163
<i>Molotova T.L.</i> To the 75th anniversary of the birth of A.S. Kazimov	165
<i>Tsypanov E.A.</i> Remembering Vladimir Lyashev (To the 80th anniversary of the birth of the Komi linguist).....	171
<i>Shutova N.I.</i> Kuzebay Gerd and Udmurt ethnography (To the 125th anniversary of birth of the scientist)	174

BOOK REVIEWS

<i>Grigoryeva L.Y.</i> Review of Abukaeva L.A. Mari Guest Songs in the Context of Hospitality Traditions: monograph. Yoshkar-Ola: Publishing House “Mari Book Publishing House”, 2021. 192 p.	179
<i>Svechnikov S.K.</i> Review of Nikolaev G.A. World of the Volga Village in the Second half of the 19 th -20 th century. Cheboksary: Chuvash Publishing House, 2022. 416 p.	182

CHRONICLE

<i>Svechnikov S.K.</i> The VIII Republican Scientific and Practical Conference “Yyvan Kyrlla Ludmash: the ethnic factor in the socio-cultural development of the Mari Region”.....	187
<i>Fedoseyeva N.A.</i> The XXIII Ignatiev Readings: The Hill Mari and the city of Kozmodemyansk: historical and cultural relations	189
<i>Fedoseyeva N.A.</i> The II All-Russian Scientific and Practical Conference “Sergey Chavain. Personality. Creativity. Epoch”	192
<i>Erzikova G.A.</i> The Joint Scientific and Practical Conference of Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History and The Chuvash State Institute of Humanities “Mari and Chuvash: Ethnocultural Dialogue in a Historical Retrospective”	195
Chronicle of scientific and cultural events of the Finno-Ugric world in 2023	198

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-5-11

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВЫДЕЛЕНИЯ, АКЦЕНТИРОВАНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2023 г. Л.А. Абукаева

Введение. Одним из характерных и интересных средств выражения экспрессивности на синтаксическом уровне являются синтаксические фразеологизмы, т.е. такие конструкции, особенности организации которых не укладываются в рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей. **Цель работы** – исследование синтаксических фразеологизмов, передающих субъективно-модальные значения выделения, акцентирования в марийском языке, установление особенностей их структурной организации, анализ субъективно-модальных значений, выражаемых ими. **Материалы и методы.** В работе использованы материалы, извлеченные из письменных источников – текстов марийской художественной прозы, поэзии, беллетристики, драматургии, публицистики. Часть из них извлечена из Национального корпуса марийского языка. В исследовании применялись такие методы, как лингвистическое описание, трансформационный и компонентный анализы, метод синтаксического моделирования. **Результаты исследования, обсуждения.** Синтаксические фразеологизмы – это структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты. В качестве постоянных компонентов синтаксических фразеологизмов в марийском языке выступают местоимения и местоименные наречия, послелого, союзы, частицы. Семантика таких предложений предопределяется не только лексическим составом схемы, но в первую очередь ее постоянными компонентами, а также зависит от микро- или макроконтекста, конситуации и интонации. Для выражения субъективно-модального значения акцентирования в марийском языке существует четыре модели фразеологизированных конструкций. **Заключение.** Синтаксические фразеологизмы акцентирования, выделения передают широкий спектр как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций говорящего (пишущего). Спектр эмоций, выражаемых синтаксическими фразеологизмами акцентирования, колеблется от удовлетворения, радости до неудовольствия, возмущения, негодования, досады, огорчения, разочарования. Использование в письменной и устной речи рассматриваемых конструкций служит показателем таких субъективно-модальных значений, как уверенность в собственной правоте, убежденность, желание убедить собеседника, привлечь его внимание.

Ключевые слова: марийский язык; синтаксические фразеологизмы; структура; семантика; функции.

Введение

Одним из характерных и интересных средств выражения экспрессивности на синтаксическом уровне являются синтаксические фразеологизмы (далее СФ), т.е. такие кон-

струкции, особенности организации которых не укладываются в рамки регулярных синтаксических связей и закономерностей. Они выражают различные субъективно-модальные значения.

Целью работы является исследование синтаксических фразеологизмов, передающих субъективно-модальные значения выделения, акцентирования в марийском языке, установление особенностей их структурной организации; анализ субъективно-модальных значений, выражаемых СФ этой группы.

Материалы и методы

В работе использованы материалы, извлеченные из письменных источников: текстов марийской художественной прозы, поэзии, драматургии, беллетристики, публицистики. Часть из них извлечена из Национального корпуса марийского языка (в ссылках – НКМЯ, с указанием автора произведения). Специфика объекта исследования и характер проблемы определили в качестве основного методологического подхода системный. В исследовании использовались такие методы, как лингвистическое описание, трансформационный и компонентный анализы, посредством которых выявлялись типовое значение и функции анализируемых конструкций. Метод синтаксического моделирования нашел применение при конструировании синтаксических моделей. Синтаксические модели фразеологизированных предложений представлены в терминах морфологических форм слов.

Результаты исследования, обсуждения

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция [Шведова, 1958]; шаблонная фраза, синтаксический фразеологизм [Шведова, 1958; Русская грамматика, 1980; Величко, 1996], фразеосхема [Шмелев, 1958; Меликян 2001], предложение, построенное по жесткой схеме [Белошাপкова, 1967, с. 36], застывший синтаксический оборот [Кручинина, 1968], связанная синтаксическая конструкция [Шмелев, 1960], синтаксический идиоматизм [Шведова, 2003].

Наиболее приемлемым, на наш взгляд, следует считать термин «синтаксический фразеологизм», которому идентичен термин «синтаксический идиоматизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами, которые используются в официально-деловом стиле. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» также не в полной мере

отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной, является сама модель, а ее лексическое наполнение свободно. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить структурные схемы, т.е. отвлеченные образцы, модели, по которым строятся такие предложения, противопоставляя их предложениям, построенным по свободным структурным схемам. Таким образом, в данной работе будет использовано следующее определение: синтаксические фразеологизмы – это структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты. В качестве постоянных компонентов СФ в марийском языке выступают местоимения и местоименные наречия, послелого, союзы, частицы.

Семантика таких предложений предопределяется не только лексическим составом схемы, но в первую очередь ее постоянными компонентами, а также зависит от микро- или макроконтраста, конситуации и интонации.

Для выражения субъективно-модального значения акцентирования, выделения в марийском языке существует четыре модели фразеологизированных конструкций.

1. Модель «вопр. мест.-вопр. мест. / вопр. мест. нар.-вопр. мест. нар., а / но + сущ. / мест. / нар. / сущ. с послелогом...»

Первая разновидность СФ, обладающих значением выделения, акцентирования, строится по модели, состоящей из двух частей, которые разделяются союзами *а, но*: *Кö-кö, но аваже тидым пальшашак, вет арам огыл кок еш, икте-весыж дене келшен, ик ой дене илен: пайрем годымат, тургым паша жапыштат ваш-ваш польшкален* [НКМЯ, Мурзин В.] ‘Кто-кто, но мать это должна знать, ведь не зря две семьи жили дружно, в согласии: и в праздники, и в трудовые будни друг другу помогали’.

В первой части модели располагается повторяющееся вопросительное слово, семантически и грамматически соответствующее предмету,

признаку, который выделяется, акцентируется во второй части. Вторая часть организуется по свободной структурной схеме, например: *Кө-кө, а тудо, Кандалин, Мишам ынде сайын пала: рвезе ушан, но ура чонан; чулым, полмезе, но южгунам – вуйдымо пормо* [НКМЯ, Юксерн В.] ‘Кто-кто, а он, Кандалин, Мишу теперь знает хорошо: парень умный, но с беспокойной душой; смелый, решительный, но порой – безрассудный [букв. безголовый слепень]’; *Мо-мо, а книга мыйын улдалеш* [НКМЯ, Алексеев Г.] ‘Что-что, а книги у меня имеются’.

Как отмечает В.Г. Гак, «эмотивная сила высказывания увеличивается при противопоставлении, в связи с чем эмотивный блок содержит две части: позитивную, в которой излагается оценка данного объекта или события, и негативную, в которой дается противоположная оценка предметов, сопоставляемых с первым» [Гак, 1996, с. 26]: *Мо-мо, а кинде шотыштак чүдө лиеш гын, чонлан ласка огыл* [НКМЯ, Белкова С.] ‘Что-что, а если хлеба будет мало, на душе неспокойно’.

В зависимости от характера местоименных постоянных компонентов выделяется из ряда однородных, схожих какое-либо лицо, предмет посредством противопоставления его другим однородным лицам, предметам либо акцентируется значение времени.

В предложениях с местоимением *кө* ‘кто’ выделяется из ряда однородных, схожих какое-либо лицо путем противопоставления его другим однородным лицам, например: *Кө-кө, но теве шымавуч гай, кыне түсан ұпшым ваче гоч кудыртен шаралтыше ик медиўжар тыге сымыстарен кертеш манын, шонен омыл ыле* [НКМЯ, Иманаев Э.] ‘Кто-кто, но чтоб одна медсестра, подобная дягилю (стройная), со светлыми, как конопля, кудрявыми волосами, распущенными по плечам, сможет так очаровать, я не думал’; *Кө-кө, а Носатый кугу блатан еш гыч улио коло наре рвезе олмешат ике долгышым шуктен* [НКМЯ, Ямбаршев Г.] ‘Кто-кто, а Носатый и вместо двадцати парней из бластных семей свой долг выполнил’; *Кө-кө, а тудо тиде сдельно-прогрессивный манме пашадар түлымө системым пеш сайын пала: вербоватлалтме деч ончыч Калязин оласе ик предприятийыште бухгалтерлан шоген* [НКМЯ, Ижболдин В.] ‘Кто-кто, а он эту так

называемую сдельно-прогрессивную систему знает хорошо: до вербовки Калязин был в городе в одном предприятии бухгалтером’.

Повторяющиеся местоимения с послелогоми менее продуктивны: *Көн деч, көн деч, но тый дечет, Проска, тидым колаш шонен омыл ыле* [Репертуар, 1977, с. 45] ‘От кого, от кого, но от тебя, Фрося, не ожидал это услышать’.

Выделение объекта, предмета осуществляется в предложениях с местоимением *мо* ‘что’: *Мом-мом, но иктаж-кунам тыге лиеш манын, Ирина нигунам шоналтен кертын огыл* [НКМЯ, Свистунов Н.] ‘О чем, о чем, но о том, что когда-либо может случиться так, Ирина никогда не могла подумать’.

Акцентирование значения времени характерно для СФ с местоименным наречием *кунам* ‘когда’, например: *Кунам-кунам, а таче тыште председателын ватыже обязательно лийшаш* [Мурзашев, 1999, с. 35] ‘Когда-когда, а сегодня здесь жена председателя обязательно должна быть’.

В СФ с местоименным наречием *кушто* ‘где’ акцентируется место: *Кушто-кушто, но чылт тыгайыштыжак илаш шонен омыл ыле да... – адакат кугун шўлалтыме шоктыш* [НКМЯ, Свистунов Н.] ‘Где-где, но уж в таком (месте), я жить не думал, но... – и снова послышался громкий вздох’; *Кушто-кушто, а поснак куралмаште тыгай ондалчыкым ышташ ок лий* [НКМЯ, Мурзашев А.] ‘Где-где, а особенно на пахоте такой обман проделывать нельзя’.

В нейтральном синтаксисе семантика акцентирования передается с помощью выделительных частиц *веле*, *гына* ‘лишь, только’, *лач*, *лачак* ‘именно, как раз’. Трансформируем СФ в структуру нейтрального синтаксиса и сравним их: *Ўшанем, ўшанем, Алексей Иванович, кө-кө, а комбайнер-влак тидым умылат* [Арбан, 1987, с. 175] ‘Верю, верю, Алексей Иванович, кто-кто, а комбайнеры это понимают’. Это же значение средствами нейтрального синтаксиса можно передать с помощью предложения, части которого построены по свободным структурным схемам: *Иктаж-кө весе, можыч, огешат умыло, но лачак комбайнер-влак тидым умылат* ‘Кто-нибудь другой, может, и не поймет, но именно комбайнеры это понимают’.

Значительной экспрессией обладают структуры, в которых употребляются два разных повторяющихся местоимения с целью усиления значения акцентирования, например: *...лум йымалнет изэнгер-влак ылыжыт, шканышит корным кычалыт. Кө-кө, мо-мо, а нуно шошо кечым мален огыт код* [Алексеев, 2001, с. 154] ‘Под снегом речушки пробуждаются, ищут себе дорогу. Кто-кто, что-что, а они весеннего дня не проспят’. При этом, как видим, может наблюдаться семантическое несоответствие акцентуемого компонента и местоимения. Ср.: *кө-кө* ‘кто-кто’ и *изэнгер-влак* ‘речушки’, однако это не препятствует восприятию СФ, а выделяемый компонент подчеркивается как выдающийся не только из ряда однородных, но и из более широкого круга предметов, что повышает экспрессивность конструкции.

Таким образом, СФ представленной модели употребляются для экспрессивного акцентирования лица, предмета, времени, места и организуются соответственно при помощи постоянных компонентов *кө* ‘кто’, *мо* ‘что’, *кунам* ‘когда’, *кушто* ‘где’. Фразеологизированные конструкции с другими местоименными словами нами не зафиксированы, хотя нет каких-либо ограничений ни семантического, ни грамматического характера, так что есть потенциальная возможность расширения состава СФ, организованных по рассмотренной модели.

Процесс использования подобных фразеологизированных конструкций свидетельствует о проявлении таких эмоций, как уверенность в собственной правоте, убежденность, желание убедить собеседника.

2. Модель «мо / кө + глаг. + [гын], [тиде]...»

Для следующей группы СФ, имеющих значение акцентирования, характерны предложения типа *Можо эше чоным йывыртыкта, кресаньык пöрт-влак тувьыргын койыт* [НКМЯ, Галютин Ю.] ‘Что еще радует душу, крестьянские дома смотрятся прочно’; *Нимогай шем вийын чаракшым ончыде, мом йöратем гын, тиде ялна воктенысе пöртүсемым* [НКМЯ, Илибаева М.] ‘Несмотря на все преграды черной силы, если я что и люблю, так это природу возле нашей деревни’.

Компонент, на который падает акцент, называется во второй части, например: *Мый дечем кө колын гын, тиде – тый гына* [НКМЯ, Илибаева М.] ‘Если кто и слышал от меня, это только ты’; *Кө айдемын эн үшанле уло гын, тиде – йöратыше үдырамаш* [НКМЯ, Галютин Ю.] ‘Если у человека кто и есть самый верный (друг), это – любящая женщина’.

СФ рассматриваемой группы еще не получили столь широкого распространения, и нами не зафиксировано предложений с другими местоименными словами. Большой продуктивностью эти структуры отличаются в газетно-публицистическом стиле.

Проявление эмоций при использовании СФ описываемого отвлеченного образца не характеризуется интенсивностью. В таких СФ можно проследить такие эмоциональные реакции адресанта, как убежденность, желание убедить собеседника, привлечь его внимание: *Областьыште мо удан виянгын гын, тиде – радио* [НКМЯ, Алтышев А.] ‘Если что в области и развивалось плохо, так это радио’; *Мо осал уло гын, тиде чылажат шкенан верч* [НКМЯ, Сошина Н.] ‘Если что и есть худое, это все из-за нас самих’.

На наш взгляд, эти СФ являются калькированными структурами из русского языка, что подтверждается структурно-семантическим и функциональным сходством указанных фразеологизированных структур в русском и марийском языках.

3. Модель «сущ. / мест. / инф. / нар. + гын + сущ. / мест. / инф. / нар. ...»

Еще одна разновидность СФ со значением выделения, акцентирования строится по модели «сущ. / мест. / инф. / нар. + гын + сущ. / мест. / инф. / нар.» С помощью такой конструкции выделяются обычно два предмета, действия или признака действия: *Тенгече гын тенгече кечыгут опыш, // таче гын таче чарнен ок керт* // [йöр нерген. – Л.А.] ‘Вчера так вчера весь день лил // сегодня так сегодня не может перестать (о дожде. – Л.А.)’.

Указанная семантика выявляется при трансформации СФ, например: *Йöр тенгечат кечыгут опыш, тачат чарнен ок керт* ‘Дождь и вчера целый день лил, и сегодня не может перестать’. Однако в предложениях нейтрального синтаксиса не находят выражение

эмоции говорящего. В отличие от них СФ данной модели способны передавать широкий спектр как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций говорящего (пишущего) от удовлетворения, радости до недовольства, возмущения, негодования, досады, огорчения, разочарования.

4. Модель «[Те́ве] + [кеч] + сущ. в вин. п. / мест. в вин. п. + налаш»

Типизированным значением акцентирования обладают также конструкции, построенные по отвлеченному образцу «[Те́ве] + [кеч] + сущ. + налаш».

В функции постоянного компонента модели выступает инфинитив глагола *налаш* 'взять', а также некоторые формы повелительного и изъявительного наклонения этого глагола, например: *Те́ве тыйымак налаш: тый зрыкым йӧратет, моторын илынет* [НКМЯ, Коршунов К.] 'Вот тебя же взять: ты свободу любишь, красиво хочешь жить'; *Те́ве кеч Шорыкйол пайремымак налаш. Могай тудо сьлне ыле, могай ушан!* [НКМЯ, Регеж-Горохов В.] 'Вот хоть праздник Шорыкйол взять. Какой он красивый был, какой мудрый!'; *Нал мемнан рвезе поэт Олык Ипайым. Тудат ике жапше годым кидым лупикедылын <...> Инде Олык Ипай тудо жап гыч йӧршеши ойырлен* [НКМЯ, Шкетан М.] 'Взять ([букв. 'бери') нашего молодого поэта Олыка Ипая. И он в свое время отмахивался. Теперь Олык Ипай с этим характером расстался насовсем'.

Семантика рассматриваемых образований сводится к выделению такого предмета из разряда однородных, который приводится как пример. Выявление значения возможно при соотнесении СФ с синонимичной ему конструкцией. *Налза кеч В. Маяковскийым, тудат йӧратымаш нерген возымыж годым лач «про это» веле малдалын* [НКМЯ, Николаев Сем.] 'Возьмите хоть В. Маяковского, и он, когда писал про любовь, лишь «про это» говорил'. Ср.: *Мутлан, В. Маяковский, тудат йӧратымаш нерген возымыж годым лач «про это» веле малдалын* 'Например, В. Маяковский, и он, когда писал про любовь, лишь «про это» говорил'.

Компоненты *те́ве* 'вот', *кеч* 'хоть / хотя бы' являются факультативными и существенных корректировок в семантику схемы не

вносят: *Те́ве Кирилл Тымапийымак налаш. Йыгыре шинчышна, отличник ыле, активист, гармонист. А мо шотшо?* [НКМЯ, Коршунов К.] 'Вот взять Тимофея Кирилловича. Рядом сидели, отличником был, активист, гармонист. А что толку?'; *Налаш кеч «Мемнан курымна» почеламутым. Тыште чыла чын, кычалтылаш нимогай амалат уке* [НКМЯ, Колумб В.] 'Взять хоть стихотворение «Наш век». Здесь все верно, придираться нет никаких оснований'.

Субстантивный компонент может получать незначительное распространение, однако количество распространителей сводится к минимуму, и обычно такие компоненты обеспечивают семантическую достаточность свободного компонента схемы: *Пытартыш кечыламак налаш. Вачӱмбака вочшо чыла нелытым висенат, шотленат шукташ ок лий* [НКМЯ, Бердинский В.] 'Взять последние дни. Вся тяжесть, которая легла на плечи, не измерить, не сосчитать'; *Налза кеч руш йылмым, кеч суасыным, кеч финн йылмым, але венгрыным, эстон да моло йылмымат, те кажныштыже шагал огыл кӱсынлымӧ шомак-влакым муыда* [НКМЯ, Галкин И.] 'Возьмите хоть русский язык, хоть татарский, хоть финский язык, или венгерский, эстонский и другие языки, вы в каждом найдете немало заимствованных слов'.

Модель СФ заимствована из русского языка.

Говорящий, используя рассматриваемые структуры, доказывает, подтверждает убежденность в своей правоте. Проявление эмоциональных реакций при этом весьма слабое.

Заключение

В отличие от предложений нейтрального синтаксиса СФ акцентирования, выделения, как и другие фразеологизированные конструкции, способны передавать широкий спектр как положительных, так и отрицательных эмоциональных реакций говорящего (пишущего). Спектр эмоций, выражаемых СФ данной группы, колеблется от удовлетворения, радости до недовольства, возмущения, негодования, досады, огорчения, разочарования. Употребление в письменной и устной речи рассматриваемых СФ служит показателем таких субъективно-модальных значений, как уверенность в собственной правоте, убежденность, желание

убедить собеседника, привлечь его внимание. Адресант речи, используя рассматриваемые структуры, не только акцентирует внимание адресата, выделяет часть содержания высказывания, но и доказывает, подтверждает, усиливает свою мысль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Арбан Н. У муро: комедий = Новая песня: комедия // Кугу толкын: марий драматургий антологий = Большая волна: антология марийской драматургии. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. С. 163–214.
- Белешапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. М.: Просвещение, 1967. 160 с.
- Величко А.В. Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев: учеб. пособие / Филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1996. 96 с.
- Гак В.К. Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность / РАН, Ин-т языкознания. М., 1996. С. 20–30.
- Кручинина И.Н. Синтаксис разговорной речи // Русская речь. 1968. № 1. С. 56–60.
- Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения: учеб. пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2001. 136 с.
- Мурзашев А. Тӧлдӧ: роман // Ончыко. 1999. № 9. С. 4–39.
- Репертуар сборник: пьеса ден сценарий-влак = Сборник репертуара: пьесы и сценарии. Йошкар-Ола: Кн. лушко марий изд-во, 1977. 140 с.
- Русская грамматика: в 2-х т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 214–237.
- Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 93–100.
- Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.
- Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63–75.
- Шмелев Д.Н. О «связанных синтаксических конструкциях» в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Lyubov Abukaeva

SYNTACTIC PHRASEOLOGY WITH EMPHATIC MEANING IN MARI

Introduction. Syntactic phraseological units are the structures peculiarities of the organization of which do not fit into the framework of regular syntactic connections and regularities; they are one of the characteristic and interesting means of expressiveness at the syntactic level. **The purpose of the work** is to investigate syntactic phraseological units conveying subjective-modal meanings of emphasizing in the Mari language, to establish their structural organization features and to analyze subjective-modal meanings expressed by them. **Materials and methods.** The research uses materials taken from written sources - texts of Mari prose, poetry, fiction, dramaturgy and journalism. Some of them were taken from the Mari Language National Corpus. The study applied such methods as linguistic description, transformational and component analysis, and the method of syntax modelling. **Research results and discussion.** Syntactic phraseological units are structures expressing, in addition to the objective content of the sentence, the speaker's attitude to the utterance; they are built on the models that include permanent components, used by the speaker when making sentences, and free components. Pronouns and pronominal adverbs, postpositions, conjunctions and particles are permanent components of syntactic phraseology in Mari. The semantics of such sentences is determined not only by the lexical composition of the scheme, but primarily by its permanent components, as well as by micro- or macrocontext, consituation and intonation. We have four models of Mari phraseologized constructions to express the subjective-modal meaning of accentuation. **Conclusion.** Syntactic phraseology of accentuation reveals a wide range of both positive and negative emotional reactions of the speaker (writer). The range of emotions expressed by syntactic emphatic phraseological units ranges from satisfaction and joy to dissatisfaction, indignation, resentment, annoyance and disappointment. The use in written and spoken language of these structures is an indicator of such subjective-modal meanings as confidence in one's own right, conviction, a desire to convince the interlocutor or to attract his/her attention.

Key words: Mari language; syntactic phraseology; structure; semantics; functions.

REFERENCES

Arban N. U muro: komedij = Novaja pesnja: komedija [New Song: Comedy]. *Kugu tolkyn: marij dramaturgij antologij = Bol'shaja volna: antologija marijskoj dramaturgii* [Big Wave: Anthology of Mari Dramaturgy]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, pp. 163-214. (In Mari).

Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom jazyke [Complex sentence in modern Russian]. Moscow, Prosveshhenie, 1967, 160 p. (In Russian).

Velichko A.V. Sintaksicheskaja frazeologija dlja russkih i inostrancev: uchebnoe posobie [Syntax phraseology for Russians and foreigners]. Moscow, 1996, 96 p. (In Russian).

Gak V.K. Sintaksis emocij i ocenok [Syntax of emotions and evaluation]. *Funktional'naja semantika: ocenka, ekspressivnost', modal'nost'* [Functional semantics: evaluation, expressiveness, modality]. Moscow, 1996, pp. 20-30. (In Russian).

Kruchinina I.N. Sintaksis razgovornoj rechi [Spoken language syntax]. *Russkaja rech'* [Spoken Russian], 1968, no. 1, pp. 56-60. (In Russian).

Melikjan V.Ju. Ocherki po sintaksisu nechlenimogo predlozhenija: uchebnoe posobie [Essays on the Syntax of the Indivisible Sentence]. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo Rostovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2001, 136 p. (In Russian).

Murzashvili A. Töldó: roman [Töldó: novel]. *Onchyko* [Onchyko], 1999, no. 9, pp. 4-39. (In Mari).

Repertuar sbornik: p'esa den scenarij-vlak = Sbornik repertuara: p'esy i scenarij [Repertoire: plays and screenplays]. Yoshkar-Ola, Knigam lukshe marij izdatel'stvo, 1977, 140 p. (In Mari).

Russkaja grammatika: v 2-h t. [Russian Grammar: in 2 vol.]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 2, pp. 214-237. (In Russian).

Shvedova N.Ju. O nekotoryh tipah frazeologizirovannyh konstrukcij v stroe russkoj razgovornoj rechi [About some types of phraseologized constructions in Russian spoken language]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1958, no. 2, pp. 93-100. (In Russian).

Shvedova N.Ju. Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi [Essays on the syntax of Russian spoken language]. Moscow, Azbukovnik, 2003, 378 p. (In Russian).

Shmelev D.N. Ekspressivno-ironicheskoe vyrazhenie otricanija i otricatel'noj ocenki v sovremennom russkom jazyke [Expressive-ironic expression of negation and negation in modern Russian]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1958, no. 6, pp. 63-75. (In Russian).

Shmelev D.N. O «svjazannyh sintaksicheskikh konstrukcijah» v russkom jazyke [About «related syntax constructions» in Russian]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1960, no. 5, pp. 47-60. (In Russian).

Абукаева Любовь Алексеевна

доктор филологических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva

Doctor of Philology, Chief Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 811.511.151+394.3

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-12-30

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ НАЗВАНИЙ ИГР В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2023 г. М.А. Ключева

Введение. Объект исследования – марийские народные игры, предмет исследования – их названия в разных диалектах марийского языка. **Цель** – выявить и описать основные морфологические модели названий игр в марийском языке. **Материалы и методы.** Исследование проводится на основе фундаментального корпуса данных «Марийские народные игры» [МНИ, 2016–2022]. Основные методы исследования – описательный, структурный, сравнительного сопоставления, а также корпусный метод работы с источниками и метод картографирования данных. **Результаты исследования, обсуждения.** Выявлены следующие основные морфологические модели названий игр в марийском языке: существительное в номинативе, с послелогом *дене*, с аффиксом *-ла* (*-lä*); глагольная основа с суффиксом деепричастия *-ын* (*-ĭn*, *-en*), с суффиксом деепричастия *-мыла* (*-mĭlä*). Обнаружена тождественность марийских и чувашских формантов в названиях игр: для отыменных форм – это суффикс *-ла* (*-lä*) ~ чув. *-ла* (*-le*); для глагольных – *-мыла* (*-mĭlä*) ~ чув. *-малла* (*-melle*), – что указывает на глубокие связи марийского и чувашского языков и фольклора. Определяются логические соответствия в финно-угорских языках и русских диалектах в форме с послелогом *дене*, имеющей в марийских названиях игр значение инструмента. Выявляются и картографируются два ареала для основных морфологических моделей в марийских названиях игр: западно-южный (со структурами, изоморфными чувашским) и восточно-северный (марийско-пермский). **Заключение.** В игровой лексике, морфологии названий игр отражается сложная история взаимодействий мари с тюркскими племенами. Морфологические модели восточно-северного ареала – исконные, финно-угорского происхождения, а модели западно-южного ареала определяются более поздними тюркскими влияниями (прежде всего чувашского языка). Картографирование данных игрового фольклора позволяет буквально по деревням очертить зоны определенных контактов, сложного этногенеза отдельных локальных групп мари, что указывает на значительный эвристический потенциал традиционной игровой культуры для исследований в области этнологии, истории и языкознания.

Ключевые слова: Урало-Поволжье; финно-угорские языки; тюркские языки; марийский язык; симилятив; деепричастия; народные игры; марийская игровая лексика; названия игр; языковые контакты.

Введение

В статье рассматриваются марийские игры преследования, в которых водящий или водящие догоняют, ловят, ищут разбегающихся игроков (догонялки, жмурки, прятки). Предмет исследования – их названия, а именно: типология названий игр на уровне морфологических моделей.

Цель статьи – выявить и описать основные модели словообразования при наименовании игр в марийском языке и словоизменительные формы, которые приобретает игровая лексема, выступающая в качестве названия игры.

Материалы и методы

Для выявления подобных моделей наиболее репрезентативны игры преследования (догонялки, жмурки, прятки) как самые многочисленные и распространенные в игровом репертуаре детей. Материал исследования – описания игр в корпусе данных (рукописи) «Марийские народные

игры» серии «Свод марийского фольклора». В этом источнике содержится около 418 записей игр преследования, сделанных у различных этнографических групп мари за период с 1864 по 2022 г., в том числе 235 записей догонялок, 56 – жмурок, 126 – прятки [МНИ 2022, № 794–1211]. При цитировании сохраняется оригинальная орфография. Среди разновидностей догонялок – горелки, догонялки простые и с различными дополнительными условиями, в хороводе, один на один, командные, сюжетные догонялки типа «горшки», «коршун», «краски», «война», с мотивом воровства и пр. За вычетом одноименных игр, игр без марийского названия и игр из не вполне достоверных популярных изданий ядро материала исследования составляют 132 марийских названия игр типа догонялок. Также рассматриваются отыменные наименования игр в жмурки и отглагольные наименования игр в прятки. Учитываются сопоставительные данные родственных и контактных языков Урало-Поволжья (удмуртского, коми, мордовских, чувашского, татарского, русского) и др. Общие принципы и логические модели образования названий игр в целом едины для игр различных типов. Исследование основывается на общенаучных и частных методах лингвистики: описательном, структурном, сравнительного сопоставления, а также корпусном методе работы с источниками и методе картографирования данных.

Результаты исследования, обсуждения

В качестве названия игры всегда выступают слова, имеющие непосредственное отношение к игре (игровая лексика): названия ролей, предметов игры, локусов, выкрики или приговорки, которые звучат в игре и т.п. Народное название игры маркирует самый важный, яркий момент игрового действия. Ранее на материале русской игровой терминологии было установлено, что названия игр бывают двух основных типов: 1) названия-термины – когда в качестве названий игр выступают слова, означающие один из элементов структуры игры (наименование персонажа, предмета, локуса, действия и т.п.); 2) названия-цитаты – когда в качестве названия игры выступает слово или фраза, звучащая в игре [Ключева, 2007, с. 77–88; 2018, с. 55–70]. Эти же логические группы обнаруживаем и на марийском материале [Ключева, 2019, с. 136–150]. Примеры названий-терминов по имени персонажа-водящего: *Вувер дене* ‘В ведьму’ [МНИ, № 977, 1094, 1178], *Соқыр тагала* ‘В слепого барана’ [МНИ, № 944 и др.]; по предмету игры: *Ўштö* ‘Ремень’ [МНИ, № 1877], *Лу панга* ‘Деревянные шары’ [МНИ, № 1508], *Шакляка* ‘Костяшки’ [МНИ, № 1415], *Курчак* ‘Куклы (букв. кукла)’ [МНИ, № 1137, 1744, 2250–2263]; по локусу: *Черта дене* ‘Классики (букв. чертою)’ [МНИ, № 1615–1617, 1623–1624, 1625–1631], *Ола йыр* ‘Вокруг города’ [МНИ, № 1218], *Чес пöрт* ‘Дом угощений’ [МНИ, № 2177, 2190, 2191, 2195]; по действию: *Туп перен (пералтен)* ‘В удары по спине’ [МНИ, № 1149, 1150], *Шушкен коштмаш* ‘Ходить и свистеть (букв. присвистывая хождение)’ [МНИ, № 2598], *Шылмыла ~ Шблмблӓ* ‘В прятки’ [МНИ, № 800, 818, и др.] и т.д. Примеры марийских названий игр типа цитат: *А ма просым үдена-үдена* ‘А мы просо сеем, сеем’ (по словам песни, которая звучит в хороводной игре) [МНИ, № 2050, 2051], *Ильшет сай?* ‘Как жизнь?’ (по вопросу, который задает водящий в посиделочной игре) [МНИ, № 1865], *Шöргаш, төргалт* ‘Колечко, выпрыгни’ (по реплике водящего в игре в колечко) [МНИ, № 1835], *Кырген-кырген (Йырген-йырген) татарин / Кыргызым-киргызым татарин* (по начальной фразе в диалоге двух команд в игре типа цепи разрывные) [МНИ, № 1722, 1713], *Чокам-чокам по бокам* (по приговорке в наказании в игре с мячом) [МНИ, № 1214], *Митули, Клёк (Клө-клө)* (по сигнальным возгласам в играх с палками) [МНИ, № 1409, 1471; 1406, 1408, 1417–1423], *Шаиатура, Вур-вур* (по возгласам-чураниям в прятках) [МНИ, № 846, 844] и т.п.

В качестве названий-терминов¹ выступают лексико-морфологические конструкции двух основных типов: а) именные конструкции, означающие определенный элемент игры; б) отглагольные формы, означающие действие, совершаемое в игре. К обозначенным морфологическим конструкциям (названиям игр) часто (но не обязательно) добавляются слово «игра» (мар. *модыш*, *модмо*, *модмаш*) либо глагол «играть» в инфинитиве (*модаш*) или в форме 1-го или 3-го л.

¹ В данной статье названия-цитаты специально не рассматриваются, но с точки зрения морфологии они дают те же формы, что и названия-термины (именные конструкции).

мн. ч. (настоящего или 2-го прошедшего времени), например, *шылын модмаш*, *шылын модмо*, *шылын модаш* ‘игра (играть) в прятки’, *Маска-кѡвала модаш* ‘играть в Медведя-бабушку’ и т.п.²

Рассмотрим обозначенные типы названий подробнее, начиная с отыменных названий-терминов.

§ 1. Название игры – существительное, означающее персонажа, реже – предмет, локус, действие, общий сюжет игры (по данным игр в догонялки [МНИ, № 976–1211]):

– в номинативе: *Майра* ‘Марья’, *колдун* ‘колдун’, *вувер* ‘ведьма’, *юго* ‘наследник’, *тумна* ‘сова’, *шоншо* ‘еж’, *вараиш* ‘ястреб’, *кайыккомбо* ‘дикие гуси’, *маска* ‘медведь’, *пионер* ‘пионер’, *когарши* ‘огорельш’³, *огырельши* ‘огорельш’, *тулвуй* ‘головешка (горелки)’, *курчак* ‘кукла’, *ѳмбал* ‘сметана’, *ковышта* ‘капуста’, *чия* ‘краски’, *солык* ‘платок’, *шовыч* ‘платок’, *онго* ‘кольцо’, *поктымаиш* ‘догонялки’, *поктылмаиш* ‘то же’, *зорница* ‘зарница’, асемантические *ѳвѳк*, *карта*, *чамыра*⁴;

– с аффиксом *-ла*: *марьяла* ‘в Марью’, *утыла* ‘в лишнего’, *тулвуйла* ‘в головешку (горелки)’, *ʃjɔlə-ʃla* (*ʃjɔlə-kʃla*) ‘в огорельша’, *ʃjɔlə-kʃla* ‘то же’, *колдунла* ‘в колдуна (колдунью)’, *вуверла* ‘в ведьму’, *уверла* ‘в ведьму’, *каляла* ‘в мышек’, *комбыла* ‘в гусей’, *партизанла* ‘в партизан’, *чияла* ‘в краски’, *кагакла* ‘в крючки’; *ѳвѳклѳ* ‘в авык (догонялки)’, *лапашила* ‘в похлебку’, *паиштенгыла* ‘в последнего’, *уголла* ‘в углы’; *войнала* ‘в войну’, *сарла* ‘в войну’, *зарницыла* ‘в зарницу’;

– с послелогом *дене* ‘с’ (в значении образа действия, соответствует инструменталу): *менге дене* ‘в столбы (букв. столбом)’, *вувер ден*⁵ ‘в ведьму (букв. ведьмою, ведьмой)’, *тулвуй ден* ‘в горелки (букв. головешкою, головешкой)’, *гонялка дене* ‘в (до)гонялки (букв. гонялкою, гонялкой)’, *пограничник дене* ‘в пограничников (букв. пограничниками)’, *шпион дене* ‘в шпионов (букв. шпионами)’; *карта панга дене* ‘в рюхи (букв. рюхами)’, *кандра дене* ‘в веревку (букв. веревкой)’; *война дене* ‘в войну (букв. войною)’;

– с послелогом *лийын* (< деепричастие *лийын* от глагола *лияиш* ‘быть, становиться’) также в значении инструментала: *маска лийын* ‘в медведя (букв. становясь (став, будучи) медведем)’, *комбо лийын* ‘в гусей (букв. становясь гусями)’. Данная конструкция – редкая, на весь объем «Свода марийских народных игр», насчитывающего тысячи наименований игр различного типа,

² Редкая, лишь дважды встретившаяся конструкция – присоединение к названию игры тавтологического оборота из причастия (*модмо* ‘играемое’) и существительного (*модыиш* ‘игра’): *комбыла модмо модыиш* ‘в гусей играемая игра’ [МНИ, № 1101], *оза кува ден пырысла модмо модыиш* ‘в хозяйку и кошку играемая игра’ [МНИ, № 1117]. Обе записи сделаны в 1976 году студентами-практикантами в Кужмаринском с/с Советского р-на Марийской АССР.

³ Словарное значение слова *когарши* – ‘моль’ [Словарь марийского языка, 1992, с. 362], однако учитывая, что речь идет об игре в горелки и то, что названия насекомых совершенно не характерны для лексики марийских народных игр, слово *когарши* здесь скорее специфическое диалектное производное от глагольной основы **когар-*, ср. *когартаиш* ‘обжигать’, *когаргаиш* ‘обжигаться’, *когар* ‘гарь’.

⁴ Асемантическое *ѳвѳк* бытует только в горном наречии как возглас в игре и одновременно как наименование задетого игрока (водящего). Как и удмуртское *абак* является, по-видимому, тюркским заимствованием, ср. чув. *епек* [эбэк] ‘неизвестное слово в игре, когда один хлопает другого, произнося это слово’ [Ашмарин, 1994, с. 20 (22)]; тат. *эбэк* игра вдогонки: догнавший ударяет догоняемого ладонью, говорит *эбэк!* и убегает, теперь должен догонять ударенный [Ахметьянов, 2015, с. 121]. Об этимологии слова см. [Древнетюркский словарь, 1969, с. 189; Федотов, 1996 б, т. 1, с. 25; Ахметьянов, 2015, с. 180; Гордеев, 1979, с. 42; Вершинин, 2017, с. 55; Ключева, 2023а, с. 173–174].

Карта и *чамыра* – слова, которыми называют замерзшие комки конского навоза или деревянные обрубки, которые пинают в ходе игры (водящий охраняет – игроки расхищают). Т.е. в игре это предметные термины. Этимология этих слов определенно тюркская: *чамыра* – от чув. *чѳмѳр* ‘шарик’; *карта* < *карта панга* (более полное название игры) < *карта* ‘сычуг’ + *панга* ‘комок’ < тат. *карта* ‘толстая кишка у лошади’ (т.е. наименование *карта панга*, означающее замерзший кал животного, переводится как ‘кишечный комок’). В архивных источниках есть аналогичное (от названия кишки) народное объяснение слова *карта*: *Карта шомакше туиеш лектеш. Имне кудалма годым мѳшкырысе ик шолжо мура: йок-йок-йок! манеш. Ожын, алашан тыге мура. Тудым «карта» маныт. Тудо мутым «карта панга» модмаишкат пуртеныт.* ‘Слово карта вот откуда происходит. Когда лошадь едет, в животе одна кишка у нее поет: йок-йок-йок! У жеребцов, меринов так поет. Ее «карта» называют. Это слово и в игру «карта панга» ввели’ (Зап. В.А. Аккорин в 1972 году в с. Старый Торъял Нотворьяльского р-на Марийской АССР, инф. Гаврила Игнатъевич Пушкин, 1907 г.р.) [МФЭ-72 № 87, с. 82–83].

О татарском *карта* см. [Исанбаев, 1994, с. 68], о чув. *чѳмѳр* – [Федотов, 1996 б, т. 2, с. 402].

⁵ Достаточно часто послелог *дене* фиксируется в источниках в разговорной редуцированной форме *ден*.

встречается всего четыре раза, причем три случая из них – записи одного и того же исследователя – В.М. Мамаева в д. Мустаево Сернурского р-на Марийской АССР и ее окрестностях (1963 г.)⁶;

– с послелогом *гай* ‘как’ в названиях отдельных игр в речи одного информанта (1987 г.р., с. Кужмара Звениговского р-на РМЭ, зап. в сентябре 2023 г.): *потак гай* ‘в догонялки (букв. как догонялки)’, *театр гай* ‘в театр (букв. как театр)’, при том, что в остальных случаях в названиях игр этот информант систематически использует типичную для его диалекта форму с аффиксом *-ла*, например, *светофорла* ‘в светофор’;

– с аффиксом датива *-лан*, с аффиксом аккузатива *-ым* (единичные случаи, зафиксированные нами в потоке речи у уроженки с. Сарлатово Горномарийского р-на РМЭ, 1948 г.р., при том, что этот информант обычно систематически использует конструкцию с аффиксом *-ла*, например, *лаптала* ‘в лапту’): *айда лапталан мадаш кенä* ‘айда пойдем играть в лапту’ [МНИ, № 1324]; [об игре в чижа – ответ на вопрос собирателя, играют ли в нее взрослые:] *Уке. Когораквлäжбi мам техень мадышым мадыт? Лапталан, коговлä лапта дон мадыныт* ‘Нет. Те, кто постарше-то, зачем будут играть в такую игру (букв. играть такую игру)? В лапту (букв. для лапты), старшие в лапту (букв. с лаптой) играли’ [МНИ, № 1380]. В отношении аккузатива (*техень мадышым мадыт* ‘такую игру играют’) отметим, что в целом ряде языков отыменное название игры представляет собой прямое дополнение, например, фраза «играть в футбол» – тат. *футбол уйнау*, тур. *Futbol oynamak*, англ. *to play football*, нем. *Fußball spielen*.

Помимо единичных существительных в качестве названий игр могут выступать словосочетания (в аналогичных падежных формах и конструкциях с послелогом):

– определение + существительное, например: *тулык менге* ‘одинокий столб’, *покиел менге* ‘срединный столб’, *пар-менге* ‘парный столб (столбы)’, *шүчан омарта* ‘закоптелый столб’, *шолы коти* ‘кот-ворюга’, *шүжер ленеж* ‘молочные горшки’, *үмбал көриок* ‘сливочные горшки’, *военный игра* ‘военная игра’; *ший менгыла* ‘в серебряный столб (столбы)’;

– прямое дополнение + существительное, производное от переходного глагола, означающее действие, например: *имэ күнчымäш* ‘выкапывание иголки’, *чия пумаиш* ‘раздача красок’;

– два существительных, соединенных союзом *ден* ‘и’, означающих персонажей игры (названия противоположных ролей), например: *вараи ден чывиге-влак* ‘ястреб и цыплята’, *ур ден пий* ‘белка (белки) и собака’, *рывыж ден ур* ‘лиса (лисы) и белка (белки)’, *пырыс ден коля* ‘кошка и мышка’, *йүд ден кече* ‘день и ночь’; *ур ден пийла* ‘в белку (в белок) и собаку’, *кышке ден доктырла* ‘в змею и доктора’, *оза кува ден пырысла* ‘в хозяйку и кошку’, *коля ден пырысла* ‘в мышку и кошку’ и т.п.

Близка по смыслу конструкция из двух существительных без соединительного союза, например: *шпион-пограничник* ‘шпионы-пограничники’, аналогичная русским названиям игр типа *казаки-разбойники*, *кошки-мышки*. Внешне изоморфными представляются названия *панга-кыл* ‘палочки-веревка’, *шүшер-үмбалла* ‘в молочное (букв. в молоко-сметану)’, но семантика здесь несколько иная: не название противоположных ролей, а собирательная, как в характерных для марийского языка сложных словах типа *тувыр-йолаш* ‘одежда (букв. рубашки-штаны), *күмыж-совла* ‘посуда (букв. плошки-ложки)’;

– названия из двух слов, включающие асемантическую лексику: *чамыра панга* ‘чамыра комки’, *абмак тулык* ‘абмак одинокий (сирота, вдовец, вдова)’. В этих названиях первое слово – асемантическое и, скорее всего, является повтором второго слова, но на другом языке. О чувашско-марийском *чамыра панга* см. выше (в сноске 4). В выражении *абмак тулык* первое слово, возможно, происходит от татарского диалектного *апмак*, *апмак* ‘тетушка’, второе – *тулык* ‘сирота, вдова, вдовец’ (марийское слово, также являющееся тюркизмом), т.е. общий смысл названия игры – «тетушка-вдовушка». Ср. рус. нижегородское *вдовки* ‘название игры в горелки’, *вдова* – водящий в этой игре [Кудрявцев, 1871, с. 183]⁷.

⁶ Кроме догонялок, два образца такой конструкции в названиях игр в жмурки: *so-kəŋ taŋa·lin todəna* ‘букв. играем слепым бараном’ (с. Морки, зап. В. Поркка в 1885 г.) [МНИ, № 937], *сокыр тага лийын модмаиш* ‘букв. игра слепым бараном’ (Сернурской р-н, зап. В.М. Мамаев в 1963 г.) [МНИ, № 943].

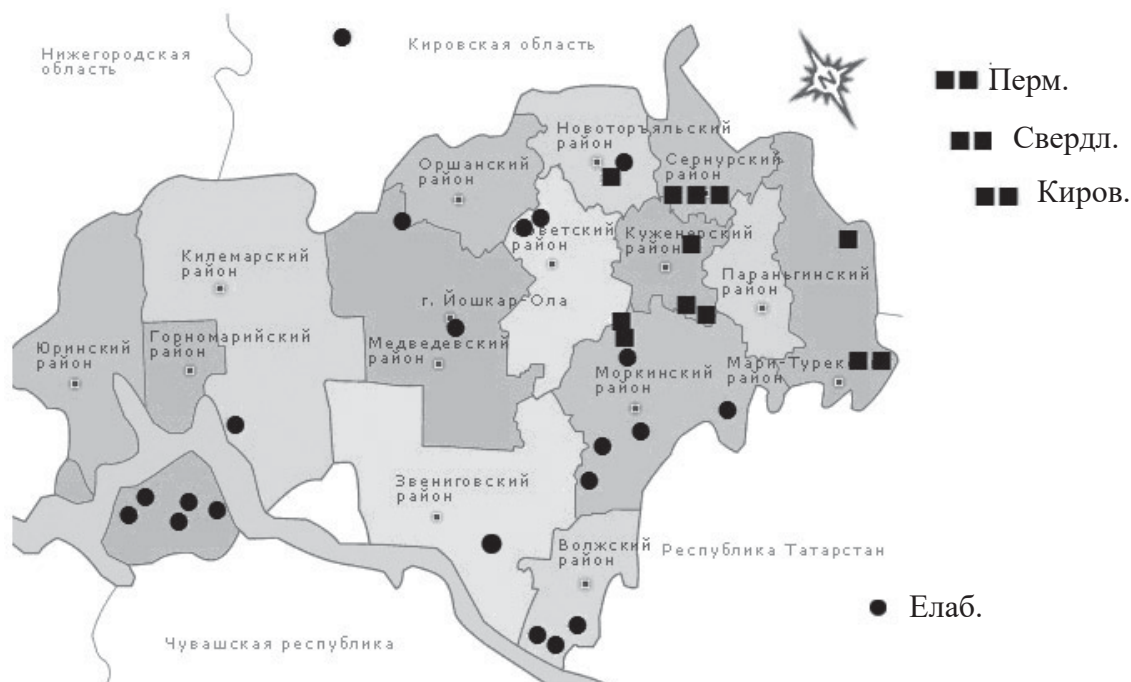
⁷ К иной гипотезе объяснения слова *абмак* в названии марийских горелок ср. тюрк. *äpmäk* ‘хлеб’ [Радлов, 1893, с. 925], то же *епмек*, древнее слово, зафиксированное у огузов М. Кашгарским [Севорьян, 1974, с. 254–255], при том, что горелки у украинцев называются *хлибчик* ‘хлебце’ (Купянский уезд Харьковской губернии) [Игры народов СССР, 1933, с. 385, № 942].

Заметим, что для марийских названий игр совершенно не характерно применение суффиксов множественного числа (*-влак*, *-шамыч*, мар. Г *-влӓ* и т.п.). Пример использования *-влак* в корпусе достоверных источников буквально единичен: *вараш ден чывиге-влак* ‘ястреб и цыплята’. Перевод персонажных, предметных терминов в единственном или множественном числе определяется контекстом – описанием игры, например: *рывыж ден ур* – ‘лисы и белки’, а не ‘лиса и белка’, поскольку в описании игры четко сообщается, что игроки делятся на две команды – «лисы» и «белок». Отсутствие показателей плентизации – наследие древней грамматики марийского языка, ее специфическая черта. В современном литературном марийском избыточное применение суффиксов плентизации зачастую является маркером калькирования фраз и выражений с русского.

Номинативы в названиях игр являются своего рода «неопределенной формой»; в контексте они переходят в одну из указанных косвенных форм, но последние не всегда фиксируются собирателями, что является упущением на уровне методики и практики полевого сбора игр, игровой лексики.

Основными косвенными формами, которые принимают существительные в названиях игр, являются две конструкции: на *-ла* и с послелогом *дене*, причем они разведены территориально. По материалам названий игр в догонялки, для горных, северо-западных и большей части луговых мари (волжский, йошкар-олинский говор, южные и западные подговоры моркинско-сернурского говора), а также для елабужских мари (Татарстан, Удмуртия) характерно *-ла* (*-лӓ*) в названиях игр, тогда как у абсолютно большей части восточных мари (в частности, по имеющимся фиксациям, у уржумских, суксунских, башкирских) и у северо-восточных групп луговых мари (Сернурский, Куженерский⁸, Параньгинский, Мари-Турекский р-ны РМЭ – северо-восточные подговоры моркинско-сернурского говора) показатель *-ла* в названиях игр практически не используется, вместо него употребляется конструкция с *дене*.

Карта 1: Названия игр в догонялки на *-ла* (●) / с *дене* (■)

(На этой и других картах отмечаются данные [МНИ].)

⁸ Помимо данных [МНИ], наша работа с носителем языка из д. Аганур Куженерского р-на, 1958 г.р., показала, что и на юге Куженерского р-на используется аффикс *-ла* в названиях игр вместо послелога *дене*, т.е. зона смешения двух моделей охватывает не только Моркинский, но и Куженерский р-н. Вместе с тем в настоящее время на показания носителей может воздействовать литературная норма, закрепляющая как синонимичные оба варианта.

Отыменные наименования игр в **жмурки** также выступают в форме с аффиксом *-ла* либо с послелогом *ден(е)* 'с' (по данным [МНИ, № 923–969]):

– мар. СЗ и йошк. *маска-кӱвала* 'в Медведя-бабушку' (д. Отюково Яранского у. Вятской губ., д. Солоял Пижанского р-на Кировской обл., д. Туршемучаш Медведевского р-на, д. Шудасола Советского р-на РМЭ);

– мар. Г *уверла ~ увӱрӱлӱ ~ уврелӱ ~ пӱрӱла* 'в упыря' (д. Высоково, Шиндыръялы, Большой Серманангер, Сарлатово, Апшак-Пеляк, с. Кузнецово Горномарийского р-на РМЭ);

– мар. Л *каза тагала* 'в козла'⁹ (д. Верхний Регеж Куженерского р-на РМЭ);

– мар. Л волж. *уголла* 'в углы' (д. Малые Параты Волжского р-на РМЭ);

– мар. Л и мар. В *сокыр тагала* (д. Кожлаер, с. Малый Кулеял Моркинского р-на, д. Колокуда Советского р-на, д. Ахматенер Сернурского р-на, Волжский р-н РМЭ (≈ с. Помары), с. Ильнеть Менделеевского р-на Республики Татарстан, с. Юва Свердловской обл.);

– мар. Л и мар. В *сокыр тага ден(е)* 'в слепого барана' (д. Баймурзино Мишкинского р-на Республики Башкортостан, с. Старобухарово Нижнесергинского р-на Свердловской обл., д. Папанино Моркинского р-на РМЭ);

– мар. Л *кара дене* 'в кара (черного)' (с. Юледур Советского р-на РМЭ);

– мар. В *сокыр мака дене* 'в слепца' (д. Старый Ноньгерь Малмыжского р-на Кировской обл.).

При картографировании этих наименований также видим в целом два ареала: западный (с *-ла*) и восточный (с *дене*).

Карта 2. Названия игр в жмурки на *-ла* (●) / с *дене* (■)

В названиях игр в жмурки в диалектах мар. СЗ, мар. Г и в западных говорах мар. Л (йошкар-олинском и волжском) – только формы на *-ла*. В моркинско-сернурском говоре мар. Л также преобладают формы на *-ла*, однако в Моркинском и Советском р-нах есть по одной фиксации формы с *ден(е)*, т.е. в этом говоре лугового наречия присутствуют обе морфологические модели

⁹ В источнике у марийского писателя В.М. Регеж-Горохова слово записано слитно (*казатагала*) и дан перевод «в слепого козла».

(зона смешения, как показал и материал наименований игр в догонялки). В восточном же наречии у елабужских мари (Татарстан и Удмуртия) игра в жмурки называется *сокыр тагала* (т.е. западная морфологическая модель). Также в с. Юва Красноуфимского р-на Свердловской области вместо ожидаемого *сокыр тага дене* – наименование западного типа *сокыр тагала* в единственной записи собирателей-студентов [МНИ, № 944]. В остальных фиксациях Кировской, Свердловской областей и Мишкинского р-на Башкортостана (мар. В) – восточная морфологическая модель с послелогом *дене*. Аффикс *-ла* в названиях игр свердловских и пермских мари не фиксируется на всем материале [МНИ], т.е. не только в играх преследования, но и в играх всех прочих типов, что может указывать на сомнительность записи *сокыр тагала* в с. Юва [МНИ, № 944].

Таким образом, данные по отыменным названиям игр в догонялки и жмурки вполне коррелируют. Обобщая, делаем вывод, что переходной зоной между западной и восточной морфологическими моделями (зап. *-ла* / вост. *дене*) является ареал моркинско-сернурского говора (Моркинский, Советский, Новоторъяльский, Куженерский р-ны и в единичной фиксации даже север Сернурского р-на РМЭ). Для елабужского говора, несмотря на то что он относится к восточному наречию, характерна морфологическая модель западного типа (названия на *-ла*).

Рассмотрим семантику и происхождение аффикса *-ла* и послелога *дене* в названиях игр.

Суффикс *-ла* (*-lä*) в марийском языке обычно определяется как суффикс сравнительного падежа (симилятив) и как производный от него наречный суффикс с компаративным (сравнительным) значением [Галкин, 1964, с. 28–30; 1966, с. 138]. О. Викстрём определяет конструкцию {существительное с показателем *-ла* (*-lä*) + глагол} как модальную [2011, с. 200–202]¹⁰. При основной сравнительной семантике исходное значение этого аффикса реконструируется как общевнешне-направительное, происхождение – финно-угорское, от древней формы аллатива на *-*la* (*-*le*) [Галкин, 1964, с. 28–30]. Процесс трансформации древнего направительного значения в сравнительное объясняется следующим образом: «Очевидно, в древности марийские слова *марла ойлаш* ‘говорить по-марийски’, *чувашла ойлаш* ‘говорить по-чувашки’ значили ‘говорить в марийца, в чуваша’, затем это значение стало пониматься как ‘говорить наподобие марийца, чуваша» [Галкин, 1964, с. 30]. Интересно, что при переводе на русский язык названий марийских игр на *-ла* возвращается исходная направительная семантика и соответствующая формулировка: *комбыла* ‘в гусей’, но не ‘как гуси’. Она тем более отчетлива, если учитывать, что аффикс *-ла* применяется не только с персонажными терминами, для которых сравнительная семантика вполне логична (например: *вуверла* ‘как ведьма’), но и с предметными, локативными и пр., например: *мячла* ‘в мяч’, *лаптала* ‘в лапту’, *уголла* ‘в углы’, *лула* ‘в десятки’ [Ключева, 2014а, с. 147, 109, 84, 147], для которых сомнительны смысловые переводы в роде: ‘как мяч’, ‘как лапта’, ‘как углы’, ‘как десятки’. Семантика места в формулировках, означающих названия игр, наблюдается и в других языках, например, как уже видно по переводам, иллативное значение в русском: (играть как? / во что? в кого?) *в прятки*, *в коришуна*, *в лапту*, *в мяч*, *в десятки* и пр. Подобные названия изоморфны русским наречиям образа действия: *вприпрыжку*, *вдогонку*, *вправду*, *вслух* и т.п. В мордовских языках (эрзянском) в названиях игр к существительным добавляется аффикс *-со* (*-сэ*) инессива (вопрос «как?» / «в чем?»), например: *чеернесэ* ‘в мышку (букв. в мышке)’, *чушкасо* ‘в чушки (букв. в чушке)’, *кекшнемнесэ* ‘в прятки (букв. в прятке)’ [Брыжинский 2009, 156, 47, 81]. (В мокшанском соответствующий суффикс инессива – *-са*.) Весьма своеобразны формы исходного падежа в названиях игр в коми языке, например: *лаптаысь* ‘в лапту (букв. из лапты)’, *гораньысь* ‘в горань, стряпуху (букв. из гораня, из стряпухи)’, *дзбсясьёмьысь* ‘в прятки (букв. из прятки)’¹¹. Как видим, использование разного рода местных падежей (направительного, местного, исходного) является достаточно типичным для названий игр. Это указывает на типичность восприятия игры как особого пространства и времени, в которое «входит» играющий.

¹⁰ Из современных исследований о полисемии марийского суффикса симилятива *-ла* см. также [Синицына, 2019; 2021].

¹¹ Благодарим коми фольклориста А.Н. Рассыхаева за указание на этот любопытный языковой факт, а также лингвистов Е.В. Кашкина за уточнение переводов эрзянских названий игр, А.В. Савельева и А.С. Федоринчика за консультации по морфологии чувашского языка.

Важно, что идентичный марийскому *-ла* и по форме, и по семантике аффикс *-ла (-ле)* присутствует в чувашских названиях игр, например: *патшалла* ‘в царьки’, *тутӓрла* ‘в платочек’, *сич утӓмла* ‘в семь шагов’ [Ягодова, Махалова, 2005, с. 132]. И эта морфологическая модель для названий игр – общечувашская. По своей синтаксической функции чувашские названия игр определяются как наречия со сравнительным значением. Чувашский наречный суффикс *-ла (-ле)* предположительно считается тюркским, имеет временное значение (например: *сӓрле* ‘ночью’ < *сӓр* ‘ночь’), сравнительно-уподобительное, иногда сравнительно-разделительное [Левитская, 1976, с. 114–115]. (Там же представлены соответствия ему в тюркских языках.) При имеющейся тюркской этимологии чувашского сравнительного суффикса *-ла* и вполне убедительной финно-угорской этимологии соответствующего марийского все же трудно избежать сомнений в их гетерогенном происхождении. Разумной представляется гипотеза об их генетическом родстве, и встает вопрос о направлении заимствования. О противоположных решениях этого вопроса в лингвистической литературе см. [Федотов, 1996 а, с. 79–81]. На наш взгляд, в марийском языке следует развести факт бытования названий игр на *-ла* и происхождение падежной и наречной формы на *-ла*. Вторые имеют общемарийское распространение, тогда как названия игр на *-ла* фиксируются преимущественно в диалектах южных и западных, испытавших максимальное чувашское (и татарское) воздействие, в том числе на уровне лексики игры, тогда как для северо-восточных и восточных диалектов марийского языка такая структура совершенно не характерна. Отсюда делаем вывод, что функционирование названий марийских игр на *-ла* в марийских диалектах, преимущественно контактных с тюркскими языками, определяется чувашским влиянием. При этом не ставится под сомнение финно-угорское происхождение марийских наречий и падежных форм на *-ла*. Ср. финское *pelata pallolla* ‘играть с мячом’ (слово *pallo* ‘мяч’ в адессиве), *pelata palloa* ‘играть в мяч’ (слово *pallo* ‘мяч’ в партитиве). В свою очередь, чувашские сравнительные наречия на *-ла* могут являться результатом контаминации тюркской и марийско-пермской моделей (реликты финно-угорского направительного *л*-ового суффикса есть, помимо марийского языка, в удмуртском и коми). Во всяком случае, в чувашском не исключается генетическая связь форманта *-ла* наречий, выражающих подобие, сравнение, с аффиксом направительного падежа *-лла (-лле)* и финно-угорское происхождение последнего [Левитская, 1976, с. 26]. С другой стороны, отметим, что названия на *-ле* характерны для татарских игр и этот аффикс в татарском является суффиксом атрибутива (отыменного прилагательного), например: *ӓбӓкле уйнау* ‘игра в пятнашки (салки)’ [Татарско-русский словарь, 2002, с. 437], букв. ‘догонялочная (абыковая) игра’, ср. мар. *Гӓвӓкӓлӓ мадмаш* ‘игра в авык (догонялки)’.

Конструкция с послелогом *дене* ‘с (кем, чем)’ в наименованиях игр является чисто марийской. Интересно, что этимологически у марийского послелога *дене* ‘с’, как и у аффикса *-ла*, усматривается локативная семантика: «послелог *дене* ‘с’ представляет собой древнюю локативную форму какого-то имени, ср. диал. *терне* ‘дома’, *терке* ‘домой’, *деке* ‘к’, *деч* ‘от’, *тоны* ‘дома’, *токы* ‘домой’, *докы* ‘к’» [Галкин, 1964, с. 179]. Семантика выражений с *дене* – инструментальная, как видно по приведенным выше примерам, таким как *вувер дене* ‘ведьмою’. Логически им соответствуют названия игр в финно-пермских языках в форме существительных в творительном падеже (инструментале) – с аффиксом *-ен* (в удмуртском) и *-ӓн* (в коми), отвечающие на вопрос «как» и «чем? / кем?» Например, в удмуртском: *сьӓд кионӓн* ‘в черного волка (букв. черным волком)’, *лаптаен* ‘в лапту (букв. лаптой)’, *судӓн* ‘в суд (букв. судом)’, *сӓреген* ‘в угол (букв. углом)’ и т.п. [Долганова, Морозов, 2002, с. 279, 256, 268, 269]; в коми: *мачӓн* ‘в мяч (букв. мячом)’, *гораньӓн* ‘в жмурки (букв. горанем, стряпухой)’ [Безносилова, 2009, с. 161, 102]. Аналогичная конструкция есть и в русском языке как устаревшая диалектная, например, игры: *чижом*, *слепым петухом*, *горячей сковородой*, *горицуном*, *костромой*, *чугунной жопой* (Казан., 1894), *лактотой*, *пирогом*, *чижом*, *мѣтом*, *оленем* (Вят., 1895), *ожигом* (Волог., 1890), *слободой*, *шаром*, *ухоронком* (Волог., 1895), *рыбкой*, *круглым городом* (Олон., 1863), *кругом*, *чирком*, *шильцом*, *хлоптой*, *шаром*, *курком* (Олон., 1890), *столбом*, *салом*, *попком* (Олон., 1895), *ималком* (< *имать* ‘ловить’), *волком*, *меньком*, *селогой*, *салом* (Арх., 1911),

шепотком (Онеж., 1933), рыбкой, мячи́кам, прятушкой (Иркут., 1923), зеркалом (Екатериноссл., 1895), клабасей (Херсон., 1895) и т.п. [Ключева, 2018, с. 152–169]. Как видим, регионально эта морфологическая конструкция характерна в основном для северных губерний Европейской части России (Олонецкая, Архангельская, Вологодская, Вятская, Казанская), поэтому не исключен ее субстратный характер в русском (от финно-угорских языков). Ср., в других восточнославянских языках предложно-падежное оформление названий игр соответствует русскому литературному, например: украинское *в футбол*, белорусское *у футбол* и т.п.¹²

Перейдем к рассмотрению отглагольных форм в названиях игр.

§ 2. Название игры – отглагольная форма, указывающая на совершаемое в игре действие, часто с прямым дополнением (существительным в аккузативе), означающим объект, на который направлено действие (на материале игр в догонялки [МНИ, № 976–1211]):

– основа глагола + формант *-ын (-ён)*, *-ен*¹³, например: *йылен* ‘(в) горелки’, *куржон* ‘(в) бегание’ (~ лит. *куржын*), *ороллен* ‘(в) караул (< караулить)’ (~ лит. *оролен*), *вызлыктен* ‘(в) выз-вызгалки (от звукоизобраз. междометия *выз-выз*)’, *поктен* ‘(в) догонялки’, *тўкалтен* ‘(в) задевание’, *утарен* ‘(в) спасение’, *чўчен* ‘(в) задевание’, *чўчўн* ‘то же’, *тыртын* ‘(в) тыртканье’ (от звукоизобраз. *тырт* – о выстреле в игре типа войны); *ki-t ki řše-n* ‘(в) держание за руки’, *кид кўрлён* ‘(в) обрывание рук’, *кидым кудалтен* ‘(в) разрывание рук’, *солык кучен* ‘(в) хватание платка’, *шовыч налын* ‘(в) забираяние платка’, *кўришек налын* ‘покупка (в покупке) горшков’, *ўмбал поген* ‘(в) сбор сметаны’, *чия налын* ‘покупка (в покупке) красок’, *туп перен* ‘(в) удары по спине’, *тып сапкален* ‘(в) хлопки по спине’, *шур (карта) пангам чумен* ‘(в) пинание комка навоза (карта)’, *сап кучен* ‘(в) держание вожжей’;

– основа глагола + формант *-мыла*, например: *ʃjõlõtõla* ‘в горелки’, *чондитлымла* ‘в чурание’, *чия пуедылымла* ‘в раздачу красок’, *меран лўмыла* ‘в отстрел зайцев’, *угол налымла* ‘в занятие углов’;

(– основа глагола + формант *-шыла*: *шовыч пыштышыла* ‘в подкладывание платка’ – единичная фиксация в записи собирателей-студентов, возможно, являющаяся ошибкой вместо *шовыч пыштымыла*¹⁴).

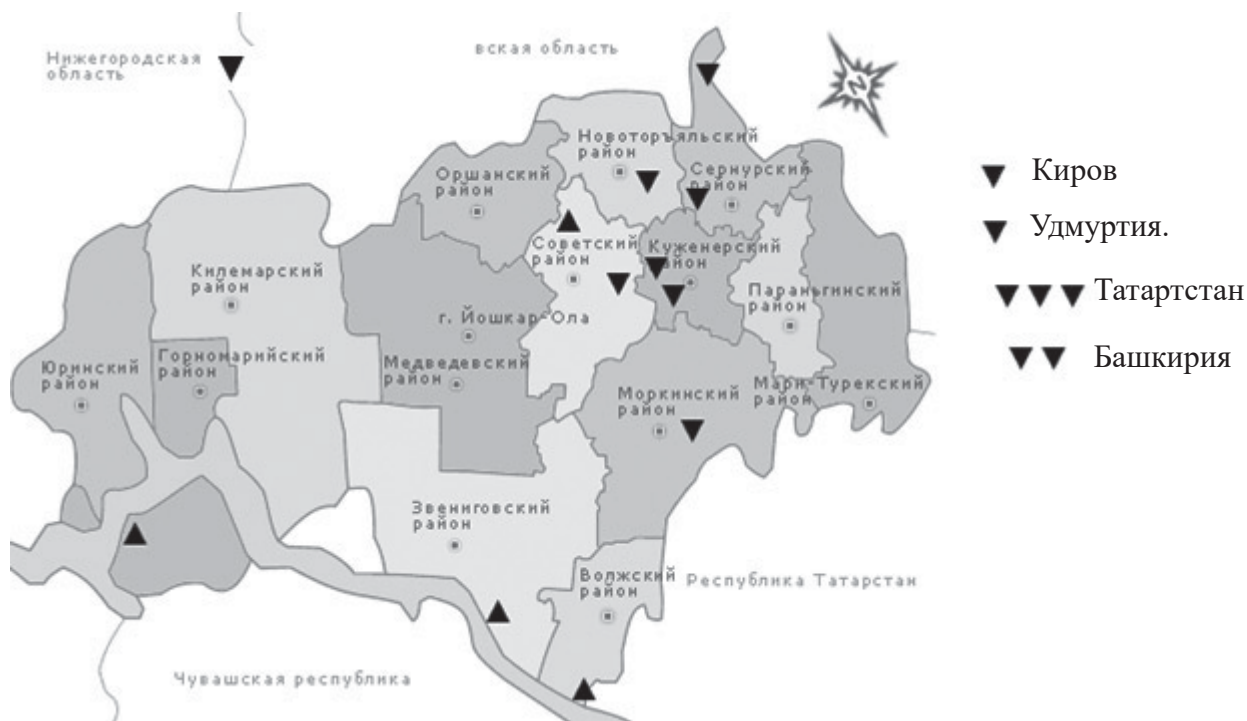
Формы на *-ын (-ён)*, *-ен* и *-мыла (-мыла)* являются очень распространенными в названиях игр разных типов (не только догонялок), представлены в нашем сборнике материалов примерно в равном количестве. Эти формы разведены территориально.

¹² От конструкций с послелогом *дене* со значением образа действия следует отличать аналогичные конструкции со значением средства, орудия действия, например: *солык дене* ‘с платком’, *сап дене* ‘с вожжами’, *муно дене* ‘с яйцами’, которые употребляются и в диалектах, в которых систематическое *-ла* в названиях игр, например в горном. Т.е. *мячла* в этих случаях переводится как «в мяч», а *мяч дене* «с мячом». Такие конструкции в качестве названий игр выступают редко, например: *сап дене* ‘с вожжами’ (Кужмаринский с/с Советского р-на РМЭ). В данном конкретном случае корректен перевод именно «с вожжами», а не «в вожжи (вожжами)», т.к. в данной местности, по имеющимся еще 6 фиксациям, систематически применяется суффикс *-ла* в отыменных названиях игр, а не послелог *дене*.

¹³ Формант *-ын* (и *-ён* по гармонии гласных в мар. СЗ) присоединяется к глаголам 1-го спряжения, *-ен* – к глаголам 2-го спряжения.

¹⁴ На весь объем свода среди тысяч названий игр разного типа имеется всего две фиксации названия игр на *-шыла*: приведенная здесь и название *вургем погышыла* ‘в сбор одежды’, причем обе в одной и той же рукописной записи 1976 года в д. Шудасола Советского р-на Марийской АССР студенток МарГУ Марины Паймаковой и Раисии Микубаевой [МФЭ-76 № 93, с. 5, № 2]. Возможно, в основе этих названий причастия *погышо* ‘собирающий’ (от *погаш* ‘собирать’), *пыштыше* ‘кладущий’ (от *пышташ* ‘класть’), т.е. *вургем погышыла* точнее переводится как ‘в собирающего одежду’, а *шовыч пыштышыла* – ‘в подкладывающего платок’. При этом другие отглагольные названия игр в этой же деревне записаны у тех же собирателей с формантом *-мыла*: *шылмыла* ‘в прятки’, *пашкар тошкалмыла* ‘в наступание на доску’, а отыменные – с формантом *-ла*: *маска ковала* ‘в Медведя-бабушку’, *кевытла* ‘в магазин’ и т.п. Т.е. для диалекта, в котором производились записи, нормативным является *-мыла* в отглагольных названиях игр.

Карта 3: Названия догонялок на *-мыла*, *-мЫлӓ* (▲) / *-ын*, *-Ын*, *-ен* (▼):

Показательна и карта распространения двух альтернативных форм названий игры в прятки: *шылын* и *шылмыла* (мар. Г *шЫлмЫлӓ*) (обе формы от глагола *шылаш* ~ *шЫлӓш* ‘прятаться’):

Карта 4. Названия игр в прятки: *шылмыла*, *шЫлмЫлӓ* (▲) / *шылын* (▼)

(Карта 4 составлена на материале [МНИ, № 794–919].)

Таким образом, ареал отглагольных конструкций на *-ын* (*-Ын*), *-ен* – это все говоры восточного наречия (в них нет ни одной фиксации формы на *-мыла*), северо-западное наречие,

йошкар-олинский говор мар. Л, а также северо-восточная часть ареала моркинско-сернурского говора (Новоторъяльский, Сернурский, Параньгинский, Мари-Турекский, Моркинский р-ны РМЭ). Форма на *-мыла* – западно-южная, распространена в горном наречии, в волжском говоре лугового наречия, а также в Советском р-не РМЭ (западная окраина моркинско-сернурского говора). В Моркинском р-не и на юге Куженерского р-на (т.е. на южной границе моркинско-сернурского говора) обе формы сосуществуют и обе считаются литературными. Диалектная оппозиция деепричастий на *-ын* (*-ӓӓн*), *-ен* и форм на *-мыла* в целом коррелирует с оппозицией отыменных форм с *дене* и на *-ла*. Исключение составляют северо-западное наречие, йошкар-олинский говор и говор елабужских мари (мар. В): для отыменных форм в них модели западного типа (на *-ла*), а для отглагольных – восточного типа (на *-ын*, *-ен*).

Охарактеризуем морфологическую структуру и синтаксическую функцию названий игр на *-ын* (*-ӓӓн*), *-ен* и *-мыла* (*-мӓӓӓ*).

Аффикс *-ын* (*-ӓӓн*), *-ен*, присоединяемый к основе глагола, образует в современном марийском языке деепричастие образа действия (действительное деепричастие настоящего и прошедшего времени). Однако, по данным наших опросов, носители марийского исключительно редко переводят формы на *-ын* (*-ӓӓн*), *-ен* в названиях игр буквально как деепричастия; обычно переводят их как отглагольные существительные, т.е. по модели перевода марийских пассивных причастий на *-ме*. (Такой перевод на русский язык соответствует и литературному.) И лишь при дополнительных специальных вопросах о дословном переводе и о части речи данного слова появляются неуверенные деепричастные формулировки.

Именно причастное, атрибутивное, а не деепричастное значение глагольных конструкций на *-ын* является, согласно Н.И. Исанбаеву и И.С. Галкину, более древним, примером чему являются такие выражения, как *шочын ава* ‘родная мать’, *пален лий* ‘будь знающим’ [Галкин, 1964, с. 168]. Марийские *н*-овые деепричастия возникли из *н*-овых причастий, которые, в свою очередь, восходят к древнему финно-угорскому суффиксу инфинитивных глагольных форм с элементом **-н*. В пермских языках и венгерском этот суффикс сохранился в признаке инфинитива, а в финском, мордовских, мансийском – как суффикс причастия [Галкин, 1964, с. 168].

Характерно, что в названиях игр в удмуртском языке тоже используются деепричастия, переводимые как отглагольные имена, например: *газы пуныса* ‘плетение веревкой’, *дасын потаса* ‘хождение десяткой’, *куинен бергаса* ‘кружение втроем’ [Долганова, Морозов, 2002, с. 236–237]. Аффикс *-са* в этих деепричастиях восходит к *s*’-овому суффиксу имен действия в финно-угорском языке-основе. «Этот суффикс в дальнейшем послужил исходным материалом для образования морфологических показателей различных грамматических категорий: причастий, деепричастий, различных форм времени и т.д.» [Галкин, 1964, с. 163]. В марийском языке этому удмуртскому суффиксу деепричастий соответствует суффикс активных причастий *-ше* (*-шо*, *-шӧ*).

Морфологический разбор лексем с формантом *-мыла* дает нам несколько вариантов определения их синтаксической функции. При полевой работе буквальный перевод лексем на *-мыла*, прямые вопросы о семантике этого форманта вызывали значительные затруднения у носителей языка. При запросе перевести эти названия игр с марийского на русский в большинстве случаев носители языка использовали форму отглагольного существительного в accusative (винительном падеже) с предлогом «в», например: *чия пуэдылмыла* ‘в раздачу красок’. Этот перевод можно считать правильным, литературным. После дополнительного вопроса о буквальном переводе названия игры (в одном случае – с первого же раза) использовалась форма деепричастия настоящего, реже (при затруднении с формулировкой) прошлого времени (‘раздавая краски’, ‘положив платок’), инфинитива (‘занимать угол’ вместо ‘в занятие угла’).

Теоретически дериват основы глагола + *-мыла* может быть:

- 1) пассивным причастием на *-ме* (*-мо*, *-мӧ*) с суффиксом *-ла* (направительным / сравнительным);
- 2) отглагольным наречием образа действия;

3) диалектной формой инфинитива долженствования (~ лит. форма на *-ман*);

4) диалектной формой деепричастия одновременного действия (~ лит. форма на *-шыла*).

Диалекты, в которых фиксируются инфинитивы долженствования и деепричастия на *-мыла* (формы 3, 4), те же южные и западные, в которых распространены названия игр на *-мыла*¹⁵.

Для всех четырех выявленных изоморфных конструкций структурные компоненты, из которых складывается формант *-мыла*, являются общемарийскими и финно-угорскими по происхождению. Так *м*-овый компонент во всех четырех случаях представляет собой формант пассивного причастия и восходит к именам действия на **-та (-tä)* «финно-угорского, возможно даже уральского времени» [Галкин, 1964, с. 164]. Эти причастия в названиях игр переводятся как отглагольные имена существительные, причем вне зависимости от того, от переходного или непереходного глагола они образованы, вопреки утверждению Галкина, что марийские причастия на *-ме*, образованные от переходных глаголов, соответствуют страдательным причастиям в русском языке, в отличие от образованных от непереходных глаголов, которые переводятся как отглагольные прилагательные или существительные [Галкин, 1964, с. 164], т.е. **угол налме* (> *угол налмыла*) в контексте названий игр переводится как ‘занимание (угла)’, а не ‘*занимаемый (угол)’.

Соответствием марийским именам действия (пассивным причастиям на *-ме*) и по форме, и этимологически являются названия игр в мордовских языках, которые считаются отглагольными существительными на *-ма (-мо, -ме)*, например: эрзянское *ур мельга пансема* ‘охота на белок’, *карень микшинема* ‘продажа лаптей’, *инечинь алонь кеверькшинема* ‘катание пасхальных яиц’, *инечинь алсо налксема* ‘то же’, *кирень саламо* ‘кража клубков’, *казнеь анокстамо* ‘сбор приданого (продажа платков)’, *каштаз (венець) пурдамо* ‘завивание венка’ [Брыжинский, 2009, с. 269–271]. Ср. также отглагольные имена существительные в наименованиях игр в коми языке: *гуö тюрöдöм* ‘скатывание в лунку’, *параяс лосьöдöм* ‘образование пар’ и т.п. [Коми ворсöм да гаж, 2007, с. 39, 61].

Аффикс *-ла* во всех четырех изоморфных конструкциях на *-мыла* несет в себе ту же семантику, плавающую от аллативной к компаративной (в занимание угла ~ как занимание угла), как и в отыменных конструкциях на *-ла*, рассмотренных выше.

Таким образом, конструкция на *-мыла* должна пониматься как номинализированное причастие (переводимое на русский как отглагольное существительное) с падежным (направительным / сравнительным) аффиксом: *угол налмыла* ‘в занимание угла (как занимание угла)’. При этом носители при переводе обычно не обращают внимания на смысловые изменения, диктуемые показателем *-ла*, и произносят отглагольное существительное в номинативе (*шылмыла* ‘прятки’ вместо ‘в прятки’). Ср.: конструкция с *н*-овым (дее)причастием, являющаяся диалектной альтернативой конструкции на *-мыла*, тоже понимается как отглагольное существительное в номинативе **угол налын* ‘занимание угла’ (а не ‘в занимание угла’).

Важно отметить неразрывность форманта *-мыла* в названиях марийских игр. Вполне общемарийское пассивное причастие на *-ме* не дает в системе названий игр ни форм с *дене* (**угол налме дене*), ни номинативов (**угол налме*). Конструкция на *-мыла* всегда предстает в нерасторжимом виде¹⁶.

¹⁵ О некоторой проблематичности выделения деепричастий одновременного действия на *-мыла* см. в комментарии М.Н. Кузнецовой к теоретическому описанию деепричастий на *-мыла* в горном наречии марийского языка в монографии А.А. Саватковой [2002, с. 243].

¹⁶ Исключения составляют два примера из словаря В.М. Васильева: *чыкедыме* ‘сование’ (игра типа колечка) [1926, с. 250] и *шывыкши тумыштымо* ‘заплатывание бурака’ (игра типа угад) [1926, с. 282]. Здесь страдательные причастия на *-ме, -мо* даны в номинативе, но мы не уверены в естественности этих словоформ: они могли возникнуть в результате подготовки словарной статьи автором, не являющимся носителем соответствующего диалекта и посчитавшим возможным перевести слова из косвенной падежной формы (как он воспринял формы на *-мыла*) в номинатив (*чыкедымыла* > *чыкедыме; тумыштымыла* > *тумыштымо*).

Марийскому форманту *-мыла* в названиях игр соответствуют изоморфные и тождественные по семантике чувашские структуры (тоже функционирующие только как нерасторжимые), например: *шаккамалла* ‘стучалки’, *пытанмалла* ‘прятки’, *алӓ памалла* ‘знакомство’, *тутӓр пӓрахмалла* ‘брось платок’, *шӓнтмалла* ‘замри’, *тӓм пемелле* ‘метание глины’, *сӓлен ямалла* ‘запускание змея’, *ухӓна пемелле* ‘стрельба из лука’, *пан улми пустармалла* ‘сбор яблок’, *вир алмалла* ‘сеем просо’, *кантӓр акмалла* ‘сеем коноплю’, *утӓ сулмалла* ‘сенокос’ [Ягодова, Махалова, 2005, с. 131–133]. Переводы, которые здесь приведены, соответствуют данным в источнике (популярном издании, посвященном чувашским играм). При небуквальности некоторых из них все же видно, что стандартным переводом на русский язык чувашских названий игр с формантом *-малла* (*-мелле*) является форма отглагольного существительного в номинативе (как и в марийском). Складывается формант *-малла* в чувашском, по-видимому, из показателя *-ма* отглагольного имени (тюркского происхождения) и уже рассмотренного нами наречного аффикса *-ла* со сравнительным значением. Т.е. его логическая структура аналогичная марийскому *-мыла*. (Об этих элементах в чувашском см. [Левитская, 1976, с. 159, 114].) При этом изоморфной является еще одна чувашская структура – причастие долженствования на *-малла* (*-мелле*), выражающее действие, которое совершится в будущем, необходимость и возможность совершения действия, например: *каймалла сын* ‘человек, который должен ехать’ [Левитская, 1976, с. 95]. Ему соответствует упомянутый изоморфный инфинитив долженствования в марийском (*каймыла* ‘надо идти, ехать’).

Из тождественности чувашской и западно-южной марийской модели отглагольных названий игр можно сделать выводы, аналогичные тем, что мы сделали, обнаружив одинаковый формант *-ла* в отыменных названиях у тех же диалектных групп мари и у чувашей. По-видимому, использование форманта *-мыла* в марийских диалектах определяется чувашским влиянием (этот формант в названиях игр общечувашский). При этом финно-угорское происхождение составных компонентов различных марийских структур на *-мыла* мы не возьмемся оспаривать, хотя суффикс отыменных имен **-ма*, входящий в структуру и марийских, и чувашских названий игр, является и финно-угорским, и тюркским, что не позволяет определенно говорить о заимствовании и его направлении.

Заключение

Основными итогами исследования являются следующие:

1. Выявлены основные морфологические модели образования названий игр в марийском языке: для отыменных форм – с послелогом *дене*, имеющим значение инструментала, и с аффиксом *-ла* направительного значения; для отглагольных форм – деепричастие на *-ын* (*-ӓн*), *-ен* и форма на *-мыла* (*-мӓлӓ*) со значением номинализации действия.

2. Логическим соответствием марийским наименования игр с послелогом *дене* являются названия игр в инструментале в финно-пермских языках, а также в русских диалектах Севера Европейской части России, где, по-видимому, носят характер финно-угорского субстрата.

3. Обнаружена тождественность марийских и чувашских формантов в названиях игр: для отыменных форм – суффикс *-ла* (*-лӓ*) ~ чув. *-ла* (*-ле*); для глагольных – *мыла* (*-мӓлӓ*) ~ чув. *-малла* (*-мелле*). Этот факт коррелирует с обилием тюркской лексики в марийской игровой терминологии¹⁷. Таким образом, марийские названия игр, формы лексем, означающих игры, являются вполне маркерным материалом, диагностирующим взаимопроникновение чувашского и марийского языков, меру, степень и ареал их контаминации на уровне морфологии именных и отглагольных форм, что вписывается в общую систему многоуровневых взаимосвязей марийского и чувашского языков и фольклора, в том числе игрового.

4. При картографировании марийских названий игр отчетливо выделяются два ареала: западно-южный (со структурами, изоморфными чувашским) и восточно-северный (марийско-

¹⁷ Теме тюркизмов в марийской игровой лексике посвящен ряд наших статей, в том числе [Ключева, 2013; 2014 б; 2015; 2017; 2021; 2023б].

пермский). К западно-южному ареалу относятся горное наречие и волжский говор марийского языка, к восточно-северному – большинство диалектов восточного наречия и основные подговоры моркинско-сернурского говора (мар. Л). Северо-западное наречие, йошкар-олинский говор (мар. Л) и говор елабужских мари (мар. В) по отыменным конструкциям соответствуют модели западного типа, а по отглагольным – модели восточного типа. Переходной зоной между двумя морфологическими типами является ареал моркинско-сернурского говора, хотя в целом в нем преобладают модели северно-восточного типа как для отыменных, так и для отглагольных конструкций в названиях игр. Граница западно-южной и восточно-северной зоны, рассекающая луговое наречие пополам, коррелирует также с границей этнографических групп мари, традиционно определяемых по типу головного убора замужних женщин¹⁸. Таким образом, в игровой лексике, морфологии названий игр отражается сложная история и неодинаковая степень взаимодействия различных групп мари с тюркскими племенами. Картографирование данных игрового фольклора позволяет буквально по деревням очертить зоны определенных контактов и влияний, что подтверждает значительный эвристический потенциал традиционной игровой культуры для исследований в области этнологии, истории и языкознания.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Языки и диалекты

- англ. – английский
- волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка
- елаб. – елабужский говор восточного наречия марийского языка
- мар. – марийский
- мар. В – восточное наречие марийского языка
- мар. Г – горное наречие марийского языка
- мар. Л – луговое наречие марийского языка
- мар. СЗ – северо-западное наречие марийского языка
- нем. – немецкий
- рус. – русский
- тат. – татарский
- тур. – турецкий
- тюрк. – тюркские
- чув. – чувашский

Географические названия

- БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
- Башкир. – Республика Башкортостан
- Волог. – Вологодская губерния
- Вят. – Вятская губерния
- Екатеринослав. – Екатеринославская губерния
- Иркут. – Иркутская губерния (область)
- Казан. – Казанская губерния
- Киров., Кировск. – Кировская область
- Красноуф. – Красноуфимский район Свердловской области
- Малмыж. – Малмыжский район Кировской области
- Нижнесерг. – Нижнесергинский район Свердловской области
- Олон. – Олонецкая губерния

¹⁸ Южные луговые мари (волжские и моркинские), как и горные, носили заимствованный у чуваш комплект из *шарпан* 'головное полотенце' и *нашмак* 'очельш' (< чув. *сурпан-масмак*), а луговые северо-восточные мари и все восточные мари – собственно марийский головной убор *шымакиш*, не имеющий тюркского аналога. Северо-западные и граничащие с ними луговые йошкар-олинские мари носили головной убор *сорока*, составляя третью этнографическую группу. Т.е. можно подытожить, что т.н. *шымакшан марий* (мари, носящие *шымакиш*) в названиях игр в основном используют послелог *дене* для именных форм и формант *-ын* (*-ен*) для глагольных, а *шарпан-нашмакан марий* (мари, носящие *шарпан* и *нашмак*, как чуваша) – соответственно форманты *-ла* (*-лӓ*) и *-мыла* (*-мӓлӓ*).

Онеж. – Онежский район Северного края (Архангельской области)
 РМЭ – Республика Марий Эл
 Свердлов. – Свердловская область
 ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
 Херсон. – Херсонская губерния

Прочие сокращения

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
 букв. – буквально
 г. – год
 г.р. – год рождения
 губ. – губерния
 д. – деревня
 диал. – диалектное
 зап. – записал
 инф. – информант, носитель фольклора
 л. – лицо
 лит. – литературный
 мн. ч. – множественное число
 обл. – область
 р-н – район
 с. – село
 с/с – сельский совет
 см. – смотрите
 ср. – сравните
 у. – уезд

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахметьянов Р.Г. Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Магариф – Вақыт, 2015. Т. 1. 543 с.
- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 3. 368 с.
- Безносикова Л.М., Забоева Н.К., Коснырева Р.И., Айбабина Е.А. Русско-коми словарь. Коми-роч кывчукӧр. Сыктывкар: Титул, 2009. 672 с.
- Брыжинский В.С. Мордовские народные игры. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. 272 с.
- Васильев В.М. (Ўпымарий) Марий мутэр. Марийский словарь. Москва: СССР калык-влак рӱдӧ савыктыш, 1926 [на обложке – 1928]. 346 с.
- Вершинин В.И. Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь): в 2 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. Т. 1. 346 с.
- Викстрем О. Является ли *ла / лӓ* показателем сравнительного падежа в марийском языке? // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 2010. Pars V. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticam. Piliscsaba: Reguly Társaság, 2011. С. 200–203.
- Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 202 с.
- Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 168 с.
- Гордеев Ф.И. Этимологический словарь марийского языка. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.
- Долганова Л.С., Морозов И.А. Традиционные игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 382 с.
- Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Игры народов СССР / сост. В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. М.-Л.: Academia, 1933. 562 с.
- Исанбаев И.Н. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 2. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. 208 с.
- Ключева М.А. Подвижные детские игры: к проблеме изучения народной терминологии // Традиционная культура. 2007. № 4. С. 77–88.

- Ключева М.А. Марийская лексика игр с костями и деревяшками (в тюркском, русском и финно-угорском контексте) // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 99–114.
- Ключева М.А. Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. Изд. II, испр. и доп. М.: Форум; Неолит, 2014а. 400 с.
- Ключева М.А. *Сокыртага* «Слепая овца» и *Шорыкйол* «Овечья нога»: к этимологии названия марийской игры и праздника // Вопросы языкознания. 2014б. № 4. С. 104–113.
- Ключева М.А. К этимологии названия марийской игры *митули* // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 37–59.
- Ключева М.А. Марийские считалки с зачином пер- (пир-) в контексте игрового фольклора народов Урало-Поволжья // Известия Общества изучения Коми края: научно-популярный краеведческий журнал / гл. ред. А.К. Гагиева. Сыктывкар: Ин-т языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН, 2017. Вып. 1 (16). С. 85–92.
- Ключева М.А. Народные подвижные детские игры: опыт типологии. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018. 183 с.
- Ключева М.А. Марийские названия игр в догонялки (морфология) // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 5. С. 136–150.
- Ключева М.А. Специфическая лексика в марийских играх // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы VII науч.-практ. конфер. «Йыван Кырла лудмаш», посвящ. 100-летию РМЭ и Сернурского р-на (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 205–211.
- Ключева М.А. Некоторые чурания (формулы-восклицания) в марийских догонялках // Acta Linguistica Petropolitana. 2023а. Т. 19. Ч. 2. Р. 169–197.
- Ключева М.А. Тюркские заимствования в волжском говоре марийского языка (игровая лексика) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023б. Т. 17. № 2. С. 198–211.
- Коми ворсѳм да гаж: тѳрыт да талун. Коми игры и веселье: вчера и сегодня / Лѳсѳдѳсны Л.Н. Камбалова, А.Н. Рассыхаев. Сыктывкар: Кола, 2007. 76 л. б.
- Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. Т. 4. Нижний-Новгород: Тип. Нижегородского губернского правления, 1871. С. 169–238.
- Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976. 206 с.
- МНИ – Марийские народные игры. Марий калык модыш / авт.-сост. М.А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021. (Сер.: Свод марийского фольклора). Рукопись, 60 а.л. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 3. Д. 449.
- МФЭ – Материалы фольклорных экспедиций Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева // НРФ МарНИИЯЛИ. МФЭ-72 № 87, МФЭ-76 № 93.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. Т. 1. 968 с.
- Саваткова А.А. Горное наречие марийского языка / под ред. М. Кузнецовой. Biblioteca seremissica. T. V. Savariae: Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002. 292 с.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
- Синицына Ю.В. Полисемия и морфологический статус горномарийского показателя *-la* // Acta Linguistica Petropolitana. 2019. Т. XV. Ч. 2. С. 265–297.
- Синицына Ю.В. Модели полисемии симилятивного суффикса *-la* в горномарийском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. 4 (34). С. 88–101.
- Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. Т. 2. 464 с.
- Татарско-русский словарь / под ред. Ф.А. Ганиева. Казань: Татарское кн. изд-во, 2002. 488 с.
- Федотов М.Р. Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996а. 460 с.
- Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гум. наук, 1996 б. Т. 1. 470 с. Т. 2. 509 с.
- Ягодова Л.Г., Махалова И.В. Чувашские детские игры: методическое пособие для воспитателей дошкольных образовательных учреждений. Чебоксары: Новое время, 2005. 135 с.

Maria Klyucheva

MORPHOLOGICAL MODELS OF GAME NAMES IN MARI

Introduction. The object of the research is Mari folk games; the subject of the study is their names in different dialects of the Mari language. **The purpose of the article** is to identify and describe the main morphological models of game names in Mari. **Materials and methods.** The research is done on the basis of the *Mari Folk Games* [PIM, 2016-2022] fundamental corpus of data. The main research methods include descriptive, structural and comparative ones, as well as a corpus method of work with sources and a mapping data method. **Research results and discussion.** The following morphological models of game names in the Mari language have been identified: the noun in the nominative, with the postposition *dene*, with the affix *-la* (*-lä*); a verb base with the suffix of the adverbial participle *-än* (*-ən*, *-en*), with the suffix of the adverbial participle *-mälä* (*-mälä*). The identities of the Mari and Chuvash formants in game names have been discovered: for the nominative forms, this is the suffix *-la* (*-lä*) ~ Chuv. *-la* (*-le*); for verbal ones – *mälä* (*-mälä*) ~ Chuv. *-malla* (*-melle*), which indicates deep ties between Mari and Chuvash and folklore. The logical correspondence in the Finno-Ugric languages and Russian dialects with the postposition *dene*, which has the instrumental value in the Mari games titles, is determined. Two areas for the main morphological models in Mari game names are identified and mapped: western-southern (with structures isomorphic to Chuvash) and the eastern-northern area (Mari-Permian). **Conclusion.** In the game vocabulary, game names morphology reflects the complex history of interactions of the Mari with Finno-Permian and Turkic tribes. Morphological models of the eastern-northern area are native, Finno-Ugric ones, and the models of the western-southern area are determined by later Turkic influences (primarily Chuvash). The mapping of game folklore data allows punctual outlining zones of certain contacts and the complex ethnogenesis of individual local Mari groups, which indicates the significant heuristic potential of traditional game culture to do ethnological, historical and linguistic research.

Key words: Urals-Volga region; Finno-Ugric languages; Turkic languages; Mari language; similitive; postpositions; folk games; Mari game vocabulary; game names; language contacts.

REFERENCES

- Akhmetyanov R.G. Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka: v 2 t. [Etymological dictionary of the Tatar language: in 2 vol.]. Kazan, Magarif - Vakyt, 2015, vol. 1, 543 p. (In Tatar).
- Ashmarin N.I. Slovar chuvashskogo yazyka: v 17 t. [Dictionary of the Chuvash Language: in 17 vol.]. Cheboksary, Russika, 1994, vol. 3, 368 p. (In Chuvash, Russian).
- Beznosikova L.M., Zaboeva N.K., Kosnyreva R.I., Aybabina E.A. Russko-komi slovar'. Komi-roch kyvchukör [Russian-Komi Dictionary]. Syktyvkar, Titul, 2009, 672 p. (In Russian, Komi).
- Bryzhinskiy V.S. Mordovskie narodnye igry [Mordovian folk games]. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, 272 p. (In Erzya, Russian).
- Vasil'ev V.M. (Ÿpymariy) Mariy muter. Mariyskiy slovar' [Mari Dictionary]. Moscow, SSSR kalyk-vlak rÿdö savykytysh, 1926 [1928], 346 p. (In Mari).
- Vershinin V.I. Proiskhozhdenie slov mariyskogo yazyka (etimologicheskii slovar'): v 2 t. [The origin of the words of the Mari language (etymological dictionary): in 2 vol.]. Yoshkar-Ola, String, 2017, vol. 1, 346 p. (In Russian).
- Vikstrem O. Yavlyaetsya li *la / lä* pokazatelem sravnitel'nogo padezha v mariyskom yazyke? [Is *la / lä* an indicator of the comparative case in the Mari language?]. *Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 2010*. Pars V. Dissertationes sectionum et symposiorum ad linguisticam. Piliscsaba, Reguly Társaság, 2011, pp. 200-203. (In Russian).
- Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Ch. I. [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part I.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, 202 p. (In Russian).
- Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Ch. II. [Historical grammar of the Mari language. Morphology. Part II.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966, 168 p. (In Russian).
- Gordeev F.I. Etimologicheskii slovar' mariyskogo yazyka. T. 1 [Etymological Dictionary of the Mari language, vol. 1]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 255 p. (In Russian).

Dolganova L.S., Morozov I.A. Traditsionnye igry i razvlecheniya udmurtov [Traditional games and entertainments of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 2002, 382 p. (In Udmurt, Russian).

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic Dictionary] / Ed. by V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian).

Igry narodov SSSR [Games of the peoples of the USSR] / Comp. by V.N. Vsevolodskiy-Gerngross, V.S. Kovaleva, E.I. Stepanova. Moscow – Leningrad, Academia, 1933, 562 p. (In Russian).

Isanbaev I.N. Mariysko-tyurkskie yazykovye kontakty. Ch. 2. Slovar tatarskikh i bashkirskikh zaimstvovaniy [Mari-Turkic language contacts. Part 2. Dictionary of Tatar and Bashkir borrowings.]. Yoshkar-Ola, Marijskiy nauchno-issledovatel'skiy institut jazyka, literatury i istorii, 1994, 208 p. (In Russian).

Klyucheva M.A. Podvizhnye detskie igry: k probleme izucheniya narodnoy terminologii [Outdoor children's games: the problem of the study of folk terminology]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2007, no. 4, pp. 77-88. (In Russian).

Klyucheva M.A. Mariyskaya leksika igr s kostyami i derevyashkami (v tyurkskom, russkom i finno-ugorskom kontekste) [Mari terms of games with bones, sticks and pieces of wood (in the Turkic, Russian and Finno-Ugric context)]. *Uralo-altayskie issledovaniya*. 2013, no. 1 (8), pp. 99-114. (In Russian).

Klyucheva M.A. Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klornyy sbornik [Folk active children's games: Modern folklore collection book]. Moscow, Forum; Neolit, 2014a, 400 p. (In Russian).

Klyucheva M.A. *Sokyrtaga* «Slepaya ovtsa» i *Shorykjol* «Ovech'ya noga»: k etimologii nazvaniya mariyskoy igry i prazdnika [*Sokyrtaga* 'blind ram' and *Shorykjol* 'sheep's leg': on the etymology of the names of the Mari game and festival]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2014b, no. 4, pp. 104-113. (In Russian).

Klyucheva M.A. K etimologii nazvaniya mariyskoy igry mituli [Towards the etymology of the *mituli* Mari game]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2015, no. 4, pp. 37-59. (In Russian).

Klyucheva M.A. Mariyskie schitalki s zachinom *per-* (*pir-*) v kontekste igrovogo fol'klora narodov Uralo-Povolzh'ya [Mari game rhymes with the beginning *per-* (*pir-*) in the context of the game folklore of the peoples of the Urals-Volga region]. *Izvestiya Obshchestva izucheniya Komi kraya: nauchno-populyarnyy kraevedcheskiy zhurnal* / Ed. by A.K. Gagieva. Syktyvkar, Institut yazyka, literatury i istorii Komi nauchnogo tsentra UrO RAN, 2017, iss. 1 (16), pp. 85-92. (In Russian).

Klyucheva M.A. Narodnye podvizhnye detskie igry: opyt tipologii [Folk active children's game: an attempt at typology]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018, 183 p. (In Russian).

Klyucheva M.A. Spetsificheskaya leksika v mariyskikh igrakh [Specific vocabulary in Mari games]. *Et-nokul'turnye tsennosti v sovremennom informatsionnom obshchestve*. Materialy VII nauchno-prakticheskoy konferentsii «Yyvan Kyrla ludmash», posvyashchennoy 100-letiyu RME i Sernurskogo r-na (p. Sernur, 9 aprelya 2021 g.) / Ed. by S.K. Svechnikov. Yoshkar-Ola, Marijskiy nauchno-issledovatel'skiy institut jazyka, literatury i istorii, 2021, pp. 205-211. (In Russian).

Klyucheva M.A. Mariyskie nazvaniya igr v dogonyalki (morfologiya) [Names of games like catch-up in the Mari language (morphology)]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2019, vol. 20, no. 5, pp. 136-150. (In Russian).

Klyucheva M.A. Nekotorye churaniya (formuly-voskhlitsaniya) v mariyskikh dogonyalkakh [Some exclamation (shunning) formulas in children's catch-up games in Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023a. vol. 19. Pt. 2. pp. 169-197. (In Russian).

Klyucheva M.A. Tyurkskie zaimstvovaniya v volzhskom govore mariyskogo yazyka (igrovaya leksika) [Turkic borrowings in the Volga subdialect of the Mari language (game vocabulary)]. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2023b, vol. 17, iss. 2, pp. 198-211. (In Russian).

Komi vorsöm da gazh: töryt da talun, Komi igry i vesel'e: vchera i segodnya [Komi games and fun: yesterday and today] / Comp. by L.N. Kambalova, A.N. Rassykhaev. Syktyvkar, Kola, 2007, 76 p. (In Komi, Russian).

Kudryavtsev V.F. Detskie igry i pesenki Nizhegorodskoy gubernii [Children's games and songs of the Nizhny Novgorod province]. *Nizhegorodskiy sbornik*, vol. 4. Nizhny-Novgorod, Tipografiya Nizhegorodskogo gubernskogo pravleniya, 1871, pp. 169-238. (In Russian).

Levitskaya L.S. Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka [Historical morphology of the Chuvash language]. Moscow, Nauka, 1976, 206 p. (In Russian).

MNI – Mariyskie narodnye igry. Mariy kalyk modish [Mari folk games]. Comp. and ed. by M.A. Klyucheva. Yoshkar-Ola, Marijskiy nauchno-issledovatel'skiy institut jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva, 2016-2021. (Seriya «Svod mariyskogo fol'klora»). Rukropis' (60 a.l.). *Nauchnyy rukopisnyy fond Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva*, op. 3, d. 449. (In Mari, Russian, etc.).

MFE – Materialy fol'klornykh ekspeditsiy Mariyskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva. *Nauchnyy rukopisnyy fond Marijskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta jazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva*, MFE-72 № 87, MFE-76 № 93. (In Mari).

Radlov V.V. Opyt slovarya tyurkskikh narechiy: v 4 t. [Experience of the dictionary of Turkic dialects: in 4 vol.]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1893, vol. 1, 968 p. (In Russian).

Savatkova A.A. Gornoe narechie mariyskogo yazyka [Hill dialect of the Mari language]. Ed. by M. Kuznetsova. Biblioteka ceremissica. T. V. Savaria, Berzsenyi Dániel Főiskola, 2002, 292 p. (In Russian).

Sevortyan E.V. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic stems into vowels]. Moscow, Nauka, 1974, 767 p. (In Russian).

Sinitsyna Yu.V. Polisemiya i morfologicheskii status gornomariyskogo pokazatelya – *-la* [Polysemy and morphological status of the Hill Mari marker *-la*]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, vol. XV, part 2, pp. 265-297. (In Russian).

Sinitsyna Yu.V. Modeli polisemii similyativnogo suffiksa *-la* v gornomariyskom yazyke [Polysemy patterns of the similitive suffix *-la* in Hill Mari]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 2021, no. 4 (34), pp. 88-101. (In Russian).

Slovar' marijskogo jazyka: v 10 t. [Dictionary of the Mari Language: in 10 vol.]. Ed. by I.S. Galkin. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992, vol. 2, 464 p. (In Russian).

Tatarsko-russkiy slovar [Tatar-Russian Dictionary]. Ed. by F.A. Ganiev. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2002. 488 p. (In Russian).

Fedotov M.R. Chuvashskiy yazyk: Istoki. Otnoshenie k altaiskim i finno-ugorskim yazykam. Istoricheskaya grammatika [Chuvash language: Origins. Attitude to the Altaic and Finno-Ugric languages. Historical grammar]. Cheboksary, Izdatel'stvo chuvashskogo universiteta, 1996a, 460 p. (In Russian).

Fedotov M.R. Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t. [Etymological Dictionary of the Chuvash language: in 2 vol.]. Cheboksary, Chuvashskiy gosudarstvennyy institut gumanitarnykh nauk, 1996b, vol. 1, 470 p., vol. 2, 509 p. (In Russian).

Yagodova L.G., Makhalova I.V. Chuvashskie detskie igry: metodicheskoe posobie dlya vospitateley doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy [Chuvash children's games: a manual for teachers of preschool educational institutions]. Cheboksary, Novoe vremya, 2005, 135 p. (In Chuvash, Russian).

Ключева Мария Аркадьевна

кандидат искусствоведения,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола,
старший научный сотрудник
Института системного программирования
им. В.П. Иванникова РАН,
г. Москва
e-mail: keymachine@yandex.ru

Maria Klyucheva

Candidate in History of Arts, Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola,
Senior Researcher,
Ivannikov Institute for System Programming,
Russian Academy of Sciences,
Moscow
e-mail: keymachine@yandex.ru

УДК 811.511.151

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-31-42

ОБ ОДНОЙ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ АДЪЕКТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2023 г. С.С. Сибатрова

Введение. В статье речь идет о марийских адъективных словосочетаниях с зависимыми именными конструкциями с послелогом *деч(ын)* ‘от’. Излагаются прежде всего лексико-грамматические особенности выражения компонентов словосочетаний. Определяются грамматическая связь, смысловое отношение и грамматическое значение между составляющими синтаксических соединений. **Цель статьи** – дать многостороннее описание марийским словосочетаниям модели ИЧР_{деч(ын)} + ИП_{кач.} (именные части речи с послелогом *деч(ын)* ‘от’ + имя прилагательное качественное). **Материалы и методы.** Исследование проведено на основе фактических материалов по лугово-восточной марийской литературной норме, представленных в электронном собрании текстов (в объеме около 20 миллионов словоупотреблений), главным образом художественных и публицистических, созданном для корпуса марийского языка. Необходимые словосочетания выявлялись путем поиска и лингвистических наблюдений как по опорным именам прилагательным, так и по подчиненным послеложным конструкциям. Изучение и освещение выделенных словосочетаний осуществлялись применением, помимо общенаучных методов (обобщения, анализа, синтеза), элементов таких традиционных лингвистических методов и методик, как описательный и структурный, дистрибутивного и контекстуального анализа. **Результаты исследования, обсуждения.** Согласно материалам и результатам работы, в построении марийских предложений достаточно активно используются адъективные словосочетания с именной конструкцией с послелогом *деч(ын)* ‘от’ в подчиненной позиции. В словосочетаниях модели ИЧР_{деч(ын)} + ИП_{кач.} стержневые прилагательные выступают в формах сравнительной и положительной степеней, а в разновидности данной модели ИЧР_{деч(ын) гоч} + ИП_{кач.} – только в положительной степени. Знаменательная часть послеложной конструкции выражается преимущественно существительными и местоимениями-существительными, кроме того, прилагательными, обозначающими признак по времени и месту, страдательными причастиями – именами действий, в иных случаях числительными. Между составляющими словосочетаний реализуется подчинительная связь послеложного управления, смысловое отношение – объектное. Послеложные конструкции в целом передают предмет (лицо), с признаком которого сравнивается аналогичный признак другого или этого же предмета (лица), названный опорным прилагательным. Главные прилагательные выражают признак предмета, имеющий большую (иногда меньшую) степень проявления по сравнению с подобным признаком другого или этого же предмета. **Заключение.** В марийском языке в системе адъективных словосочетаний вполне устойчивое место занимает модель ИЧР_{деч(ын)} + ИП_{кач.} (именные части речи с послелогом *деч(ын)* ‘от’ + имя прилагательное качественное). Наряду с ней имеют место равнозначные словосочетания весьма ограниченного употребления с составным послелогом *деч(ын) гоч* ‘больше, больше чем’ (ИЧР_{деч(ын) гоч} + ИП_{кач.}). Обозначенные синтаксические соединения сформировались в языке для передачи особенностей проявления предметного признака – большей (иногда меньшей) степени названного признака предмета (лица) относительно аналогичного признака, принадлежащего другому предмету или данному же предмету (лицу) в иных обстоятельствах – в иное время, в ином месте и т.д.

Ключевые слова: марийский язык; адъективные словосочетания; модели; выражение компонентов; грамматическая связь; смысловое отношение; грамматическое значение.

Введение

Марийское языкознание располагает крайне скудной информацией об адъективных словосочетаниях. В монографических работах и учебных пособиях (для студентов) по марийской грамматике отмечается чаще всего факт наличия адъективных словосочетаний в языке и, в лучших случаях, указываются основные лексико-грамматические формы подчиненного компонента и самые характерные структурные схемы словосочетаний (см.: [Современный марийский язык, 1961, с. 103, 104, 111; Учаев, 1982, с. 109, 113–114, 117, 120–123, 132; Васикова, 1987, с. 10, 13; 1990, с. 15–17, 36–37, 40–41; Тимофеева, 1989, с. 4; Максимов, 1999, с. 68–73, 118, 123; Мустаев, 2013, с. 338–343]). Адъективные словосочетания с зависимыми именными частями речи с послелогом *деч(ын)* ‘от’, ставшие объектом настоящего исследования, нашли отражение лишь в некоторых иллюстрационных примерах с управляемым существительным и местоимением (*ачам деч изи* ‘моложе моего отца’, *мемнан деч сай* ‘лучше нас’) в сопоставительной грамматике русского и марийского языков Л.П. Васиковой [1990, с. 15–16] и в подобной же работе Е.Н. Мустаева (*мүй деч тамле* ‘слаще меда’ – «в русском языке именное слово в падежной форме без предлога, в марийском – сочетание именного слова с послелогом») [2013, с. 341]. Надо отметить, что такие синтаксические соединения отдельными лингвистами (например, О.Г. Суриковой) квалифицированы как «сложная форма сравнительной степени», которая «образуется сочетанием прилагательного в исходной форме или простой форме сравнительной степени с именем существительным с послелогом *деч*» [Современный марийский язык, 1961, с. 103]. Однако следует согласиться с З.В. Учаевым, который в своем учебном пособии для учителей и студентов утверждал, что «словосочетания» с послелогом *деч*, выражающие «большую степень качества», не являются «морфологической категорией», т.к. само прилагательное может выступать и без суффикса сравнительной степени (при этом «аналитической», «сложной», формой сравнительной степени он считал конструкции со словом *утларак* ‘более’ – типа *утларак кумда* ‘более широкий’) [Учаев, 1982, с. 113–114].

Настоящая статья посвящена марийским адъективным словосочетаниям с именными конструкциями с послелогом *деч(ын)* ‘от’. В ней освещаются главным образом лексико-грамматические свойства главного и зависимого компонентов. Устанавливаются способ грамматической связи, синтаксическое отношение и грамматическое значение между составляющими словосочетаний.

Цель статьи – представить разностороннее описание марийских словосочетаний модели ИЧР_{деч(ын)} + ИП_{кач.} (именные части речи с послелогом *деч(ын)* ‘от’ + имя прилагательное качественное).

Материалы и методы

Анализ словосочетаний осуществлялся на базе фактических материалов по лугово-восточной марийской литературной норме, содержащихся в электронном собрании художественных и публицистических текстов (в объеме около 20 миллионов словоупотреблений), – части создаваемого корпуса марийского языка. Соответствующие словосочетания для изучения выделялись путем поиска и лингвистических наблюдений как по стержневым именам прилагательным, так и по зависимым послеложным конструкциям, прежде всего по послелогу. Исследование и описание выявленных словосочетаний проводились на основе методов как общенаучных (обобщения, анализа, синтеза), так и традиционных лингвистических (описательного и структурного, дистрибутивного и контекстуального анализов).

Результаты исследования, обсуждения

Модель словосочетаний ИЧР_{деч(ын)} + ИП_{кач.} (именные части речи – существительное, местоимение-существительное, изредка прилагательное и причастие, главным образом страдательное, в иных случаях имя числительное с послелогом *деч(ын)* ‘от’ + имя прилагательное качественное), ее компоненты, грамматические связи и отношения характеризуются нижеследующими особенностями.

Опорные имена прилагательные, прежде всего качественные и иногда относительные, развившие качественное значение, могут выступать в речи в формах положительной и сравнительной степеней типа *мотор* ‘красивый’ и *моторрак* ‘красивее’ (однако неизменно, независимо от отсутствия или наличия в их

составе суффикса сравнительной степени, передаются на русский язык формой сравнительной степени). Вызывает интерес то мнение, что согласно автору раздела об именах прилагательных в монографии по современной марийской морфологии О.Г. Суриковой, в случае с формами положительной степени, или с исходными формами, «имя прилагательное указывает на абсолютное преобладание качества по сравнению с тем же качеством у другого предмета», а в случае с формами сравнительной степени «сложная форма сравнительной степени указывает лишь на частичное преобладание данным качеством» [Современный марийский язык, 1961, с. 103]. Возможно использование стержневых прилагательных в предложениях, в случаях выполнения ими предикативной функции, с приименными отрицаниями *омыл* ‘(я) не’, *отыл* ‘(ты) не’, *огыл* ‘(он, она, оно) не’, *онал* ‘(мы) не’, *одал* ‘(вы) не’, *огытыл* ‘(они) не’ (например: *йолагай омыл* ‘(я) не ленивый(ая)’, *йолагай отыл* ‘(ты) не ленивый(ая)’, *йолагай огыл* ‘(он, она) не ленивый(ая)’, *йолагай онал* ‘(мы) не ленивые’, *йолагай одал* ‘(вы) не ленивые’, *йолагай огытыл* ‘(они) не ленивые’) и с глаголами-связками – разными личными и неличными формами глаголов *улаиш* ‘быть’, *лияиш* ‘быть, стать’ (например: *йолагай улам* ‘я ленивый(ая)’, *йолагай улат* ‘ты ленивый(ая)’ и др.; *йолагай лиям* ‘я буду ленивым(ой)’, *йолагай лият* ‘ты будешь ленивым(ой)’, *йолагай лийын* ‘он (она) был(а) ленивым(ой)’, *йолагай лийман* ‘нужно быть ленивым(ой)’ и др.).

В позиции зависимого компонента словосочетаний выступают, как правило, именное слова, способные быть сопровождаемыми послелогом. Ими являются в первую очередь существительные, местоимения, а также прилагательные, причастия, числительные (см.: [Современный марийский язык, 1961, с. 288, 289–290; Учаев, 1985, с. 139–140; Сибатрова, 1986 а, с. 117, 126; 1988, с. 21]). При этом надо учесть, что подобное «обслуживание некоторой частью послелогов различных лексико-грамматических категорий слов возможно лишь при условии субстантивации обслуживаемых слов» [Современный марийский язык, 1961, с. 289–290; также Учаев, 1985, с. 140]. Именные слова перед послелогом в абсолютном большинстве случаев имеют форму

именительного падежа, лишь личные и некоторые другие местоимения могут принимать форму родительного падежа. Это соответствует общим грамматическим правилам употребления имен перед послелогом (см.: [Современный марийский язык, 1961, с. 290; Сибатрова, 1986а, с. 118, 119–120; 1988, с. 21–22]).

Необходимо отметить, что *деч(ын)* ‘от’ в основных работах по современной марийской морфологии отнесен к группе послелогов, обозначающих сравнительные отношения [Современный марийский язык, 1961, с. 293; Учаев, 1985, с. 142]. С.С. Сибатрова тоже считает его способным «указывать на объект сравнения», близким к послелогам, выражающим сравнительно-сопоставительные отношения. По ее мнению, *деч(ын)* используется тогда, «когда предметы, явления имеют совсем или несколько отличающиеся качества, свойства, признаки. *Имне деч кўкиш, чыве деч лапка (Пўгө)* ‘Выше лошади, ниже курицы (Дуга)’» [Сибатрова, 1988, с. 162]. В «Словаре марийского языка» в качестве одного из значений полисемантического послелого *деч* отмечается, что он передает «оценку или меру качества прилагательных»; при этом приводятся примеры: *чын кече дечат волгыдо* ‘правда светлее солнца’, *ошо деч ошо* ‘белейший из белейших, белейший среди белейших, самый белый’ и др. [1990, с. 401]. Нужно добавить, что послелог *деч* может быть в полной форме *дечын*, кроме того, может присоединять к себе (взять на себя) в рамках послеложных конструкций притяжательные суффиксы всех лиц – *дечем*, *дечет*, *дечше* (в иных случаях *дечынже*), *дечна*, *дечда*, *дечыит*, также усилительную частицу *-ат* – *дечат* и изредка *дечынат* (см. также: [Современный марийский язык, 1961, с. 290; Учаев, 1985, с. 143; Сибатрова, 1986б, с. 102–104; 1988, с. 21]). На русский язык описываемые послеложные конструкции переводятся, как правило, формой родительного падежа или конструкцией со сравнительным союзом *чем*, т.к. в русском языке «формы компаратива употребляются в сочетании с род. п. имени или в объединении с союзом *чем*» [Русская грамматика, 1980, с. 547; также Грамматика русского языка, 1953, с. 289].

В зависимой части излагаемой модели могут быть **имена существительные** всех

лексико-грамматических разрядов – неодушевленные и одушевленные, нарицательные и собственные, конкретные и отвлеченные, вещественные, собирательные и др.: *кава деч(ын) келге (илыш)* ‘глубже неба (жизнь)’, *(тувыр) лум деч(ын) ошо* ‘(рубашка) белее снега’, *ача деч(ын) мастар (рвезе)* ‘искуснее отца (парень)’, *ял деч(ын) сай (вер)* ‘лучше деревни (место)’, *(ялна) Кожеръял деч(ын) сылнырак* ‘(наша деревня) красивее (деревни) Кожеръял’, *(чурий) кагаз деч(ын) ошо* ‘лицо) белее бумаги’, *(вүд) шөртнө деч(ын) шерге* ‘(вода) дороже золота’, *йөратымаш деч(ын) виянрак (шижмаш)* ‘сильнее любви (чувство)’, *күдыр деч(ын) изирак (кайык)* ‘меньше тетерева (птица)’, *сапкерем деч(ын) кужурак (кандыра)* ‘длиннее вожжей (веревка)’, *айдеме деч(ын) күкшырак (шудо)* ‘выше человека (травя)’, *(янык) айдеме деч(ын) ушанрак* ‘(зверь) умнее человека’. Например (здесь и далее родовые особенности передаются формой только мужского рода, т.е. носители родового признака в неполных предложениях не отражаются): *(Урын) почшо лаштыра, капише дечат кужу* (М.-Азмекей) ‘(У белки) хвост пушистый, длиннее ее тела’; **Омо деч тамле нимо уке** (М. Иванов) ‘Нет ничего слаще сна’; *Меран садак айдеме деч писе* (М. Рыбаков) ‘Все равно заяц быстрее человека’; *Роскотшо пайда деч ала-мыняр пачаш кугу* (Ю. Галютин) ‘Расходов в несколько раз больше прибыли’; *Шашков күкшө капан. Спири деч виян да лүддымө* (М. Илибаева) ‘Шашков высокого роста. Сильнее и бесстрашнее Спирина’; *Түсшө шем пыл дечын шеме* (В. Колумб) ‘Лицо его чернее черной тучи’; *Яндар шарнымаш дечын шергыже уло мо?* (Г. Ояр) ‘Есть что дороже чистых воспоминаний?’; **Шөртнө дечын шерге** киндына (В. Якимов) ‘Дороже золота наш хлеб’; *Тыныс илыш поянык деч шергырак лийын* (Н. Попов, А. Таныгин) ‘Мирная жизнь была дороже богатства’; *Мыйынат ик наста уло. Медаль дечынат шергырак* (Ю. Артамонов) ‘И у меня есть одна вещь. Дороже медали’; *Алик капкылже дене Вачий дечынат топкатарак* (В. Осипов) ‘По телосложению Алик крепче даже Вачия’; *Мыйын шомакем кү дечынат нелырак* (Ю. Байгуза) ‘Мое слово тяжелее камня’; *Шонымаш омо деч виянрак, чыла сенга* (В. Иванов) ‘Мысли сильнее сна, одолеют всё’.

В словосочетаниях рассматриваемой модели практически используются **местоимения-существительные** – личные, некоторые определительные (ограниченность употребления, очевидно, связана с особенностями их лексического значения; так, не выявляются местоимения с префиксами *кеч-*, *керек-* ‘хоть’), указательные, отрицательные: *мый дечем чолгарак (каче)* ‘смелее меня (парень)’, *(Микале) мыйын деч(ын) самырык* ‘(Микале) моложе меня’, *(тудо) тый дечет сайрак* ‘(он) лучше тебя’, *(йолташ) тыйын деч(ын) нелырак* ‘(твой друг) тяжелее тебя’, *тудын деч(ын) весела (айдеме)* ‘веселее его (человек)’, *(порылык) тудын (осал вий) деч(ын) талырак* ‘(доброта) сильнее ее (злой силы)’, *(рвезе) туддеч(ын) мастар* ‘(парень) искуснее его’, *туддеч(ын) йытырарак (үдыр)* ‘краше ее (девушка)’ (согласно орфографии, послелог *деч(ын)* ‘от’ с местоимением *тудо* ‘он, она’ может писаться и раздельно, и слитно [Марий орфографий мутер, 2011, с. 17]: *тудын деч(ын) – туддеч(ын)*), *мемнан деч(ын) изи (капан)* ‘ниже нас (ростом)’, *мемнан деч(ын) онайрак (ен)* ‘интереснее нас (человек)’, *(рвезе) тендан деч(ын) ушан* ‘(парень) умнее вас’, *тендан деч(ын) кугурак (вуйлатыше)* ‘выше вас (руководитель)’, *нунын деч(ын) тале (мастар)* ‘сильнее их (мастер)’, *(энгер) нунын деч(ын) кумдарак* ‘(река) шире их’; *шкеж деч(ын) кугу (үдыр)* ‘старше себя (девушка)’, *шке дечышит изирак (рвезе)* ‘младше их самих (мальчик)’, *моло деч(ын) пиалан (айдеме)* ‘счастливее остальных (человек)’, *молын деч(ын) кугурак (рвезе)* ‘старше остальных (парень)’, *(ик кече) весе деч(ын) күчыкрак* ‘(один день) короче другого’, *чыла деч(ын) мотор (ваштар)* ‘красивее всех (клен)’, *чыла деч(ын) йытыра (үдыр)* ‘красивее всех (девушка)’, *тидын деч(ын) тамле (нимо)* ‘вкуснее этого (ничего)’, *тиддеч(ын) йөсө (пагыт)* ‘тяжелее этого (время)’, *тиддеч(ын) кугу (йоммаш)* ‘больше этого (потеря)’ (в соответствии с правилами орфографии, послелог *деч(ын)* ‘от’ с указательным местоимением *тиде* ‘этот’, как и с *тудо* ‘он, она’, может писаться и раздельно, и слитно [Марий орфографий мутер, 2011, с. 17]), *нинын деч(ын) сай (нимо)* ‘лучше этих (ничего)’, *нигө деч(ын) пиалан (айдеме)* ‘счастливее всех (человек)’, *нигө деч(ын) патыр (ен)* ‘сильнее всех (человек)’.

нимо *деч(ын) виян (кагаз)* ‘сильнее всего (бумага)’, *нимо деч(ын) осал (тушман)* ‘злейший (букв. злее всего) (враг)’. Небезынтересно, что в случаях с зависимыми компонентами *чыла деч(ын)* ‘всех’, *нигӧ деч(ын)* ‘всех’ (букв. ‘никого’), *нимо деч(ын)* ‘всего’ (букв. ‘ничего’) опорное прилагательное употребляется только в форме положительной степени, т.е. без суффикса *-рак*, т.к. такие словосочетания в целом передают не сравнительную, а высшую, превосходную, степень проявления предметного признака. Однако при этом их не относят к лексико-грамматическим средствам категории степени прилагательных, о чем справедливо пишет и З.В. Учаев [1982, с. 114]. Например: *Тый мый дечем чаплым муын кертат* (Ю. Байгуза, В. Пектеев) ‘Ты можешь найти (кого-то) **прекраснее меня**’; *Кӧ уло мыйын дечын ойганракше?* (В. Попов) ‘Есть кто **печальнее меня?**’; *Тый дечет мотор, тый дечет чевер Иктат уке вес чевер* (В. Абукаев) ‘**Красивее тебя, прекраснее тебя нет** (никого) другой красавицы’; *Элыксан тый дечет виянрак, сена* (В. Иванов) ‘Элыксан **сильнее тебя, победит**’; *Кӧ тудын дечын тале, Кӧ тудын деч ушан, ... Лач нунымак кученыт Да пуштыныт лӱен* (В. Горохов) ‘Кто **сильнее его, кто умнее его, ... именно их задержали и расстреляли**’; *Иктыже кыдалаш капан, весыже туддеч лапкарак* (П. Корнилов) ‘Один среднего роста, другой **ниже него**’; *Пӱртӱс мемнан деч виянрак, ушанрак, шотанрак* (М. Илибаева) ‘Природа **сильнее, умнее, приличнее нас**’; *От му тендан дечын чеверым, Уке тендан деч амызат* (В. Колумб) ‘Не найти **красивее вас, Нет и отвратительнее вас**’; *Нунын (сӧсна-дельфин-влак) дечын тале акробат уке* (М. Казаков) ‘Нет акробата **искуснее их** (свиной-дельфинов)’; *Эрик Сапаев бюстышто шкеж деч вестӱрлырак лектын* («Марий Эл») ‘В бюсте Эрик Сапаев получился **несколько иным по сравнению с самими собой**’; *Акаиза-влак шке дечышт изирак Маякым йол ӱмбак шогалтеныт* («Ончыко») ‘Сестры и братья младшую (букв. **моложе себя**) Маяк поставили на ноги’; *Тыгай айдеме моло деч пиа-лан* («Кугарня») ‘Такой человек **счастливее других**’; *Мый вет молын деч ангырарак омыл* (А. Эрыкан) ‘Ведь я **не глупее остальных**’; *Ончал, корабль-влак – икте весыж дечын*

тале! (Г. Гадиатов) ‘Смотри, корабли – один **быстрее другого**’; *Ик кече весе деч сылнырак* (Г. Чемеков) ‘Один день **прекраснее другого**’; *Айдеме чыла деч виян* (В. Абукаев) ‘Человек **сильнее всех**’; *Шошо огеш мале тургым жапыште, тудо чыла дечын чулымрак* (Г. Чемеков) ‘Весна не спит в страду, она **расторпнее всех**’; *Садак иктажым (вургемым) муат, тидет дечын сайракым* (Г. Гордеев) ‘Все равно что-нибудь (из одежды) найдешь, **лучше этой**’; *Илаш!.. Тиддеч мотор нимо уке тӱняште* (З. Дудина) ‘Жить!.. Нет ничего **прекраснее этого** на свете’; *Нинын деч кӱкиӱ верым налынам* («Марий Эл») ‘Я занял место **выше их** (букв. **этих**)’; *Тылеч вара Славик нигӧ деч пиа-лан, нигӧ деч весела лие* (В. Косоротов) ‘После этого Славик стал **счастливее всех, радостнее всех**’; *(Санепа) арня ончыч гына нигӧн деч чулым лийын* (А. Юзыкайн) ‘Санепа только неделю назад была **бойчее всех**’; *Таня ден Лёнька нимо деч шергакан, нимо деч ныжыл чеверласыме шомакым ойленыт* (В. Ижболдин) ‘Таня и Лёнька говорили **самые дорогие** (букв. **дороже ничего**), **самые нежные** (букв. **нежнее ничего**) прощальные слова’; *Чын йӧратымаш тӱняште нимо дечын ныжылге, нимо деч сылне, нимо деч виян* (В. Косоротов) ‘Настоящая любовь **нежнее всего, прекраснее всего, сильнее всего** (букв. **ничего**) на свете’.

К прономинально-адъективным словосочетаниям описываемой модели примыкают синтаксические соединения с указательными местоимениями редкой аблативной (отложительной) падежной формы, т.е. образующиеся по образцу $M_{абл.} + ИП_{кач.}$: *тылеч(ын) йӧнан (пӧлем)* ‘удобнее этой (комната)’, *тылеч(ын) кугу (пушенге)* ‘больше этого (дерево)’, *тылеч(ын) онай (сӱрет)* ‘интереснее этой (картина)’, *тылеч(ын) сай (ӱдыр)* ‘лучше этой (девушка)’, *тылеч(ын) раширак (шомак)* ‘яснее этого (слово)’, *тулеч(ын) сай (пайрем)* ‘лучше того (праздник)’, *тулеч(ын) сӧрал (ковёр)* ‘красивее того (ковёр)’, *тулеч(ын) изи (пуда)* ‘меньше того (гвоздь)’, *тулеч(ын) изирак (пӱгьльмӧ)* ‘меньше той (шишка)’, *тулеч(ын) осалрак (ен)* ‘хуже того (человек)’. Зависимую часть представляют формы аблативного (отложительного) падежа (об этом см.: [Галкин, 1964, с. 56; Коведяева, 1978, с. 101, 122–123, 147–148]) указательных местоимений *ты*

‘это, этот’ и *ту* ‘то, тот’ – *тылеч(ын)* ‘этого, этой’ и (реже) *тулеч(ын)* ‘того, той’. Суффикс *-леч(ын)* в данном случае семантически соответствует послелогу *деч(ын)* ‘от’, о чем писали И.С. Галкин и Е.И. Коведяева [Галкин, 1964, с. 53; Коведяева, 1978, с. 147]. Например: *Нуно тылеч изи пӧлекым огыт йӧрате* («Марий Эл») ‘Они не любят подарка **меньше этого**’; *Кугу квадратным сӱретлыза. Ынде йочада кӧргыштыжӧ тылеч изирак квадратным ыштыже* («Марий Эл») ‘Нарисуйте большой квадрат. Пусть теперь ваш ребенок сделает в нем квадрат **поменьше этого**’; *Возышылан тылеч кугу ак лийын кертеш мо?* (Г. Зайниев) ‘Разве может быть оценка **выше этой** писателю?’; *Тыште умдылажат да тулеч осалрак турледышыжат шагал огыл* (Н. Лекайн) ‘Здесь немало и клопов, и (других) кусающих **похуже их** (букв. **того**)’; *Кӱварыш ковӧрым шарыме, а пырдыжыште тулеч сӧрал лопка ковӧр кеча* (А. Юзыкайн) ‘На полу постлан ковӧр, а на стене висит широкий ковӧр **красивее того**’; *Чыган шкежат колхозышто ышта. Тулеч тале конюхым от му* (Н. Лекайн) ‘Цыган и сам работает в колхозе. Конюха **лучшего этого** (букв. **того**) не найдешь’.

В единичных случаях встречаются примеры словосочетаний с другими местоимениями-существительными, например, с неопределенным *ала-мо* ‘что-то’ в его значении ‘всё, что угодно’: *Григорий Петрович мыйым ала-мо деч осал кувалан шотлаш тӱналеш* (Г. Гордеев, С. Чавайн) ‘Тригорий Петрович будет считать меня **очень злой** (букв. **чего-то злее** в значении **всего злее**) старухой’. *Илышыже тудлан ала-мо дечат шерге* (Г. Алексеев) ‘Жизнь ему **дороже всего** (букв. **чего-то**)’.

Заслуживает особого внимания, что иногда генитивные местоименные формы перед послелогом *деч(ын)* контекстуально заменяют субстантивное словосочетание и словосочетания в целом сближаются с субстантивно-адъективными. Например: *Тыйын ведрат мыйын деч нелырак!* (В. Егоров) ‘Твое ведро **тяжелее моего**’ (генитивная форма *мыйын* замещает словосочетание *мыйын ведрам* ‘мое ведро’; так же и далее); *Мыйын пӧртем тыйын деч пенгыдырак* (Ю. Артамонов) ‘Мой дом **крепче твоего**’; *Шуанпелчаным сайынак ончал! Розан тынар имыже уло? Кучен ончо, тудын*

деч пенгыдырак да кошаргырак («Марий Эл») ‘Посмотри получше на чертополох! Разве у розы есть столько шипов? Потрогай (его), **жестче и острее ее** (шипов)’; *Нунын шке оркестрышит уло, театрыштат мемнан деч кугу* (В. Колумб) ‘У них есть свой оркестр, и театр у них **больше нашего**’; *Мемнан ола тендан деч изи гынат, илаш сай* (С. Музуров) ‘Хотя наш город **меньше вашего**, жить хорошо’; *Мемнан мландыжат, пырчыжат молын деч сай* (М. Иванов) ‘У нас и земля, и зерно **лучше, чем у других**’. Понятно, что подобные сочетания слов появляются только на уровне предложений. Нет сомнений, такое явление находится в одном ряду со способностью форм родительного падежа имен существительных присоединять к себе показатели других косвенных падежей (в нашем случае употребляться с послелогом *деч(ын)* ‘от’), контекстуально замещая другие имена существительные (об этом см.: [Учаев, 1982, с. 63; Тужаров, 1987, с. 81–82]).

При качественных прилагательных данной модели наблюдаются, как правило, относительные **прилагательные** с суффиксом *-се (-со, -сӧ, -ысе, -ысо, -ысӧ)*, обозначающие признак предмета по времени и месту: (*монча*) *тунамсе деч(ын) ошо* ‘(баня) белее, чем тогда (букв. тогдашней)’, (*паша*) *ондакысе деч(ын) куштылгырак* ‘(работа) легче, чем прежде (букв. прежней)’, (*ола*) *ончысо деч(ын) мотор* ‘(город) красивее, чем прежде (букв. прежнего)’, (*кинде*) *ожнысо деч(ын) сайрак* ‘(урожай) лучше, чем раньше (букв. прежнего)’, (*шинчаончалтыш*) *тенгечысе деч(ын) веселарак* ‘(взгляд) веселее вчерашнего’, (*пӧлем*) *могунамсе деч(ын) ару* ‘(комната) чище обычной’ (*лектыш*) *нигунамсе деч(ын) сай* ‘(результат) лучше, чем когда-либо (букв. некогдашнего)’; *черкысе деч(ын) изирак (юмона)* ‘(икона) меньше, чем в церкви (церковной)’, (*ий*) *олыкысо деч(ын) вичкыжрак* ‘(лед) тоньше, чем на лугу (букв. лугового)’. Сюда же следует отнести словосочетания с подчиненными конструкциями, в которых вышеуказанным суффиксом оказывается снабженным временной послелог *годым* ‘во время’ – *годсо, годымсо* ‘времени; относящийся ко времени’: (*школ*) *сар годымсо деч(ын) сай* ‘(школа) лучше, чем во время войны’, (*уш-акылже*) *моло годсо деч(ын)*

виянрак ‘(его рассудок) сильнее, чем обычно (в остальное время)’. Например: *Театрлан ожнысо деч виянрак лийман* (Ю. Галютин) ‘Театру необходимо быть **сильнее прежнего**’; *Марий классикын ойпогыжо ончычсо деч кузурак кум том дене савыкталте* (Г. Зайниев) ‘Собрание марийского классика вышло в трех **бóльших, чем прежде, томах**’; *Кўшкō нōлтшō кечат молгунамсе деч весела* («Марий Эл») ‘И высоко поднявшееся солнце **веселее обычного**’; *Шурно лектыш ймаисе деч изирак лийын* («Марий Эл») ‘Урожай вышел **ниже прошлогоднего**’; *Тунам кормажат кызытсе деч сайрак лийын* («Марий Эл») ‘Тогда и корм был **лучше, чем сейчас** (букв. **теперешнего**)’; *Вес корно дене лектына. Тудыжо шангысе деч кўчыкрак* (В. Юксерн) ‘Выйдем по другой дороге. Она **короче прежней** (букв. **недавней**)’; *Шўйжō вичкыжемьнат, тоштыж деч кужуракла коеш* (В. Юксерн) ‘Шея у него стала тоньше, поэтому кажется **длиннее прежней** (букв. **старой**)’; *Сочельник вўд шке вийже дене Крешене годымсо деч нимынярат уда огыл* («Марий Эл») ‘Сочельниковская вода по своей силе нисколько **не хуже крещенской** (букв. **времени Крещения**)’; *Пионер-влак шкештат моло годымсо деч веселарак лийыт* (Н. Лекайн) ‘Пионеры и сами становятся **веселее, чем обычно (в другое время)**’; *Куан шочмо мландыште илыме годымсо деч вестўрлō* («Кугарня») ‘Радость **другая, чем во время жизни на родине**’; *Урем корнат пасусо деч куштылгыжак огыл* («Ончыко») ‘И уличная дорога **не легче луговой**’; *Пашадар школысо деч изирак* («Ончыко») ‘Зарплата **ниже, чем в школе** (букв. **школьной**)’; *Чодыраште лум пасусо деч пушкыдырак да келгырак* (В. Осипов) ‘В лесу снег **мягче и глубже, чем на поле** (букв. **полевого**)’; *Акым каласыш, олесе деч кок пачаш шулдо* (В. Сапаев) ‘(Он) назвал цену, в два раза **дешевле, чем в городе** (букв. **городской**)’. Описываемым словосочетаниям с подчиненными именами прилагательными в целом свойственна та особенность, что здесь сила признака, выраженного положительной или компаративной формой стержневого прилагательного, передается не в сравнении с признаком другого предмета (лица), а с признаком этого же, или одного и того же, предмета (лица), однако находящегося в иных

обстоятельствах – в другом времени и в другом месте и т.д. Поэтому во многих случаях после зависимого прилагательного, перед послелогом *деч(ын)*, можно без особых усилий вставить существительное, как правило, уже выступающее в предложении в позиции субъекта, – название предмета (лица), несущего указанный признак; правда, в случаях неполных предложений оно может быть опущено (см. выше последние предложения). Например: *Мемнан музейна тусо деч сайрак лийшаш* («Марий Эл») ‘Наш музей должен быть **лучше, чем там** (букв. **тамошнего**)’ – ср.: *Мемнан музейна тусо музей деч сайрак лийшаш* («Марий Эл») ‘Наш музей должен быть **лучше тамошнего музея**’.

Прилагательные других, т.е. не временных и не местных, значений могут сочетаться с качественными прилагательными только в случаях их субстантивации или замещения ими субстантивных словосочетаний: *Кошарварняже лўмдымō деч кузурак лиеш* (В. Горохов) ‘Указательный палец **длиннее безымянного** (пальца)’.

Обращают на себя внимание хорошо известные в языке адъективные конструкции типа *ошо деч(ын)(ат) ош(о) (комбо)* ‘белее белого (гусь)’, *тутло деч(ын)(ат) тутло (чес)* ‘вкуснее вкусного (угощение)’, *лишыл деч(ын)(ат) лишыл (шочшо)* ‘ближе близкого (ребенок)’, практически составляемые по рассматриваемому образцу словосочетаний (прилагательное + прилагательное качественное). Например: *Ошо деч ошо шовычышым шовын деч посна ида муш* (Муро) ‘Платок (который) белее белого не стирайте без мыла’; *Пален налат эртак онай дечын онайым, у дечын ум* (З. Краснов) ‘Все время узнаешь (что-то) **самое интересное** (букв. **интереснее интересного**), **самое новое** (букв. **новее нового**)’. Согласно марийской грамматической традиции, они (обороты «с повторяющимися именами прилагательными в сочетании с послелогом *деч*») квалифицируются как одна из аналитических форм превосходной степени имен прилагательных [Современный марийский язык, 1961, с. 104; Галкин, 1964, с. 98; 1986, с. 43; Учаев, 1982, с. 104], соответственно, не являются словосочетаниями. Правда, Л.П. Васиковой, а также В.Т. Тимофеевой подобные конструкции – *ошо деч ошо*

‘белее белого’, *сай деч сай* ‘лучше лучшего, самый хороший’ – приведены в ряду примеров «схем» адекватных словосочетаний [Васикова, 1987, с. 10, 13; Тимофеева, 1989, с. 4; см. также Максимов, 1999, с. 70].

С качественными прилагательными данной модели сочетаются главным образом страдательные (пассивные) причастия, образованные при помощи суффиксов *-ме (-мо, -мө)* и являющиеся именами действий, т.е. совмещающие свойства глагола и имени существительного: (*литератор лияш*) *туныктымо деч(ын) куштылгырак* ‘(быть литератором) легче, чем учить (букв. обучения)’, (*канцелярийыште шинчаш*) *чодыра руымо деч(ын) сайрак* ‘(сидеть в канцелярии) лучше, чем рубить лес (букв. рубки леса)’, (*муро ончыч колмо деч(ын) куатле* ‘(песня) сильнее услышанной ранее’, (*ужаташ*) *вашилийме деч(ын) нельрак* ‘(проводить) тяжелее, чем встречать (букв. встречи)’, (*мемориал палемдыме деч(ын) кўкшө* ‘(мемориал) выше проектного (букв. намеченного)’, (*эм*) *лийме деч(ын) уто* ‘(лекарство) лишнее, чем можно (букв. возможного)’, *кочмо шумо деч(ын) виянрак (кумыл)* ‘сильнее голода (желание)’, (*ильш*) *шоньмо деч(ын) патыррак* ‘(жизнь) сильнее, чем желание (букв. желаемого)’, (*кўдырчө*) *кўдыртымө деч(ын) виянрак* ‘громче грохота (грома)’, (*юмо пўрымө деч(ын) уда (огыл)* ‘(не) хуже, чем суждено (букв. сужденного) (богом)’. В предложениях управляемые причастия таких словосочетаний в абсолютном большинстве случаев имеют свои зависимые слова, т.е. функционируют как образующие причастный оборот. Например: *Мо уло тўняште... йөратыме деч шерге?* (К. Исаков) ‘Что есть на свете... **дороже любимого?**’; *Шкетын шинчен кодмо деч шучко нимо уке* («Марий Эл») ‘Нет ничего **страшнее, чем остаться** одному (букв. оставания одного)’; *Киндым ончен куштым деч суапле паша уке* («Ончыко») ‘Нет работы **благородней, чем выращивание** (букв. выращивания) хлеба’; *Почеламутым лудашыжат аршынтюам нелме деч куштылгыжак лийын огыл* (М. Казаков) ‘Читать стихотворение было не **легче, чем проглотить** аршин (букв. проглатывания аршина)’; *Шукыж годым йомдарымаш мумо деч шергырак, кўлешанрак* («Ончыко»)

‘Во многих случаях потеря **дороже, нужнее находки**’; *Но илаш – пасу гоч лекме деч нелырак* (В. Колумб) ‘Но жить – **труднее, чем поле перейти** (букв. прохода через поле)’.

В подчиненной позиции иногда выявляются причастия и других разрядов – действительные (активные) и совсем редко отрицательные и будущего времени. В этом случае они используются как имена существительные – являются или субстантивированными, или чаще замещающими в контексте субстантивное словосочетание: (*ошпонгын тамже*) *кожерыште шочшо деч(ын) начаррак* ‘(вкус белого гриба) хуже, чем у растущего в ельнике’; (*тунемше*) *тунемдыме деч(ын) виянрак* ‘(выучившийся) сильнее того, кто не учился (букв. не выучившегося)’, (*кайыше муро*) *толша деч(ын) шерге* ‘(уходящая песня) **дороже** той, что придет’. Например: *Шочшо деч шерге тўняште ниго уке* (А. Юзыкайн) ‘Нет на свете никого **дороже** (своего) **ребенка**’; *Ули деч сайже уло мо?* («Ончыко») ‘Разве есть **лучше того, что есть** (букв. имеющегося)?’; *Шагат мастар чиемже да поянык дене шоло волтышо деч нужна* (Ю. Галютин) ‘По одежке и имуществу часовщик **беднее сплавщика**’; *Моткоч сөрал койына, тўнык эрыктыше дечат «ару» лийынна* (Г. Чемяков) ‘Выглядим очень красиво, мы стали **«чище»** даже **трубочиста** (букв. чистящего трубу)’; (*Пеледыш аршааш*) *пўртүсьыштө шочшо дечат моторыс* («Марий Эл») ‘(Букет цветов) **красивее** даже **природного** (букв. родившегося в природе)’; *Ешан айдемын ўмыржө шкет илыше деч кужурак* («Кугарня») ‘Жизнь семейного человека **дольше, чем у живущего** одиноко’; *Палыме кеч-кунамат палыдыме деч сай* (Ю. Галютин) ‘Знание всегда **лучше незнания**’.

Исключительно редко, обычно при условии замещения субстантивных словосочетаний, зависимую позицию в описываемых синтаксических соединениях могут занимать **имена числительные**. При этом отсутствующее (заменяемое) существительное определяется по контексту, часто по лексическому составу самого предложения, или подразумевается по ситуации. Согласно материалам, наблюдаются случаи сочетания с качественными прилагательными числительных количественных и из порядковых практически числительных

икымше ‘первый’ и кокымшо ‘второй’: *кокыт деч(ын) уто (пырня)* ‘больше двух (бревен)’, *икте деч(ын) сьлне (весе)* ‘краше одного (другой)’ (здесь *икте* ‘один’ в местоименном значении), *икымше деч(ын) кужурак (капан)* ‘выше (букв. длиннее) первого (ростом)’, *кокымшо деч(ын) вичкыжрак (книга)* ‘тоньше второй (книга)’. Например: *Кок уш икте деч сайрак* (В. Сапаев) ‘**Два ума лучше одного**’; *Ботинкыжат кумло шымыт деч кузу огыл* (В. Бердинский) ‘И ботинки у него **не больше тридцать седьмого** (букв. **тридцати семи**)’; *Тыланет лу (тенге) деч утыжым иктат ок лу* (С. Чавайн) ‘Тебе никто не даст **больше десяти** (рублей)’; *Романын кокымшо ужашыже икымше деч сай лийшаш* (М. Рыбаков) ‘Вторая часть романа должна быть **лучше первой**’; *Икымше деч кокымшо йоратымаш виянрак лийшаш* (И. Фадеев) ‘Вторая любовь должна быть **сильнее первой**’.

Рассматривая данную модель адъективных словосочетаний, нельзя оставить в стороне то, что в источнике иногда (достаточно редко) выявляются равнозначные синтаксические соединения с составным послелогом *деч(ын) гоч* ‘больше, больше чем’ – в этом случае синонимом послелога *деч(ын)*: (*шинчавуд*) *аяр деч(ын) гоч кочо* ‘(слезы) горше яда’, *мый дечем гоч шергакан (ен)* ‘дороже меня (человек)’, *тый дечет гоч поян (марий)* ‘богаче тебя (мужик)’, *нигд деч(ын) гоч пиалан (айдеме)* ‘счастливее всех (букв. никого) (человек)’, *нимо деч(ын) гоч пайдале (йуыш)* ‘полезнее всего (букв. ничего) (напиток)’, (*тазалыкым*) *пӧртылтымд деч(ын) гоч суапле (паша)* ‘благороднее восстановления (здоровья) (дело)’. Практически обнаруживаются примеры с некоторыми местоимениями-существительными, а также с отдельными именами существительными и страдательными причастиями в управляемой позиции. Обращает внимание одна грамматическая особенность этих словосочетаний – опорные имена прилагательные выступают только в форме положительной степени, т.е. без суффикса *-рак*. Это объясняется, очевидно, тем, что компонент *гоч* составного послелога и послелог *деч(ын) гоч* в целом уже содержат в себе сравнительное значение ‘более, больше, больше чем’; причем *деч(ын) гоч*, в отличие от многозначного послелога *деч(ын)*, является

однозначным и не требует дополнительной конкретизации своей семантики (см.: [Словарь марийского языка, 1990, с. 372, 402]). Например: *Чес деч гоч кумыл шерге* (С. Чавайн) ‘**Душа дороже угощений**’; *Тиде модышышто Вени деч гоч чоя уке* (В. Смирнов) ‘В этой игре нет (никого) **хитрее Вени**’; *Тудынат илыш куштылго огыл. Можыч, мый дечем гоч нелырак* (Ю. Артамонов) ‘И у него жизнь нелегкая. Может быть, **труднее моей** (букв. **меня**)’; *Тый дечет гоч мотор уке нигодат мылам* (Г. Ороспаев) ‘Для меня нет никого **красивее тебя**’; *Тиддеч гоч мыланем Лаикан кумылжо шерге* (М. Рыбаков) ‘**Дороже этого** мне душа Лаики’; *Коктынат ниго деч гоч пиалан, ниго деч гоч весела улыт* (Г. Чемеков) ‘Оба **счастливее всех** (букв. **никого**), **радостнее всех** (букв. **никого**)’; *Йочан тазалыкше нимо деч гоч кӱлешан* («Марий Эл») ‘Здоровье ребенка **важнее всего** (букв. **ничего**)’; *Жап йогын нимо деч гоч писе* («Ончыко») ‘Течение времени **быстрее всего** (букв. **ничего**)’; *Тылеч гоч кузу куан Чопулан уке* (В. Смирнов) ‘Радости **больше этой** нет для Чопу’; *Тылеч гоч пиалан мый ом лий!* (Г. Сабанцев) ‘Я не буду **счастливее этого**’; *Тулеч гоч уто йук ок шокто* (В. Смирнов) ‘Не слышно шума **больше этого** (букв. **того**)’.

Заключение

Таким образом, в построении марийских предложений достаточно активно участвуют адъективные словосочетания модели ИЧР^{деч(ын)} + ИП^{кач.} (именные части речи с послелогом *деч(ын)* ‘от’ + имя прилагательное качественное). Опорные качественные (иногда относительные в значении качественного) прилагательные могут использоваться в формах как сравнительной степени, так и положительной. В любом случае в словосочетаниях передаются сравнительные отношения – бóльшая степень названного предметного признака в сравнении, причем по сравнению с подобным признаком другого предмета (лица) или с признаком этого же предмета (лица), но проявляющимся в других обстоятельствах.

В зависимой послеложной конструкции употребляются: главным образом имена существительные всех лексико-грамматических разрядов и местоимения-существительные; заметно реже – имена прилагательные, в основном обозначающие признак по времени и месту,

и причастия, прежде всего страдательные, – имена действий; крайне редко – имена числительные количественные и отдельные порядковые. При этом прилагательные, причастия других разрядов, числительные так или иначе выступают вместо имен существительных – или являются субстантивированными, или замещают субстантивное словосочетание. Именные слова перед послелогом согласно грамматическим нормам языка употребляются преимущественно в номинативной форме, и только личные и некоторые другие местоимения могут принимать генитивную форму. Иногда генитивные формы управляемых имен, местоимений и других несубстантивных имен могут замещать целое субстантивное словосочетание, при этом конкретное, отсутствующее «опорное», существительное выявляется по контексту или ситуации. Послелог *деч(ын)* ‘от’ по мере необходимости, в соответствии с контекстом и своими грамматическими связями, может иметь при себе притяжательные суффиксы всех лиц и усилительную частицу *-ат*.

Компоненты словосочетаний рассмотренной модели связываются послеложным управлением, что наиболее четко прослеживается в случаях выполнения ядерными прилагатель-

ными предикативной функции. Смысловое отношение между ними объектное. Управляемые послеложные конструкции в целом выражают объект, с признаком которого сравнивается подобный признак другого или реже одного и того же предмета (лица), названный главной частью словосочетания. Следовательно, для них в предложении характерна синтаксическая функция дополнения. Опорные прилагательные передают признак, как правило, проявляющийся в большей (в отдельных случаях в меньшей) степени, чем такой же признак другого или того же предмета (лица), названного в зависимой послеложной конструкции. Они функционируют в предложениях как присубстантивные определения или именные части составного сказуемого, а иногда, в случаях использования вместо имен существительных, и как другие члены предложения.

В марийском языке представлены синонимичные малоупотребительные словосочетания с составным послелогом *деч(ын) гоч* ‘больше, больше чем’. Однако опорные прилагательные в них выступают только в форме положительной степени, т.к. бóльшая степень проявления предметного признака передается уже в самом послелого.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Васикова Л.П. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан польш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.
- Васикова Л.П. Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.
- Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология: в 2 ч. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 203 с.
- Галкин И.С. Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 122 с.
- Грамматика русского языка: в 2-х т. / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: акад. В.В. Виноградов и др.; М.: Изд-во АН СССР. 1953. Том I: Фонетика и морфология. 720 с.
- Коведяева Е.И. Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка // Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам / АН СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1978. С. 49–154.
- Максимов В.Н. Послеложное управление в марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.
- Марий орфографий мутер / МарНИИЯЛИ; редкол.: И.Г. Иванов (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.
- Мустаев Е.Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учеб. пособие для вузов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 395 с.
- Русская грамматика: в 2-х т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова, А.В. Бондарко, Е.А. Брызгунова и др.; редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.
- Сибатрова С.С. Синтаксические особенности послелогов в марийском языке // Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению. Тарту, 1986а. Вып. 13. С. 117–127.

Сибатрова С.С. Морфологические особенности послелогов в марийском языке // Марийская филология: межвуз. сб. науч. трудов. Йошкар-Ола, 1986б. С. 102–108.

Сибатрова С.С. Послелого в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1988. 224 с.

Словарь марийского языка: в 10 т. / А.А. Абрамова, И.С. Галкин, А.С. Ефремов и др.; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др.; МарНИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. Т. 1: А–З. 488 с.

Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Н.Т. Пенгитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

Тимофеева В.Т. Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан польш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

Тужаров Г.М. Грамматические категории имени существительного в марийском языке / науч. ред. И.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 142 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан. 1-ше ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 184 с.

Учаев З.В. Марий йылме: туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

Serafima Sibatrova

ON ONE STRUCTURAL MODEL OF ADJECTIVAL PHRASES IN MARI

Introduction. The article considers Mari adjectival phrases with dependent nominative structures having the postcomponent *dech(ын dech(ын* ‘from’. The lexical and grammatical peculiarities of the word-combinations components expression are described. Grammatical relation, semantic relation and grammatical meaning between syntactic compounds are defined. **The purpose of the article** is to give a multilateral description to the Mari phrases of the model NPS*dech(ын*) + QA (Nominative parts of speech with the postcomponent *dech(ын*) ‘from’ + Qualitative adjective). **Materials and methods.** The study was conducted on the basis of factual materials on the Meadow-Eastern Mari literary norm submitted in the electronic collection of texts (in the amount of about 20 million word usage), mainly of fictional prose and social-political texts, created for the Mari language corps. The word combinations were identified by searching and linguistic observations on both reference names of adjectives and subordinate postcomponent structures. In addition to general scientific methods (generalization, analysis, synthesis), the elements of traditional linguistic methods – descriptive and structural, distributive and contextual analysis were applied to the study. **Research results and discussion.** According to the materials and the research results, adjectival phrases with a nominative structure with postcomponent *dech(ын*) ‘from’ in a subordinate position are quite actively used in the construction of Mari sentences. In the collocations of the model NPS*dech(ын*) + QA the head adjectives are used in the form of the comparative and positive degrees, and in the variant of the NPS*dech(ын*) *zoch* + QA model – only in the positive degree. The notional part of the postcomponent structure is expressed mainly by nouns and pronouns-nouns; in addition, by adjectives, denoting time and place features; by the passive participles action names are expressed, and some other cases – by numerals. The subordinate relation of postcomponent governance is realized between components of word combinations; the semantic relation is an objective one. In general, postcomponent structures represent an object (a person) with the feature of which a similar feature of another or of the same object (a person) is compared, and we call them head adjectives. The head adjective expresses an object feature that has a greater (sometimes smaller) degree of manifestation than that of another or of the same object. **Conclusion.** The model NPS*dech(ын*) + QA (Nominative parts of speech with the postcomponent *dech(ын*) ‘from’ + Qualitative adjective) takes quite a significant place in the system of Mari adjectival phrases. In addition to it, the NPS*dech(ын*) *zoch* ‘more’, ‘more than’ + QA model are used quite rarely. The abovementioned syntactical structures were formed in language to convey peculiar features of an object having a greater (sometimes a smaller) degree relative to a similar feature belonging to another object or the same object (person) in other circumstances – at other time, in other place, etc.

Key words: Mari language; adjectival phrases; models; expression of components; grammatical relation; semantic relation; grammatical meaning.

REFERENCES

- Vasikova L.P. Kzytse marij jylme. Prostoј predlozhenij sintaksis: tynyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher's book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 144 p. (In Mari).
- Vasikova L.P. Sopostavitel'naja grammatika russkogo i marijskogo jazykov. Sintaksis: posobie dlja uchitelja [Comparative grammar of the Russian and Mari Languages. Syntax: Teacher's book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, 152 p. (In Russian).
- Galkin I.S. Istoricheskaja grammatika marijskogo jazyka. Morfologija: v 2 ch. [Historical grammar of the Mari language. Morphology: in 2 p.]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964, p. 1, 203 p. (In Russian).
- Galkin I.S. Marij jylmyn istoricheskij grammatikyzhe. Morfologij da sintaksis: tunemme kniga [Historical grammar of the Mari language. Morphology and syntax: training manual]. Yoshkar-Ola, 1986, 122 p. (In Mari).
- Grammatika russkogo jazyka: v 2-h t. [Grammar of the Russian language: in 2 vol.] / Academy of the Sciences of the USSR. Institute of Linguistics; ed.: akad. V.V. Vinogradov, et al. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1953. vol. 1: Phonetics and Morphology. 720 p. (In Russian).
- Kovedjaeva E.I. Tipologicheskaja evoljucija sistemy lokal'nyh padezhej v istorii marijskogo jazyka [Typological evolution of the system of local cases in the history of the Mari language]. *Istoriko-tipologicheskie issledovanija po finno-ugorskim jazykam* [Historical and typological research on Finno-Ugric languages] / Academy of the Sciences of the USSR. Institute of Linguistics; ed.: B.A. Serebrennikov. Moscow, Nauka, 1978, pp. 49-154. (In Russian).
- Maksimov V.N. Poslelozhnoe upravlenie v marijskom jazyke: monografija [Postpositional governance in the Mari language: monograph]. Yoshkar-Ola, 1999, 160 p. (In Russian).
- Marij orfografij muter [Mari spelling dictionary] / Mari Research Institute of Language, Literature and History; ed.: I.G. Ivanov, et al. Yoshkar-Ola, 2011, 368 p. (In Mari).
- Mustaev E.N. Sopostavitel'noe jazykoznanie. Russkij i marijskij jazyki: ucheb. posobie dlja vuzov [Comparative linguistics. Russian and Mari languages: work-book for university students]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2013, 395 p. (In Russian).
- Russkaja grammatika: v 2-h t. T. 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija [Russian grammar: in 2 vol. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology] / N.S. Avilova, A.V. Bondarko, E.A. Bryzgunova, et al; ed.: N.Ju. Shvedova (ch. ed.), et al; Academy of the Sciences of the USSR. Institute of the Russian language. Moscow, Nauka, 1980, 784 p. (In Russian).
- Sibatrova S.S. Sintaksicheskie osobennosti poslelogov v marijskom jazyke [Syntactic features of postpositions in the Mari language]. *Fenno-ugristica. Trudy po finno-ugrovedeniju* [Fenno-ugristica. Works on Finno-Ugric studies]. Tartu, 1986a, iss. 13, pp. 117-127. (In Russian).
- Sibatrova S.S. Morfologicheskie osobennosti poslelogov v marijskom jazyke [Morphological features of postpositions in the Mari language]. *Marijskaja filologija: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Mari Philology: Inter-university collection of research papers]. Yoshkar-Ola, 1986b, pp. 102-108. (In Russian).
- Sibatrova S.S. Poslelogi v marijskom jazyke: dis. ... kand. filol. nauk [Postpositions in the Mari language: Ph.D. thesis]. Tartu, 1988, 224 p. (In Russian).
- Slovar' marijskogo jazyka: v 10 t. [Dictionary of the Mari Language: in 10 vol.] / A.A. Abramova, I.S. Galkin, A.S. Efremov, et al; ed.: I.S. Galkin (ch. ed.), et al; Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990, vol. 1: A-Z, 488 p. (In Mari. In Russian).
- Sovremennyj marijskij jazyk. Morfologija [The Modern Mari language: Morphology]. Ed. N.T. Pengitov. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961, 324 p. (In Russian).
- Timofeeva V.T. Kzytse marij jylme. Prostoј predlozhenij sintaksis: tynyktyshylan polish [The Modern Mari language. Simple sentence syntax: Teacher's book]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989, 120 p. (In Mari).
- Tuzharov G.M. Grammaticheskie kategorii imeni sushhestvitel'nogo v marijskom jazyke [Grammatical categories of the noun in the Mari language]. Ed. I.G. Ivanov. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987, 142 p. (In Russian).
- Uchaev Z.V. Marij jylme: tynyktysho-vlaklan. 1-she uzhash [Mari Language: for Teachers. P. 1]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982, 184 p. (In Mari).
- Uchaev Z.V. Marij jylme: tynyktysho-vlaklan. 2-sho uzhash [Mari Language: for Teachers. P. 2]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985, 183 p. (In Mari).

Сибатрова Серафима Сергеевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Serafima Sibatrova

Candidate of Philological Sciences, Senior Research
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: simasibatrova802@rambler.ru

УДК 811.511.131'367

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-43-52

СИНТАКСИС ПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2023 г. А.А. Шибанов

Введение. В удмуртском языкознании неизменно актуальной остается проблема морфологической идентификации отдельных групп слов, к которым относятся и подражательные слова. На сегодняшний день они остаются одним из самых неоднозначно трактуемых лексико-грамматических классов языка. Действительно, подражательные слова представляют собой уникальное явление как в семантическом, так и в структурном плане. Благодаря своим отличительным свойствам они не раз являлись предметом специальных исследований. В существующих научных трудах затронуты отдельные вопросы их структуры, семантики, морфологические принципы их выделения. Работ, посвященных синтаксису изучаемых единиц, нет. **Цель статьи** – описание синтаксиса удмуртских подражательных слов с точки зрения их «функционирования» в художественных текстах и живой речи. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили оригинальные тексты художественной литературы на удмуртском языке, а также диалектный материал, собранный автором в ходе диалектологических экспедиций на территории Удмуртии. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** Лингвистами опубликован ряд работ, в которых исследуются подражательные слова русского языка (В.Н. Добровольский, А.А. Реформатский, А.И. Германович, Ю.В. Казарин), английского языка (С.В. Воронин), немецкого языка (А.Н. Жерновой, В.В. Левицкий), тюркских языков (Н.И. Ашмарин, Г.Е. Корнилов, А.М. Щербак), финно-угорских языков (Д.В. Бубрих, А.С. Кривошекова-Гантман, В. Скаличка, Ф.И. Гордеев, Э.А. Вельди, И.В. Тараканов) и др. В них нашли освещение фонетические, структурные, семантические и синтаксические особенности звукоподражаний, их классификации и функционально-коммуникативные свойства в отдельных языках. Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в различные сочетания, являясь членами предложения. **Заключение.** Основным лексико-грамматическим типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их основной синтаксической функцией в составе предложения считается выражение обстоятельства образа действия.

Ключевые слова: лингвистика; морфология; синтаксис; русский язык; удмуртский язык; подражание; обстоятельство.

Введение

В удмуртском языкознании неизменно актуальной остается проблема морфологической идентификации отдельных групп слов, к которым относятся и подражательные слова. На сегодняшний день они остаются одним из самых неоднозначно трактуемых лексико-грамматических классов языка. Действительно, подражательные слова представляют собой

уникальное явление как в семантическом, так и в структурном плане. Благодаря своим отличительным свойствам они не раз являлись предметом специальных исследований. В существующих научных трудах затронуты отдельные вопросы их структуры, семантики, морфологические принципы их выделения. Работ же, посвященных синтаксису изучаемых единиц, нет. В предложении подражания

прежде всего выступают в качестве обстоятельства образа действия, но иногда встречаются и в роли сказуемого, подлежащего, дополнения, определения.

Цель статьи – описание синтаксиса удмуртских подражательных слов с точки зрения их «функционирования» в художественных текстах и живой речи.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили оригинальные тексты художественной литературы на удмуртском языке, а также диалектный материал, собранный автором в ходе диалектологических экспедиций на территории Удмуртии. В работе использованы описательный, сравнительный и сопоставительный методы.

Результаты исследования, обсуждения

Лингвистами опубликован ряд работ, в которых анализируются подражательные слова русского языка [Добровольский, 1894; Реформатский, 1963; Германович, 1966; Казарин, 2000], английского языка [Воронин, 1982], немецкого языка [Жерновой, Левицкий, 1988], тюркских языков [Ашмарин, 1918; Корнилов, 1984; Щербак, 1987]; финно-угорских языков [Бубрих, 1948; Кривошекова-Гантман, 1964; Скаличка, 1967; Гордеев, 1981; Вельди, 1989; Тараканов, 1990] и др. В этих исследованиях нашли освещение фонетические, структурные, семантические и синтаксические особенности звукоподражаний, их классификации и функционально-коммуникативные свойства в отдельных языках.

Морфологически подражательные слова относятся к числу неизменяемых слов. Однако в синтаксическом плане они не изолированы и могут вступать в сочетания, являясь членами предложения. При этом для них характерна лишь подчинительная и подчиняющая связь с другими частями речи.

Подражательные слова чаще всего употребляются в сочетании с глаголами *карыны* ‘делать’, *вазыны* ‘послышаться’, которые при этом теряют свое лексическое значение и, следовательно, синтаксическую самостоятельность и превращаются в словообразовательный элемент подражательных глаголов: *жингыр карыны* ‘звенеть’, *куажыр вазыны* ‘хрустеть’, *чуп карыны* ‘целовать’, *дамбыр вазыны*

‘греметь’, *тичыр карыны* ‘трескаться’, *тачыр вазыны* ‘трескаться’ и т.д. Здесь с полным основанием можно говорить о сложном звукоподражательном глаголе, поскольку между его компонентами нет никаких синтаксических отношений. Например: *Шуак урдэсам чаштыр! вазиз* [Шихарев, 1989, с. 280] ‘Неожиданно у меня сбоку что-то зашуршало’; *Озыен, кызы мон валасько, тынад табере искусство азын нокыче пунэмед өвөл: тон зэмос шедевр кылдытэмед, – сыче кыльёсын Лараез бамаз чуп кариз* [Нянькина, 1996, с. 52] ‘Таким образом, как я поняла, у тебя перед искусством долга нет: ты настоящая шедевр сотворила, – произнося эти слова, поцеловала Лару в щеку’; *Корт өс дымбыр-йыг кариз, йыромем уй пуны кытын ке утыны кутскиз, дыбыртыса трамвай ортчиз, нош мон весь викишьясько на...* [Панфилова, 2008, с. 31] ‘Металлическая дверь прогремела, где-то залаяла заплутавшая в ночи собака, с грохотом проехал трамвай, а я, как и прежде, всхлипываю...’; *Толиорын ик ыжпиос вордско, скал вера карыны кутске, собере жезезез ни поттыны пуксе, курегёс чаш каро* [Красильников, 1976, с. 75] ‘Среди зимы ягнята рождаются, у коровы появляется молоко, потом гусыня садится высидывать гусят, курицы шумят’; *Парк съёрын автобусъёс ж-ж-у-у куашето, шур жумбыль-жамбыль вазе, сюрес урдсысь жуз-жаг котыре интыяськем зольгыриос забыль потто* [Панфилова, 2008, с. 14] ‘За парком шумят автобусы, река журчит, у дороги чирикают воробьи’; *«Йыгдым-жон!» вазе кебитын, борддоръёсыз ик зуркало, «жон-жон!» шуккиське Акагурт вадъсытһ* [Красильников, 1976, с. 131] ‘«Бимбам-бум!» гремит в кузнице, даже стены дрожат, «дон-дон!» эхом разносится по Акагурту’; *Залын гурак вазиз* [Нянькина, 1996, с. 117] ‘В зале прогремело’.

Сочетаемость подражательных слов с глаголом ‘делать’ встречается и в других языках. Подобные синтаксические свойства, как отмечают исследователи лезгинских языков А.С. Алисултанов, Т.А. Сулейманова, выводят звукоподражания за рамки междометий, которые, как известно, не включаются в состав предложения [Алисултанов, Сулейманова, 2013, с. 51]. Сравним сходную, но не идентичную характеристику звукоподражаний

и междометий в русском языке: «По ряду признаков к междометиям примыкают звукоподражания, представляющие собой условные, преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом...». И далее: «Междометия являются характерной принадлежностью эмоциональной сферы языка, где они употребляются вне связи с другими словами (а также и не для связи последних)» [Русская грамматика, 1980, с. 732]. Хотя авторы данной работы и называют междометия словами, которые лишены номинативного значения, в то же время отмечают: «Как выразительные языковые средства междометия нередко употребляются и за пределами собственно эмоциональной речевой сферы. Такое употребление влечет за собой значительное усложнение и расширение их семантических и синтаксических функций и ведет к их сближению со словами других лексико-грамматических классов» [Русская грамматика, 1980, с. 732].

Из глаголов с самостоятельным значением подражательные слова чаще всего сочетаются с глаголами движения¹. Например: *Кышкыт гуретыса лобзо куинь бомбардировщикъёс, соос котыртй, шудыса сямен, жоог ширьяло истребительёс...* [Гаврилов, 1982, с. 345] ‘Со страшным ревом летят три бомбардировщика, вокруг них, словно играя, быстро кружатся истребители...’; *Тани классамы Таня шок-пуль пыриз* [Панфилова, 2008, с. 42] ‘Вот в наш

класс, задыхаясь, вошла Таня’; *Лели шурк-пурк пыриз, ведраоссэ гур азе кана доры пуктйз но потйз* [Лямин, 1976, с. 130] ‘Лёля быстро вошла, поставила ведра с водой на кухне перед шкафом и вышла’; *Юзыр-кезьыр лубса кошки* [Нянькина, 1996, с. 122] ‘По моему телу пробежали мурашки’; *Бычкы нош чар-чар огналась огнала кыстаське, бадзым писпуэз дыртытэк йырьё* [Коновалов, 1989, с. 121] ‘Пила двигается вжик-вжик из стороны в сторону, не торопясь грызет большое дерево’; *Тани нумитаз сюрыйсь адямиослы вакчияк гинэ йырыныз шоналласа, тротуар вылтй шарк-шарк вамышья исполкомлэн председателез Николай Васильевич Урванцев* [Красильников, 1965, с. 120] ‘Приветствуя кивком головы попадающих навстречу людей, шаркает по тротуару председатель исполкома Николай Васильевич Урванцев’; *Пыдъёсыз-а нюж-няж вуттйзы, ачиз ик-а чакласа лыктйз: со азын – райсоветлэн юртэз* [Самсонов, 1989, с. 109] ‘Ноги ли его приволокли, сам ли в здравом уме пришел: перед ним – здание райсовета’; *Соин, лэся, кадилоеныз со лек шона, молитваез дыртыса чирдэ но, кузь съод дйсезлэсь сёзызэ паллян кыныз жсутыса, коркась дыртыса, сюл-кал потэ* [Петров, 1987, с. 64] ‘Поэтому, видимо, сильно размахивает кадилом, спеша читает молитву и, поднимая левой рукой подол длинного черного платья, быстро выходит из избы’.

Однако в силу специфики своего значения каждое отдельное подражательное слово имеет в целом весьма ограниченную сферу лексической сочетаемости. Так, слово *чир*, *чирак*, *чир-чир*, *чир-чар* может сочетаться с глаголом *кесяськыны* ‘кричать’, *зар*, *зар-зар* – с глаголом *бёрдыны* ‘плакать’, *жир* – с глаголом *кесяськыны* ‘кричать’, *гор*, *гор-гор*, *гур*, *гур-р*, *кит-кит*, *кать-кать* – с глаголом *серекъяны* ‘смеяться’, *лыр*, *лыр-р* – с глаголом *куалекъяны* ‘дрожать’, *зонь-зонь* – с глаголом *кылыны* ‘лежать’, *шенгыль-пенгыл*, *шенгыль но пешкыль* – с глаголом *вераськыны* ‘говорить’ и т.д. Например: *О-о-ой!* – *сюлэмез йёзектытыса, чирак! черетскиз соку нылмурт* [Первошиков, 1993, с. 23] ‘О-о-ой! – до боли в сердце громко крикнула тогда девушка’; *Уг тодһськы, номыре но уг тодһськы, – нош ик зар-зар бёрдыны кутскиз Логинова* [Гаврилов,

¹ Глаголы, обозначающие движение, перемещение в пространстве и имеющие (в русском языке. – А.А. Шибанов) двойные формы несовершенного вида. К ним относятся: бежать – бегать, везти – возить, вести – водить, гнать – гонять, ехать – ездить, идти – ходить, катить – катать, лезть – лазить, лететь – летать, нести – носить, нестись – носиться, плыть – плавать, ползти – ползать, тащить – таскать, тащиться – таскаться. Основное различие между глаголами в приведенных выше парах заключается в том, что первые глаголы в каждой паре обозначают действие, совершающееся в одном направлении, непрерывно, в определенный момент (глаголы определенного движения, глаголы ненаправленного движения), а вторые обозначают действие без указания на направление, или однонаправленное, но прерывистое, или непрерывное, но разнонаправленное (глаголы неопределенного движения, глаголы неоднаправленного движения) [ЭР].

1982, с. 38] ‘Не знаю, ничего не знаю, – вновь громко зарыдала Логинова’; *Зор азын жир черекъяса бызылысь чушкаослэн тыбыр вылысьтызы жузы кадь – ялан пештырскыса улэ* [Архипов, 1989, с. 9] ‘Как щетина на спине свиней, бегающих с сильным ревом под дождем, – постоянно взьерошена’; *Нылкышноос гур серекъяло* [Гаврилов, 1982, с. 255] ‘Женщины громко смеются’; *Хи-хи-хи, – кит-кит серектйз Илья, – тон монэ эшишо рабовладелец шу на* [Четкарев, 1985, с. 34] ‘Ха-ха-ха, – тихонько просмеялся Илья, – ты меня еще рабовладельцем назови’; *Сюанчиос кошкем бере, Кирла егит кышноеныз чуланэ потйзы, азыло ик дасям небыт тушак вылэ выдйзы; шобрет улын Кирла бур кизэ Катялэн пельпум вылаз понйз, маялтйз но, Катя, нырысьсэ кыткетэ пыртэм толэс вал выллем, лыр-р! куалекъяны кутскиз* [Красильников, 1989, с. 9–10] ‘После ухода поезжан, Кирилл с молодой женой вышли в чулан, легли на заранее подготовленную мягкую перину, под одеялом Кирилл положил правую руку Кате на плечо, погладил, и Катя начала дрожать, словно впервые запряженная молодая лошадка’.

Как видно из примеров, каждое подражательное слово может сочетаться только с теми глаголами, которые семантически соотносительны с данными явлениями. На это обстоятельство также указывала коми лингвист А.С. Кривошекова-Гантман при описании отличий наречий от звукоподражательных и наречно-изобразительных слов. При определении разницы между названными группами слов автор предлагает обратиться к грамматической природе изобразительных слов и наречий. По своим морфологическим свойствам изобразительные слова, как и наречия, относятся к неизменяемым словам: они не склоняются и не спрягаются. Изобразительные слова, подобно наречиям, в предложении чаще всего примыкают к глаголу. Употребляясь с глаголами, изобразительные слова своеобразно определяют его значение, изображают условно звучания, которые сопровождают действие, выраженное глаголом. Однако, в отличие от наречий, изобразительные слова могут сочетаться далеко не со всеми глаголами. Действие или состояние предмета может сопровождаться свойственными только данному предмету специфическими

звуками. Изобразительное слово, воспроизводящее это звучание, и глагол, обозначающий действие, воспринимаются как единое целое. Иначе говоря, изобразительное слово как бы прикреплено к определенному глаголу, вместе с ним составляет семантически неразложимую единицу – «изобразительный фразеологизм» [Кривошекова-Гантман, 1964, с. 117].

Поскольку подражательные слова чаще всего входят в глагольные сочетания, то ведущей их функцией является обстоятельственная, причем функция обстоятельства образа действия². Например: *Кузляс ымныро, съод йырсиез вальк-вальк сынамын, ныр улаз сыче ик съод-съод, пöлы пум быдза мыйык* [Гаврилов, 1982, с. 142] ‘Продолговатое лицо, чёрные волосы причёсаны гладко (до блеска), под носом такие же чёрные с мизинец усы’; *Нош солэн кыиз но, пыдыз но уг выры, кулэм мурт кадь вез-вез кылле* [Гаврилов, 1982, с. 343] ‘А у него не шевелятся ни руки, ни ноги, лежит, вытянувшись, словно мертвый’; *Вёл-вёл азбарын гуждор вылын бадзым съод лусьтро пуны гань-гань кылле* [Гаврилов, 1982, с. 282] ‘На просторном дворе на траве вольготно лежит чёрная лохматая собака’; *Узырьёс ульчаеитй гаҗ-гаҗ гинэ ветло, ми кадьёсты уг адзо ни* [Гаврилов, 1982, с. 196] ‘Богатые по улице ходят гордо, таких, как мы, и не замечают’; *Кузьяз жытме, шунды «берзэ учкыса» пуксе: жыны инбам гом-гом жыуа* [Кедра Митрей, 1989, с. 32] ‘Погода клонится к вечеру, солнце, «осматриваясь назад», садится: полнеба полыхает заревом’. В представленных примерах *вальк-вальк сынамын, вез-вез кылле, гань-гань кылле, гаҗ-гаҗ ветло, гом-гом жыуа* подражательные слова *вальк-вальк, вез-вез, гань-гань, гаҗ-гаҗ, гом-гом* выступают в функции обстоятельств образа действия и обозначают качественную характеристику действия или способ его осуществления.

² Наречия образа или способа действия также показывают, каким образом, каким способом протекает действие. Эти наречия при глаголах играют ту же роль, какую и качественные имена прилагательные при именах существительных. Они показывают качественный признак действия так же, как качественные имена прилагательные показывают качественный признак предмета [СКЯ, 1955, с. 259].

В обстоятельственной функции необычайно широко выступают сложные подражательные глаголы, образованные от множественности звуко- и образоподражательных корней с помощью десемантизированных глаголов, принимающих форму деепричастия на *-са*: *Чужектэм куаръёсыд, зйр котыр бергаса, ыркыт тёл пельтэмъя бубыли кадь тёлзо* [Гаврилов, 1982, с. 36] ‘Пожелтевшие листья, стремительно кружась, летят по (стремительному) ветру, словно бабочки’; *Закон, конечно, ваньмызлы одйг, – гурулзэ чажыр кормаса вераз Мокеев* [Гаврилов, 1982, с. 36] ‘Закон, конечно, для всех один, – сильно почесав подбородок, сказал Мокеев’; *Нюлэскысь ыбисъкем кадь потыса, автобус бур палась чытыр-чытыр позырьяськыса лыктйсь бусы сюрес вожге дугдйз: татчы ягйылъёс васько* [Первошиков, 1993, с. 20] ‘Стремительно появившись из леса, автобус остановился справа, на пересечении петляющих дорог: сюда выходят жители деревни Ягйыл’; *Тёлпери кадь сутйз, Леналэсь кизэ кырмиз но, лурк! кыскыса, ас палаз берыктйз: – Ма, пйй, луиз?! Т-тон... м-а-ар?* [Первошиков, 1993, с. 23] ‘Быстро встал, схватил Лену за руку, сильно потянув, повернул к себе: – Что, мол, произошло? Ты... что-о-о?’; *Пушкыз тыремен, со быдэсак шымырскиз но огшан вырзылытэк, йылсасъкем ангессэ, восьмем бамъёссэ вöсь лудмон тач-тач кырмыса, дырекъясь ымдуръёссэ куртчылыса нукиз* [Первошиков, 1993, с. 41] ‘Его переполнило чувство обиды, он некоторое время сидел неподвижно, сжавшись, и покусывал дрожащие губы, до боли сдавив свой острый подбородок и обсохшие щеки’.

В современном удмуртском языке деепричастия с формой *-са* являются наиболее распространенными из всех деепричастий, которые употребляются в устной и письменной речи. Деепричастия на *-са*, по наблюдениям П.Н. Первошикова [1959, с. 38], как и деепричастия ряда других языков (финно-угорских, тюркских, монгольских), могут быть образованы от основ всех глаголов.

Звукоподражательные слова способны выступать в позиции сказуемого, когда возникает необходимость ярко, живо, экспрессивно представить то действие, которое вызвало обозначенное ими явление. Поэтому употребление их

в данной функции ограничено особыми условиями: сказуемое, выраженное одним только звукоподражательным словом, должно быть уточнено, конкретизировано предыдущим или последующим глагольным словом: *Шöдтэк шорысь сад кенер борды кин ке бодыен йыгаз: шарк! шарк!..* [Гаврилов, 1982, с. 154] ‘Неожиданно кто-то постучал палкой по забору сада: тук! тук!..’; *Семон уг учкы Миша шоры, солэн пеляз кылйське тйр тышкын корт кылэ шуккылэм куара: шарк-шарк!* [Валишин, 1990, с. 140] ‘Семен не смотрит в сторону Михаила, в его ушах лишь отзывается звук ударов обухом топора по металлу: стук-стук!’; *Мукетъёсыз пöлысь юнгес кылйське чангес куара: «Пэ-э-зык! Тэ-э-зык! Пэ-зык! Тэ-эзык!» – Тани таиз сэдык, – валэктэ Олёш* [Ломагин, 1983, с. 95] ‘Среди всех голосов отчетливее слышится более звонкий голос: «Пэ-э-зык! Тэ-э-зык! Пэ-зык! Тэ-эзык!» – Вот это чибис, – объясняет Алексей’; *Бурдоосыд нош, бурдоосы-ыд! Вот ерпечкаос! Соос но синмасъкиллям ини: ог-огенызы чöшатскыса, – кин шулдыргес, кин чебергес, кин чирмытгес! – вожмасъкыса, йöнтэм ушъяса-пырисъкыса, чук кырзанъёссэс вис карытэк кисьто: зильыр-зальыр, кучыр-кофыр, чиоп-чиоп, ко-ко-ри-ко, чуу-чуу, га-га-гак, бе-э-э, му-у-у, тю-ур-р, тю-ур-р!!!* [Первошиков, 1993, с. 132–133] ‘А пернатые-то, пернатые! Вот неугомонные! И они уже проснулись: соревнуясь друг с другом – кто веселее, кто красивее, кто сильнее! – с завистью, с хвальбой, безостановочно заливают свои утренние песни: чирик-чик-чик, куч-куч, чип-чип, ку-ка-ре-ку, чи-чи, га-га, бе-е-е, му-у-у, тю-тю!!!’; *Кутскиз ук со кроккетыны! Крок-кром! Крок-кром!* [Гаврилов, 1982, с. 59] ‘Начал же он каркать: Кар-кар! Кар-кар’.

Следует отметить, что примеры, в которых подражательное слово выступает в роли сказуемого, встречаются редко и они немногочисленны.

В качестве подлежащего и дополнения подражательные слова выступают также редко. Роль подлежащего и дополнения выполняют ономактопозитические единицы при переходе в класс существительных, т.е. в случаях субстантивации. Нами зафиксированы следующие примеры: [*тин’көн’а тырттэм колтър-колтър ул’чавын лошйас’кэ*] ‘Вон сколько пустой

пластиковой посуды валяется на улице' (в деревне Трубашур Глазовского района Удмуртии слово *колтыр-колтыр*, характеризующее глухой скрип, звон, субстантивировалось и стало обозначать пластиковую тару для хранения жидкости); *Огшоры бумага вылын кыче-кыче шонер верамын. Мыным нош кунгыр-мангыр ёс гинэ адсо, – Заркей Чана ёжожтйськиз* [Медведев, 1989, с. 99] 'На простой бумаге как все верно изложено. А мне одни каракули виднеются, – пожаловалась Заркей Галка'; *План, ма, тыч-тачен ик составить каремын ой вал но, можно терпеть карыны* [Яковлев, 1989, с. 41] 'План-то что, хоть и не был составлен шелк-шелк (*то есть счетами*), можно терпеть'; [*ти со тыпи-топидэс ку гараже пыртоды н'и?*] 'Вы свой этот трактор (букв. тыпи-топ) когда же в гараж поставите?'

Подражательные слова в сочетании с существительными могут употребляться как их определения, обозначая признак предмета. При этом определяемому предмету приписывается в качестве признака тот звук или действие, которое им производится: *Кирила озыи пукыку, бераз кин ке ёуштыр-ёаштыр куара сётйсь луиз* [Красильников, 1991, с. 14] 'Так сидя [Кирилл], позади кто-то невнятно подал голос'; *Вожен-вожен киоссэ, мылазёзэ учкиз, штанзэ, дэрэмзэ кутылйз, йырсиэз маялтйз – быдэсак тяп-тяп кот, быдэсак наш-наш кыедэн наштаськемын* [Перевощиков, 1993, с. 112] 'Поочередно посмотрел руки, перед, потрогал штаны, рубашку, по волосам прошелся – насквозь мокрый, весь пропитан сырмом навозом'; *Сое Валя шодйз, музьемлэн гушак-гушак зуркамезья, солдатлэн секыт шокамезья гинэ* [Ломагин, 1983, с. 68] 'Это Валя поняла только по сильному вздрагиванию земли и по тяжелому дыханию солдата'; *Кыкетй выж дорысен писпуос уката чем будо. Ваньзы жон-жон веськресэсь, юнэсь, чебересь* [Ломагин, 1983, с. 118] 'После второго моста деревья растут довольно часто. Все они очень ровные, крепкие, красивые'; *Юзмыт, чылкыт ву пинальёслэн будйсь ёзвиосазы жиль-жиль кужым сётэ кадь, уяло, зымыло, бызёыло...* [Ломагин, 1983, с. 93] 'Прохладная, чистая вода растущему организму детей дает бодрящую силу: плавают, ныряют, бегают...'

Подражательные слова, находясь в позиции «подражание + прилагательное + существительное», также могут обозначать признак предмета: *Отын тальк-тальк горд суй, интыез умой* [Гаврилов, 1982, с. 313] 'Там плотная глина, место хорошее'; *Озыен бере, асьмеос али ик уж борды кутском, – пур-пур чебер суд мыйыксэ чиньыеныз сопала но тапала пужалляз председатель* [Гаврилов, 1982, с. 160] 'Раз так, мы сейчас же примемся за работу, – председатель покрутил пушистые красивые русые усы из стороны в сторону'; *Иже вуытояз, город пумысь пужымо нюлэскы интыяськем больницае пырытояз, сюлмаз ёужыр-ёужыр нёсь ву пальккаськыса улйз* [Перевощиков, 1993, с. 255] 'До приезда в Ижевск, до посещения расположенной в конце города в сосновом лесу больницы, (его) сердце (как будто) обжигало горячим кипятком'; *Но дыр солэсь сэрйтгес вылэм – суть-суть кот дэрэмезлэсь (коть пызёырти!) вылй бирдыоссэ пертчылыса, сыёе ик супырам ымнырзэ, чыртызэ картузэныз ёушалтыса, со эшишо ёжоггес азылань дыртйз, собере, тани ёвёл часэз шоры учёрьяса, эшишо, эшишо чупресгес, нош отйяз воксё ини бызёыса сямен кошкиз: «Бере гинэ медад кыль вал, бере гинэ, бере гинэ!»* [Перевощиков, 1993, с. 296] 'Но время оказалось быстрее его – расстегнув верхние пуговицы насквозь промокшей рубашки, вытерев картузом такие же мокрые лицо и шею, он еще быстрее затропился вперед, потом, между делом поглядывая на часы, еще и еще увеличивал шаг, а потом уже побежал: «Лишь бы не опоздать, лишь бы не опоздать»'.

В большинстве же случаев подражательные слова, находящиеся в позиции перед причастиями или отглагольными именами, выполняют обстоятельственную функцию: *Катялэн нюк улысь ошмес доры ведра-карнанэн губыр-губыр васькамез жаль потйз* [Красильников, 1991, с. 10] 'Жалко стало, что Катя, сторбившись, с ведром и коромыслом спускается к роднику в овраге'; *Никон Васильевичлы сандык кадь зирк-зирк выльдэм юртъерез но туннэ нокыёе ёз поты* [Гаврилов, 1982, с. 154] 'Никону Васильевичу его добротной обновлённый дом, похожий на сундук, и сегодня показался ничем (букв. никаким)'; *Стопка аракытэк супыль-супыль нёзем*

парсьпиез Никон Васильевич чиньыоссэ ик нюлыса сиыны кутскиз [Гаврилов, 1982, с. 237] ‘И без стопки вина Никон Васильевич начал кушать (мясо) сваренного поросёнка (букв. разваренного до желеобразного состояния), облизывая пальцы’; *Ӝукуртӱсь но выкыль-вокыль вырись пулӱс вылтӱ тубыса, Дарья нош ик котырак учкиз* [Гаврилов, 1982, с. 237] ‘Поднявшись по скрипучим и шатающимся во все стороны доскам, Дарья снова оглянулась’; *Ӝазеглэн га-га-га кеськемез шуккиське кожысен кож бордад* [Гаврилов, 1982, с. 237] ‘Крики гуся «га-га-га» разносятся от одного поворота до другого’; *Огазе люкам улвайӱсты Кишло кужмо киосыныз бугыртӱз но, отысь чильдол чилясь тӱр адскиз* [Валишин, 1990, с. 49] ‘Кирилл крепкими руками разворошил собранные в кучу ветки, и оттуда показался сверкающий металлом топор’; *Рево гиж-гиж серекъя. Валялэн шенгыль-пенгыль вераськемез туж мусо но, туж могдос но потэ* [Лломагин, 1983, с. 68] ‘Рево сильно смеется. Непонятный

разговор Валентины кажется очень милым и в то же время очень интересным’; *Яркыт тылсиос шорын чилин-долӱн ялтрась стенка сяна, мукет номыр воштӱськонзы овӱл ке но кадь (сыл ай, висӱет бордазы, тӱни, йӱскадь ковер сяськаяськем на!), корказы ӱжытак сюбегам* [Перевощиков, 1993, с. 321] ‘Кроме новой блестящей стенки, сверкающей в ярких лучах, вроде как ничего нового нет (постой, вот, на стене, появился новый ковер), но дом их немного уменьшился’.

Заключение

Таким образом, основным лексико-грамматическим типом сочетания подражательных слов с другими частями речи является глагольный. В соответствии с этим их синтаксической функцией в составе предложения считается преимущественно обстоятельство образа действия. В то же время подражательные слова иногда могут выступать и в роли других членов предложения (сказуемого, подлежащего, дополнения, определения).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисултанов А.С., Сулейманова Т.А. Фонетические и синтаксические особенности звукоподражаний в лезгинских языках // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 50–53.
- Ашмарин Н.И. Основы чувашской мимологии: О подражательных словах в чувашском языке. Казань: Изд-во чуваш. нац. орг., 1918. 10 с.
- Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи // Ученые записки Карело-Финского университета. Исторические и филологические науки. 1948. Т. 3, вып. 1. С. 85–94.
- Валишин Р.Г. Тодметӱс. Ижевск: Удмуртия, 1990. 312 с.
- Вельди Э.А. О некоторых чертах германского происхождения в звукоподражательной лексике эстонского языка // Проблемы фоносемантики: Тез. выступ. на совещ. (окт. 1989 г., Пенза). М., 1989. С. 35–36.
- Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
- Гаврилов И.Г. Вордӱськем пальӱсын. Ижевск: Удмуртия, 1982. 744 с.
- Германович А.И. Междометия русского языка. Киев: Рад. шк., 1966. 172 с.
- Гордеев Ф.И. Подражательные слова и их этимология // Вопросы марийского языка: Вопросы марийской диалектологии: сб. ст. Йошкар-Ола, 1981. С. 138–147.
- Добровольский В.Н. Звукоподражания в народном языке и в народной поэзии // Этнографическое обозрение. 1894. № 3. С. 81–96.
- Жерновой А.Н., Левицкий В.В. Начальные сочетания фонем в немецком языке // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста. Калинин: КГУ, 1988. С. 124–132.
- Казарин Ю.В. Проблемы фоносемантики поэтического текста. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 171 с.
- Кедра Митрей. Вожмин // Виль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 29–38.
- Коновалов М.А. Лӱзи // Виль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 118–140.
- Корнилов Г.Е. Имитативы в чувашском языке. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 184 с.
- Красильников Г.Д. Арлэн кутсконэз. Ижевск: Удмуртия, 1965. 192 с.
- Красильников Г.Д. Вуж юрт: Диалогия. Ижевск, 1976. 412 с.
- Красильников Г.Д. Кошкисез мед кошкоз // Виль дунне. Удмурт верос: Антология 2 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

- Кривошекова-Гантман А.С. Место изобразительных слов в системе частей речи коми-пермяцкого языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология / АН СССР. Ин-т языкознания; Петрозав. Ин-т ЯЛИ. М.; Ленинград: Наука, 1964. С. 112–121.
- Ломагин К.Е. Котьку возь сюлэмад. Ижевск: Удмуртия, 1983. 228 с.
- Лямин М.А. Шудбур понна. Ижевск: Удмуртия, 1976. 464 с.
- Медведев Г.С. Лёва Матрон // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 94–100.
- Нянькина Л.С. Ваёбыж кар. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с.
- Панфилова Е.В. Мумы. Ижевск: Удмуртия, 2008. 64 с.
- Первошиков П.Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке / ред. В.М. Вахрушев. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. 328 с.
- Первошиков Г.К. Тулкымлы пумит. Ижевск: Удмуртия, 1993. 432 с.
- Петров М.П. Вуж Мултан. Устинов: Удмуртия, 1987. 412 с.
- Реформатский А.А. Глагольные формы типа «хлоп» // Известия отдела литературы и языка АН СССР. 1963. Т. XXII, вып. 2. С. 127–129.
- Русская грамматика: в 2-х т. Т I: Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1980. 784 с.
- Самсонов С.А. Вужер: Повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.
- Скаличка В. Исследование венгерских звукоподражаний // Пражский лингвистический кружок: сб. ст. М.: Прогресс, 1967. С. 277–316.
- СКЯ – Современный коми язык: Фонетика, лексика, морфология / под ред. проф. В.И. Лыткина. Коми фил. АН СССР. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 312 с.
- Тараканов И.В. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen 27.08–2.09.1990. Debrecen, 1990. 1 B. Sessiones plenares et symposia: Annotationes. Alia. С. 209–214.
- Четкарев О.Г. Выж герза ярдурьёсты. Ижевск: Удмуртия, 1985. 120 с.
- Шихарев С.Т. Пытыёс кузя // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 276–284.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (наречия, служебные части речи, изобразительные слова). Ленинград: Наука, 1987. 191 с.
- ЭР – Глаголы движения [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/264/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8B> (дата обращения: 22.09.2022)
- Яковлев К.С. Коньяк // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 1 / Дасяз Романова Г.В. Ижевск: Удмуртия, 1989. С. 39–42.

Aleksey Shibarov

SYNTAX OF ONOMATOPOETIC WORDS IN UDMURT

Introduction. The issues of how to morphologically identify certain groups of words including onomatopoeic ones, is relevant in Udmurt linguistics. Today they remain one of the most ambiguous classes of the language. Indeed, onomatopoeic words are a unique phenomenon, both in semantic and structural terms and, due to their distinctive properties, they are the subject of many studies touching upon their structure, semantics, morphological principles of their structure, but there are no works on their syntax. **The purpose of the study** is to describe the syntax of onomatopoeic words from the point of view of their “functioning” in literary texts and in spoken language. **Materials and methods.** The original texts of Udmurt and Russian literature, as well as dialect material collected by the author during dialectological expeditions in Udmurtia, served as material for the study. The article uses descriptive, comparative and comparative methods. **Research results and discussions.** Recently a number of works has appeared, in which onomatopoeic words of the Russian language - [Dobrovolsky; Germanovich; Reformatsky; Kazarin]; English - [Voronin]; German - [Zhernova, Levitsky]; the Turkic languages - [Ashmarin; Kornilov; Shcherbak]; the Finno-Ugric languages - [Bubrikh; Krivoshchyokova-Gantman; Skalichka; Gordeev; Veldi; Tarakanov], etc. are examined. These studies consider the phonetic, structural, semantic, and syntactic features of onomatopoeic words, their classification, and the functional-communicative properties in languages. Morphologically onomatopoeic words

are the number of unchangeable words. However, syntactically, they are not isolated and can join combinations as members of a sentence. **Conclusion.** The verbal type is dominating in onomatopoeic words combining with other parts of speech. According to this, their syntactical function in the sentence is primarily in the function of the adverbial modifier of manner.

Key words: linguistics; morphology; syntax; Russian language; Udmurt language; onomatopoeic words.

REFERENCES

Alisultanov A.S., Sulejmanova T.A. Foneticheskie i sintaksicheskie osobennosti zvukopodrazhanij v lezginских jazykah [Phonetic and syntactic features of onomatopoeia in Lezgin languages]. *Izvestija DGPU. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki*. 2013, no. 3. pp. 50-53. (In Russian).

Ashmarin N.I. Osnovy chuvashskoj mimologii: O podrazhatel'nyh slovah v chuvashskom jazyke [Fundamentals of Chuvash mimology: On imitative words in the Chuvash language.]. Kazan', Izdatel'stvo Chuvashskoj nacional'noj organizacii, 1918. 10 p. (In Russian).

Bubrih D.V. K probleme izobrazitel'noj rechi [On the problem of figurative speech]. *Uchenye zapiski Karelo-Finskogo universiteta. Istoricheskie i filologicheskie nauki*. 1948, vol. 3, no. 1, pp. 85-94. (In Russian).

Valishin R.G. Todmetjos [Signs]. Izhevsk, Udmurtija, 1990. 312 p. (In Udmurt).

Vel'di Je.A. O nekotoryh chertah germanskogo proishozhdenija v zvukopodrazhatel'noj leksike jestonskogo jazyka [On some features of Germanic origin in the onomatopoeic vocabulary of the Estonian language]. *Problemy fonosemantiki*. Moscow, 1989, pp. 35-36. (In Russian).

Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki [Basics of phonosemantics]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982. 244 p. (In Russian).

Gavrilov I.G. Vordis'kem paljosyn [In native lands]. Izhevsk, Udmurtija, 1982. 744 p. (In Udmurt).

Germanovich A.I. Mezhdometija russkogo jazyka [Russian interjections]. Kiev, 1966, 172 p. (In Russian).

Gordeev F.I. Podrazhatel'nye slova i jetimologii [Imitative words and etymologies]. *Voprosy marijskoj dialektologii*. Yoshkar-Ola, 1981, pp. 138-147. (In Russian).

Dobrovol'skij V.N. Zvukopodrazhanija v narodnom jazyke i v narodnoj poezii [Onomatopoeia in folk language and folk poetry]. *Jetnograficheskoe obozrenie*. 1894, no. 3, pp. 81-96. (In Russian).

Zhernovej A.N., Levickij V.V. Nachal'nye sochetanija fonem v nemeckom jazyke [Initial combinations of phonemes in the German language]. *Psiholingvisticheskie issledovanija znachenija slova i ponimaniya teksta*. Kalinin, 1988, pp. 124-132. (In Russian).

Kazarin Ju.V. Problemy fonosemantiki pojeticheskogo teksta [Problems of phonosemantics of poetic text]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2000, 171 p. (In Russian).

Kedra Mitrej. Vozhmin [Crossroads]. Izhevsk, Udmurtija, 1989. pp. 29-38. (In Udmurt).

Konovalov M.A. Lizi [Liza]. Izhevsk, Udmurtija, 1989. pp. 118-140. (In Udmurt).

Kornilov G.E. Imitativy v chuvashskom jazyke [Imitatives in the Chuvash language.]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1984. 184 p. (In Russian).

Krasil'nikov G.D. Arljen kutskonjez [Beginning of the year]. Izhevsk, Udmurtija, 1965, 192 p. (In Udmurt).

Krasil'nikov G.D. Vuzh jurt: Dilogija [Old House: Duology]. Izhevsk, 1976, 412 p. (In Udmurt).

Krasil'nikov G.D. Koshkisez med koshkoz [Let the one leaving leave]. Izhevsk, Udmurtija, 1991, pp. 5-22. (In Udmurt).

Krivoshhekkova-Gantman A.S. Mesto izobrazitel'nyh slov v sisteme chastej rechi komi-permjackogo jazyka [The place of figurative words in the system of parts of speech of the Komi-Permyak language]. *Voprosy fino-ugorskogo jazykoznanija: Grammatika i leksikologija*. Moscow-Leningrad, Nauka, 1964, pp. 112-121. (In Russian).

Lomagin K.E. Kot'ku voz' sjuljemad [Always keep it in your heart]. Izhevsk, Udmurtija, 1983, 228 p. (In Udmurt).

Ljamin M.A. Shudbur ponna [For the sake of happiness]. Izhevsk, Udmurtija, 1976. 464 p. (In Udmurt).

Medvedev G.S. Ljova Matron [Leva Matrona]. Izhevsk, Udmurtija, 1989. pp. 94-100. (In Udmurt).

Njan'kina L.S. Vajobyzh kar [Swallow's nest]. Izhevsk, Udmurtija, 1996. 176 p. (In Udmurt).

Panfilova E.V. Mummy [Mother]. Izhevsk, Udmurtija, 2008. 64 p. (In Udmurt).

Perevoshhikov P.N. Deeprichastija i deeprichastnye konstrukcii v udmurtskom jazyke [Participles and participial constructions in the Udmurt language]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 328 p. (In Russian).

- Perevoshnikov G.K. Tulkymly pumit [Towards the waves]. Izhevsk, Udmurtija, 1993. 432 p. (In Udmurt).
- Petrov M.P. Vuzh Multan [Old Multan]. Ustinov, Udmurtija, 1987. 412 p. (In Udmurt).
- Reformatskij A.A. Glagol'nye formy tipa «hlop» [Verb forms like “clap”]. *Izvestija otdela literatury i jazyka AN SSSR*. 1963, vol. XXII, iss. 2, pp. 127-129. (In Russian).
- Russkaja grammatika. Fonetika, fonologija, udarenije, intonatsija, slovoobrazovanije, morfologija [Russian grammar. Phonetics, phonology, stress, intonation, word formation, morphology] / AN SSSR, Institut russkogo jazyka. Moscow, Nauka, 1980, 784 p. (In Russian).
- Samsonov S.A. Vuzher: Povest'jos [Shadow. Tale]. Izhevsk, Udmurtija, 1989, 360 p. (In Udmurt).
- Skalichka V. Issledovanie vengerskih zvukopodrazhanij. Prazhskij lingvisticheskiy kruzhok [Study of Hungarian onomatopoeia. Prague linguistic circle.]. Moscow, 1967, pp. 277-316. (In Russian).
- SKJa – Sovremennyy komi jazyk: Fonetika, leksika, morfologija [Modern Komi language: Phonetics, vocabulary, morphology]. Pod red. prof. V.I. Lytkina. Komi filial Akademii nauk SSSR. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1955, 312 p. (In Russian).
- Tarakanov I.V. Izobrazitel'nye i podrazhatel'nye glagoly v udmurtskom jazyke [Figurative and imitative verbs in the Udmurt language] // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Debrecen 27.08–2.09.1990. Debrecen, 1990, 1 B. Sessiones plenares et symposia: Annotationes. Alia. pp. 209-214. (In Russian).
- Cetkarev O.G. Vyzh gerza jardurjosty [The bridge connects the banks]. Izhevsk, Udmurtija, 1985, 120 p. (In Udmurt).
- Shiharev S.T. Pyt'yos kuzja [In the footsteps]. Izhevsk, Udmurtija, 1989, pp. 276-284. (In Udmurt).
- Shherbak A. M. Ocherki po sravnitel'noj morfologii tjurkskih jazykov (narechija, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova) [Essays on the comparative morphology of Turkic languages (adverbs, functional parts of speech, figurative words)]. Leningrad, 1987, 191 p. (In Russian).
- JeR – Glagoly dvizhenija [Verbs of motion]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/264/%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8B> (accessed 22 September 2022). (In Russian).
- Jakovlev K.S. Kon'jak [Cognac]. *Vyl' dunne. Udmurt veros: Antologiya 1*. Dasyaz Romanova G.V. Izhevsk, Udmurtija, 1989. pp. 39-42. (In Udmurt).

Шибанов Алексей Александрович

кандидат филологических наук,
научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: jarik7979@mail.ru

Aleksey Shibano

Candidate of Philological Sciences
Researcher
of Udmurt Federal Research Centre of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: jarik7979@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 393.05

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-53-64

ПРЕДВЕСТИЕ СМЕРТИ В МАРИЙСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ

© 2023 г. А.А. Ананьев, Г.Ю. Устьянцев

Введение. В марийском фольклоре можно выделить три категории текстов о знаках, предвещающих будущую смерть: вещие сны, приметы, а также фабулаты и мемораты о нарушении определенных запретов, носящих сакральный или танатологический характер. После получения мифологического предвестия о грядущей гибели человек в категориях традиционной культуры оказывается связанным с пространством смерти. **Цель статьи.** Авторы ставят своей целью рассмотреть основные мотивы фольклорных нарративов о предвестии смерти, встречающиеся в них образы, а также охарактеризовать типы исследуемых текстов. **Материалы и методы.** Статья основана на материалах интервью и текстах фольклора, записанных в этнологических экспедициях в Республике Марий Эл и в Мишкинском районе Республики Башкортостан. Авторы применяют такие качественные методы, как нарратологический и семиотический анализы текстов культуры. **Результаты исследования, обсуждения.** В фольклорных нарративах о грядущей гибели человека широко распространены растительные и животные образы, персонажи «иночного мира»: покойники, дух смерти Азырен. Сны и приметы в народной традиции обладают априорностью, они указывают на будущее, которое трудно изменить. В народной традиции смерть человека может наступить из-за нарушений религиозных или похоронно-поминальных запретов. **Заключение.** Получение мифологических знаков трактуется в марийской культуре как начало лиминальной стадии, принятие и предчувствие грядущей смерти. Важно учесть, что подобная интерпретация фольклора носит инверсивный характер: сначала происходит трагическое событие (смерть), и только потом локальная традиция объясняет произошедшее получением предзнаменований.

Ключевые слова: марийский фольклор; образ смерти; приметы; сновидения; Азырен.

Введение

В марийском фольклоре можно выделить три категории текстов о знаках, предвещающих будущую смерть: вещие сны, приметы, а также фабулаты и мемораты о нарушении определенных запретов, носящих сакральный или танатологический характер. После получения мифологического предвестия о грядущей гибели, человек в категориях традиционной культуры оказывается связанным с пространством смерти. В фольклорной интерпретации «постфактум» после вещего сна, приметы или нарушения запрета смерть индивида становится ожидаемой и предсказуемой. В терминологии А. ван Геннепа уместно говорить о «прелиминальной стадии», то есть о подготовке человека

и окружающих к его будущей смерти и переходу в мир мертвых, восприятию неизбежности трагического события [Genper, 2004, p.11]. В нарративах о смерти контакт с потусторонним (через сны, поминально-погребальные обряды) символически воспринимается как начало «больше – не – бытия – в – мире» (согласно теории М. Хайдеггера) и конец экзистенциального присутствия в мире людей [Хайдеггер, 2004, с. 1997].

Цель статьи

Авторы ставят своей целью рассмотреть основные мотивы фольклорных нарративов о предвестии смерти, встречающиеся в них танатологические и природные образы, а также охарактеризовать типы текстов о грядущей смерти.

Материалы и методы

Статья основана на материалах интервью и текстах фольклора, записанных в этнологических экспедициях в Республике Марий Эл (г. Йошкар-Ола, Волжский, Звениговский, Медведевский, Оршанский районы) и в Мишкинском районе Республики Башкортостан. Авторы применяют такие качественные методы, как нарратологический и семиотический анализы текстов культуры.

Результаты исследования, обсуждения

Семиотически границу между миром живых и «тем светом» (хтоническое пространство) часто связывают с положением солнца, сторонами света и, как следствие, со временем суток: согласно традициям, кладбище обычно расположено к западу от деревни (то есть в стороне захода солнца)¹; вход на кладбище также обычно располагается с западной или северной стороны. Могилы в большинстве своем тоже обращены изголовьем на запад или северо-запад². В исследуемых сообществах существует предписание входить на кладбище до вечера (пока солнце не зашло и еще не заходит)³. Помимо географической локализации, загробный мир в локальной традиции имеет и темпоральные рамки: опыт сновидений, видение образов «того света» происходит в темное время суток. Некоторые визуальные символы снов носители традиции считают как «нехорошие», влекущие за собой несчастье и смерть. Сны во многих культурах воспринимаются как противопоставление яви, бодрствованию; как символическая временная смерть, переход в «иной мир» [Добровольская, 2002, с. 56], а также как пространство интеракции между визионером и умершими [Riviere, 2007, p. 110]. По мнению О.Б. Христофоровой, нарративы о вещих снах и приметы являются «текстами-толкованиями», основная функция которых – прогностическая [Христофорова, 1998, с. 20]. Эти тексты объединены семиотической связью между «означающим» и «означаемым», между сном-знаком и последующим событием [Лурье, 2002,

с. 37]. По мнению И.С. Веселовой, нарративы о снах можно разделить на рассказы о сновидениях и рассказы о сбывшихся снах [Веселова, 2002, с. 172]. В текстах о плохих вещих снах присутствует описание события-следствия: несчастья, болезни, смерти и т.д. Эти негативные явления информант объясняет причиной – дурным знаком, увиденным во сне [Веселова, 2002, с. 173–174]. М.Л. Лурье разделяет толкования на «конкретно-оказиональные», где трактовка следует за событием, и «обобщенно-стереотипные», в которых интерпретация сна предшествует событию [Лурье, 2002, с. 42]. В текстах о видениях присутствуют описания их условий (временных, территориальных), цель явления, степень социальной близости увиденного покойника к визионеру, причина и обстоятельства смерти, процесс узнавания умершего [Danielson, 1979, p. 133].

Распространенным нарративом в марийском фольклоре является текст о свадебной процессии, которая является во сне к человеку, который может скоро умереть⁴, при этом сам он часто фигурирует в текстах сновидений как «жених» или «невеста». В пространстве сна свадебная процессия может встретиться сновидцу или проехать по деревне мимо него, что указывает на то, что кто-то из его соседей или местных жителей вскоре умрет⁵. По представлениям марийцев, такой свадебный поезд обычно представлен душами покойников [Тойдыбекова, 1997, с. 301], которые приезжают свататься к живому человеку, тем самым «забирая» или «приглашая» его в «иной мир». Мотив свадьбы, предвещающей смерть близкого во сне, встречается и в этнографических описаниях [В.З., 1877, с. 249]. Стоит отметить, что смерть в подобных текстах представлена как «празднество», что отражает восприятие иномирного в традиционной культуре как обратное отражение социальных явлений быденного пространства («здесь горе – там праздник»).

Еще один распространенный мотив сновидений – нарратив о выпадении зубов во сне, что интерпретируется как известие о скорой

¹ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

² В.А., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 02.03.2023.

³ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

⁴ О.А., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 02.03.2023.

⁵ Г.К., ж. Р. Марий Эл, Моркинский р-н, с. Кутюк-Кинер. 14.07.2022

смерти кого-то из родственников. В деревне Каргино Мишкинского района информант сообщил, что сны о выпадении зуба не обязательно указывают на смерть родственника: так, если выпал передний зуб – то, действительно, смерть ждет кого-то из близкой родни, но если задний – может умереть и любой из знакомых людей, с кем «сновидец» не связан родственными связями – к примеру, односельчанин⁶. Трактовка снов о выпадении зубов как предзнаменования беды распространена не только у марийцев: похожие материалы были собраны различными учеными-фольклористами в Москве [Запорожец, 2002, с. 101], Ульяновской области [Трушкина, 2002, с. 146], среди жителей белорусского Полесья [Гура, 2002, с. 76]. Исследователи отмечают в трактовке данного мотива сновидений символическое «нарушение целостности» [Толстая, 2002, с. 202–203]: здоровые зубы ассоциируются со здоровой семьей или родом, а выпадение зуба трактуется как уход человека.

Еще один мотив – сон о незаконченной постройке: «говорят, если во сне кто-то сруб ставить начинает, или что-то недостроенное, баня там, говорят, мертвец скоро будет»⁷. В восточнославянских традициях смерть предвещает также обмазывание дома глиной, обрушение печи во сне [Валенцова, 2002, с. 52]. Для данного образа можно предложить следующую семиотическую трактовку: так как ночь представляется в фольклоре «нечистым временем», то строительство дома во сне может ассоциироваться со строительством «дома» для посмертного пребывания человека – гроба.

Еще одно предзнаменование грядущей смерти – сон о срубании дерева. Этот мотив встречается в статье анонимного автора В.З. XIX столетия [В.З., 1877, с. 249], а также в более поздней работе Л.С. Тойдыбековой. Согласно материалам Л.С. Тойдыбековой, значение имеет порода дерева – «если срубишь дуб, умрет мужчина, если срубишь липу – женщина» [1997, с. 301]. Корни этого поверья можно найти в религиозном мировоззрении марийцев: растительные мотивы часто встречаются

в ритуалах, народной магии и мантике, с растениями связано много примет. Например, по представлениям луговых марийцев, каждый человек должен посадить при жизни дерево; когда же это дерево засыхает – значит, и человек вскоре умрет [Тойдыбекова 1997, с. 302]. Таким образом, согласно марийским представлениям, человек прочно связан с растительным миром, и как в жизни засыхание посаженного дерева указывает на смерть посадившего, так и во сне уничтожение дерева может говорить о скорой смерти кого-либо из близких или самого сновидца.

Рассмотрим приметы о скорой гибели человека. На основе собранных фольклорных материалов можно выделить три категории таких примет: приметы о взаимодействии человека с животным миром, приметы о растениях и приметы танатологического характера: о «неправильной смерти», явлениях, связанных с поминально-похоронными обрядами.

Важную часть локального фольклора о грядущей смерти составляют приметы, связанные с животными мотивами. Животные в целом играют большую роль в мифологии марийцев: часто они воспринимаются носителями традиции как обитатели «обоих миров» или условного пограничья между миром живых и миром мертвых; они достаточно часто встречаются в религиозных и ритуальных нарративах (образ кукушки, предсказывающей количество оставшихся лет, и в некоторых сюжетах, переносящей души мертвых в загробный мир [Шагапова, 2015, с. 101]; псы как стражи врат в мир умерших [Березкин, 2005, с. 177–178]). Изменения же в поведении домашних животных расцениваются как предзнаменования. Так, к примеру, неожиданный уход домашних животных из дома воспринимается как знак скорой смерти хозяина [Тойдыбекова, 2007, с. 61]: животные, в частности собаки и кошки, предстают в марийской мифологии и в культурах других финно-угорских народов в качестве проводников на тот свет – к примеру, у карел-людилов встречался обычай похорон человека вместе с живой кошкой [Минвалеев, 2002, с. 29]. У коми и многих других народов собака воспринимается как животное, способное видеть злых духов, а также как медиатор, посредник между миром социальным и миром

⁶ Л.М., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Каргино. 01.03.2023.

⁷ Л.М., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Каргино. 01.03.2023.

природным [Голубкова, 2009, с. 181–182]. В фольклоре западноевропейских народов функцию хтонического существа, предвестника смерти выполняет белая лошадь [Bergen, etc. 2009, p. 13]. Интересная примета, связанная с необычным поведением домашних животных, была записана в деревне Баймурзино Мишкинского района:

Смотрите, я вот сам перенес insult. Я две недели вообще не помню, я в коме был. <...> Приезжаю домой, меня собака потеряла – меня дома не было 2 месяца с лишним. Приехал в декабре, весной вышел на улицу – и собака меня...с цепи сорвалась, собака ко мне, я упал, она лижет меня, и идет бабушка, говорит: «А, значит, жить будешь». Если собака тебя лижет, это у тебя лицо...это как бы хорошее. Если собака тебя не трогает, значит, у тебя лицо с того света уже...»⁸

В данной примете четко прослеживается представление марийцев о «двойственной природе» домашних животных – собака не принадлежит, по местным представлениям, строго к миру живых, поэтому может ощущать «присутствие» души человека и его близость к смерти. В той же деревне встречается еще одна примета – вой собаки, предвещающий чью-то смерть⁹: данный мотив фигурирует у многих европейских народов, наиболее же вероятно проникновение данного конкретного сюжета из исламской культуры ввиду близкого соседства восточных марийцев с башкирами и татарами – так, согласно мусульманским верованиям, собака способна видеть ангела смерти (который, по сути, также является распространенным персонажем в фольклоре народов Поволжья: он известен как Азырен у марийцев, Азраил или Газраил у татар, Эсрел у чувашей [Устьянцев, 2002, с. 101]) и своим воем может свидетельствовать о его приближении [Пузанов, 2018, с. 63].

Примером данного феномена также является примета, связанная с курицей, принесенной в жертву в день похорон. Эта жертва позиционируется как «откуп» владыкам загробного

мира и самому духу умершего, предоставленный с целью предотвратить «увод» кого-то еще за собой на тот свет [Шагапова, 2015, с. 101]. После принесения курицы в жертву путем отрубания головы ее ставят на землю у ворот, отпускают и смотрят, в какую сторону она побежит – если на улицу, то, значит, ритуал проведен удачно, если в сторону двора – значит, в этом дворе стоит в скором времени вновь ждать покойника [Тойдыбекова, 1997, с. 304]. По свидетельствам фольклориста Д.К. Зеленина, раздавленную курицу приносят в жертву Азырену [Зеленин, 1995, с. 146]. Подобные представления упоминаются и в полевых нарративах¹⁰.

Другая совокупность примет, основанных на животных мотивах, связана с поведением птиц и бабочек. Согласно марийской мифологии, эти животные являются реинкарнацией человеческой души ввиду своей способности летать [Шагапова, 2015, с. 100]. Попадание залетевшей птицы в дом воспринимается как визит покойной души и часто трактуется как признак скорой смерти¹¹ – считается, что душа прилетела забрать с собой на тот свет кого-то из живущих. Визит бабочки информанты считают посещением душой умершего, которое не воспринимается как дурной знак, тогда как в фольклоре карел-людииков [Минвалеев, 2022, с. 309] бабочка в доме трактуется как символ приближающейся смерти. О.В. Голубкова приводит обширные сведения об образе бабочки, в которую воплощается душа умершего в различных этнических культурах [Голубкова, 2009, с. 206–208]. Вероятно, способность бабочки летать символически связывает ее с представлениями о «летучести» души. По мнению С.М. Толстой, птицы и насекомые в народной культуре семантически связаны с «хтоническим миром и пространством смерти» [Толстая, 2002, с. 204].

Еще одной нехорошей приметой у марийцев считается летающая над деревней птица, однако конкретный ее вид в текстах варьируется: в некоторых деревнях респонденты

⁸ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

⁹ В.С., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

¹⁰ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

¹¹ Г.К., ж. Р. Марий Эл, Моркинский р-н, с. Кутюк-Кинер. 14.07.2022.

указывали на кружащего коршуна¹², в других – черного ворона или воронов, причем от их количества также может зависеть трактовка приметы: если вороны летают парами, то у кого-то в деревне умрет муж или жена, если летает один – умрет кто-то одинокий¹³. Можно отметить, что черные птицы не всегда являются «дурным знаком»: так, во время пребывания на Тумерской горе в Моркинском районе, известной также как Овда-Курык, нами было замечено множество гнездящихся ворон, однако жители ближайших деревень во время интервью говорили, что не считают такую близость плохим знаком¹⁴. Напротив, большое количество птиц маркирует это место как особенное, «энергетическое». Орнитологические воззрения о душе широко представлены в фольклоре других финно-угорских и восточнославянских народов, возможно, в связи с возможностью птиц летать и «беспрепятственно покидать иной мир» [Голубкова, 2009, с. 199–200].

Другая категория народных примет основана на растительных мотивах; данная связь объясняется во многом флореальным характером и природоцентризмом марийской культуры. В интервью часто отмечается характерная для марийского мировоззрения тесная связь человека с растительными объектами – как правило, деревьями; некоторые носители традиции верят, что умерший может переродиться не только в форме птицы или бабочки, но и любого растения. Одна из примет данной категории уже была представлена выше – по представлениям марийцев, если дерево, посаженное человеком при жизни, начинает засыхать, то и жизнь этого человека тоже подходит к концу. С деревьями часто связывают и сугубо локальные приметы: так, в деревне Баймурзино Мишкинского района жители в интервью упоминали одно дерево, растущее на окраине деревни: по их убеждению, если от ветра это дерево начинает скрипеть и звук разносится по всему поселению, значит, скоро в деревне появится покойник. Похожие представления

о «деревьях-двойниках», уничтожение которых ведет к физической гибели человека, встречается в фольклоре коми [Голубкова, 2009, с. 64].

Еще одна примета, связанная с темой грядущей гибели, – череда смертей в поселении: по марийским поверьям, «40 дней не прошло, и уже второй умерший в деревне – значит, жди третьего»¹⁵. Согласно марийской мифологии, вплоть до 40 дня душа покойного находится на границе двух миров в ожидании «страшного суда», поэтому до 40 дня она еще обладает некой силой в мире живых и может являться в видениях и снах, забирать с собой другие души на «тот свет» (чаще всего от этого страдает домашний скот, который покойник «забирает с собой», но встречаются и рассказы об умерших вслед за первым покойником детях, родственниках или просто знакомых¹⁶). Частым мотивом в полевых материалах является описание встречи двойника умирающего человека (как им самим, так и окружающими). Встретить «двойника души» считается плохим предзнаменованием – вскоре обладатель души может умереть. В фольклоре коми распространена вера в «двоедушие»: существование у человека двух душ: лов (душа – дыхание) и орт (душа – тень), которая появляется накануне смерти [Голубкова, 2009, с. 24].

Существуют и приметы-видения: носители традиции наблюдают определенные знаки и явления, которые обычно скрыты от глаз человека. Один из сюжетов видений повторяет описанный выше вещей сон: некоторые информанты «наяву» встречали свадебную процессию, выезжающую из деревни, вскоре после чего узнавали, что в этой деревне кто-то умер; одной из главных характерных особенностей такого видения является отсутствие в реальном мире каких-либо видимых следов события: так, по словам информанта, после того, как увиденная им свадебная повозка проехала по полю, он не нашел ни одного следа от колес и даже трава не была примята¹⁷.

¹² Р.К., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 02.03.2023.

¹³ Н.И., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Чураево. 28.02.2023.

¹⁴ М.С., ж. Р. Марий Эл, Моркинский р-н, д. Шордур (Малая Кушня). 13.07.2022.

¹⁵ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

¹⁶ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

¹⁷ О.А., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 02.03.2023.

Распространенными являются приметы, связанные с видениями непосредственного олицетворения смерти – духа Азырена. В представлениях марийцев Азырен обычно является в образе гигантской черной фигуры (в некоторых мифах и сказках, наоборот, белой [Акцорин, Сабитов, 1991, с. 100]), вооруженной мечом или длинным ножом, которым он перерезает горло умирающему. В отличие от владык загробного мира, Азырен обычно является персонажем отрицательным; зачастую он даже подвергается табуированию в устной речи: опрошенные марийцы отмечают, что стараются не упоминать его имя даже в разговорах между собой¹⁸. По сообщениям С.К. Кузнецова, марийцы боялись его; обычно он появлялся в образе старика или мужчины [Кузнецов, 1884, с. 6]. В статье Г.Ю. Устьянцева приведен нарратив о ребенке, видевшем «страшную черную фигуру», заходящей в избу, в которой вскоре умерла женщина [Устьянцев, 2022, с. 104]. Образ Азырена, согласно классификации, предложенной М.В. Ясинской, относится к категории объектов и персонажей «как правило, невидимых, но способных визуализироваться в определенном облике» [Ясинская, 2011, с. 109]. Согласно мифологическим сказкам, Азырен был однажды обманут человеком и заточен в гробу, из-за долгого пребывания в котором стал тонким и практически невидимым. Согласно представлениям носителей традиции (причем не только марийских: схожие убеждения распространены, к примеру, и у соседних чувашей) [Акцорин, Сабитов, 1991, с. 101], дети гораздо более «восприимчивы» к потусторонним проявлениям¹⁹, равно как больные и умирающие люди; Л.С. Тойдыбекова в своей работе пишет, что, «скорее всего, его (Азырена) могут видеть грешные или злые люди» [2007, с. 61].

Предвестниками грядущей смерти могут выступать и явления умерших родственников, односельчан и знакомых. Более того, считалось, что они сами могут забрать на «тот свет» живого человек по своей инициативе.

¹⁸ Н.И., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Чураево. 28.02.2023.

¹⁹ Л.Я., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 27.02.2023.

И.Н. Смирнов писал, что сила умерших в марийской культуре сопоставима с силой богов, и они «держат в своих руках счастье и несчастье человека» [Смирнов, 2014, с. 145]. Согласно статье А. Филимонова, если не снабдить покойника всем необходимым (едой, инвентарем), то он может забрать с собой качество слуг живых родственников [Филимонов, 1869, с. 432]. В народной традиции марийцев, как и соседних народов, считается, что покойники являются за душами близких людей, хотят забрать их с собой, особенно, если живые о них сильно тоскуют [Байбурин, 2001, с. 98–106].

По представлениям некоторых восточных марийцев, если человек упал или споткнулся на кладбище, его может ждать скорая смерть²⁰. В данном мотиве необходимо отметить локальный аспект: событие-знак должно произойти именно на кладбище, которое воспринимается в роли места пограничья между мирами живых и мертвых. Вообще множество плохих примет связано с процедурой «проводов умершего». Плохим знаком, согласно данным В.З., является открытие глаза у покойника, лежащего в гробу: это значит, что в его доме скоро снова будет смерть [В.З., 1877, с. 249]. Схожий мотив присутствует и в западноевропейском фольклоре [Vergen, etc. 1889, p. 14–15].

Запреты (луговомар. *ойёрё-влак*) определяют поведение человека, выполнение им определенных правил, нарушение которых может навлечь смерть. По мнению О.Б. Христофоровой, предписания и запреты можно объединить в одну категорию фольклорных текстов, прагматика которых заключается в моделировании поведения человека [1998, с. 20]. В большинстве своем эти запреты связаны с установлением должного отношения к богам и духам усопших предков: так, особенно опасным считается любого рода осквернение священной рощи [Ялаева, 2005, с. 62], будь то покос в ней травы без разрешения жрецов²¹ или уничтожение мольбища. Часто встречаются

²⁰ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймузино. 28.02.2023.

²¹ Покос травы и другие работы в священной роще возможны, если их целью является приведение территории в порядок для последующих молений с разрешения местного карта.

нарративы о советском времени, когда открытые формы проявления традиционной религии были под запретом и молельные места уничтожались. Например, в Мишкинском районе распространен сюжет о строительстве дороги на месте священной рощи, для которого было необходимо расчистить местность, свалить и выкорчевать деревья – местные жители по религиозным причинам отказались принимать в этом участие, и только один тракторист согласился сделать работу, аргументируя это своим татарским происхождением, и умер по неизвестным причинам вскоре после этого²².

Некоторые табу связаны с танатологическим кодом культуры – в большинстве своем они также носят локативный характер и связаны с кладбищем. Как и в случае со священными рощами, под запретом находится любое осквернение, в частности «разгребание могилы» [Ялаева, 2005, с. 63] – подобное действие может расцениваться как неуважение к усопшему и культу предков в целом. Не менее строгий запрет налагается на любого рода подношения, сделанные на кладбище – их нельзя забирать оттуда, так как, по мнению информантов, такие вещи будут «искать новых покойников» [Ялаева, 2005, с. 63]. Во многих деревнях встречаются тексты о детях, которые забрали с кладбища деньги и конфеты и вскоре тяжело заболели или умерли²³. Можно предположить, что вещи, оставленные на кладбище, в народном толковании уже не принадлежат миру живых, поэтому контакт человека с ними табуирован. В то же время Г.Я. Яковлев описывал суеверие луговых марийцев – если пить пиво и есть блины, предназначенные для умерших, то не будут болеть зубы (о семантической связи между зубами и образами умерших написано выше) [1887, с. 75]. Как у русских, так у других народов Центральной части России широко распространены запреты громко разговаривать, шуметь, ругаться на кладбище, посещать его в неположенное время [Добровольская, 2013, с. 117–118]. В число марийских *ойоро* входит запрет на песни и танцы в течение

40 дней после похорон, если это не связано напрямую с проводами усопшего [Ялаева, 2005, с. 63]: в противном случае, по мнению марийцев, дух покойника может обидеться на живых родственников и перестать им помогать.

В марийской культуре прослеживается феномен «отпущенного времени» – по мнению носителей традиции, каждый человек проживает столько, сколько было ему дано высшими силами, если ему не помешало колдовство. В нарративах даже встречается описание необычного поверья:

Когда мать умерла, мы решили с Леной проверить вот это на лбу... У нас говорят, «на лбу написано» – это в гробу вот в первую ночь на лбу можно увидеть, сколько ей отпущено было. У тебя вот на лбу написано, сколько лет тебе жить, вот это можно прочесть, только когда ты в гробу первый день лежишь, в полночь. И мы с сестрой решили проверить – мать в гробу лежит, мы время засекаем, двенадцать уже подходит, и у нас появляется – она в 78 умерла, 79 было бы в декабре, две недели до дня рождения не дожидая, – а мы вот увидели: сначала ноль нарисовался, четко ноль, а потом восьмерка начала вырисовываться, 80 ей суждено было жить...²⁴

В данном нарративе отражено представление марийцев об априорности продолжительности жизни: употребление слов «суждено», «отпущено» указывает на причастность высших сил к судьбе человека и ее окончанию. Этнолог Н.С. Попов пишет о детерминированности жизни следующее: «Судьба человека, по верованиям марийцев, предопределялась многими факторами: жизнедеятельностью предков и родителей, благосклонностью звезд и небесных светил, предначертаниями Ош Кугу Юмо (Светлого Великого Бога), судьбоносца – Пүрьшö (Предопределитель) и дарителя жизненных сил – Шочын Ава (Богиня рождения)» [Попов 2013, с. 248]. Возможные попытки человека повлиять или отсрочить свою жизнь интерпретируется как нарушение естественного хода событий. Запретом считается празднование дня рождения раньше установленной даты – таким образом, по представлениям

²² О.В., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 27.02.2023.

²³ А.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Кайраково. 01.03.2023.

²⁴ О.П., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 03.03.2023.

марийцев, человек «укорачивает себе жизнь» [Ялаева, 2005, с. 51]. Схожий запрет у некоторых групп восточных марийцев – ранняя, заведомая подготовка к смерти:

У них сначала дочка в аварию попала, потом дедушка сразу сгорел, бабушка через месяц, бабушку вытащили. Дом внутри сгорел, а вещи, которые одевать, в сундуке в веранде были, и запись – кто должен мыть, кто должен хоронить. И вещи тоже подписаны были – это бабушке, это дедушке. У них даже гроб был, доски приготовленные, даже ограду купили. Если заранее приготавливаешь – значит, неминуемо уйдешь. Так нельзя тоже²⁵.

Данный нарратив демонстрирует последствия нарушенного запрета: из-за ранней подготовки к переходу в загробный мир человек символически уже вступает в фазу прелиминальности в мифологическом пространстве жизни-смерти.

В рассказах местных жителей чаще всего упоминается несколько способов «обмануть» или «отсрочить» смерть. Например, поставить три свечки владыкам загробного мира (Киямат-тõра и Киямат-савушу) и духам предков, дать им подношение и попросить не беспокоить, не забирать на тот свет²⁶. Считается, что умершие предки и родственники способны защитить от колдовства, порчи, спасти в опасной ситуации²⁷. Это поверье встречается практически во всех посещенных деревнях как Республики Марий Эл, так и Мишкинского района Республики Башкортостан.

В историографии описан обряд принесения символической жертвы для отведения гибели: «смерть можно предотвратить, если властелину загробного мира Киямат-тõра принести в жертву полотенце, а его дочери (ее зовут Марина) – платок» [Тойдыбекова, 1997, с. 302]. Данный материал, по словам самого автора, был зафиксирован единственный раз и едва ли может быть экстраполирован на всю марийскую культуру.

²⁵ В.С., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023.

²⁶ Н.И., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Чураево. 28.02.2023

²⁷ Л.Я., ж. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 27.02.2023

Устойчивым в локальной традиции является запрет на веселье в течение 40 дней после смерти. Один из информантов, участник и руководитель народного ансамбля, говорил, что данное табу было для него зачастую невыполнимо ввиду профессиональной деятельности; для обхода существующего запрета он «откупался» от духов предков, кидая себе под ноги монетку и втоптывая ее в землю²⁸.

Мотив извинения присутствует и в следующем нарративе. Во многих восточномарийских деревнях очень старые кладбища, поэтому некоторые захоронения уже не заметны. В одном из записанных нарративов семья информанта случайно повредила неизвестное захоронение :

В Яндыганово уже старое-старое кладбище, и когда папу хоронили, на другие кости натыкались. Это все обратно кладется, ты просишь прощения, что потревожил, и кладешь обратно эти кости. Мы вот находили, когда хоронили, эти кости остались там же, естественно, ты потом говоришь «извини, что потревожили», и потом хоронишь человека²⁹.

На примере данного нарратива, как и предыдущего, видно, что запрет, основанный, в первую очередь, на уважительном отношении к покойным предкам, может быть обойден с помощью «откупа» или «извинения». Важно также, что в приведенных примерах рассказчики нарушали запреты по необходимости.

Заключение

Анализируя разнообразие предзнаменований смерти в марийской традиционной культуре, можно выделить несколько видов текстов: нарративы о вещих снах, приметы, тексты о нарушении запретов. Общим местом в этих мортальных сюжетах являются образы умерших предков, животного и растительного мира. Человек, по мнению носителей традиции, регулярно сталкивается с проявлениями «иноного мира» во снах и наяву. В трактовке подобных предзнаменований проявляется фатализм, присущий марийской мифологии: при

²⁸ В.И., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, д. Баймурзино. 28.02.2023

²⁹ Р.С., м. Р. Башкортостан, Мишкинский р-н, с. Мишкино. 27.02.2023

попытке построения дуалистической модели «знак-противодействие» второй агент во многих случаях часто отсутствует, то есть смерть воспринимается как неизбежное событие. Во многих нарративах, посвященных тематике смерти или мортальным практикам, упоминаются такие слова-маркеры, как «суждено», «отпущено» и т.д., что указывает на восприятие жизни и смерти как неподвластных влиянию человека явлений.

Получение человеком «дурных» знаков в текстах фольклора символически означает

окончание привычной социальной жизни человека и принятие, осознание им скорой смерти (своей или окружающих). В фольклорной трактовке индивид, смерть которого предвещена, находится в лиминальной стадии, воспринимается как связанный с «иным миром». Важно учесть, что подобная интерпретация фольклора носит инверсивный характер: сначала происходит трагическое событие (смерть), и только потом локальная традиция объясняет произошедшее получением предзнаменований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Аккорин В.А., Сабитов С.С. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 285 с.
- Байбурин А.К. Тоска и страх в контексте похоронной обрядности // Труды факультета этнологии. 2001. № 1. С. 96–105.
- Березкин Ю.Е. Черный пес у слезной реки. Некоторые представления о пути в мир мертвых у индейцев Америки и их евразийские корни // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 174–211.
- В.З. Народные верования луговых черемис Казанской губернии // Известия по Казанской епархии. Казань. 1877. № 9. С. 243–250.
- Валенцова М.М. Полесская традиция о сновидениях // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 44–54.
- Веселова И.С. Структура рассказов о снах // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 171–180.
- Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 302 с.
- Гура А.В. Снотолковательная традиция полесского села Речица // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 70–94.
- Добровольская В.Е. Кладбище как место встречи живых и мертвых : правила, регулирующие взаимоотношения двух миров в традиционной культуре Центральной России // Slověne = Словѣне: international j. of Slavic studies. 2013. № 1. С. 111–122.
- Добровольская В.Е. Суеверия, связанные с толкованием сновидений в Ярославской области (По материалам экспедиции второй половины 1990-х годов в Пошехонский и Переславль-Залесский районы) // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 55–69.
- Запорожец В.В. Сны и видения как часть ясновидения // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 95–115.
- Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
- Кузнецов С.К. Загробные верования черемис. Казань: Тип. губерн. правления, 1884. 10 с.
- Минвалеев С.А. Приметы о скорой смерти и представления о переходе в иной мир карел-людигов // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14. № 3. С. 304–314.
- Попов Н.С. Похоронные обряды и поминки у мари. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. С. 248–252.
- Пузанов Д.В. Сообщение Ибн Фадлана о гадании населения Поволжья по собачьему вою и поздние приметы тюркских и славянских народов // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 4. С. 63–66.
- Смирнов И.Н. Черемисы: Историко-этнографический очерк. Статьи. Вступительная статья К.Н. Санукова. Йошкар-Ола: РОО РМЭ ПРМ «СММ «У вий (Молодая сила)», 2014. 304 с.
- Тойдыбекова Л.С. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Йоэнсуу, 1997. 398 с.
- Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола: МПИК, 2007. 312 с.
- Толстая С.М. Иномирное пространство сна // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2015. С. 198–219.
- Трушкина Н.Ю. Рассказы о снах // Сны и видения в народной культуре. М.: РГГУ, 2002. С. 143–170.

- Устьянцев Г.Ю. Азырен, Киямат, души усопших: персонификация смерти в марийской мифологии // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 3. С. 99–113.
- Филимонов А. О религии некрещеных черемис и вотяков Вятской губернии // Вятские епархиальные ведомости. Вятка: Скоропечатня Анисимовых и Блиновой, 1869. № 21. С. 431–442.
- Хайдеггер М. Бытие и время. М., «Ad Marginem», 1997. 451 с.
- Христофорова О.Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М.: РГГУ, 1998. 116 с.
- Шагапова Г.Р., Яфаева Г.М. Животные в похоронно-поминальной обрядности марийцев Республики Башкортостан // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. № 4. С. 100–103.
- Яковлев Г. Религиозные обряды черемис. Казань: Издание православного миссионерского общества, 1887. 87 с.
- Ялаева Р.К. Что может спасти природу и каждого из нас? 223 табу-запрета народа мари. Йошкар-Ола, 2005. 72 с.
- Ясинская М.В. Визуализация невидимого: способы контакта с иным миром // Славянский и балканский фольклор: Виноградье. Вып. 11. М.: 2011. С. 109–120.
- Danielson L. Toward the Analysis of Vernacular Texts: The Supernatural Narrative in Oral and Popular Print // Journal of the Folklore Institute, 1979. Vol. 16, No. 3, pp. 130–154.
- Bergen, W. Beauchamp M., Fanny D. etc. Current Superstitions. Omens of Death // The Journal of American Folklore, 1889, Vol. 2, No. 4, pp. 12–22
- Gennep A. van. The rites of passage. London, Routledge. 2004. 208 p.
- Rivière J. Death, Dreams and the Disorderly Dead: Liminality and the Discernment of Spirits in Early Modern England // The “Vision Thing”. Studying Divine Intervention. Ed. William A. Christian Jr. Stanford, 2007, pp. 101–134.

Artem Ananiev, German Ustyantsev

KNELL IN THE MARI FOLK TRADITION

Introduction. In Mari folklore, three categories of texts can be distinguished telling about signs of future death: prophecy dreams, signs, as well as fabulates and memorates about the violation of certain prohibitions of sacral or thanatological character. After receiving a mythological prediction about the coming death, man in the categories of traditional culture, is connected with the space of death. **The purpose of the article.** The authors aim to consider the main motives of the folklore narratives about the foreknowledge of death, the images found in them, and to describe the types of texts. **Materials and methods.** The article is based on interview materials and folklore texts recorded in ethnological expeditions in the Republic of Mari El and in Mishkinsky district of the Republic of Bashkortostan. The authors base their research on qualitative methods including narratological and semiotic analysis of cultural texts. **Research results and discussions.** Plant and animal images, characters of the «other world»: the dead, Azyren – the spirit of death, are common in folklore narratives about the impending death. Dreams and signs in folk tradition have a priori, they indicate the future, which is difficult to change. In folk tradition, a person’s death can occur due to violations of religious or funeral prohibitions. **Conclusion.** Mythological signs are interpreted in Mari culture as the beginning of the liminal stage, acceptance and anticipation of the coming death. It is important to mention that this interpretation of folklore is inverse: first a tragic event (death) takes place, and only then the local tradition explains what has happened by the fact of obtaining the omens.

Key words: Mari folklore, image of death, signs, dreams, Azyren.

REFERENCES

- Akczorin V.A. Sabitov S.S. Marijskij fol'klor: Mify', legendy', predaniya [Mari folklore: Myths and legends]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 285 p. (In Russ and Mari).
- Bajburin A.K. Toska i strax v kontekste poxoronnoj obryadnosti [Longing and fear in the context of funeral rites]. *Trudy fakul'teta etnologii* [Works of the Department of Ethnology]. 2001, no. 1, pp. 96-105. (In Russian).
- Berezkin Yu.E. Chernyj pes u sleznoj reki. Nekotorye predstavleniya o puti v mir mertvyx u indejcev Ameriki i ih evrazijskie korni [The black dog by the tear river. Some ideas about the way to the world of the dead among the Indians of America and their Eurasian roots]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2005, no. 2, pp. 174-211. (In Russian).

V.Z. Narodnye verovaniya lugovyx cheremis Kazanskoj gubernii [Folk beliefs of the meadow cheremis of the Kazan province]. *Izvestiya po Kazanskoj eparhii* [News of the Kazan diocese], Kazan, 1877, no. 9, pp. 243-250. (In Russian).

Valenczova M.M. Poleskaya tradiciya o snovideniyax [The Polesie tradition of dreams]. *Sny` i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, 2002, pp. 44-54. (In Russian).

Veselova I.S. Struktura rasskazov o snax [The structure of dream stories]. *Sny i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, 2002, pp. 171-180. (In Russian).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: Etnokul`turny`e tradicii slavyan i finno-ugrov [Soul and Nature: Ethnocultural traditions of Slavs and Finno-Ugrians]. Novosibirsk, Izd-vo IAE`T SO RAN, 2009, 302 p. (In Russian).

Gura A.V. Snotolkovatel`naya tradiciya polesskogo sela Rechicza [The dream interpretation tradition of the Polesky village Rechitsa]. *Sny` i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, 2002, pp. 70-94. (In Russian).

Dobrovol`skaya V.E. Kladbishhe kak mesto vstrechi zhivyx i mertvyh: pravila, reguliruyushhie vzaimootnosheniya dvux mirov v tradicionnoj kul`ture Central`noj Rossii [Cemetery as a meeting place of the living and the dead: rules governing the relationship between the two worlds in the traditional culture of Central Russia]. *Slověne = Slovĕne: international j. of Slavic studies*. 2013, no. 1, pp. 111-122. (In Russian).

Dobrovol`skaya V.E. Sueveriya, svyazannye s tolkovaniem snovidenij v Yaroslavskoj oblasti (Po materialam ekspedicii vtoroj poloviny` 1990-x godov v Poshexonskij i Pereslavl`-Zalesskij rajony`) [Superstitions related to the interpretation of dreams in the Yaroslavl region (Based on the materials of the expedition of the second half of the 1990s to Poshexonsky and Pereslavl-Zalessky districts)]. *Sny i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, 2002, pp. 55-69. (In Russian).

Zaporozhec V.V. Sny i videniya kak chast` yasnovideniya [Dreams and visions as part of clairvoyance]. *Sny i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, 2002, pp. 95-115. (In Russian).

Zelenin D.K. Izbrannye trudy. Oчерki russkoj mifologii: Umershie neestestvennoj smert`yu i rusalki [Selected works. Essays on Russian Mythology: Those who Died unnatural deaths and mermaids]. Moscow, Indrik, 1995, 432 p. (In Russian).

Kuznecov S.K. Zagrobnye verovaniya cheremis [The afterlife beliefs of cheremis]. Kazan, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1884. 10 p. (In Russian).

Minvaleev S.A. Primety o skoroj smerti i predstavleniya o perehode v inoj mir karel-lyudikov [Signs of imminent death and ideas about the transition to another world among Karel-ludiks]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world]. 2022, vol. 14, no. 3, pp. 304-314. (In Russian).

Popov N.S. Pohoronnye obryady i pominki u mari. [Funeral rites and wake among Mari]. *Marijcy. Istoriko-etnograficheskie oчерki*. [The Mari people. Historical and ethnographic essays]. Yoshkar-Ola, MarNIIYaLI, 2013, pp. 248-252. (In Russian).

Puzanov D.V. Soobshchenie Ibn Fadlana o gadanii naseleniya Povolzh`ya po sobach`emu voyu i pozdnie primety tyurkskix i slavyanskix narodov [Ibn Fadlan's report on divination of the Volga region population by howling dogs and late signs of the Turkic and Slavic peoples]. *Istoriko-kul`turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh`ya* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region]. 2018, no. 4, pp. 63-66. (In Russian).

Smirnov I.N. Cheremisy`: Istoriko-etnograficheskij oчерk. Stat`i. Vstupitel`naya stat`ya K.N. Sanukova [Cheremis: Historical and ethnographic essay. Articles. Introductory article by K.N. Sanukov]. Yoshkar-Ola, ROO RME`PRM «SMM «U vij (Molodaya sila)», 2014, 304 p. (In Russian).

Tojdybekova L.S. Marijskaya yazycheskaya vera i etnicheskoe samosoznanie [Mari pagan faith and ethnic identity]. Joensuu, 1997, 398 p. (In Russian).

Tojdybekova L.S. Marijskaya mifologiya: Etnograficheskij spravocchnik [Mari Mythology: An Ethnographic guide]. Yoshkar-Ola, Marijskij poligraficheskio-izdatel`skij kombinat, 2007, 312 p. (In Russian).

Tolstaya S.M. Inomirnoe prostranstvo sna [The otherworldly space of dream]. *Sny i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, pp. 198-219. (In Russian).

Trushkina N.Ju. Rasskazy` o snax [Stories about dreams]. *Sny i videniya v narodnoj kul`ture* [Dreams and visions in folk culture]. Moscow, RGGU, pp. 143-170. (In Russian).

Ust`yancev G.Yu. Azyren, Kiyamat, dushi usopshih: personifikaciya smerti v marijskoj mifologii [Azyren, Kiyamat, souls of the deceased: personification of death in Mari mythology]. *Fol`klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics]. 2022, vol. 5, no. 3, pp. 99-113. (In Russian).

Filimonov A. O religii nekreshhenyx cheremis i votyakov Vyatskoj gubernii [About the religion of unbaptized Cheremis and Votyaks of Vyatka province]. *Vyatskie eparxial`nye vedomosti* [Vyatka Diocesan Gazette]. Vyatka, Skoropechatnaya Anisimovyx i Blinovoj, 1869, no. 21, pp. 431-442. (In Russian).

Hajdegger M. Bytie i vremya [Being and time]. Moscow, Ad Marginem, 1997, 451 p. (In Russian).

Hristoforova O.B. Logika tolkovanij: Fol'klor i modelirovanie povedeniya v arxaicheskix kul'turah [The Logic of Interpretation: Folklore and Behavior Modeling in Archaic Cultures]. Moscow, RGGU, 1998, 116 p. (In Russian).

Shagapova G.R. Jafaeva G.M. Zhivotnye v poxoronno-pominal'noj obryadnosti marijcev respubliky Bashkortostan [Animals in the funeral and memorial rites of the Mari people of the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. 2015, vol. 25, no. 4, pp. 100-103. (In Russian).

Jakovlev G. Religioznye obryady Cheremis [Cheremis Religious rite]. Kazan, Izdanie pravoslavnogo missinerskogo obshchestva, 1887, 87 p. (In Russian).

Jalaeva R.K. Chto mozhet spasti prirodu i kazhdogo iz nas? 223 tabu-zapreta naroda mari [What can save nature and each of us? 223 taboo-prohibitions of the Mari people]. Yoshkar-Ola, 2005, 72 p. (In Russian).

Jasinskaya M.V. Vizualizaciya nevidimogo: sposoby kontakta s inym mirom [Visualization of the invisible: ways of contact with the other world]. *Slavyanskij i balkanskij fol'klor: Vinograd'e*. [Slavic and Balkan folklore: Vinogradye]. №11. Moscow, 2011, pp. 109-120. (In Russian).

Danielson L. Toward the Analysis of Vernacular Texts: The Supernatural Narrative in Oral and Popular Print. *Journal of the Folklore Institute*, 1979, vol. 16, no. 3, pp. 130-154. (In Russian).

Bergen, W. Beauchamp M., Fanny D. etc. Current Superstitions. Omens of Death. *The Journal of American Folklore*, 1889, vol. 2, no. 4, pp. 12-22.

Gennep A. van. The rites of passage. London, Routledge, 2004, 208 p.

Rivière J. Death, Dreams and the Disorderly Dead: Liminality and the Discernment of Spirits in Early Modern England. *The "Vision Thing". Studying Divine Intervention*. Ed. William A. Christian Jr. Stanford, 2007, pp. 101-134.

Ананьев Артём Алексеевич

магистрант исторического факультета
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
e-mail: an.artem02@mail.ru

Artem Ananiev

Master's degree student
of M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow
e-mail: an.artem02@mail.ru

Устьянцев Герман Юрьевич

кандидат исторических наук,
ассистент кафедры этнологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
e-mail: ustyian-93@mail.ru

German Ustyantsev

Candidate of Historical Sciences,
Assistant professor of the Ethnology Chair
of M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow
e-mail: ustyian-93@mail.ru

УДК 821.511.131

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-65-74

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЛИТЕРАТУРЕ (к 100-летию со дня рождения Зои Алексеевны Богомоловой)

© Р.В. Кириллова, Н.А. Федосеева

Введение. Сегодня имя литературоведа Зои Алексеевны Богомоловой (1923–2012) известно не только в Удмуртской Республике, но и далеко за ее пределами. Она была участником многих важных мероприятий литературной жизни страны: съездов, пленумов, конференций Союза писателей СССР (ныне России). В ее творческом наследии отражен огромный обзор литературной, культурной и общественной жизни не только Удмуртской Республики, но России с середины XX до начала XXI века. **Цель статьи** – выявить вклад З.А. Богомоловой в развитие национального литературоведения. **Материалы и методы.** Статья написана на основе работ ученого и литературы о нем. **Методы исследования:** биографический, культурно-исторический. **Результаты исследования, обсуждения.** З.А. Богомолова – человек с блестящим образованием и широкой эрудицией – не довольствовалась лишь изучением художественной словесности, а с большим интересом и желанием изучала жизнь удмуртского края, поддерживала тесные связи с представителями различных сфер: учеными, писателями, художниками и т.д. Благодаря ее труду, литературные произведения писателей Удмуртии, будь то поэзия или проза, стали частью многонациональной литературной культуры. Зоя Алексеевна активно занималась литературной обработкой текстов и популяризацией новых произведений на встречах с читателями в Удмуртии и Москве. Статьи и рецензии З.А. Богомоловой регулярно публиковались в ведущих литературных журналах и газетах России, таких как «Волга», «Книжное обозрение», «Север», «Урал», «Ончыко», «Молот» и др. **Заключение.** З.А. Богомолова внесла значительный вклад в развитие не только удмуртского, но и финно-угорского литературоведения в целом.

Ключевые слова: Зоя Алексеевна Богомолова; биография; творческое наследие; литература и культура; критик; литературовед; общественный деятель; удмуртская литература; финно-угорская литература.

Введение

Зоя Алексеевна Богомолова – имя, которое с любовью и почтением произносят все, кто ее знал и кому действительно дорога литература и культура народов Поволжья и Урала. Она – настоящий ученый, педагог, лектор, литературовед, критик, член Союза писателей и Союза журналистов РФ, просто очень добрый и, по сути, легендарный человек. В течение долгой творческой деятельности Зоя Алексеевна участвовала во многих важных событиях литературной жизни страны: съездов, пленумов, конференций Союза писателей. В ее творчестве отразилась широкая панорама литературной, культурной и общественной жизни России середины XX – начала XXI века в целом и Удмуртской Республики в частности.

Цель статьи – выявить вклад З.А. Богомоловой в развитие национального литературоведения.

Материалы и методы

Статья написана на основе работ ученого и литературы о нем. **Методы исследования:** биографический, культурно-исторический.

Результаты исследования, обсуждения

Зоя Алексеевна родилась в станице Озёрное Оренбургской области, впитала в себя благодатные семейные и родовые традиции местного казачества, затем получила высшее педагогическое образование, ученую степень кандидата филологических наук, а также некоторый опыт работы со старшеклассниками и студентами в Ставрополе и Муроме. С 1958 года начала работать в Удмуртском

педагогическом институте в должности доцента кафедры русской и зарубежной литературы. И началось обретение ею «второй родины», как называла она родниковый край – Удмуртию. И впрямь как родная, она стала обогащать ее и добротой души, и добрыми делами, где и как только могла... «В Удмуртию она приехала в возрасте 35 лет, – вспоминает М.Г. Атаманов, – ученый уже с дипломом кандидата филологических наук. Мне посчастливилось слушать ее лекции по русской литературе конца XIX – первой половины XX столетия, познакомиться с творчеством И. Бунина, А. Куприна, М. Цветаевой, Д. Мережковского, А. Ахматовой, А. Толстого, Д. Бедного, М. Горького и других великих русских классиков» [Атаманов, 2018, с. 177].

На протяжении долгих лет З.А. Богомолова читала курсы: «Русская литература XIX века», «Литература XX века», «Советская литература», «Фольклор», «Детская литература», «Литература народов СССР»; спецкурсы: «Современный российский роман», «Современная поэма» и др. Она одновременно изучала национальную литературу Волжско-Уральского региона, главным образом удмуртскую, занималась общественной работой: 30 лет руководила советом по литературе и искусству Республиканского общества «Знание», выступала со статьями по разнообразным вопросам современной литературы на страницах периодической печати, по телевидению, радио, выезжала в районы республики с чтением лекций, вела воспитательную работу со студентами: была куратором нескольких групп, руководителем творческого кружка «Литературные новинки», председателем художественного совета УГПИ, секретарем Ученого совета института, организовывала и проводила творческие встречи студентов с писателями Удмуртии, Москвы, литературные, читательские, зрительские конференции.

Зоя Алексеевна, будучи человеком всестороннего образования и широких интересов, не могла ограничить сферу научных занятий изучением лишь одной литературы. Она всегда находилась в тесном общении с самыми разными людьми (учеными, писателями, художниками, т.д.), с большим интересом и желанием постигала жизнь удмуртского края. Ее

привлекли красивая уральская природа, взаимодействие человека с нею, типы поселений, особенности быта и хозяйства, материальная и духовная культура удмуртов. Причем, когда была возможность, она не ограничивалась визуальными наблюдениями, а много расспрашивала, записывала, часто выезжала с лекциями в сельские районы, школы, библиотеки. Лекции были самой сильной стороной ее педагогической деятельности. Они отличались глубиной, ясностью, безупречной мерой соединения академизма и популярности, страстностью, отточенностью речи. Вот как вспоминает народный художник Удмуртии С.Н. Виноградов: «Она удивляет нас не только интеллигентностью, красотой, добротой, но и любознательностью, работоспособностью и бездонной кипучей энергией. Она бывает почти во всех мероприятиях, касающихся литературы, искусства, образования и политики...» [2003, с. 302].

От работы к работе крепло ее мастерство, формировались методологические, эстетические позиции ученого. Как знаток и специалист по русской литературе, Зоя Алексеевна успешно соединяла достижения русской словесности с национальной литературой и искусством.

За годы сотрудничества с Союзом писателей России, Зоя Алексеевна посчастливилось участвовать в событиях, ставших историей литературы Удмуртии. Это, прежде всего, Дни удмуртской литературы и искусства в Москве: с 1970 по 2010 год. Не менее значимое событие с 1978 года – первые Дни советской литературы в Удмуртии; затем 1986, 1989 – в связи со 100-летием рождения удмуртской литературы, которые привлекли внимание не только известных писателей страны, а также российских финно-угорских республик, писателей из Перми, Кирова, Ставрополя, но и ученых, переводчиков из Венгрии (Петер Домокош), Финляндии, Эстонии (Арво Валтон) и др.

Неоценим вклад Зои Алексеевны в историю культуры финно-угорских народов. Публикации в столичных журналах произведений региональных авторов – результат тоже её огромной работы. Поэзия и проза писателей Удмуртии становились фактом многонациональной литературы. Книги выходят в лучших издательствах страны: «Советский писатель»,

«Художественная литература», «Советская Россия», «Детская литература», «Современник»; выходят повести, романы М. Петрова, М. Коновалова, Г. Красильникова, С. Самсонова, сборники стихотворений Ф. Васильева, А. Демьянова, О. Поскребышева и т.д. Много и плодотворно Зоя Алексеевна занималась литературной обработкой текстов, популяризацией новых произведений на встречах с читателями Удмуртии и в Москве. Статьи и рецензии З.А. Богомоловой печатались в ведущих литературных журналах и газетах России: «Волга», «Книжное обозрение», «Север», «Урал», «Ончыко», «Молот» и др.

Исследование удмуртской литературы Зоя Алексеевна начала с самого истока, посвятила первую работу Кедра Митрею – «**Творчество Кедра Митрея**» (1967) – автору первого удмуртского романа «*Секыт зйбет*» («Тяжкое иго») и первой удмуртской повести «*Вужгурт*» («Старая деревня»). Следует отметить, что в переизданном и доработанном варианте Зоя Алексеевна выпустила объемную книгу под названием «**Опаленный подвиг батыра**» (2003). Кедра Митрей при жизни получил признание как первооткрыватель и создатель национальных художественных ценностей, а после трагического ухода из жизни вошел в историю родной литературы как классик. Кедра Митрей (Д.И. Корепанов) – основоположник удмуртской прозы. Он принадлежит к классикам-первопроходцам удмуртской художественной словесности, к первому поколению национальных просветителей.

«**Михаил Коновалов**» (1971) – следующая работа Зои Алексеевны, это яркий литературно-биографический портрет талантливого писателя, автора романа о рабочем классе «*Вурысо бам*» («Лицо со шрамом»). Позднее исследовала творчество Григория Медведева (трилогия «*Лёза бесмен*» – «*Лозинское поле*»). Как результат многолетнего изучения творчества писателей, кропотливой исследовательской работы в 1976 году в Москве выходит ее фундаментальное исследование «**Песня над Чепцой и Камой**» (второе дополненное издание там же в 1981 году). Вслед за «*Песней над Чепцой и Камой*» читатели увидели

очередные книги Зои Алексеевны: «**История удмуртского романа**» (1978), «**Русские поэты Удмуртии**» (1979), «**Как эхо долины родной**» (1983), «**Г.Д. Красильников – писатель и человек**» (1982), «**Восхождение**» (1984) о Флоре Васильеве и др.

Новая многожанровая книга З.А. Богомоловой «**Голоса эпохи**» (2003) – итог многолетних исследований, она охватывает длительный промежуток времени, включающий в себя главным образом советский и современный периоды российской литературы. Перед читателями вырисовывается действительно целая эпоха со своими событийными и повседневными, писательскими и читательскими, трагическими и порой чересчур возвышенными полосами. «Голоса эпохи» – это стремление отметить важные, значительные моменты личной жизни автора книги, желание разобраться в непростых явлениях действительности общественной и культурной, понять мотивы их воздействия на душевное состояние человека, его настроение. «В книге раскрывается сам творец – Зоя Богомолова, знание ее жизни, умение выразить это в своем творчестве. Глубина воззрения, энциклопедичность знаний, размах общественной работы ставят автора книги наравне с деятелями европейского масштаба. Ей удастся расширить стереотипный набор имен, связывающих с жизнью и творчеством этих деятелей. За счет высокой своей филологической культуры она убедительно прослеживает удмуртский, российский и европейский подтекст их творчества [Ившин, 2003, с. 5].

Другая работа Зои Алексеевны «**Всюду – жизнь...**» (2008) включает статьи, очерки, литературные портреты, воспоминания о писателях не только Удмуртии, но и всей многонациональной России. Содержит материалы разных жанров, посвященные проблемам удмуртской и русской литератур. Арена исследовательской работы: Ставрополь, Москва, Казань, Ижевск, Глазов, Воткинск, одним словом, вся Россия. Ее особенность состоит вольно или невольно сопереживать, порой автор анализирует, казалось бы, далекие от современности произведения, их героев, их поступки. Как литературовед – она неутомимая путешественница

из настоящего в прошлое, из настоящего в будущее. Не символично ли то, что рядом с именами русских классиков А.М. Горького, А.Н. Толстого, В.В. Маяковского в книге достойное место нашли утвержденные временем удмуртские писатели Г. Верещагин, К. Герд, А. Оки, М. Петров, Г. Медведев, М. Коновалов и др. Зоя Алексеевна – свидетель многих перемен: общественных, литературных. И это в ее книге ощущается зримо, что дает читателю возможность пополнить свои знания, воскресить в памяти дорогие лица, речи.

«Пристально вглядывающийся в жизнь мастер», – такую оценку дал З.А. Богомоловой российский поэт, прозаик и переводчик Алексей Смольников. «Она владеет многочисленными литературоведческими и литературно-критическими жанрами – эссе и рецензией, литературным портретом и очерком, критической статьей и монографией, – подчеркнул о ней член Союза писателей России В.Н. Ившин. – И в каждом жанре – ее мгновенное, встречное внимание к любому заметному успеху в литературе, искусстве, науке, в делах государства» [2008, с. 4]

«Писать о книге, названной “Всюду – жизнь ...” нелегко, – отмечает Зоя Алексеевна, – потому что само понятие жизнь – многозначно, ибо каждый человек проживает ее по-своему и вкладывает в нее свое содержание. Но когда речь идет о литературе, творцах художественных ценностей, возникает особое чувство, чувство ответственности, а также сомнения, даже страх: смогу ли сказать то, что нужно, и высветились ли образ, личность, жизнь, творчество создателя художественных ценностей, верно ли оценили то, что составляет смысл его творчества. <...> Книга “Всюду – жизнь ...” посвящена бесконечно дорогому моему семейству. Пусть им в жизни сопутствуют удачи, и все будут здоровы и счастливы» [2008, с. 425–428].

Следующие публикации Зои Алексеевны связаны с серией Книги Памяти. Они подготовлены вместе с соавторами: критиками-литературоведами, исследователями, учеными, журналистами, читателями, родственниками писателей и т.д.

Одну из книг посвятила 100-летию со дня рождения Кузубая Герда (К.П. Чайников), выдающегося поэта, ученого, деятеля национальной

культуры, занявшего видное место в финно-угорском духовном мире. Сборник «**Как молния в ночи...**» (1998) содержит новые материалы, освещающие малоизвестные факты из творчества К. Герда, его ареста и гибели. На его страницах возникает живой, неповторимый, высветленный в разных ракурсах личностный портрет классика удмуртской литературы. Он задуман автором как Книга Памяти, но по содержанию не укладывается в рамки этого жанра. Трудно выдержать жанровую чистоту, поскольку каждый раздел – самостоятельное повествование о той или иной стороне жизни и деятельности поэта: Герд и литературный процесс 20-х годов прошлого столетия, общественная сфера и политика, поэзия, наука, Герд и финно-угорская литература, Герд и Соловки, версии гибели поэта, Герд и хроника культурной жизни Удмуртии, письма, документы и редкие фотографии. В книгу вошли как известные, так и малоизвестные широкому кругу читателей материалы – статьи, воспоминания его сверстников, стихи, письма, документы, содержащие сведения о драматической судьбе Герда, освещающие последние усилия поэта-узника доказать свою правоту, свое понимание смысла трагических явлений, происходящих в стране и мире, оценивающие собственные деяния в контексте сложного процесса преобразования жизни.

В 2001 году на суд читателя вынесен очередной труд «**Река судьбы**» о выдающемся писателе удмуртского народа, участнике Великой Отечественной войны, оставившем богатое художественное наследие, – Михаиле Петровиче Петрове. Новая книга, составленная Зой Алексеевной, соединяет национально-самобытные традиции удмуртов и опыт русской и мировой культуры. В книге, наряду с воспоминаниями, статьями о творчестве М.П. Петрова, опубликованы и его статьи, речи на съездах Союза писателей СССР, некоторые архивные материалы. Она составлена традиционно, аналогично книге «Как молния в ночи...» (1998) о Кузубае Герде, с той лишь разницей, что в книге о М.П. Петрове значительное место отведено литературоведческим исследованиям поэзии и прозы писателя. Авторы книги принадлежат к разным поколениям писателей, журналистов, художников, историков, литературоведов,

искусствоведов, любителей литературы – тех, кто считает себя учениками и последователями М.П. Петрова.

В основе композиции книги – тот же традиционный принцип, проверенный временем, читательскими оценками: вхождение в биографию писателя, в судьбу писателя (эссе), предисловие – основные вехи творчества, анализ произведений по жанрам, воспоминания родных, современников, документы эпохи, времени, событий, письма, фотографии, хроника жизни и творчества и т.д.

У каждого народа есть имена, которые ярко высвечивают его исторический, эстетический и нравственный облик. Книга Памяти «**Неумолкнувшая песнь соловья**» (2005) посвящена народному поэту Удмуртии С.П. Широкову (1912–1983), поэту, драматургу, прозаику, участнику Великой Отечественной войны, оставившему глубокий след не только в литературной, но и музыкальной, и театральной культуре республики, а главное – в благодарной памяти народа. В сборник вошли воспоминания, статьи, стихи, посвящения, письма, документальные материалы. «Широков прежде всего поэт, подлинный лирик, который даже в эпических произведениях, в драмах через себя пропускает мир. Его индивидуальность богатая, поэзия сильная и убедительная, он пленяет читателя размахом мыслей, оригинальными образами, богатством, разнообразием форм» [Домокош, 1983, с. 386]. Эта книга адресована филологам, изучающим историю удмуртской литературы, широкому кругу читателей.

Книга «**Музыка – жизнь и любовь моя**» (2005) посвящена выдающемуся удмуртскому композитору – заслуженному деятелю искусств Удмуртской АССР и РСФСР, народному артисту УАССР, почетному гражданину Удмуртской Республики Г.М. Корепанову-Камскому, творчество которого вышло далеко за пределы республики. «Когда рождается поэт, композитор, художник, – пишет Зоя Алексеевна, – мир обретает новый живописный образ, новые краски, новую гамму звуков и слов. Рождение героя этой книги осветило жизнь его родного народа, прекрасную природу его родины, музыкальное искусство новыми мелодиями песен, арий, романсов, симфоний, опер

и балетов» [Богомолова, 2005, с. 5]. Действительно, в этой книге пишется о светлом, солнечном, прекрасном человеке и мастере музыкального искусства. Она открывается благодарственными словами государственных деятелей, теплыми поздравлениями членов семьи, друзей и близких. Все это – свидетельство высокой оценки большого национального, самобытно-народного таланта общественного деятеля, почетного гражданина Удмуртской Республики Геннадия Михайловича Корепанова-Камского.

Работа «**На переломе эпох**» (2006) посвящена 70-летию Союза писателей Удмуртии. В нее вошли официальные документы, статьи, посвящения, антологии одного стихотворения. Прослеживается развитие всех жанров прозы, поэзии, драматургии, критической мысли за прошедшие десятилетия. «По существу, эта книга – «путешествие» в историю литературы Удмуртии, – пишет З.А. Богомолова. – За эти годы удмуртская литература вместе с народом, страной пережила периоды становления, обрела зрелость, став «многоликим зеркалом» отражения жизни и России, и своей республики начиная с конца XIX века. <...> Сколько бы не выходило книг – оценка им одна: мастерство писателя, его роль и место в общественном и литературном процессе, понимание им своего долга перед народом, обществом, историей» [2006, с. 357, 361].

Книга Памяти «**А я остаюсь с тобою...**» (2008) посвящена Геннадию Красильникову – это сборник аналитических статей, воспоминаний, очерков, документов, фотографий, дневника, писем и стихотворений писателя. Это итог многолетнего сбора материала о писателе ее составителем. Творчество Г.Д. Красильникова – эпоха в развитии послевоенной удмуртской советской литературы. Он открыл нового героя, новые общественные конфликты, конфликты «на арене души человеческой», утверждал новые художественные ценности, новое в психологии разных социальных слоев, подчеркивает составитель книги. Именно этой стороне деятельности выдающегося удмуртского прозаика и посвящены все материалы книги памяти «А я остаюсь с тобою...».

В издание «**Время и слово**» (2010) вошли работы филологов как старшего, так и младшего

поколения, которые впервые представляют картину литературного процесса Удмуртии почти за сто лет его развития. Разнообразна тематическая направленность книги: от анализа проблематики творчества до поэтики, изобразительной системы, цветовой символики в произведениях писателей Удмуртии. В ряде статей – малоисследованные проблемы, в них выявляется типология художественных ценностей удмуртских и российских классиков, в основе творчества которых – исторические взаимоотношения народов. Материалы расположены по историческому принципу с учетом времени формирования творчества писателей. З.А. Богомоллова отмечает: «...многие годы среди филологов не прекращаются споры: критика, литературоведение – это наука или литература? Разные взгляды на их функции свидетельствуют об их содержательной неоднозначности. Большинство участвующих в дискуссии склоняются к тому, что критика и литературоведение – это наука и литература, которые находятся в пограничной зоне и науки, и художественной словесности» [2010, с. 3].

Книга «**Океан поэзии и музыки Гая Сабитова**» (2015) посвящена талантливому, популярному в народе поэту-песеннику, радиожурналисту, внесшему заметный вклад в духовную культуру удмуртского народа. Книга Памяти о Г.С. Сабитове не освещает все факты его жизни, не исчерпывает всех проблем его творчества, журналистской деятельности. «Кропотливым трудом собирала и создавала ее талантливый литературовед, неутомимый общественный деятель Зоя Алексеевна Богомоллова. Работа над книгой началась в середине в 2000-х годов. Многочисленные почитатели таланта Г.С. Сабитова – поэта-песенника, переводчика, совместно с членами Федерации женщин творческих профессий достойно отметили его 90- и 95-летие. Рукопись практически была готова, но после продолжительной болезни скончалась З.А. Богомоллова. Авторские выступления, письма-переписки мы оставили без изменений. Книга «Океан поэзии и музыки...» – это памятный венок безгранично дорогим и добрым людям: Гаю Сабитовичу Сабитову и Зое Алексеевне Богомолловой» [Кириллова, 2015, с. 375].

Книги Памяти о творческой интеллигенции Удмуртии – это не только литературный

жанр, призванный воссоздать творческий портрет, биографию, жизнь и деятельность национального классика, это целая энциклопедия о писателях, актерах, композиторах, написанная современниками, критиками и литературоведами, друзьями и почитателями искусства.

Надеемся, что они послужат стимулом для новых научных поисков, написания дипломных работ студентов, диссертационных исследований аспирантов, помогут учителям-словесникам в изучении творчества талантливых писателей, поэтов и художников слова не только Удмуртии, но и необъятной России.

Зоя Алексеевна Богомоллова на протяжении всей творческой деятельности сотрудничала с писателями и литературоведами не только из разных регионов России (до 1991 года Советского Союза), но и зарубежными исследователями и общественными деятелями. Об этом говорит литературно-художественное издание «**Литература в письмах**» (2010), включившее в себя письма, адресованные З.А. Богомолловой.

За долгую жизнь Зоя Алексеевна была участницей многих важных событий в литературной и общественной жизни страны. Ее литературная, педагогическая и общественная работа привлекали к ней многих известных деятелей литературы, поэтов, писателей, ученых. Сотрудничала она с такими писателями, как Ю. Бондарев, М. Каримов, К. Симонов, К. Кулиев, С. Залыгин, С. Михалков, В. Сурков, вела переписку с А. Дементьевым, Д. Гусаровым и др.

Перелистывая страницы писем, нельзя не удивляться широте их географии: Москва, Ереван, Сухуми, Батуми, Петрозаводск, Ленинград, Горно-Алтайск, Йошкар-Ола и т.д.

В частности, критик удмуртской словесности, Зоя Алексеевна посвятила несколько статей творчеству марийских писателей. Ее труды напечатаны на страницах республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «*Ончыко*» («Вперед»). Публикация «*Тунжӧ – ылыш*» («Правда жизни», 1978) начинается с анализа романа Зинаиды Федоровны Катковой «Живой родник». Автор уделяет внимание символическому названию, главным героям и композиции произведения, проводит творческие параллели

с романом Михаила Шолохова «Поднятая целина». По жанровым особенностям З.А. Богомоллова характеризует роман З.Ф. Катковой как историко-революционный и социально-психологический роман. Она отмечает, что произведение основано на традициях С. Чавайна, О. Шабдара и М. Шкетана и богато этнографическими зарисовками.

Автор статьи также указывает на недостатки, которые проявились при изображении героев, считает, что развязка действия ускорена [Богомоллова, 1985, с. 84]. Положительным моментом она отмечает, что у марийской писательницы удачными получились психологические портреты героев разного возраста: будь это ребенок, девушка или юноша, или женщина в возрасте и т.д.

Вне поля зрения З.А. Богомолловой не осталась повесть Валентина Николаевича Косоротова «Крутые перевалы» (1981). Ученый-литературовед находит много общего с повестью удмуртского классика Кедр Митрея «Зурка Вужгурт» («Потрясенный Вужгурт»): это главные герои Семон Далко и Миклай Казанцев, символический образ дороги. Народная жизнь и талант души позволили достичь марийскому писателю вершины художественного мастерства [Богомоллова, 1985, с. 85] – таков итог размышлений критика.

Рассуждая о произведениях на историческую тему, З.А. Богомоллова отмечает, что писатели большое внимание уделяют глубокому психологическому анализу. В их числе она видит и марийского романиста Александра Михайловича Юзыкайна. Ею рассматриваются романы А.М. Юзыкайна «Эльян» (1982), «Кугызан вуй» («Отчужденные», 1982), дилогия «Маска вынем» («Медвежья берлога», 1983), «Тулото» («Дубравы», 1983). Произведения писателя сравниваются с эпосом Михаила Шолохова «Тихий Дон», романом Михаила Петрова «Старый Мултан», эпосом Вячеслава Шишкова «Угрюм-река». Исследовательница отмечает влияние Максима Горького и утверждает, что А. Юзыкайн нашел свое место не только в национальной литературе, но и в общесоюзном литературном процессе [Богомоллова, 1985, с. 89].

Немалое место в творчестве З.А. Богомолловой занимает такая тема, как сравнительное

изучение литератур. Таковой, например, является статья «Любимая песня отца» (1986), названная по одноименной книге марийского писателя Николая Федоровича Рыбакова, куда вошли лирико-драматическая повесть, драматическая повесть и рассказы. Прежде чем начать анализ его произведений, автор размышляет о мировой литературе, подводя, таким образом, читателя к мысли о том, какое место занимает творчество Н.Ф. Рыбакова в общей мировой культуре. Давая общую оценку произведениям Н.Ф. Рыбакова, автор отмечает, что писатель описывает жизнь со всеми ее достоинствами и недостатками, нисколько ее не приукрашивает и каждое его слово стоит на своем месте [Богомоллова, 1989, с. 95].

За творческий многолетний труд З.А. Богомоллова награждена правительственными грамотами, медалями («За трудовое отличие» в годы войны), орденом Дружбы (1999), имеет звание «Заслуженный работник культуры Удмуртской Республики», лауреат Государственной премии Удмуртской Республики (1992), лауреат литературной премии Флора Васильева, лауреат Всероссийской литературной премии им. братьев Киреевских, действительный член инженерной Академии Удмуртской Республики, профессор славянской Академии Удмуртской Республики, Почетный гражданин Удмуртской Республики. Ее заслуги не забыты потомками: постановлением Правительства Удмуртской Республики утверждена ежегодная литературная премия им. З.А. Богомолловой, премия присуждается в двух номинациях: «Литературная критика» и «Библиотека и чтение». К 100-летию юбилею на доме по адресу: Ижевск, ул. Советская, 21 А, где долгие годы проживала Зоя Алексеевна, установлена мемориальная доска памяти. Ученые, литераторы Удмуртского государственного университета совместно с Министерством культуры Удмуртской Республики в юбилейный год ученого проводят научно-практические конференции по творчестве критика-литературоведа и общественной деятельности Зои Алексеевны Богомолловой.

Сотрудниками Национальной библиотеки УР организуются выставки книг и научных трудов, также вечер памяти, круглый стол – «Женщина на Олимпе». Литературоведы,

критики, коллеги, друзья и представители общественности тепло делятся своими воспоминаниями, знакомятся с выставкой, видеопрезентацией трудов Зои Алексеевны. В Национальном музее Удмуртской Республики организована выставка «Пусть никогда не гаснет памяти свеча...». В Республиканской библиотеке для детей и юношества прошел круглый стол «Благородство и величие таланта» с участием сотрудников Удмуртского государственного университета, студентов и учащихся города Ижевска.

Мы ценили Зою Алексеевну за ее человеческие качества, жизнелюбие и трепетное

отношение к окружающим. Человек остается в делах. И чем праведнее и полезнее он был, тем глубже память. И новые поколения читателей будут черпать духовные силы из мудрого и светлого родника творчества Зои Алексеевны.

Заключение

Зоя Алексеевна Богомолова внесла большой вклад в развитие не только удмуртского, но и финно-угорского литературоведения в целом. Особенно значимы ее труды по сравнительному изучению литературы. Работы исследователя отличаются стройностью и логической последовательностью авторской концепции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Атаманов М.Г. Воспоминание о своем учителе // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12. Вып. 2. С. 176–178.
- А я остаюсь с тобою... Жизнь и творчество Геннадия Красильникова: Статьи, воспоминания, стихи, дневник, письма / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2008. 376 с.
- Богомолова З.А. Восхождение. Удмуртия, 1984. 384 с.
- Богомолова З.А. Ачамын йӧратыме мурьжо // Ончыко. 1989. № 2. С. 94–98.
- Богомолова З.А. Тӱнжӧ – илыш // Ончыко. 1985. № 3. С. 83–89.
- Богомолова З.А. Всюду – жизнь... : Статьи, очерки, литературные портреты, воспоминания. Ижевск: Удмуртия, 2008. 432 с.
- Ванюшев В.М. Творческое наследие Зои Алексеевны Богомоловой (к 95-летию со дня рождения) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Том 12. Вып. 2. С. 68–78.
- Виноградов С.Н. Глазами художника... // Женщина на Олимпе. Ижевск: Издат. дом «Удмуртский университет», 2003. С. 302–303.
- Время и Слово. Голоса современных филологов Удмуртии: Статьи, очерки, заметки / сост. и науч. подг. З.А. Богомоловой. Ижевск: Удмуртия, 2010. 544 с.
- Голос эпохи // Удмуртская правда. 9 февраля. 2023.
- Ившин В.Н. Слово о книге // Богомолова З.А. Всюду – жизнь... : Статьи, очерки, литературные портреты, воспоминания. Ижевск: Удмуртия, 2008. С. 3–4.
- Как молния в ночи... К. Герд. Жизнь, Творчество. Эпоха / сост. и лит. обраб. З.А. Богомоловой. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 1998. 752 с.
- Кириллова Р.В. Самоотверженность и природная гармония // Родник вдохновения: Статьи, очерки, короткие рассказы, эпизоды, воспоминания... / сост. О.В. Парфенова. Ижевск: Удмуртия, 2012. С. 132–134.
- Кириллова Р.В. Послесловие // Океан поэзии и музыки Гая Сабитова: Воспоминания, посвящения, письма, документальные материалы, статьи, стихи / ред.-сост. З.А. Богомолова, Р.В. Кириллова. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 2015. С. 375.
- Литература в письмах. Из переписки З.А. Богомоловой / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2010. 368 с.
- Музыка – жизнь и любовь моя. О творчестве Г.М. Корепанова-Камского: Воспоминания, статьи, эссе, стихи, посвящения / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2005. 376 с.
- Неумолкнувшая песнь соловья. О творчестве Степана Ширококова: Воспоминания, статьи, стихи, посвящения, письма, документальные материалы / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2005. 368 с.
- На переломе эпох: Союзу писателей Удмуртии 70 лет (1934–2004): Статьи, стихотворения, прозаические произведения, документы / сост., подг. текста З.А. Богомоловой, В.С. Уразаевой, Г.В. Романовой. Ижевск: Удмуртия, 2006. 368 с.
- Океан поэзии и музыки Гая Сабитова: Воспоминания, посвящения, письма, документальные материалы, статьи, стихи / ред. -сост. З.А. Богомолова, Р.В. Кириллова. Ижевск: изд-во Удмуртского ун-та, 2015. 380 с.
- Опаленный подвиг багыра. Жизнь и творчество Кедр Митрея: Воспоминания, статьи, письма, посвящения и произведения Кедр Митрея / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2003. 352 с.
- Река судьбы. Жизнь и творчество Михаила Петрова: Воспоминания, статьи, речи, письма / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Удмуртия, 2001. 464 с.

Rosa Kirillova, Nadezhda Fedoseeva

LIFE FOR LITERATURE

(to the 100th anniversary of the birth of Zoya Alekseevna Bogomolova)

Introduction. The name of Zoya Alekseevna Bogomolova (1923-2012) is pronounced with love and respect by all who knew her and to whom the literature and culture of the peoples of the Volga region and the Urals are really dear. She was a true scientist, teacher, lecturer, literary critic, member of the Union of Writers and the Union of Journalists of the Russian Federation, just a very kind and essentially legendary person. During her long creative activity, Zoya Alekseevna participated in many important events in the country's literary life: congresses, plenums, conferences of the Writers' Union. Her work reflected a wide panorama of literary, cultural and social life of Russia in the mid 20 - early 21 century in general and the Udmurt Republic in particular. The purpose of the study is to reveal Z.A. Bogomolova's contribution to the national literary development. **Materials and methods.** The article is written on the basis of Z.A. Bogomolova's works and sources about her. Research methods include biographical, cultural and historical ones. **Research results and discussion.** Zoya Alekseevna, being a person of comprehensive education and broad interests, could not limit the scope of her scientific studies only to literature, although being a very complex and important part of her research. She was always in close contact with a wide variety of people (scientists, writers, artists, etc.); with great interest and desire she studied the life of the Udmurt region. Over the years of cooperation with the Union of Writers of Russia, Zoya Alekseevna was lucky to participate in events that became the history of Udmurt literature. This is primarily the Days of Udmurt Literature and Art in Moscow: from 1970 to 2010. No less significant event since 1978 - the first Days of Soviet Literature in Udmurtia; then in 1986, 1989 - on the 100th anniversary of the birth of Udmurt literature, which attracted the attention not only of famous writers in the country and the Russian Finno-Ugric republics, writers from Perm, Kirov, Stavropol but also researchers, translators from Hungary (Péter Domokos), Finland, Estonia (Arvo Valton) and other scholars. Zoya Alekseevna's contribution to the history and culture of the Finno-Ugric people is invaluable. The publication in the capital's journals of the regional authors' works is the result of her activity. The poetry and prose of Udmurt writers became a fact of multinational literature. Books were published in the best publishing houses of the country: *Soviet Writer, Literature, Soviet Russia, Children's Literature, Sovremennik (The Contemporary)*; the novels by M. Petrov, M. Konovalov, G. Krasilnikov, S. Samsonov, collections of poems by F. Vasiliev, A. Demyanov, O. Poskrebyshev and other writers and poets appeared. Zoya Alekseevna was engaged in a lot of literary processing of texts, popularization of new works at her meetings with readers in Udmurtia and in Moscow. Her articles and reviews were published in leading literary magazines and newspapers of Russia: *Volga, Book Review, North, Ural, Onchyko, Molot (Hammer)*, etc. **Conclusion.** Z.A. Bogomolova made a great contribution to the development of not only Udmurt, but also of Finno-Ugric literature in general. Especially significant are her works on literary comparative study. The researcher's works are distinguished by the consistency and logical consecution of the concept.

Key words: Zoya Bogomolova; biography; creative heritage; literature and culture; critic; literary critic; public figure; Udmurt literature; Finno-Ugric literature.

REFERENCES

- Atamanov M.G. Vospominanie o svoem uchitele [Remembrance of his teacher]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018, vol. 12, iss. 2, pp. 176-178. (In Russian).
- A ya ostayus' s toboyu... Zhizn' i tvorchestvo Gennadija Krasil'nikova: Stat'i, vospominaniya, stihi, dnevnik, pis'ma [And I'm staying with you ... The life and work of Gennady Krasilnikov: Articles, memoirs, poems, diary, letters]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtija, 2008. 376 p. (In Russian).
- Bogomolova Z.A. Voskhozhdenie [Ascent]. Izhevsk, Udmurtija, 1984, 384 p. (In Russian).
- Bogomolova Z.A. Любимая песня отца [My father's favorite song]. *Onchyko* [Forward]. 1989, no. 2, pp. 94-98. (In Mari).

- Bogomolova Z.A. Tǵnzhö – ilysh [The truth of life]. *Onchyko* [Forward]. 1985, no. 3, pp. 83-89. (In Mari).
- Bogomolova Z.A. Vsyudy – zhizn'...: Stat'i, ocherki, literaturnye portrety, vospominaniya. [Everywhere – life ...: Articles, essays, literary portraits, memoirs]. Izhevsk, Udmurtija, 2008, 432 p. (In Russian).
- Vanjushev V.M. Tvorcheskoe nasledie Zoi Alekseevny Bogomolovoi. (k 95-letiju so dnja rozhdenija) [Heritage of Zoya Alekseevna Bogomolova. (to the 95th anniversary of his birth)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanii* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018, vol. 12, iss. 2, pp. 68-78. (In Russian).
- Vinogradov S.N. Glazami hudozhnika... [Through the artist's eyes]. *Zhenshchina na Olimpe* [Woman on Olympus]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2003, pp. 302-303. (In Russian).
- Vremja i Slovo. Golosa sovremennyh filologov Udmurtii: Stat'i, ocherki, zametki [Time and Word. Voices of modern philologists of Udmurtia: Articles, essays, notes]. Comp. and scientific podg. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtia, 2010, 544 p. (In Russian).
- Golos jepohi [The voice of the era]. *Udmurtskaja pravda* [Udmurt truth]. February 9th. 2023. (In Russian).
- Ivshin V.N. Slovo o knige [A word about the book]. *Bogomolova Z.A. Vsyudu – zhizn'...: Stat'i, ocherki, literaturnye portrety, vospominaniya* [Bogomolova Z.A. Everywhere – life ...: Articles, essays, literary portraits, memoirs]. Izhevsk, Udmurtija, 2008, pp. 3-4.
- Kak molniya v nochi... K. Gerd. Zhizn', Tvorchestvo. Jepoha [Like lightning in the night... K. Gerd. Life, Creativity. Era]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, publishing house of Udmurt University, 1998, 752 p. (In Russian).
- Kirillova R.V. Samootverzhennost' i prirodnyaya garmonija [Selflessness and natural harmony]. *Rodnik vdoxnenija: Stat'i, ocherki, korotkie rassказы, jepizody, vospominaniya...* [The spring of inspiration: Articles, essays, short stories, episodes, memories ...]. Comp. O.V. Parfenova. Izhevsk, Udmurtia, 2012, pp. 132-134. (In Russian).
- Kirillova R.V. Posleslovie. [Afterword]. *Okean poezii i muzyki Gaja Sabitova: Vospominaniya, posvjashhenija, pis'ma, dokumental'nye materialy, stat'i, stihi* [The Ocean of poetry and music by Guy Sabitov: Memoirs, dedications, letters, documentary materials, articles, poems]. Ed.-comp. Z.A. Bogomolova, R.V. Kirillova. Izhevsk, Publishing house of the Udmurt University, 2015, p. 375. (In Russian).
- Literatura v pis'makh. Iz perepiski Z.A. Bogomolovoj [Literature in letters. From the correspondence of Z.A. Bogomolova]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtija, 2010, 368 p. (In Russian).
- Muzyka – zhizn' i lyubov' moja. O tvorchestve G. M. Korepanova-Kamskogo: Vospominaniya, stat'i, jesse, stihi, posvjashhenija [Music is my life and my love. About the work of G.M. Korepanov-Kamsky: Memoirs, articles, essays, poems, dedications]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtia, 2005, 376 p. (In Russian).
- Na perelome jepoh: Sojuzu pisatelej Udmurtii 70 let (1934-2004): Stat'i, stihotvorenija, prozaicheskie proizvedenija, dokumenty [At the turning point of the epochs: The Union of Writers of Udmurtia is 70 years old: Articles, poems, prose, documents] / Comp. Z.A. Bogomolova, V.S. Urazaeva, G.V. Romanova. Izhevsk, Udmurtija, 2006, 368 p.
- Neumolknushaja pesn' solov'ja. O tvorchestve Stepana Shirobokova: Vospominaniya, stat'i, stihi, posvjashhenija, pis'ma, dokumental'nye materialy [The incessant song of the nightingale. About the work of Stepan Shirobokov: Memoirs, articles, poems, dedications, letters, documentary materials]. Comp. Z.A. Bogomolovf. Izhevsk, Udmurtia, 2005, 368 p. (In Russian).
- Okean poezii i muzyki Gaja Sabitova: Vospominaniya, posvjashhenija, pis'ma, dokumental'nye materialy, stat'i, stihi [The Ocean of poetry and music by Gai Sabitov: Memoirs, dedications, letters, documentary materials, articles, poems]. Ed.-comp. Z.A. Bogomolova, R.V. Kirillova. Izhevsk, Publishing house of the Udmurt University, 2015, 380 p. (In Russian).
- Opalennyj podvig batyra. Zhizn' i tvorchestvo Kedra Mitreya: Vospominaniya, stat'i, pis'ma, posvjashhenija i proizvedenija Kedra Mitreja [The scorched feat of the batyr. The life and work of Kedra Mitrei: Memoirs, articles, letters, dedications and works of Kedra Mitrei]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtia, 2003, 352 p. (In Russian).
- Reka sud'by. Zhizn' i tvorchestvo Mihaila Petrova: Vospominaniya, stat'i, rechi, pis'ma [The river of destiny. The life and work of Mikhail Petrov: Memoirs, articles, speeches, letters]. Comp. Z.A. Bogomolova. Izhevsk, Udmurtia, 2001, 464 p. (In Russian).

Кириллова Роза Владимировна

кандидат филологических наук,
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный
университет»
г. Ижевск
E-mail: rvkir@mail.ru

Федосеева Надежда Александровна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МАРНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
E-mail: fedna74@mail.ru

Rosa Kirillova

Candidate of Philological Sciences
of Udmurt State University
Izhevsk
E-mail: rvkir@mail.ru

Nadezhda Fedoseyeva

Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
E-mail: fedna74@mail.ru

УДК 398 (= 511.151)

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-75-80

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ПОДКОРПУС НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА: К ВОПРОСУ СОЗДАНИЯ

© 2023 г. М.В. Пенькова

Введение. Создание фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка станет основой сохранения одного из важных компонентов духовно-культурного наследия народа мари – уникальных образцов устного творчества. **Цель статьи** – обзор приемлемых подходов для создания фольклорного подкорпуса, рассмотрение основных этапов формирования его концепции. **Материалы и методы.** Разработка данного подкорпуса будет логическим продолжением (частью) Национального корпуса марийского языка. Объектом исследования является фольклорный подкорпус Национального корпуса марийского языка. Предметом исследования выступают постановка проблемы, структура, технология создания данного подкорпуса. Новизна исследования состоит в том, что впервые разрабатывается концепция создания марийского фольклорного подкорпуса, выявляются связанные с этим проблемы, определяется основа его формирования. В работе, наряду с отдельными элементами сопоставительного метода, использовались приемы описательного метода. **Результаты исследования, обсуждения.** Создание фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка – это не только необходимый инструмент для решения фундаментальных и прикладных задач марийской филологии в целом, но и одна из возможностей сохранения фольклорного наследия народа мари как ценной части нематериального культурного достояния. Необходимость его создания зиждется на потребности сохранения универсальных вербальных культурных кодов марийского языка, особенностей его стиля, общего культурного богатства, традиций народа. Структура фольклорного подкорпуса в оптимальном решении должна включать в свой состав и фольклорные тексты, и материалы полевых исследований – аудиозаписи, видеоролики и т.д. **Заключение.** Фольклорный подкорпус будет способствовать не только фактическому сохранению национальных народных ресурсов, в числе которых ярко и самобытно представлено и устное творчество, но и позволит решать актуальные прикладные задачи в области языкознания, результативно функционировать в системе единой базы Национального корпуса в целях сохранения, развития и популяризации марийского языка с использованием информационных и компьютерных технологий.

Ключевые слова: духовно-культурное наследие; фольклор; жанр; Национальный корпус марийского языка; фольклорный подкорпус; база данных; концепция создания.

Введение

Необходимость создания фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка опирается, прежде всего, на необходимость сохранения общего национального культурно-языкового богатства народа, полного охвата всех особенностей и отличий языка, включая всевозможные диалекты, наречия, говоры, а также разнообразные

культурные вербальные коды. Языковые корпусы без репрезентации фольклорных текстов представляются неполноценными, неполными, т.к. структура фольклорного подкорпуса обусловлена существованием фольклорных текстов, различных по жанру, типу записи и т.п., о чем отмечают многие исследователи (А.А. Кузьмина, В.В. Куканова). В частности, подкорпус должен помочь в выявлении определения

роли зафиксированного материала в изучении коммуникативных процессов в рамках локальных и региональных традиций.

Цель статьи заключается в том, чтобы изучить проблему создания фольклорного подкорпуса, который должен стать логическим продолжением (частью) Национального корпуса марийского языка, определить оптимальные и целесообразные способы и направления работы, выявить определяющие этапы его концепции.

Материалы и методы

В последнее время одним из приоритетных направлений гуманитарной науки является изучение, развитие, популяризация языков посредством использования современных возможностей информационных технологий. В целях развития сотрудничества в сфере современных информационно-коммуникационных технологий, а также прикладной лингвистики Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева заключил Соглашения с вузами республики – Поволжским государственным технологическим университетом и Марийским государственным университетом. В рамках договора должна активизироваться работа по цифровизации фольклорных материалов, хранящихся в архивах МарГУ, данная работа предполагает новый рост и динамику развития марийского языка в области информационного пространства.

Результаты исследования, обсуждения

Одной из значимых и важных страниц в научной жизни Республики Марий Эл стала работа по созданию Национального корпуса марийского языка, положившая начало в 2018 году. Он был создан в качестве новой региональной инновационной площадки и включен в план мероприятий, связанных с подготовкой и проведением празднования 100-летия образования Республики Марий Эл, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 мая 2016 года № 1037-р.

Начатый в целях сохранения, развития и популяризации марийского языка с использованием информационных и компьютерных технологий, данный проект успешно идет к новым высотам – к настоящему времени созданы Национальный корпус марийского

языка, информационные системы: mari-lab.ru, corp.mariii.ru. Другими положительными результатами стали включение марийского языка в систему «Яндекс. Переводчик», продвижение деятельности по использованию в прикладной лингвистике нейросети, создание аудио- и видеокорпуса с использованием в качестве примера образцов марийской речи, что должно явиться основой для формирования системы распознавания речи.

Таким образом, данный проект является прекрасной возможностью для сосредоточения внимания на устном народном творчестве и начала работы по созданию фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка, направленного на сохранение и дальнейшее исследование устного творчества народа мари.

Вопрос по созданию фольклорного подкорпуса был поднят, в частности, доктором филологических наук Л.А. Абукаевой. В научной статье, посвященной обозначенной проблеме, исследователь пишет, что на сегодняшний день существует острая необходимость исследовать системные связи всех жанров марийского фольклора, установить закономерности их функционирования и изменения, т.к. применение корпусных технологий обеспечит сохранность текстов, позволит осуществить классификацию жанров фольклора с учетом ранее не использованных параметров, структурировать материал, предложить новые принципы систематизации и исследования фольклорных текстов [Абукаева, 2021, с. 243].

Общая проблематика по созданию фольклорного подкорпуса в целом едина и одинакова, она может быть обозначена как универсальная, и рассмотрев ряд аналогичных трудов по представленной тематике, на наш взгляд, можно сказать, что все они в принципе исходят из схожих проблем. В частности, к созданию заданного проекта по марийскому фольклору близка классификация проблем, представленная кандидатом филологических наук Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук А.А. Кузьминой.

Исследователь отмечает, что создание фольклорного подкорпуса возможно при

условии решения ряда существенных проблем, в числе которых она выделяет следующие:

1) недостаточная разработанность теоретической базы создания фольклорных корпусов вообще;

2) ограниченный доступ к архивным материалам, личным фондам собирателей, а также нерешенность вопросов по авторскому праву;

3) малое количество оцифрованных фольклорных записей (в нашем конкретном случае – практически полное отсутствие);

4) угасание аутентичного фольклора;

5) вопросы унификации, стандартизации текста ввиду использования различных алфавитов в разное время;

6) разная форма записи фольклорных текстов (рукописные, аудио-, видеоматериалы), что существенно усложняет процесс обработки данных;

7) нехватка специалистов, а также компьютерных программ для работы с фольклорными текстами;

8) недостаточная исследованность ряда проблем общей поэтики, а также вопросов составления указателей и баз данных;

9) отсутствие полного каталога фольклорных записей;

10) нехватка переводчиков, специализирующихся на фольклоре [Кузьмина, 2022, с. 12].

Другой исследователь В.В. Куканова отмечает: «Что касается фольклорных баз данных, то следует отметить, что только в последнее время стали задумываться об их создании. Подобных проектов немного, что обусловлено, с одной стороны, отсутствием поддержки со стороны государства, с другой – отсутствием единой системы хранения фольклорного наследия, единого алгоритма действий, отсутствием технических специалистов для сохранения и оцифровки фольклорных данных, слабой технической материальной базой Институтов и архивов» [Куканова, 2021, с. 195].

Одной из самых важных частей работы и долгожданным итогом должна быть структура проекта. Мы, безусловно, не можем не опираться на специалистов, уже начавших и продолжающих работу, которые выработали систему, включающих основные части изучаемого проекта.

На ранних этапах работы над проектом нам представляется следующая общая структура:

1) основной корпус (текстовый корпус);

2) видео-корпус;

3) аудио-корпус.

Каждый из пунктов может включать в себя различные подпункты, в частности, основной корпус может быть разделен на группы по жанрам, видео-группа будет включать в себя не только непосредственно исполнение фольклорных текстов (к примеру, песенное творчество), но и различного рода фольклорно-этнографический материал (зафиксированные национальные праздничные действия, календарные обряды, религиозные ритуалы и т.п.), т.к. эти два научных направления «работают» в двуедином режиме и функционируют зачастую только вместе. Это позволит значительно пополнить корпус, сделать его более насыщенным, полным.

На сегодняшний день, как нам кажется, помимо сохранения непосредственного текстового материала, особенно важным и ценным будет фиксация и сохранение образцов этнографического, общего этнокультурного направления в самом широком её проявлении и значении. Современная наука живет в режиме «в унисон», куда более глубоки и информационно богаты междисциплинарные исследования, опыты на стыке наук. Безусловно, раскрыть все богатство национальной культуры любого народа помогут именно такие труды. В данном случае мы имеем в виду полевую экспедиционную работу, о ней будем писать отдельно в других опусах, сейчас же отметим лишь, что сбор фактического «народного» живого материала особенно необходим, т.к. маленькими шагами, но размеренно и верно мы идем к потере универсальных старинных «вещдоков», нередко теряем их в популярной на сегодняшний день культурной «стилизации». Сюда мы относим все, начиная с малых жанров устного народного творчества и заканчивая цельными национальными обрядами, используемыми в контексте праздничной (календарной и не только) традиции. Пока не поздно, необходимо успеть поймать и зафиксировать такой «уходящий» материал, и, конечно, подкорпус

поможет ее сохранить для будущих исследований и дальнейшего разностороннего анализа.

Заснятые видеоряды народных праздников помогут воочию представить, показать всю «подноготную» составляющую национальных обрядов, а проникнув всем этим и наблюдая за общей атмосферой, можно глубже понять и оценить, что именно транслирует обряд, какую идейную нагрузку несут исполняемые образцы, скажем, песенного творчества, как приобщены к этому процессу маленькие дети и подрастающее поколение, есть ли диалог между поколениями (материал для возможных исследований социологической направленности). Вообще, тема работы с детьми – это уже новая тема для исследований, поэтому работа предстоит очень большая.

В настоящее время уже с уверенностью можно сказать о том, что различные жанры устного творчества народа мари мало бытуют в классическом виде, полновесные и полнотекстовые неопубликованные образцы словесного мастерства, такие как сказка, предание или легенда, песня, даже малые жанры, зафиксировать достаточно непросто. Сегодняшний день показывает, что немалую работу по сохранению локальных образцов как обрядового, так и необрядового фольклора проводят местные самодеятельные коллективы, исполняя народные песни, возрождая в своих выступлениях различного рода праздничные традиции и обычаи, включая в свое творчество элементы народной игры. Работа с ними – это уже другая ступень. Поэтому ракурс будущих экспедиций должен быть направлен на разносторонний сбор общего фольклорно-этнографического материала.

Мы согласны с рядом исследователей, что структура фольклорного подкорпуса должна отражать следующую информацию о текстах:

- 1) жанровые отличия (несказочная проза, сказки, народные песни, малые жанры фольклора, обрядовая поэзия и т.д.);
- 2) форма записи (письменная, аудио-, видеозапись);
- 3) вид фиксации;
- 4) характер аутентичности;

5) разнообразные базы данных (указатель сюжетов, мотивов, персонажей, этнонимов и т.д.), характеризующих фольклорный текст.

Фольклорные произведения являются неотъемлемой составляющей духовного наследия любого народа, в частности и марийского этноса. В них отражены древнее мировоззрение и мироощущение народа, картина мира во всех ее категориях, универсалиях и специфических чертах, например понятия времени и локации, персонификации и движения и многое другое. Фольклор во всем своем многообразии жанров являет собой яркий образец метафоричности языка и содержит элементы архаики, по этой причине (и не только), как нам кажется, необходимо включить фольклорные произведения в Национальный корпус марийского языка. Оцифрованная база данных позволит сохранить фольклорное наследие марийского этноса для последующего изучения как лингвистами, так фольклористами, и этнографами.

В составе фольклорного подкорпуса необходимо представить тексты из разных локальных (региональных) традиций марийского фольклора. Такой подход не противоречит принципам марийской диалектологии, а в какой-то степени поможет и диалектологическому подкорпусу. Следует по возможности отражать разновременные записи, издания (варианты) фольклорных текстов. Прежде всего в подкорпус должны быть включены аутентичные фольклорные тексты. Современные, авторские, литературно обработанные (неаутентичные) произведения следует включать только после выстраивания и наполнения основной базы аутентичных текстов. Необходимо также отметить, что в данном случае не получится обойти стороной решение проблемного вопроса касательно грамотного определения и, как следствие, бесспорного разграничения оригинальных (исконно народных) и так называемых неоригинальных текстов. Но этот вопрос относится к дальнейшим исследованиям.

Технология создания фольклорного подкорпуса отличается от создания остальных подкорпусов особой многосложностью и многоаспектностью. Необходимо решить вопросы о месте хранения оцифрованной информации, об обеспечении ее целостности и сохранности.

В данном конкретном случае базой для хранения послужит сервер Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Заключение

Создание фольклорного подкорпуса Национального корпуса марийского языка – это не только необходимый инструмент для решения фундаментальных и прикладных задач марийской филологии в целом, но и одна из возможностей сохранения фольклорного наследия

марийцев. При широком рассмотрении и предполагаемом практическом применении функциональная особенность подкорпуса будет характеризоваться возможностью выявления и решения проблем классических и современных форм марийского фольклора, содействовать интеграции научного и культурного сообществ для выработки развития комплексного междисциплинарного взаимодействия в изучении, сохранении и актуализации нематериального культурного наследия народа мари.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Фольклорный подкорпус марийского языка: к постановке проблемы // Фольклор народов Поволжья и Урала: жанры, поэтика проблемы изучения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Чебоксары, 10–11 октября 2019 г.) / сост. и науч. ред. Г.Г. Ильина. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 238–243.

Кузьмина А.А. Концепция создания фольклорного подкорпуса Национального корпуса якутского языка: постановка проблемы, структура, технология // Филология: научные исследования. 2020. № 11. С. 11–18. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34168 (дата обращения: 20.11.2023).

Куканова В.В. Фольклорный подкорпус: проблемы, структура и перспективы использования // Социалистическая модернизация в 1930-е годы: административно-территориальное устройство Калмыкии. Материалы региональной научной конференции «Участие калмыков в укреплении Российской государственности» (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2021. С. 193–198.

Марковская Е.В. Классификация жанров фольклора русского и финно-угорского народов в базе данных фольклорного архива ИЯЛИ КарНЦ РАН // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Выпуск 4. 2019. С. 96–108.

Maria Penkova

FOLKLORE SUB-CORPUS OF THE MARI NATIONAL CORPUS: ON THE QUESTION OF DEVELOPMENT

Introduction. The creation of the folklore sub-corpus of the National Mari Language Corpus is one of the opportunities to preserve the spiritual and cultural heritage of the Mari people – the unique examples of oral folk art. **The purpose** of the research is reviewing approaches to create the folklore sub-corpus and consider the main stages of its concept formation. **Materials and methods.** The development of this sub-corpus should be a logical continuation (and part) of the Mari National Corpus. The subject of the study is to define the problem, determine the structure and the technology of this sub-corpus, which makes the study innovative. In the work, along with individual elements of the comparative method, a descriptive method was used. **Research results and discussion.** Creating the folklore sub-corpus of the National Mari Language Corpus is not only a necessary tool to solve fundamental and applied issues of Mari philology in general, but also one of the possibilities to preserve Mari folk heritage. The creation of the sub-corpus is useful in accordance with the need to preserve the universal cultural codes of the Mari language, the features of its style, the general cultural richness and people's verbal traditions. The structure of the folklore sub-corpus is determined by the availability of folklore texts, different in genre, form entries, type of fixation, authenticity, etc. **Conclusion.** The folklore sub-corpus will contribute not only to the preservation of common national resources, including the vivid presentation of oral creativity, but, above all, it will make it possible to solve urgent issues in applied linguistics, effectively function within the framework of the National Corpus to preserve, study, develop and promote the Mari language using modern information and computer technologies.

Key words: spiritual and cultural heritage; folklore; genre; Mari National Corpus; folklore sub-corpus; database; creation concept.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Fol'klornyy podkorpus mariyskogo yazyka: k postanovke problemy [The Mari Folklore Sub-Corpus: To Determine the Problem Folklore]. *Fol'klor narodov Povolzhja i Urala. Zhanry, poetika problemy izuchenija*. Cheboksary, Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk, 2021, pp. 238-243. (In Russian).

Kuz'mina A.A. Kontseptsija sozdaniya fol'klornogo podkorpusa Natsional'nogo korpusa yakutskogo yazyka: postanovka problemy, struktura, tekhnologiya [Concept of creation of the Yakut National Corp folklore sub-corp language: problem statement, structure, technology. Philology: scientific research]. *Filologia: nauchnyje issledovanija*. 2020, no. 11, pp. 11-18. (In Russian). Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34168 (accessed 30 November 2023).

Kukanova V.V. Fol'klornyy podkorpus: problemy, struktura i perspektivy ispol'zovaniya [The Folklore Subcommittee: Problems, Structure and Prospects of Use. Socialist Modernization in the 1930s: Administrative and Territorial Organization of Kalmykia]. *Socialisticheskaja modernizacija v 1930-je gody: administrativno-territorial'noje ustrojstvo Kalmykii*. Elista, Kalmytskiy institut gumanitarnykh issledovaniy Rossiyskoy akademii nauk, 2021, pp. 193-198. (In Russian).

Markovskaja E.V. Klassifikatsiya zhanrov fol'klora russkogo i finno-ugorskogo narodov v baze dannykh fol'klornogo arkhiva IYALI KarnTS RAN [Classification of the genres of folklore of Russian and Finno-Ugric peoples in the database of the folklore archive of ILL Karnc RAS. Almanac of Northern European and Baltic Studies]. *Al'manakh severoyevropeyskikh i baltiyskikh issledovaniy*, iss. 4. 2019, pp. 96-108. (In Russian).

Пенькова Мария Викентьевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: penkova25@mail.ru

Maria Penkova

Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: penkova25@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.343)

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-81-100

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ МАРИЙСКОЙ АССР ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)*

© 2023 г. С.И. Васильева

Введение. Статья посвящена теме культуры деревни Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны. В центре внимания вопросы, связанные с культурным обслуживанием и деятельностью культурно-просветительских учреждений деревни, перестройка всей работы на военный лад, политизация культурной жизни, трудности и проблемы, возникшие в работе изб-читален и колхозных клубов в условиях военного времени, определенные позитивные перемены в культурной жизни деревни на заключительном этапе войны. **Цель статьи** – показать влияние экстремального военного времени на развитие культурной сферы деревни, содержание, формы и методы работы и состояние изб-читален и колхозных клубов в 1941–1945 годах. **Методы исследования** – фактологический, статистический, описательный, сравнительно-исторический и аналитический. **Результаты исследования, обсуждения.** Великая Отечественная война 1941–1945 годов оказала кардинальное влияние на культурную сферу деревни Марийской АССР и прежде всего на деятельность ее культурно-просветительских учреждений, вызвала перестройку форм и методов их работы, усиление агитационно-пропагандистской и информационной работы среди населения, полное ее подчинение требованиям военного времени и нуждам деревни. Одновременно война существенно затруднила функционирование изб-читален и колхозных клубов, сказалась на их материальной и финансовой базе, создала кадровые и другие проблемы, что отразилось негативным образом на проведении культурно-просветительской работы в сельской местности республики. На заключительном этапе войны культурная жизнь деревни несколько оживилась, наметились позитивные тенденции в организации и проведении различных культурно-просветительских мероприятий, однако последствия тяжелого военного времени продолжали сказываться на состоянии и работе культурно-просветительских учреждений деревни. Избы-читальни и колхозные клубы испытывали недостаток дров и керосина, культурного и спортивного инвентаря, печатных изданий и многого другого. Не все избы-читальни имели собственные помещения, сохранялись кадровые и другие проблемы. **Заключение.** Суровое военное время наложило отпечаток на культурную сферу деревни и прежде всего на деятельность культурно-просветительских учреждений, вся их работа в период войны была подчинена задачам и требованиям военного времени, одним из выражений которых явилась перестройка всей информационной и агитационно-пропагандистской сферы, усиление патриотической работы. Трудности военного времени негативным образом сказывались на работе изб-читален и колхозных клубов: сеть их в период войны сократилась, ухудшился кадровый состав избачей, заметно снизилось финансирование, возникли серьезные трудности со своевременным обеспечением дровами и керосином и др. Однако в то же время, несмотря на все трудности, избы-читальни оставались средоточием культурной и политической жизни деревни, внесли свой посильный вклад в решение

* Статья представляет собой измененный и дополненный вариант статьи «Культурная жизнь деревни Марийской АССР в период Великой Отечественной войны» // Марийский археографический вестник. 2005. № 15. С. 28–44.

оборонно-хозяйственных задач, проведение массово-политической и воспитательной работы на селе и укрепление работы тыла.

Ключевые слова: Марийская АССР; деревня; культурная жизнь; избы-читальни; колхозные клубы; материально-техническое обеспечение; избачи; кадровый состав; перестройка; агитация и пропаганда; формы и методы; агитпункты; оборонно-массовая и спортивная работа; кинообслуживание; библиотечная работа; лыжные соревнования; художественная самодеятельность; смотры; религиозное сознание.

Введение

Основными культурно-просветительскими учреждениями деревни Марийской АССР были избы-читальни и колхозные клубы. Накануне войны в сельской местности республики всего насчитывалось 255 изб-читален и 108 колхозных клубов [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 5. Л. 16]. Именно в этих учреждениях сосредотачивалась вся основная культурная жизнь деревни: по вечерам здесь собиралась молодежь для проведения досуга, здесь проводились репетиции, развивалась художественная самодеятельность, ставились концерты и спектакли, сюда же часто наведывались и пожилые колхозники, чтобы получить нужную информацию о событиях, происходящих в стране и за рубежом, обсудить насущные проблемы, поговорить о делах. Война практически с первых же дней изменила условия функционирования культурно-просветительских учреждений. Она сказалась на содержании, формах и методах их работы, вызвала серьезные трудности в организации, характере и содержании проводимых мероприятий и культурном обслуживании села. На заключительном этапе наметились положительные перемены в культурной сфере, они способствовали активизации деятельности изб-читален и колхозных клубов, расширению проводимых культурно-просветительских мероприятий и в целом оживлению культурной жизни деревни.

Цель статьи – проанализировать влияние экстремального военного времени на состояние культурной сферы и прежде всего на деятельность культурно-просветительских учреждений деревни, раскрыть трудности и проблемы, возникшие с началом войны в работе изб-читален и клубов, показать позитивные перемены, имевшие место в организации культурно-просветительских мероприятий на заключительном этапе войны.

Материалы и методы

Статья основана на широкой фактологической базе. В ней использованы документальные материалы, извлеченные из различных фондов Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Республики Марий Эл. Это, главным образом, материалы пленумов обкома ВКП(б), статистические данные, сводные и справочные документы из фондов Президиума Верховного Совета депутатов трудящихся Марийской АССР, Совнаркома и Государственной плановой комиссии при СНК Марийской АССР, Наркомата просвещения Марийской АССР, Республиканского союза воинствующих безбожников (РСВБ) и др. Часть сведений о работе культурно-просветительских учреждений деревни извлечена из страниц республиканской и районной печати военных лет. Для получения более широкой и разносторонней ретроспективы в процессе исследования применены методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический, описательный и статистический.

Результаты исследования и обсуждения

Тяжелое военное время наложило глубокий отпечаток на культурную и духовную жизнь деревни тыла страны, в том числе и Марийской АССР. С началом войны государство сократило свои расходы на содержание культурно-просветительских учреждений. По данным Наркомпроса МАССР, уже в 1941 году было выделено на содержание изб-читален республики денежных средств всего 63,8 % к плану, в 1942 – 47,3 %, в 1943 – 58,4 %, или, другими словами, сумма недофинансирования на содержание изб-читален только в 1943 году составила 279,3 тыс. руб. [Шестая ... , 1944, с. 67].

Сеть культурно-просветительских учреждений (изб-читален и колхозных клубов)

в условиях войны ослабла. Их общее количество сократилось в сельской местности республики за первые два года войны в 1,5 раза (с 382 до 237 ед.), при этом главным образом уменьшилось число колхозных клубов (со 108 до 4 ед.) – в связи с тем, что с началом войны их помещения стали широко использоваться в производственных целях. Число изб-читален также сократилось, но очень незначительно – с 253 в 1941 году до 233 ед. в 1943 году [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 5. Л. 16–18, 20].

Серьезно обострилась и кадровая проблема в сфере культуры. Мобилизация на фронт мужчин призывного возраста, перевод части работников культуры на партийную и советскую работу сказались на кадровом составе избачей. Доля опытных и грамотных работников среди них стала сокращаться, тогда как удельный вес профессионально неподготовленных, имевших недостаточный образовательный уровень избачей, стал расти. Так, уже по состоянию на декабрь 1941 года из 216 избачей 34 (16 %) имели лишь начальное образование, 120 (56 %) – неполное среднее и лишь 16 (0,7 %) – либо законченное среднее образование, либо первый и второй курсы педучилища. Причем из 216 избачей первый год работали 168 (78 %), то есть преобладающее число работников [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 1. Д. 151. Л. 10]. В последующем кадры несколько укрепились за счет привлечения в их ряды учителей и представителей эвакуированного населения. В частности, на начало 1942 года в составе избачей республики насчитывалось 90 учителей, работавших по совместительству, и 50 человек из числа эвакуированных [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 303. Л. 58].

Вместе с тем начавшаяся война предъявила самые суровые требования и к работе культурно-просветительских учреждений тыла страны, потребовала коренной перестройки всей деятельности и подчинения ее задачам военного времени. ЦК ВКП(б) уже 1 июля 1941 года выступил со специальным обращением ко всем работникам культуры страны, в котором призвал их всю работу перестроить на военный лад и в дальнейшем все силы направить на обеспечение бесперебойной работы всех культурно-просветительских учреждений страны [Правда. 1941. 1 июля]. Также

в июле 1941 года Наркомпрос РСФСР издал директивное письмо и обращение ко всем работникам культуры, в котором указал, что «вся деятельность культурно-просветительских учреждений страны должна быть подчинена задачам обороны страны» [Политпросветработа. 1941. № 11. С. 4–6]. 2 сентября того же года был издан специальный приказ наркома просвещения РСФСР «О работе культурно-просветительских учреждений в военное время», в котором особо подчеркивалось, что «изб-читальни обязаны сейчас, в условиях военного времени, в большей степени чем когда-либо, стать под руководством местных партийных организаций действенными центрами агитационно-массовой и культурно-просветительской работы в деревне. Пунктами приказа каждой изб-читальне, сельскому клубу, библиотеке, дому культуры предписывалось повседневно проводить политическую информацию о Великой Отечественной войне СССР против фашистской Германии, разъяснять постановления партии и правительства, помогать в организации обучения населения военному делу, ПВХО и ГСО, популяризировать образцы трудового героизма передовых колхозниц и колхозников и т.д. [Учительская газета. 1941. 6 сентября]. В последующем были разработаны и изданы другие постановления, направленные на обеспечение бесперебойной работы учреждений культуры, выполнение ими задач по укреплению тыла и обеспечению обороноспособности страны и мобилизации крестьянства на самоотверженный труд¹.

С началом войны деятельность изб-читален республики активизировалась. Избачи стали перестраивать свою работу, подчинять ее задачам военного времени, направили все усилия на расширение агитационно-пропагандистской, мобилизационной работы среди населения. Лозунг «Все для фронта и все для победы!» стал определяющим и центральным

¹ Были изданы приказы СНК РСФСР от 13 декабря 1941 года «Об участии политико-просветительных учреждений в весенне-посевной кампании 1942 г.»; от 26 июня 1942 года «О массово-политической работе политико-просветительных учреждений в связи с уборкой урожая и др. [Политпросветработа. 1942. № 1. С. 27–28; Учительская газета. 1942. 7 января]. См. подробнее об этом: [Шушкин, 1974, с. 74].

в их работе. Например, оперативно перестроили свою работу на военный лад избачи Новоторъяльского района: оборудовали во всех колхозах района газетные витрины и доски показателей, отражавших ход соцсоревнований в бригадах, в целях развертывания в колхозах антифашистской агитации создали 20 агитбригад [Марийская правда. 1941. 28 декабря]. Настоящим центром политико-массовой работы стала в условиях военного времени Больше-Оршанская изба-читальня под руководством Н. Головина. Только за ноябрь месяц 1941 года в ней было проведено 40 громких чтоток газет, которыми охвачено 365 человек, прочитана лекция «Великая Отечественная война против фашизма». В помещении избы-читальни оборудованы: витрина, посвященная теме войны с фотоиллюстрациями и вырезками из газет, окно ТАСС, справочный стол, на котором представлена вся имевшаяся литература по теме войны, таблица выигрышей Государственного займа и др. За 1942 год проведено 70 бесед, 585 политинформаций и громких чтоток газет, прочитано 10 докладов, выпущено 16 боевых листков, 25 номеров стенных газет (три из которых посвящены антирелигиозной теме), поставлены два спектакля и показаны два кинофильма, выдано 2500 книг (в библиотеке насчитывалось всего около 200 книг). При избе-читальне был создан Совет из 9 человек и колхозный комсомольский актив, способствующий усилению агитационно-пропагандистской работы в колхозах [За большевистские колхозы. 1941. 28 декабря; Марийская правда. 1943. 17 января].

Расширилась и приобрела антифашистский характер политическая пропаганда и во многих других избах-читальнях. Так, в Васневской избе-читальне Килемарского района только в декабре 1941 года было проведено 113 громких чтоток газет и 24 политинформаций, охвачено ими 623 человека, в Исменецкой избе-читальне Звениговского района за первое полугодие 1942 года было прочитано 11 докладов и лекций, поставлено пять концертов и спектаклей, показано восемь киносеансов [Марийская правда. 1942. 18 июля]. Постоянно проводились громкие читки газет и беседы с колхозниками в избе-читальне Быковско-го сельского Совета Юринского района под

руководством избача Быковой [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 477. Л. 54]. Аналогичная работа, направленная на усиление агитационной пропаганды, единения тыла с фронтом проводилась и в других избах-читальнях.

В декабре 1942 года Московский обком ВКП(б) провел совещание клубных и библиотечных работников по вопросам культурно-просветительной работы в области. Состоялся деловой разговор по обмену опытом. Участники совещания выступили с патриотическим обращением ко всем работникам культуры страны, в котором призвали их улучшить политико-просветительную работу в деревне [Шушкин, 1974, с. 75]. В ответ на этот призыв избачи республики еще более активизировали работу в массах. Например, в Кумьинской избе-читальне Килемарского района за четвертый квартал 1942 года было проведено 67 бесед и громких чтоток газет, выпущено шесть номеров газет, в Нуктужской избе-читальне Звениговского района за тот же период времени было проведены 63 беседы, которыми охвачено 3156 человек [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 13, 14]; в Семисолинской избе-читальне Моркинского района за летний период 1943 года проведено 215 громких чтоток газет, прочитано 16 лекций и даны 30 концертов и т.д. [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 395. Л. 260]. В 1943 году по итогам проведенного конкурса Троицко-Посадская изба-читальня Горномарийского района была названа одной из лучших и занесена на республиканскую Доску почета с вручением переходящего Красного знамени Наркомпроса и Обкома союза политпросветработников республики. Также была отмечена работа еще 12 изб-читален, трех районных библиотек и трех домов культуры республики [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 734. Л. 34].

В первый же месяц войны в целях усиления антифашистской и политической пропаганды и более широкого охвата ею населения была расширена сеть агитпунктов в республике. В сельской местности агитпункты, как правило, создавались при избах-читальнях и сельских Советах. К примеру, в Куженерском районе было создано 29 агитпунктов, 12 из которых функционировали при избах-читальнях [Марийская правда. 1941. 7 августа]. По

состоянию на декабрь 1941 года всего в республике имелось 320 агитпунктов, в них 667 агитколлективов (в том числе 382 в сельской местности) и свыше 10 тыс. агитаторов [Марийская правда. 1942. 10 января].

Одновременно при райкомах партии формировались центральные агитпункты, в которых регулярно стали проводиться семинары для руководителей и членов агитколлективов. Так, в 1942 году только с января по апрель месяц включительно было проведено 158 семинаров для руководителей агитколлективов, на которых присутствовало 2140 чел. и 1090 семинаров для агитаторов с присутствием в них 16 826 чел. Однако отмечалось, что качество проведения семинаров было очень низкое, на семинарах агитаторы главным образом получали инструктаж и «накачку» (критику о плохой работе в свой адрес) [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1174. Л. 335].

Необходимо отметить, что агитаторы практиковали те же формы и методы агитационно-пропагандистской работы, что и избачи: проводили громкие читки газет и беседы на различные темы, устраивали коллективное радиопрослушивание новостей, знакомили колхозников со сводками Совинформбюро, рассказывали о событиях, происходящих на фронтах войны и др. В частности, большую работу проводили на своих участках агитаторы Лажъяльского сельсовета Сернурского района С.А. Чумаков, М.С. Головина, В.И. Гусев и др. (всего 15 чел.). Они наладили выпуск стенных газет во всех колхозах своей территории, за короткое время провели 163 беседы на общеполитические темы [Коммунар. 1941. 3 сентября]. Агитаторы Тумьюмчашского сельсовета Куженерского района в составе 22 человек только за летний период 1942 года провели 60 бесед, написали 60 лозунгов, выпустили 24 стенгазеты. Широкою агитационно-пропагандистскую работу развернули в окрестных деревнях и агитаторы агитколлектива Вятского сельского Совета Ронгинского района. Всего в составе агитколлектива насчитывалось 29 чел. За каждым агитатором для проведения информационной работы был закреплен участок в 15 дворов. В самом агитпункте агитаторы установили круглосуточное дежурство, одновременно наладили регулярный выпуск

стенной газеты «Вперед», оборудовали стенд, на котором с одной стороны размещались сводки Совинформбюро, а с другой – сообщения из колхозов о ходе сельскохозяйственных работ, списки лучших колхозников и др. [Марийская правда. 1942. 10 февраля].

Большую информационную и пропагандистскую работу среди местного населения проводил руководитель агитколлектива Карамасского сельсовета Сотнурского района Константинов. Он своими силами оборудовал агитпункт, украсил его лозунгами и плакатами, подобрал необходимую литературу, организовал коллективное радиопрослушивание новостей, а после каждого такого прослушивания проводил разъяснительную работу не только среди населения, но и среди агитаторов. Именно благодаря такой работе агитпункт стал наиболее посещаемым местом в округе – количество посетителей в день доходило до 40–50 чел. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1680. Л. 112]. Агитаторы Елеевского агитпункта Косолаповского района ежедневное чтение газет и проведение бесед чередовали с выступлениями участников художественной самодеятельности. Аналогичные методы работы практиковали и агитколлективы Волжского, Звениговского и Новоторьяльского районов [Марийская правда. 1941. 10 ноября; 1942. 19 марта].

Необходимо подчеркнуть, что заслуга агитаторов в годы войны заключалась не только в проведении агитационно-пропагандистской деятельности, но и в оказании повседневной помощи администрации колхозов в организации соцсоревнования в бригадах, различных форм патриотической помощи фронту, проведении воспитательной и разъяснительной работы среди колхозников, особенно той категории, которая принимала слабое участие в производстве, а также и в борьбе с распространителями различных нежелательных слухов и негативной информации о событиях, происходящих внутри страны и др. Так, учительница Л. Комелина ежедневно проводила разъяснительную работу в колхозе «Трудовик» Ронгинского района и часто беседовала с отстающими колхозниками. В итоге она добилась того, что невыход на работу в этом колхозе стал крайне редким явлением [Марийская правда. 1942. 12 октября]. Большую помощь оказала своими

разъяснительными беседами агитатор агитколлектива Е.Г. Большакова администрации колхоза «Хлебороб» того же района. Именно по ее инициативе в колхозе было проведено общее собрание колхозников, найдено решение проблемы семян и рабочей силы, и таким образом своевременно и даже с опережением сроков проведена посевная в колхозе. Важно было и то, что в условиях военного времени многие агитаторы наряду с проведением информационно-пропагандистской работы принимали непосредственное участие и в колхозном производстве. Например, агитатор Головина в колхозе «Красный пахарь» Сотнурского района не только наладила выпуск стенных газет, регулярно проводила беседы с колхозниками, но и одновременно принимала участие в уборочных работах колхоза, трудясь в поле бок о бок с колхозниками, ежедневно выполняла установленные нормы выработки на жнитве вручную. Агитатор Белова (член ВЛКСМ) в колхозе «Мари-Помар» Волжского района проводила ежедневные читки газет и в то же время связывала в поле по 350 снопов в день вместо 175 по норме [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 26. Л. 61]. И таких примеров было немало в тот период.

Во время войны в составе агитаторов, как правило, преобладали женщины и молодежь. Активистами выступали коммунисты, комсомольцы и учителя. К примеру, в колхозе «Якорь» всю агитационно-пропагандистскую работу возглавила директор местной школы А. Ахмадуллина. Благодаря ее стараниям в колхозе была оборудована Доска почета, газетная витрина, постоянно вывешивались лозунги и плакаты с призывами бороться за выполнение фронтовых заданий. Большую агитмассовую работу среди колхозников проводила учительница Лоскутовской неполной средней школы Сернурского района Кугубаева, регулярно выступала с докладами и беседами на различные темы среди тружеников деревни учительница Алдышкинской начальной школы М.Б. Федотова, в колхозе им. Михайлова Горномарийского района агитмассовую работу среди животноводов проводила член ВКП(б) Г.М. Козикова и т.д. [Марийская АССР ... , 2005, с. 360; Марийская правда. 1942. 10, 12 октября].

Высокую активность демонстрировали комсомольцы деревни. Многие из них назначались

руководителями агитколлективов, отвечали за выпуск стенных газет и другие формы политико-массовой работы. К примеру, в колхозе «Сила» Горномарийского района из 15 агитаторов девять были комсомольцами, в Пектубаевском районе из 24 руководителей агитколлективов 14 также были членами ВЛКСМ. 58 комсомольцев отвечали за выпуск стенных газет в колхозах, 318 – регулярно проводили громкие читки газет и беседы [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 394. Л. 17; Д. 355. Л. 172]. По состоянию на январь 1942 года в составе агитаторов насчитывалось около 3 тыс. членов ВЛКСМ [Марийская правда. 1942. 10 января]. По данным 10 районов республики, свыше 500 комсомольцев с началом войны были назначены редакторами стенных газет. Только за период с августа по октябрь месяц 1941 года ими было выпущено порядка 2300 стенных газет в колхозах [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 354. Л. 147]. К проведению агитационно-пропагандистской работы в деревнях также широко привлекались учителя и учащиеся старших классов. Только в 1942 году ими было проведено в колхозах республики почти 18 тыс. бесед, читок газет и докладов, выпущено 3700 номеров стенных газет, показано 320 концертов и спектаклей [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 560. Л. 40].

Расширилась во время войны в республике и лекционная пропаганда, проводимая группами лекторов райкомов и обкомов ВКП(б). Она приобрела острую антифашистскую направленность. Лекции «Что сулит фашизм славянским народам?», «О расовой теории фашизма», «О морально-политическом состоянии фашистской армии» и другие вызвали большой интерес у населения, стали очень популярными в те дни. Если до войны лекционная пропаганда была прерогативой штатных лекторов и пропагандистов, то во время войны к чтению лекции и докладов привлекался практически весь партийный и административно-хозяйственный актив. В 1942 году в колхозы на период проведения уборочных работ была командирована группа лекторов в составе 350 чел., в 1943 году на период посевных работ в колхозы выехали работники горкома и райкомов комсомола в количестве 1928 чел. [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 377. Л. 185; Д. 379. Л. 117].

В условиях войны возросло и количество проводимых лекций и докладов среди населения. Если за первое полугодие 1941 года лекторской группой обкома ВКП(б) было прочитано 187 лекций (было охвачено этими лекциями 19 702 слушателей), то за второе полугодие было прочитано 420 лекций с присутствием на них 47 157 чел. Всего же силами республиканского актива (лекторами обкома ВКП(б), Республиканского комитета РСБ, Наркомпроса МАССР) прочитано за второе полугодие 1941 года 1025 лекций и докладов с присутствием более 103 тыс. слушателей [Марийская АССР ... , 2005, с. 357]. По отчетным данным, в избах-читальнях в 1941 году было прочитано 19,6 тыс. докладов, в 1942 году – 5,2 тыс., из которых, соответственно, 10,2 и 2,6 тыс. на общеполитические темы [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 161. Л. 20, 22].

В то же время, по данным партийных источников, не все колхозы республики были охвачены лекционной пропагандой в полной мере; сообщалось, например, что в 1942 году в 25 колхозах Косолаповского района не было прочитано ни одной лекций, мало читалось лекции на марийском языке.

Имели место недостатки и в проведении агитационно-пропагандистской работы в колхозах. Например, в ходе проверок обнаружилось, что агитпункт в Именецком сельском Совете Звениговского района отсутствует, в Сернурском районе часть изб-читален была переименована в агитпункты, но работа в них не проводилась, агитаторы Килемарского, Звениговского, Моркинского районов испытывали большие трудности в проведении агитационной работы из-за дальности расстояний, поскольку агитпункты в них не были разукрупнены. Не во всех агитпунктах районов было установлено круглосуточное дежурство, нередко в них дежурили технические работники, не способные оказать квалифицированную помощь докладчикам и агитаторам. Мало уделялось внимания качеству проведения агитационно-пропагандистской работы: многие агитаторы плохо владели материалом, путались и терялись в ответах на самые простые вопросы. Плохо поставлена была и наглядная агитация – «лозунги и плакаты задерживались в районных центрах, не доходили до колхозов, расклеивались в непродуманных местах»,

в большинстве случаев не заполнялись и доски показателей соцсоревнования и др. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1680. Л. 115, 116, 145].

Наряду с этим следует отметить, что в период войны деятельность изб-читален далеко не ограничивалась проведением агитационно-пропагандистской работы. Избачи принимали участие практически во всех мероприятиях, проводимых в сельской местности. Уже с июля месяца 1941 года в связи с вышедшим 2 июля постановлением СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» и ГКО «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» [История ... , 1961, с. 628–629] избачи активно включились в проведение оборонно-массовой работы в деревне: стали оформлять военные уголки в помещении изб-читален, изготавливать макеты различных видов вооружения, создавать оборонные кружки, формировать группы самозащиты, принимать участие в проведении военизированных походов и др. К примеру, уже в июле 1941 года во всех 50 колхозах Новоторъяльского района стали проводиться занятия ПВХО [Марийская правда. 1941. 8 августа], в Сотнурском районе было создано 119 оборонных кружков, охвачено занятиями в них 3940 чел. [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 344. Л. 31]. При активном участии учителей школ такая же работа развернулась в Мари-Турекском, Еласовском и ряде других районов республики [Марийская правда. 1941. 26 октября]. По данным на 1 января 1942 года, всего в избах-читальнях насчитывалось 84 оборонных кружка, занятиями в них было охвачено 6538 чел. (оборонные кружки работали в Больше-Ломбанурской, Больше-Оршинской, Васеневской и других избах-читальнях) [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 344. Л. 31].

Одновременно избачи принимали посильное участие в проведении военно-спортивных, физкультурных мероприятий, в санитарно-профилактической работе. В 1943 году в сельской местности республики была развернута работа 388 санитарных постов. Первая медицинская помощь оказана в 7530 случаях, обследовано 39 985 жилых домов, осмотрено 20 868 колодцев, 19 567 бань, 45 магазинов, ларьков и столовых, проверено также санитарное состояние

полевых станов и детских яслей в колхозах [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 421. Л. 76]. Однако необходимо отметить, что организация оборонно-массовой, спортивной работы в сельской местности республики не всегда отвечала необходимым требованиям военного времени. Мало было в избах-читальнях оборонных кружков – по данным на начало 1943 года, их всего насчитывалось 34 с участием 305 чел. В 1942 году плохо было поставлено комплектование групп самозащиты и обучение их основам ПВХО в Горномарийском, Йошкар-Олинском, Килемарском, Моркинском и ряде других районов республики (плановые задания по обучению выполнялись не более чем на 8–30 %) [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 376. Л. 73]. Слабо велась и спортивная работа. В отчетных документах Республиканского комитета физкультуры и спорта указывалось, что «спортивная работа в колхозах – редкое явление». По данным на 30 января 1942 года, из 523 действовавших военно-лыжных подразделений в республике в колхозах было всего 73, на начало июля того же года из 365 физкультурных коллективов, насчитывавшихся в республике, в колхозах было 215 [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 354. Л. 292; Ф. П-1. Оп. 5. Д. 511. Л. 19].

Большое внимание во время войны избачи уделяли в своей работе и вопросам хозяйственной жизни, задачам мобилизации тружеников деревни на самоотверженный труд и оказание помощи фронту: проводили походы за высокий урожай (в 1942 году такие походы были организованы в Анучинской, Ошканурской, Кузнецовской избах-читальнях Йошкар-Олинского района, избах-читальнях Сотнурского, Моркинского и других районов), устраивали сельскохозяйственные выставки по итогам года, выпускали стенные газеты и боевые листки с материалами о ходе полевых работ, развертывании социалистического соревнования в колхозах и достижениях передовиков сельского хозяйства, занимались наглядной агитацией – писали и вывешивали лозунги и плакаты с призывами об усилении помощи фронту и др. В зимний период времени избачи принимали участие также и в организации работ агро- и зооветеринарных кружков. К примеру, в 1942 году только в Исменецкой избе-читальне Звениговского района занятиями в сельскохозяйственных

кружках было охвачено 40 колхозников [Марийская правда. 1943. 18 июля].

На протяжении всей войны избы-читальни, несмотря на все тяготы военного времени, оставались средоточием культурной жизни, служили местом отдыха и проведения культурно-массовых мероприятий в деревне. Вечерами в избы-читальни собиралась молодежь, чтобы послушать радио, почитать газеты, либо просто отдохнуть – поиграть в шашки, шахматы или домино, приходили участники художественной самодеятельности для проведения очередной репетиции, заглядывали на огонек и пожилые колхозники – приходили с просьбами написать заявление или письмо под диктовку на фронт, поговорить о событиях, происходящих на фронтах войны, или же просто потолковать о делах.

В целом ряде изб-читален, несмотря на сложное военное время, продолжали работать кружки художественной самодеятельности. Члены этих кружков регулярно выступали перед населением со спектаклями и концертами. К примеру, только в четырех избах-читальнях Килемарского района (Кумьинской, Нежнурской, Кибеевской и Васневской) в течение трех месяцев (с октября по декабрь 1942 года) были показаны 13 спектаклей и девять концертов [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 13, 14]. Популярностью пользовались среди населения и выступления членов драматического кружка колхоза «14 лет РККА» Звениговского района, в составе которого насчитывалось 15 чел. Только в 1943 году кружок выступил 21 раз перед населением [Марийская правда. 1943. 30 ноября]. Регулярно выступали перед населением и участники художественной самодеятельности колхоза им. В.И. Чапаева Волжского района (в колхозе под руководством Эшкининой работали два кружка – танцевальный и хоровой), члены хорового кружка колхоза им. М.И. Калинина Горномарийского района, драматического кружка под руководством комсомолки Бусыгиной в колхозе «Пеледыш» Волжского района и др. [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 564. Л. 71 об.]

Однако в целом во время войны в республике культурно-массовая работа отошла на второй план, и культурная жизнь во многих местах замерла. Существенно ослабла кружковая работа. Если в 1941 году насчитывалось

366 кружков различных направлений, то в 1942 году всего 240, при этом число кружков художественной самодеятельности сократилось с 122 до 107, (главным образом работали драматические кружки), антирелигиозных кружков – с 33 до 8, оборонных – с 84 до 34, физкультурных – с 14 до 8. При анализе деятельности изб-читален также надо учитывать, что в условиях войны чрезвычайно ухудшилась их отчетность. Так, в 1941 году из 255 действовавших изб-читален и 68 колхозных клубов (данные на конец года) представили годовые отчеты о своей деятельности, соответственно, 206 (88 %) изб-читален и 11 (16 %) клубов. При этом сведения о кружковой работе представили в 1941 году из 206 отчитавшихся изб-читален всего 119 (58 %), в 1942 году из 194 отчитавшихся – 172 (89 %). В целом отчетность в 1942 году была выше (по крайней мере, о кружковой работе), однако данных о проведении этой работы было представлено меньше, что, в свою очередь, также явилось наглядным свидетельством свертывания кружковой работы в избах-читальнях. Соответственно сократилась и концертно-постановочная деятельность изб-читален. Если в 1941 году в них состоялось 2188 постановок и концертов, то в 1942 году – всего 1302 (в 1,7 раза меньше) [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 5. Л. 20, 22, 24, 26, 161].

Тяжелое военное время внесло свои коррективы и в духовную жизнь деревни. В довоенное время власти боролись с распространением религиозных взглядов как пережитков царского времени². С началом войны антирелигиозная пропаганда в республике

² До войны организации антирелигиозной пропаганды уделялось большое внимание. 5 января 1939 года бюро МОК ВКП(б) приняло решение об усилении антирелигиозной пропаганды. Накануне войны в республике в составе Республиканского Союза воинствующих безбожников (далее – СВБ) имелось 885 ячеек, из которых 125 функционировали в городе, 760 – в деревне. В их составе насчитывалось 17 351 чел., в т.ч. 1813 рабочих, 4839 колхозников, 5698 учащихся, 1843 членов и кандидатов в члены ВКП(б), 5526 членов ВЛКСМ. На 1 ноября 1940 года из 165 церквей и 18 мечетей по решению Президиума Верховного Совета Марийской АССР были закрыты 163 церкви, остальные 19 церквей и мечетей остались незакрытыми, но они практически бездействовали, работающая мечеть сохранилась только в Сотнурском районе [Очерки ... , 1960, с. 293; ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 88. Л. 57, 83].

ослабла. По материалам командировок выяснялось, что почти повсюду на местах стали самораспускаться и прекращать свою деятельность ячейки СВБ (Союза воинствующих безбожников). По итогам проверок сообщалось, что в Новоторъяльском районном совете «дела находятся в беспорядке, ячейки в райцентре не работают и антирелигиозная работа совершенно не ведется», в Куженерском районе «в райцентре из 8 проверенных ячеек СВБ ни одна не работает», в Волжском районе «райсовет СВБ полностью прекратил свою деятельность, дела в беспорядке, заседания совета не проводятся, ячейки СВБ бездействуют», в Звениговском районе председателя районного совета нет и «большинство ячеек самоликвидировалось», в Пектубаевском районе «ячейки СВБ в райцентре бездействуют, работа ведется только в средней школе, где еще проводятся беседы и собрания и регулярно два раза в месяц выпускается газета «Безбожник» и т.д. [ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 108. Л. 2, 6, 7, 26, 27].

Война с ее трудностями и суровыми испытаниями внесла изменения в ментальную сферу жизни сельского населения. Горе и страдания, которые пришлось испытать почти каждой семье, сказались на эмоциональном, психологическом состоянии людей, всколыхнули религиозное сознание, способствовали оживлению и распространению религиозных верований и традиций в деревне. По данным РСБ, в январе 1942 года Рождество Христово было отпраздновано в ряде деревень Пектубаевского района. В деревне Чирки Йошкар-Олинского района, в которой насчитывалось 100 хозяйств, колхозники три дня праздновали Крещение и тем самым «нанесли большой вред хозяйству и государству». В п. Суслонгер верующие мусульмане собрали 500 руб. и направили ходока в мечеть г. Казани, чтобы «они помолились за всех» [ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 6. Д. 103. Л. 6; Д. 108. Л. 2, 24].

До войны местное население (этнические марийцы), хотя и проводило языческие моления, но делало это втайне, достаточно скрытно, стараясь не привлекать внимания властей. Нередко ритуалы жертвоприношения (жертвовали обычно птицей или ягненком) совершались дома, и только кости ритуальных животных, которые не полагалось выбрасывать, сжигались непосредственно в местах молений

(языческих рощах). Во время войны языческие моления стали проводиться не только чаще, но и достаточно открыто. Так, по данным РСБ, в ноябре 1941 года языческое моление состоялось в колхозе «Шемер вий» Елшинского сельсовета. В документе сообщалось, что в первый раз оно было предотвращено, но через неделю, несмотря на предупреждение властей, колхозники все-таки его провели, при этом особо подчеркивалось, что в молении участвовал и председатель данного колхоза. Всего в молении приняло участие 25 человек, принесено было в жертву языческим богам 25 голов птиц. Согласно тем же источникам, в 1941 году происходили моления о победе Красной армии над Германией в селах Казанское и Марисола Сернурского района, куда собиралось по 60–100 человек [ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 6. Д. 103. Л. 18; Д. 108. Л. 45].

Массовое моление с участием 2,5 тыс. человек состоялось в июне 1942 года в роще Ляжмаринского сельсовета Косолаповского района, на него собрались колхозники из семи районов (Косолаповского, Сернурского, Мари-Турекского и др.) МАССР и ряда мест Кировской области. И как выяснилось из беседы с местными картами (жрецами), «моление было организовано для того, чтобы «просить богов содействовать быстрому окончанию войны с Германией». Подобные моления устраивались и в дальнейшем. Не имея прямых указаний о запрещении языческих молений, местные власти нередко использовали эти мероприятия для проведения патриотической работы среди населения – проводили сборы денег и продовольствия для оказания помощи фронту [ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 6. Д. 108. Л. 34, 37].

Имели место и негативные явления, связанные с усилением религиозности населения в период войны. Например, по данным Наркомпроса МАССР 52 ученика Лужбеляжской средней школы перестали посещать учебные занятия. На вопрос: «Почему они не ходят в школу?» дети отвечали, что в школу им запрещают ходить родители, которые говорят, что «вся страна страдает за грехи людские, в школах ничему религиозному не учат, поэтому нет надобности ходить в школу» [ГА РМЭ. Ф. Р-118. Оп. 6. Д. 103. Л. 6].

Таким образом, война вызвала изменения в ментальной сфере деревни, одновременно она внесла свои коррективы в работу культурно-просветительских учреждений. Их деятельность подверглась серьезной перестройке, в сфере их деятельности возросли роль и значение агитационно-массовой и других видов работ, направленных на решение военно-хозяйственных задач и усиление помощи фронту.

Вместе с тем трудности и лишения, которые с каждым годом возрастали, серьезно сказывались на работе культурно-просветительских учреждений деревни. Большая часть колхозных клубов, как это было отмечено ранее, была закрыта в первые же полгода войны, постепенно стали приходить в запустение и избы-читальни. Работа в них все более затруднялась из-за недостатка дров, керосина, других материальных средств. По данным материалов проверок, плохо были подготовлены избы-читальни к зиме 1943 года: неудовлетворительно проведен декадник по заготовке дров – вместо запланированных 6137 куб. м было заготовлено 5300, завезено же всего 3900 куб. м. Также далеко не в полном объеме проведены ремонтные работы. В частности, в Куженерском районе в Конганурской избе-читальне не были застеклены окна, не отремонтирована дверь, в итоге зимой избы-читальню занесло снегом, в Семеновской избе-читальне развалилась печь и т.д. Плохо были отремонтированы избы-читальни и в ряде других районов республики [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 15].

Серьезные недостатки и запущенность в работе, в целом неприглядное состояние избы-читален были выявлены в ходе проверки, проведенной в начале 1943 года. В справке, составленной по итогам этой проверки, сообщалось, что «избы-читальни Новоторъяльского, Еласовского, Ронгинского, Йошкар-Олинского и других районов республики не оборудованы, грязные, неуютные, лозунгов и плакатов не имеют». На день проверки в них не оказалось и стенных газет [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 444. Л. 18].

Трудности в работе возникали и из-за отсутствия собственных помещений. По данным на начало 1943 года, из 253 избы-читален только 85, или треть, располагали собственными помещениями, остальные 168 размещались в помещениях сельских Советов или правлений

колхозов. К примеру, в Мари-Турекском районе большинство изб-читален ютилось в помещениях сельских Советов, тогда как имевшиеся помещения использовались далеко не по назначению [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 15; *Путь Ленина*. 1943. 1 января].

Имела место в целом ряде районов и недооценка политико-массовой и культурно-просветительской работы со стороны местных органов власти, что также сказывалось на работе изб-читален. В документах сообщалось, в частности, что роно Новоторъяльского района за 1942 год не провело ни одного совещания с избачами и что из 16 изб-читален района, по существу, ни одна не работает, а избачи используются в качестве переписчиков и посыльных. В Еласовском районе проверка была проведена, но выводы остались на бумаге. Слабо интересовались работой изб-читален и райкомы комсомола на местах, а в Куженерском районе власти запретили проведение вечеров художественной самодеятельности в избах-читальнях [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 415. Л. 64; Д. 375. Л. 49, 50].

Сдерживалось и финансирование изб-читален со стороны властей на местах. К примеру, в Мари-Турекском районе за 11 месяцев 1942 года избы-читальни были профинансированы всего на 54 % [*Путь Ленина*. 1943. 1 января]. В то же время в Еласовском, Волжском и ряде других районов республики выделенные средства использовались далеко не в полном объеме – всего на 30–36 % [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 444. Л. 19 об.].

Остро стояла и кадровая проблема. Профессиональная подготовка и образовательный уровень большинства избачей оставляли желать лучшего. На январь 1943 года из 232 избачей имели полное среднее образование 86 чел. (37 %), неполное среднее – 82 чел. (35 %), начальное – 64 чел. (28 %). Имела место и большая текучесть. К примеру, в Еласовском районе избачи менялись по 3–4, а в ряде мест и по 5–6 раз в течение года. Низким был и удельный вес опытных работников в составе избачей: из 232 работников имели стаж работы до трех месяцев – 120 (52 %), до года – 87 (38 %).

В силу вышеуказанных и ряда других причин (низкие оклады избачей, их постоянная сменяемость, плохая материальная база и др.) избы-читальни республики работали с перерывами. Нередко они закрывались на зимний

период времени; в документах в связи с этим сообщалось, что в летние месяцы избы-читальни, как правило, комплектуются учителями, но с началом учебного года они прекращают работу по совместительству и даже если работают, то формально [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 444. Л. 18 об., 19]. В вечернее время избы-читальни зачастую не работали из-за отсутствия керосина или по другим причинам. По состоянию на 1 мая 1942 года в республике не работали 62 избы-читальни (25 %), на 1 января 1943 года – 11 (две – в Сернурском районе, три – Еласовском, три – Пектубаевском и т.д.) [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 14]. По данным за 1942 год из 194 отчитавшихся о своей деятельности изб-читален представили сведения о перерывах в работе 154 (79 %), из которых 10 имели перерыв в работе – от 16 до 45 дней, 12 – от 46 до 60, 8 – от 61 до 90; 13 – от 91 до 200 и 7 – свыше 200 дней, т.е. около 10% изб-читален не работали достаточно продолжительное время – в течение порядка трех и более месяцев. За 1943 год из 171 отчитавшейся о перерывах в работе избы-читальни имели перерыв 85 (50 %), из которых 10 – до 15 дней, 19 – от 16 до 45, 20 – от 46 до 60, 9 – от 61 до 90, 12 – от 91 до 100 и 15 – свыше 200 дней, иными словами, порядка 16 % изб-читален (больше, чем в 1942 году) не работали в течение трех и более месяцев [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 5. Л. 161 об.].

В годы войны в целом ослабло и культурное обслуживание деревни, в частности ухудшилось кинообслуживание. Если в 1941 году в сельской местности республики был показан 8211 киносеансов, то в 1942 году – 5284, или в 1,6 раза меньше (план кинопоказа был выполнен всего на 55,1 %) [ГА РМЭ. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 65. Л. 131]. Плохо было поставлено кинообслуживание в Куженерском, Пектубаевском, Новоторъяльском, Моркинском, Сернурском и Оршанском районах. В частности, в Оршанском районе за весь 1942 год в колхозах не состоялось ни одного киносеанса. Также не все крупные населенные пункты республики были охвачены радиовещанием. К примеру, в сельских Советах Волжского района оно полностью отсутствовало [ГА РМЭ. Ф. Р-542. Оп. 4. Д. 240. Л. 784].

В избах-читальнях ослабла библиотечная работа. В 1941 году собственными библиотеками

располагали 178, в 1942 году – 166 (65 %) изб-читален; книг в них имелось, соответственно, 88,6 и 73,0 тыс. экземпляров. Однако, как показала проверка, проведенная в декабре 1942 года, книги во многих избах-читальнях лежали в беспорядке, а библиотечная работа в них запущена [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 444. Л. 19].

Трудности военного времени (недостаток квалифицированных кадров, их постоянная текучесть и др.) сказывались и на проведении агитационно-массовой работы в республике. В районной газете «Куженер» отмечалось, что проведение агитационно-массовой работы в районе ослабло, что большинство агитколлективов, по существу, не работает; лекции и доклады, беседы среди населения проводятся редко [Куженер. 1942. 25 июня]. Не всегда на должном уровне проводилась и политическая пропаганда: мало читалось лекций на марийском языке, страдала наглядная агитация, не хватало справочной литературы и средств для организации досуга и проведения культурно-массовой работы среди молодежи и др.

На заключительном этапе войны, в условиях улучшения военно-стратегического положения страны, государство, понимая важность и значение культурно-просветительной и агитационно-массовой работы, проводимой среди населения, приняло все меры по улучшению условий и активизации деятельности культурно-просветительских учреждений и преодолению накопившихся недостатков в их работе. Были приняты постановления СНК РСФСР «О подготовке политпросветучреждений в деревне к работе в зимних условиях» (15 августа 1943 года); «О мероприятиях по улучшению работы изб-читален, сельских клубов, районных Домов культуры» (1 ноября 1944 года) и др. [Политпросветработа. 1943. № 8–9. С. 6]. Одновременно в 1944 году ЦК ВКП(б) были приняты соответствующие постановления, направленные на усиление идеологической, партийно-массовой работы и развертывания научно-просветительной пропаганды в деревне [Пропаганда ... , 1947, с. 462–466]³.

³ ЦК ВКП(б) 17 июля 1944 года приняло постановление «Об организации политических докладов партийными и советскими работниками для сельского населения», «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» [Пропаганда ... , 1947, с. 462–466].

Аналогичные решения были приняты на местах, в том числе и в МАССР. В январе 1943 года на специальном заседании Президиум Верховного Совета Марийской АССР рассмотрел вопросы, связанные с деятельностью учреждений культуры республики, в принятом от 27 января постановлении «О работе политпросветительских учреждений в республике» особо подчеркнул: культурно-просветительские учреждения республики, в том числе избы-читальни, работают неудовлетворительно; в них слабо проводится политическая пропаганда, пропаганда знаний по ПВХО и агротехнике через книгу, газету, плакаты, кино, радио, справочный стол, беседу и лекцию; не налажена работа физкультурных коллективов; не организована работа по оказанию помощи семьям фронтовиков; плохо подготовлены избы-читальни к зиме, топливом не обеспечены, помещения их не отремонтированы и находятся в неудовлетворительном состоянии. Президиум высказал критику в адрес местных органов власти, указал, что исполкомы районных Советов на местах «проявляют беспечное отношение к организации работы политпросветучреждений», Наркомпрос и районо не занимаются вопросами повышения политической и производственной квалификации политпросветработников. Президиум постановил улучшить работу политпросветучреждений, в том числе и изб-читален, указал Наркомпросу МАССР на необходимость пересмотра кадрового состава избачей, привлечения к работе в избах-читальнях и библиотеках по совместительству грамотных работников из числа учителей, создания в районах постоянно действующих курсов по подготовке и переподготовке избачей, обеспечения изб-читален всем необходимым оборудованием и топливом на весь отопительный сезон, улучшения радиовещания и кинообслуживания деревень, в частности обязательного включения при составлении маршрутов кинопередвижек всех без исключения изб-читален, восстановления в них всех радиоточек и т.д. [ГА РМЭ. Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 435. Л. 20, 20 об., 21, 21 об.].

На упущения и недостатки в работе культурно-просветительских учреждений республики на заключительном этапе войны обратил внимание и обком ВКП(б). XIX пленум МОК

ВКП(б), состоявшийся в июле 1944 года, принял постановление «О состоянии массово-политической работы в Волжском и Медведевском районах», в котором указал: партийные организации указанных районов плохо контролируют работу агитколлективов и агитаторов, не оказывают им помощи в подготовке докладов и бесед; редко проводят семинары, в районах указание ЦК ВКП(б) о проведении политических докладов в каждом колхозе не выполняется; плохо обстоит дело и с наглядной агитацией; нет порядка в доставке газет; колхозные клубы, красные уголки, избы-читальни кадрами не укомплектованы, помещения их не благоустроены [Марийская правда. 1944. 29 июля]. XX пленум МОК ВКП(б) (сентябрь 1944 года), рассмотрев вопрос о деятельности культурно-просветительских учреждений республики, со своей стороны потребовал создания всех условий для развертывания массово-политической работы на селе и в связи с чем обязал Наркомпрос МАССР, секретарей райкомов партии, председателей исполкомов районных Советов до 15 октября 1944 года восстановить работу всех бездействующих учреждений культуры, в том числе и изб-читален, освободить их помещения, занятые под другие цели, и обеспечить их топливом на весь отопительный сезон [Марийская правда. 1944. 6 октября]. Одновременно для улучшения руководства и активизации работы культурно-просветительских учреждений СНК МАССР постановлением от 3 марта 1945 года принял решение о создании Управления по делам культпросветучреждений при СНК МАССР и отделы культпросветуправления при райисполкомах Советов [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 1215. Л. 30].

Все вышеуказанные принятые директивные решения в условиях войны имели важное организационно-хозяйственное значение, способствовали проведению в республике целого ряда восстановительных мероприятий в 1943–1944 годах. Была проведена работа по восстановлению сети колхозных клубов и изб-читален и укрепления их материальной базы. В 1943 году отремонтированы 158, в 1944 году – 195 изб-читален, благодаря усилиям комсомола восстановлена работа 13 изб-читален. Дополнительно в помещении

правлений колхозов были созданы и оборудованы 105 красных уголков. 130 членов ВЛКСМ были назначены заведующими избами-читальнями [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 734. Л. 34; Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 7. Л. 2].

Также были приняты меры по улучшению обеспечения культурно-просветительских учреждений различными видами печатной продукции. В 1944 году республиканской типографией целевым назначением была напечатана серия специальных брошюр для изб-читален («Немецкая каторга», «Во имя победы», «За высокий урожай», «Чтец-декламатор»), также вышли сборники эстрадных песен на русском и марийском языках, подготовлен и издан специальный номер «Блокнота агитатора» с описанием опыта проведения агитационно-пропагандистской работы в деревне и др. Важно было и то, что налажено обеспечение всех без исключения изб-читален центральными газетами «Известия», «Комсомольская правда», ведомостями Верховного Совета СССР, республиканскими и районными газетами. Одновременно среди населения республики проведен сбор литературы. Только для изб-читален собрано около 50 тыс. экземпляров книг и журналов. Улучшена библиотечная работа – создано при избах-читальнях 198 передвижных библиотек (для сравнения укажем, что в 1942 году в сезон уборочных работ функционировало 112 таких библиотек), 945 чел. назначены книгоношами [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 734. Л. 34; Д. 994. Л. 25, 27].

Особое внимание республиканскими властями было обращено и на подготовку избачей. В течение 1944 года, по данным 17 районов, в районных парткабинетах проведено 695 семинарских занятий с привлечением избачей. В октябре в соответствии с планом, утвержденным ЦК ВЛКСМ, в районах был проведен специальный двухдневный семинар для избачей и секретарей колхозных комсомольских организаций. В ноябре того же года в отдельных районах состоялся семинар, посвященный вопросам организации и проведения массово-политической работы в деревне. В 1945 году в г. Йошкар-Оле начали работать 3- и 6-месячные курсы по подготовке и переподготовке избачей. В течение года на курсах было обучено 50 человек. Одновременно была

проведена работа, направленная на улучшение подготовки агитаторов. В апреле 1944 года состоялось республиканское совещание руководителей агитколлективов с участием 393 чел., одновременно перед началом посевных, а затем и уборочных работ проведена 1–2-дневная курсовая подготовка агитаторов (всего охвачено обучением 6720 чел.). С января 1945 года началась во всех районах подготовка и переподготовка агитаторов по 46-часовой программе [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 994. Л. 4, 26; Д. 1215. Л. 29, 30].

Были приняты меры, направленные на укрепление кадрового состава избачей, что привело к некоторому улучшению их контингента. На 1 января 1945 года из 255 избачей 78 (31 %) имели среднее, 155 (6 %) – незаконченное среднее, 22 (8,6 %) – начальное, тогда как в начале 1943 года имели начальное образование 28 %. В составе избачей насчитывалось 95 учителей, работавших по совместительству. Из 255 избачей 160, или преобладающее большинство (63 %), имели стаж работы до одного года и 95 (37 %) – свыше трех лет. По партийному и национальному признаку избачи распределялись следующим образом: мари было 73 человека, русских – 180 (т.е. имела место проблема национальных кадров). Из 255 избачей 18 (7,1 %) состояли в рядах ВКП(б), 125 (49 %) были членами ВЛКСМ и 112 (44 %) были беспартийными [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 7. Л. 4 об., 6].

Проводимая работа в целом положительно сказывалась на работе культурно-просветительских учреждений республики, в том числе и изб-читален, и колхозных клубов. Согласно материалам Наркомпроса МАССР, намного улучшилась деятельность изб-читален и клубов в Горномарийском, Йошкар-Олинском, Звениговском, Моркинском и ряде других районов республики. Лучшими в республике по итогам 1944 года были названы Ардинская, Троицко-Посадская избы-читальни Горномарийского, Васеневская и Кумьинская Килемарского, Семисолинская Моркинского, Кузнецовская и Павловская Йошкар-Олинского, Сидельниковская Звениговского районов.

Образцово велась работа в Троицко-Посадской избы-читальне: обязательно два раза в неделю по средам и пятницам проходило громкое чтение газет, два раза в день (в 7 часов

утра и 7 часов вечера) проводилось коллективное радиопрослушивание новостей, был налажен регулярный выпуск стенной газеты, при избе-читальне работали передвижная библиотека, школа ликбеза, оказывалась помощь колхозникам, плохо владевшим грамотой в написании и отправки писем на фронт, действовали шахматно-шашечный, драматический кружки и кружок по изучению истории ВКП(б) [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 397. Л. 29, 30.].

Разнообразная по содержанию и форме работа проводилась и в Сотнурской избе-читальне. За период весенне-полевых работ состоялось 350 бесед с колхозниками, подготовлены и показаны 15 концертов, проведен поход за высокий урожай. В помещении избы-читальни царил чистота и уют, в ней была оборудована витрина для газет, на столах разложены тематические альбомы «Женщина в борьбе с иноземными захватчиками», «Партизан», «Молодежь в Отечественной войне», книжки-самodelки, составленные из газетных вырезок (рассказ М. Шолохова «Они сражались за Родину», повесть В. Василевской «Радуга» и др.), папки с фронтовыми письмами и др. Осенью по итогам похода за высокий урожай в стенах избы-читальни была организована сельскохозяйственная выставка [Марийская правда. 1944. 26 августа, 6 октября].

Расширению культурно-просветительской работы в деревне, организации досуга и привлечению молодежи к проведению культурно-массовых мероприятий способствовало и создание комнат колхозной молодежи в наиболее удаленных от изб-читален колхозах. Инициатором создания таких комнат стали комсомольцы колхоза им. М. Горького Павловского сельского Совета Медведевского района во главе с секретарем комсомольской организации Товашовой. Летом 1944 года, договорившись с председателем колхоза о выделении для этой цели помещения, они за короткое время своими силами оборудовали комнату, оформили витрины «Комсомол на фронте и комсомол в тылу», вывесили плакаты и лозунги, изготовили настольные игры, организовали библиотеку из собранных у молодежи 200 книг, назначили заведующего комнатой и установили ежедневное дежурство, а также, собрав имевшиеся у молодежи музыкальные инструменты,

создали кружок художественной самодеятельности. Бюро обкома ВЛКСМ одобрило эту инициативу и предложило всем райкомам ВЛКСМ по примеру этой комсомольской организации создать в большинстве колхозов «комнаты молодежи» под лозунгом «Хорошо работать и культурно отдыхать!». Всего в республике к зиме 1945 года такие комнаты были созданы в 90 колхозах [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 414. Л. 119; Д. 416. Л. 27].

На заключительном этапе войны заметно расширились в сельской местности и масштабы проведения политико-массовой и агитационно-пропагандистской работы. Характерно, что только в мае 1944 года силами агитаторов было проведено 16 840 бесед и громких чтот газет, охвачено ими 168 298 чел., выпущено 3835 стенных газет и боевых листков, написано 2380 различных плакатов, оформлена 1091 доска показателей и 1038 газетных витрин [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 835. Л. 36]. Большая работа в этом направлении была проведена и в избах-читальнях. К примеру, только в Васневской избе-читальне за три месяца 1944 года было проведено 147 громких чтот газет, прочитаны доклады на тему «Чистота – залог здоровья», «О жизни и деятельности А.П. Чехова и А. Крылова». В Горномарийском районе за период посевной 1944 года выпущено 157 стенных газет, дано 127 концертов, только по естественно-научной тематике прочитано 227 докладов и лекций и т.д. [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 994. Л. 27; Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 7. Л. 22]. В Великопольской избе-читальне Ронгинского района на протяжении 1944 года были проведены: 61 беседа, 40 громких чтот газет, 47 докладов, всеми видами мероприятий было охвачено 1037 чел. [ГА РМЭ. Ф. Р-317. Оп. 3. Д. 25. Л. 17]. За 1944 год всего в избах-читальнях республики было прочитано 2325 докладов и лекций, выпущено 385 номеров стенных газет, дано 325 концертов, в колхозах за это же время проведено 31 265 докладов, бесед и громких чтот газет [ГА РМЭ. Ф. П-1. Оп. 5. Д. 994. Л. 27].

Активизировалась и работа агитбригад. В период посевной 1944 года было создано 130 агитбригад, в том числе 53 при районных центрах и 71 при избах-читальнях. Так, в Пектубаевском районе было создано 13 агитбригад,

ими поставлено 62 концерта в 58 колхозах; 16 агитбригад Сернурского района только в мае месяце побывали в 84 колхозах, в июле – в 32 сельских Советах, помимо этого во всех избах-читальнях провели молодежные вечера с участием 900 чел.; 12 агитбригад Хлебниковского района организовали выступления во всех колхозах своего района и т.д. [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 416. Л. 27, 28].

Таким образом, на последнем этапе войны, как это видно из вышеприведенных данных, в колхозах республики агитационно-пропагандистская и лекционная пропаганда существенно расширилась. Отличительной чертой было и то, что в лекционной пропаганде стала преобладать естественно-научная тематика, что, вероятнее всего, было связано с усилением религиозных взглядов в условиях войны в деревне. Только за четвертый квартал 1944 года в колхозах республики было прочитано 536 лекций, посвященных естественно-научным вопросам, в январе-феврале 1945 года – свыше 400, причем 64 из них на марийском языке. В «Марийской правде» сообщалось, что лекции «Происхождение жизни на Земле», «Было ли и будет ли конец жизни на Земле?» и другие вызывают огромный интерес и получают широкий отклик у колхозников» [Марийская правда. 1945. 9 февраля].

Одновременно в колхозах в этот период больше внимания стали уделять пропаганде и распространению агрозоотехнических знаний. В 1944 году только зооветеринарных кружков было создано 144, охвачено учебой 2496 чел., проведено 155 бесед и прочитано 460 лекций по животноводству [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 421. Л. 136, 329].

Заметно активизировалась и оборонно-массовая и спортивная работа на селе: на 5 декабря 1943 года в республике было создано 470 лыжных подразделений, в том числе 156 – в колхозах; на конец 1944 года в колхозах имелись 103 спортивные площадки, а на март 1945 года насчитывалось 342 физкультурных коллектива [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 421. Л. 329]. В зимний сезон 1944 года (в период с 20 января по 5 февраля) в республике были проведены лыжные соревнования на первенство колхозов, в которых приняло участие 1026 лыжных команд в составе 8536 чел.;

с 5 по 15 февраля состоялись аналогичные соревнования на первенство районов, в них приняли участие 604 лыжные команды, число участников соревнования составило 4228 чел. В ходе соревнования 8 тыс. чел. (в том числе 6536 членов ВЛКСМ) сдали нормы ГТО по лыжам; по итогам соревнования 21 лыжная команда из числа участников была признана лучшей и вышла в число победителей. В последующем в честь 24-й годовщины Красной армии были проведены лыжные военизированные эстафеты, маршрут которых пролегал из районных центров в г. Йошкар-Олу, в них приняло участие 19 лыжных команд в составе 222 чел. [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 394. Л. 67, 68].

В зимний сезон 1945 года прошли лыжные соревнования на районное (приняло участие 19 районов) и республиканское первенство. Организовано они прошли в Волжском, Горномарийском, Килемарском районах. Так, в Волжском районе соревнования были проведены в 49 колхозах, в ходе которых 18 лучших лыжных команд были отобраны для участия в республиканском соревновании. Всего приняло участие на всех этапах лыжных соревнований свыше 13 тыс. колхозников. По итогам республиканского соревнования команда лыжников из колхоза «Искра Ленина» Йошкар-Олинского района завоевала первенство и была признана лучшей в республике [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 435. Л. 162].

Несколько оживилась и приобрела новые краски в последние годы войны и культурная жизнь деревни. Ярким и незабываемым событием в этот период стал смотр художественной самодеятельности сельских коллективов республики.

Со стороны властей была проведена определенная подготовительная работа. Для руководства подготовкой и проведением республиканского смотра при СНК МАССР была утверждена комиссия из 14 чел. Был разработан календарный план подготовки проведения смотра. Одновременно работниками Управления по делам искусств при СНК для оказания непосредственной помощи местным властям были организованы поездки в Волжский, Медведевский, Йошкар-Олинский и Ронгинский районы. В декабре 1943 года проведен трехдневный семинар для директоров ДСК, политпросвет-

работников и избачей, на котором были обсуждены вопросы о развертывании кружков художественной самодеятельности и привлечении молодежи в них. В помощь участникам художественной самодеятельности Маргосиздательством были изданы небольшими тиражами (от 500 до 2000 экземпляров) песенные сборники «Голос Родины», «Сельская эстрада», сборник марийских песен К.А. Смирнова, книги «Родина зовет», «Родина верч» и др. На местах вся ответственность за проведение смотра была возложена на председателей райисполкомов районных Советов [РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 202. Л. 1].

Подготовка к смотру, репетиции проходила в обстановке творческого подъема представителей сельской молодежи и других слоев населения, повсюду на местах создавались новые кружки, росло число участников художественной самодеятельности. Всего в подготовительный к смотру период было создано 324 кружка, вовлечено в ряды участников художественной самодеятельности около 5 тыс. чел. В частности, в Волжском районе создано 14, вовлечено 600 чел., Ронгинском – 24 и вовлечено 316 чел. и т.д. К примеру, кружок художественной самодеятельности был создан в колхозе «Крестьянский подъем» Горномарийского района. Руководителем кружка была назначена секретарь колхозной комсомольской организации А.Н. Кострова. В работе кружка приняли участие не только молодые, но и пожилые колхозники. Самой пожилой участнице художественной самодеятельности Волковой был 71 год, самым молодым: К. Пронину – 13 лет, М. Петуховой – 16. Члены кружка подготовили и выступили с концертными программами перед населением 21 раз, в том числе 9 из них – в подшефном Красногорском госпитале для инвалидов войны. Все средства, полученные от выступлений, сдавали в Фонд помощи семьям фронтовиков. Аналогичные кружки были созданы в колхозе «Дружба» Помарского сельского Совета Волжского района, «14 лет РККА» Звениговского и ряде других районов [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 394. Л. 28].

Состоявшийся смотр художественной самодеятельности, несмотря на трудное военное время и недостатки в его проведении, стал важным и ярким событием в культурной жизни села республики, продемонстрировал огромный

интерес молодежи и людей старшего поколения к танцевальным и хоровым традициям деревни, самобытному народному творчеству. Жюри по итогам смотра признало лучшим художественный коллектив колхоза «Дружба» Волжского района, также отметило выступления ансамбля плясок и танцев колхозов «Крестьянский подъем» Волжского и «Ушнымаш» Ронгинского районов и номера отдельных участниц смотра – исполнительниц марийских народных песен Митюковой и Шулеповой из колхоза «Мари ял» Медведевского района, исполнительниц марийских песен и плясок Григорьевой, Дмитриевой и Ефимовой из колхоза «Дружба» Волжского района и др. [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 418. Л. 63, 64].

В то же время в целом работа по организации и проведению смотра в республике со стороны властей была признана неудовлетворительной. Так, отмечалось, что не все районы приняли участие в смотре – всего приняли участие в нем 18 кружков художественной самодеятельности в составе 306 чел. из 16 районов республики, участники же художественной самодеятельности из 7 районов не смогли приехать на смотр из-за отсутствия транспорта. Слабо была представлена колхозная самодеятельность – приняло участие в смотре всего четыре коллектива с небольшим числом участников. Преобладающая часть участников смотра состояла из коллективов школ и Домов социалистической культуры районных центров республики [ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 394. Л. 28; Д. 418. Л. 66–68].

В постановлении СНК РСФСР от 27 июня 1944 года «Об итогах смотра художественной самодеятельности сельской местности и районных центров РСФСР» указывалось, что в МАССР вопросам организации смотра со стороны властей не было уделено должного внимания и что «итоги смотра ни по количеству участников, ни по репертуару, содержанию и исполнению не были достаточны» [Политпросветработа. 1944. № 7–8. С. 6].

На заключительном этапе несколько улучшилось и кинообслуживание села: если в 1944 году было показано в сельской местности 3904 киносеанса, то в 1945 году – 4772, или в 1,2 раза больше [ГА РМЭ. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 106. Л. 117].

Однако необходимо отметить, что несмотря на все изменения к лучшему в культурной сфере деревни и в 1945 г. сохранялось немало трудностей. Не была восстановлена к моменту окончания войны сеть колхозных клубов в республике: на 1 января 1945 года насчитывалось их всего 38 (35 % от довоенного уровня). Не все избы-читальни располагали собственными помещениями – из 255 изб-читален 80 (31 %) размещались в помещении сельских Советов или правлений колхозов.

По-прежнему многие избы-читальни в районах плохо обеспечивались дровами и керосином, испытывали недостаток культурного и спортивного инвентаря, печатной и другой продукции. На всю сеть культурно-просветительских учреждений сельской местности республики (на начало января 1945 года насчитывалось 255 изб-читален, 38 колхозных клубов, 54 сельские библиотеки, 18 домов культуры, 21 районная библиотека, республиканская библиотека и два краеведческих музея) имелось всего восемь комплектов духовых и 250 струнных инструментов, 10 пианино, 75 патефонов, 60 репродукций картин, 678 комплектов шахек и 38 – шахмат [ГА РМЭ. Ф. Р-407. Оп. 6. Д. 7. Л. 4].

По данным Наркомпроса МАССР в силу разных причин с трудом налаживалась работа изб-читален в Волжском, Казанском, Медведевском и Моркинском районах [Марийская правда. 1944. 6 октября].

В ряде районов неудовлетворительно было поставлено и кинообслуживание. Так, плохо работали кинопередвижки в Куженерском, Медведевском, Юринском районах. В частности, в Куженерском районе в 1945 году план кинопоказа был выполнен всего на 35,1 % – вместо 427 сеансов по плану, было показано всего 150 [ГА РМЭ. Ф. Р-347. Оп. 2. Д. 106. Л. 114].

Заключение

Таким образом, тяжелые военные годы наложили глубокий отпечаток и на культурную сферу деревни. Война с первых же дней потребовала срочной и радикальной перестройки всей работы и культурно-просветительских учреждений на военный лад, подчинения их требованиям и задачам работы тыла. В этих условиях деятельность изб-читален и колхозных клубов, агитпунктов села

республики активизировалась, агитационно-массовая работа, направленная на мобилизацию сил крестьянства, на оперативное решение военно-хозяйственных задач и оказание своевременной помощи фронту, лозунг «Все для фронта, все для победы!» стали определяющими и доминирующими.

Однако чрезвычайно тяжелые условия войны (недостаток кадров, слабая материальная база и другие проблемы) сказывались на работе культурно-просветительских учреждений. Их сеть (особенно число колхозных клубов) в период войны сократилась, многие избы-читальни работали с перерывами, плохо обеспечивались дровами, керосином и другими материальными средствами. В таких условиях отошла на второй план культурно-просветительская работа: сократилось число кружков художественной самодеятельности, ослабло кинообслуживание, меньше уделялось внимания спортивной, физкультурной и другим видам работ, нередко в отдельных случаях вся деятельность избачей ограничивалась громкими читками газет и коллективным прослушиванием радиопередач или зачитыванием сводок Совинформбюро.

Одновременно война внесла свои коррективы и в духовную жизнь крестьянства –

вызвала оживление религиозного сознания и массовое распространение языческих традиций в деревне.

На заключительном этапе войны, несмотря на трудности, в соответствии с директивами центрального руководства страны были предприняты усилия по восстановлению сети, улучшению условий и активизации деятельности культурно-просветительских учреждений села. В связи с этим наметились положительные тенденции в культурной сфере деревни: был проведен смотр художественной самодеятельности, несколько расширилась массово-политическая и пропагандистская работа, были отремонтированы помещения и частично восстановлена работа ранее закрытых клубов и изб-читален, укреплены кадры и т.д. В то же время сохранялось немало трудностей: избы-читальни продолжали испытывать недостаток дров, керосина, культурного и спортивного инвентаря, в них не хватало газет, особенно на марийском языке, справочной и другой литературы, не все избы-читальни имели собственные помещения, сохранялись кадровые и другие проблемы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ГА РМЭ – Государственный архив Республики Марий Эл.
 РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
 За большевистские колхозы – газета Оршанского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся.
 История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1961. 681 с.
 Коммунар – газета Сернурского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся.
 Куженер – газета Куженерского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся.
 Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 2005. 479 с.
 Марийская правда – газета Марийского обкома ВКП(б) и Верховного Совета и Совета министров Марийской АССР.
 Очерки истории Марийской организации КПСС. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1960. 450 с.
 Политпросветработа – ежемесечный журнал Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совнарком РСФСР.
 Правда – газета ЦК ВКП(б).
 Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М., 1947. 590 с.
 Путь Ленина – газета Мари-Турекского райкома ВКП(б) и районного Совета депутатов трудящихся.
 Учительская газета – газета Наркомата просвещения СССР.
 Шестая сессия Верховного Совета Марийской АССР. 1–3 апреля 1944 г. Стенографический отчет. Йошкар-Ола, 1944. 210 с.
 Шушкин Н.Н. Во имя победы: (Организаторская и массово-политическая работа партии в деревне периода Великой Отечественной войны). Ч. 2. Петрозаводск, 1974. 418 с.

Svetlana Vasilyeva

CULTURAL LIFE OF THE MARI ASSR VILLAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Introduction. The article considers the cultural life in the village in the Mari ASSR during the Great Patriotic War. It is focused on cultural and educational life in the village; it shows how all work had been transformed due to the military needs; how cultural life had been politicized; it describes the difficulties and problems in the work of reading rooms and collective farms clubs and also a number of positive changes in the cultural life of the village at the end of the war. **The purpose of the article.** The article describes the impact of extreme wartime on the development of cultural life, the content, forms and methods of work and the condition of village reading rooms and collective farms clubs in 1941-1945. **Research methods** include factual, statistical, descriptive, comparative and analytical. **Research results and discussion.** The Great Patriotic War of 1941-1945 had a significant influence on the village cultural life and, above all, on the activities of cultural and educational institutions – the forms and methods of their work had been transformed, public outreach efforts and informative activity had been intensified in accordance with the wartime requirements. At the same time, the functioning of the reading rooms and collective farms clubs had become difficult, their material and financial base had changed; lack of personnel and other problems had appeared which negatively affected cultural and educational work in rural areas. At the end of the war, the village cultural life revived, and there were some positive trends in cultural and educational activities, but the consequences of the difficult wartime still impacted cultural and educational work in villages. Reading rooms and collective farms clubs suffered from a lack of firewood and kerosene, cultural and sports equipment, printed issues and other problems. Not all of them had their own premises and staff. **Conclusion.** The harsh wartime impacted a cultural life in the village, cultural and educational institutions activities – all their work during the war was subordinated to the tasks and requirements of the wartime in accordance with which informative and propaganda work had been transformed and promotion of patriotism had strengthened. During the war, the number of reading rooms and clubs had decreased, their staff didn't have enough qualification and funding was not sufficient; serious difficulties had arisen with the timely provision of firewood and kerosene. Despite all these facts reading rooms were the centre of the village cultural and political life; they contributed to the solution to military and economic tasks, mass-political and educational work in the village and strengthening the work of the rear.

Key words: Mari ASSR; village; cultural life; reading rooms; collective farms clubs; material-technical provision; reading rooms staff; personnel; restructuring; agitation and propaganda; forms and methods; agitation; defense-mass and sports work; film service; library work; ski competitions; amateur art; religious consciousness.

REFERENCES

- GA RME - State Archive of the Republic of Mari El.
RGASPI - Russian State Archive of Socio-Political History.
Za bolshevistskiye kolkhozy [For the Bolshevik collective farms] - newspaper, organ of the Orsha District Committee of the CPSU(b) and the District Council of Workers' Deputies. (In Russian).
Istoriya Velikoj Otechestvennoj vojny Sovetskogo Soyuza 1941-1945 gg. T. 2. [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945. Vol. 2]. Moscow, 1961, 681 p. (In Russian).
Kommunar - newspaper, organ of the Sernur District Committee of the CPSU(b) and the District Council of Workers' Deputies. (In Russian).
Kuzhener - newspaper, organ of the Kuzhenersky District Committee of the CPSU(b) and the District Council of Workers' Deputies. (In Russian).

Marijskaya ASSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941-1945 gg.: Sbornik dokumentov i materialov [Mari ASSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. Collection of documents and materials, second edition, supplemented]. Yoshkar-Ola, 2005, 479 p. (In Russian).

Mariyskaya pravda [Mari Truth] - newspaper, organ of the Mari Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Supreme Council and Council of Ministers of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic. (In Russian).

Ocherki istorii Marijskoj organizacii KPSS [Essays on the history of the Mari organization of the CPSU]. Yoshkar-Ola, Margosizdat, 1960, 450 p. (In Russian).

Politprosvetrabota [Political enlightenment work] - monthly magazine, organ of the Committee for Cultural and Educational Institutions under the Council of People's Commissars of the RSFSR. (In Russian).

Pravda [Truth] - newspaper, organ of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. (In Russian).

Propaganda i agitaciya v resheniyah i dokumentah VKP(b) [Propaganda and agitation in decisions and documents of the CPSU(b)]. Moscow, 1947, 590 p. (In Russian).

Put' Lenina [Lenin's Path] - newspaper, organ of the Mari-Turek District Committee of the CPSU(b) and the District Council of Workers' Deputies. (In Russian).

Uchitel'skaya gazeta [Teacher's newspaper] - newspaper, organ of the People's Commissariat of Education of the USSR. (In Russian).

Shestayaya sessiya Verhovnogo Soveta Marijskoj ASSR. 1-3 aprelya 1944 g. Stenograficheskiy otchet [Sixth session of the Supreme Council of the Mari Autonomous Soviet Socialist Republic. April 1-3, 1944 Verbatim report]. Yoshkar-Ola, 1944, 210 p. (In Russian).

Shushkin N.N. Vo imya pobedy: (Organizatorskaya i massovo-politicheskaya rabota partii v derevne perioda Velikoj Otechestvennoj vojny). Ch. 2. [In the name of victory. (Organizational and mass political work of the party in the countryside during the Great Patriotic War). Part 2]. Petrozavodsk, 1974, 418 p. (In Russian).

Васильева Светлана Ивановна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии и социологии
МГТУ им. Н.Э. Баумана,
г. Москва
e-mail: svestast50@mail.ru

Svetlana Vasilyeva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Cultural Science
and Sociology Chair
of N.E. Bauman Moscow State Technical University,
Moscow
e-mail: svestast50@mail.ru

УДК 37.01(=511.13):2-76

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-101-110

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИДЕИ И.В. ШЕСТАКОВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ И ДУХОВНОМ РАЗВИТИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ*

© 2023 г. Т.Г. Голева

Введение. Статья посвящена рассмотрению предложений священника И.В. Шестакова о просвещении коми-пермяков в конце XIX – начале XX века. **Цель статьи** – определить основные позиции И.В. Шестакова в вопросах образования и просвещения коми-пермяков. **Материалы и методы.** Исследование опирается на ряд публикаций И.В. Шестакова. В работе использован конкретно-исторический метод исследования и сравнительный анализ. **Результаты исследования, обсуждения.** Ключевой идеей И.В. Шестакова можно назвать создание в пермяцком крае женских монастырей, обучение в них девочек, которые в дальнейшем могли бы распространять христианские идеалы на свою семью. Важными условиями просвещения он называл постепенный, длительный процесс погружения коми-пермяков в истинную христианскую культуру, использование в обучении и богослужебной деятельности родного языка инородцев, а также развитие местной инфраструктуры и связей с другими частями государства. **Заключение.** Предлагаемые меры, с одной стороны, должны были способствовать воспитанию у коми-пермяков добродетельности, чуткости, нравственности, чистоплотности, с другой стороны, они уравнивали возможности в реализации социально-экономических и культурных нужд народа.

Ключевые слова: И.В. Шестаков, просвещение коми-пермяков, женское образование, общины сестер милосердия, образование на родном языке.

Введение

Иаков (Яков) Васильевич Шестаков (псевдоним Камасинский, 1858–1918 годы) был учителем, священнослужителем, книгоиздателем, публицистом и исследователем истории Пермской губернии. В 2000 году был причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских. День его памяти отмечают 23 декабря. Жизненному пути и деятельности И.В. Шестакова в настоящее время посвящено немало публикаций. Еще при его жизни в 1917 году, к 25-летию литературной деятельности, вышли очерки его жизни и трудов, написанные протоиереем и законоучителем Екатеринбургской мужской гимназии А.А. Игнатьевым [1917]. В советский период, по-видимому, по идеологическим причинам,

его фигура мало кого интересовала. Лишь в 1990–2000-е годы исследователи обратились к анализу и оценке его трудов. Среди работ, описывающих общественный и краеведческий вклад И.В. Шестакова, его биографию и многогранную деятельность, можно назвать статьи Л.И. Сыстеровой, О.А. Мельчаковой, М.Ю. Нечаева и других авторов [Сыстерова, 1996; Мельчакова, 2009; Нечаев, 2015, с. 94–104; Соловьева, 2016; Демидова, 2019; Сафронов, 2019]. Все публикации так или иначе затрагивают вопрос о просветительской деятельности И.В. Шестакова, которую он считал своим призванием.

Цель статьи – определить основные позиции И.В. Шестакова в вопросах образования и просвещения коми-пермяков.

*Текст подготовлен в рамках государственного задания ИГИ УрО РАН; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

Материалы и методы

Работа основывается на ряде публикаций И.В. Шестакова: статьях, брошюрах, листовках. В своих трудах Иаков Васильевич излагает взгляды на просвещение пермских инородцев и предлагает ряд мероприятий, который должен способствовать их духовному развитию. Для осуществления цели применяются конкретно-исторический метод исследования и сравнительный анализ. В статье объединяются и обобщаются основные фактические данные об образовательных идеях И.В. Шестакова, которые рассматриваются во взаимосвязи с социокультурными тенденциями эпохи и сравниваются с функционирующими в то время образовательными практиками.

Результаты, обсуждения

Главным объектом идейного служения Иакова Васильевича были коми-пермяки (до середины 1920-х годов в документах и литературе обозначались этнонимом «пермяки»), с которыми он начал общаться в годы своего учительства в Чердынском уезде. В этом отношении его фигуру можно назвать уникальной, так как в истории коми-пермяков было немного личностей, которые бы оставили целое собрание изданных работ со своими размышлениями о духовном развитии народа. Сохранившиеся публикации позволяют изучить основные просветительские идеи автора.

Временем формирования представлений И.В. Шестакова о народном образовании можно назвать годы его работы в школах с пермяцким населением, послушничество в Верхотурском Николаевском монастыре и последующие годы службы священником, то есть это 1880–1890-е годы. Одним из факторов, побудивших Иакова Васильевича обратиться к проблеме обучения коми-пермяков, были имеющиеся недостатки в школьном образовании.

В это время на территории компактного расселения коми-пермяков существовало небольшое число школ, доля получивших образование детей оставалась низкой. Например, на 1889 год на территории современного Коми-Пермяцкого округа в Чердынском уезде действовала одна школа грамотности, шесть начальных народных училищ и одно двухклассное училище. Из них четыре школьных заведения находились в поселениях с русскоязычным населением

[Ведомость о состоянии училищ ... , 1890, с. 179–245]; в Соликамском уезде – два двухклассных училища, 14 одноклассных. Среди последних русско-пермяцкими считались одно двухклассное и 12 одноклассных училищ. Кроме этого, в Соликамском уезде была одна русско-пермяцкая церковная школа и четыре школы грамотности [Ведомость училищ ... , 1890, с. 62–72; Отчет инспектора ... , 1890, с. 82–83]. Исследователи отмечают, что обучение в то время велось на русском или церковно-славянском языках [Страницы истории, 1995, с. 70].

Сам И.В. Шестаков называл ряд изъянов в существующей в тот период системе школьного обучения:

- 1) небольшое число школ, некоторые новые школы со временем закрывались;
- 2) небольшое число женских школ, и маленький процент обучения девочек в школах смешанного типа;
- 3) неблагоустроенные школьные здания (холодные, неудобные, неудовлетворяющие требованиям гигиены);
- 4) обучение на русском языке и «механическое» освоение учениками знаний;
- 5) отсутствие учебной литературы и прочих книг на родном языке;
- 6) отсутствие возможности выпускникам школ поддерживать свои умения и знания в домашнем быту (отсутствие литературы, читален и пр.);
- 7) небольшой процент учителей, знающих или понимающих пермяцкий язык [Шестаков, 1911; 1912а].

Кроме недостатков школьного обучения к просветительской деятельности И.В. Шестакова сподвигло, видимо, его равнодушие к слабому культурному и экономическому развитию пермяцкого края. В своих публикациях он называет такие черты низкого нравственного развития народа, как совершение обрядов жертвоприношения, народные обычаи поминовения, различные суеверия, «неразвитость родного языка», а также леность, склонность к разврату, нечистоплотность, отсутствие чувства любви к ближнему, семейная клановость [Шестаков, 1899; Камасинский, 1905, с. 19]. Иаков Васильевич выделял именно слабое духовное развитие народа, соотнося его с православным учением. Для него как для

христианина и деятеля своей эпохи отклонение от религиозных норм, связанное в том числе с самобытными элементами народного мировоззрения, казалось неверным, невежественным, отстающим от времени. Отметим, что в современности некоторые из народных обычаев тоже оцениваются как архаичные и нерациональные, но, с другой стороны, они считаются уникальными компонентами этнической культуры, знание, понимание или исполнение которых консолидирует народ и способствует формированию этнической самоидентификации. Следует сказать, что некоторые публикации начала XX века разоблачали И.В. Шестакова в искажении фактов, преувеличении им невежества и некультурности коми-пермяков, а также отмечали его недостатки в практической образовательной деятельности [Заезжий, 1901, с. 3]. Оценка И.В. Шестакова пермяцкого языка необоснованная. Лишь в одной из работ он приводит довод о том, что в языке отсутствуют некоторые понятия, например слово, обозначающее благодарность [Камасинский, 1905, с. 22]. Возможно, его выводы связаны также с фактами русских заимствований, отсутствием в то время литературы на коми-пермяцком языке. Современные лингвистические исследования, напротив, показывают богатство и красочность народной коми-пермяцкой речи.

Нравственное воспитание инородцев для И.В. Шестакова было главной задачей. Вместе с тем он понимал, что духовная жизнь народа взаимосвязана с материальным благополучием и развитием системы социальных взаимоотношений. В его письменных рассуждениях можно выделить следующие факторы, тормозящие развитие пермяцкого населения: бедность, крепостничество, которое в прошлом сковывало деятельность и обусловило формирование пассивного менталитета, произвол богатей-предпринимателей и бюрократии, неприязненное отношение со стороны русских, замкнутость населения и края, отсутствие экономической и культурной связи с другими частями государства. Также негативное влияние он видел в распространении винных лавок [Камасинский, 1905, с. 21, 164; Шестаков, 1912а, с. 9–11]. Не любые связи с внешним миром оценивались им положительно. В числе потенциально опасных он называл

влияние раскольников и заводской культуры, известной, по его словам, «религиозным индифферентизмом», «нравственной распущенностью» [Шестаков, 1899]. Таким образом, не случайно в публикациях И.В. Шестакова предложения по улучшению образования зачастую приводятся вместе с описанием условий развития социальной сферы и коммуникаций.

В качестве идеологии своего просветительского пути Иаков Васильевич выбрал миссионерство. Этот факт не удивителен, так как сам он воспитывался в семье священника. Кроме этого, в Российской империи исторически способом приобщения инородцев к «цивилизации» считалось обращение их в православие. Коми-пермяки уже несколько веков были христианами, но по мнению И.В. Шестакова, элементы языческих культов свидетельствовали о поспешности крещения без должного христианского учения [Шестаков, 1912а, с. 4]. Он называет пермяков-инородцев «сынами природы», каковыми они остаются десятки и сотни лет [Камасинский, 1905, с. 17]. То есть считает, что они находятся в том состоянии или на той ступени развития, на которой они подвержены правильному внешнему воздействию, в отличие, видимо, от старообрядцев и других негативно оцениваемых им групп русского населения. Влияние церкви он считал наиболее верным и действенным средством: «...требуется по отношению к пермякам для более полного обрусения их и полного нравственного воспитания долгое православное церковное воздействие» [Шестаков, 1899]. Иаков Васильевич видел это воздействие через основание школ при монастырях и церквях. Такие предприятия были характерными для миссионерских сообществ в конце XIX – начале XX века (см., например: [Сапсай, 2018, с. 129; Гюнтер, 2022, с. 26]). Его позиции по поводу женского образования при монастырях соотносятся с проектом организации миссионерской деятельности в России архимандрита Макария [Нечаев, 2015, с. 87–104], а обоснование важности женского образования во многом повторяет слова Вятского архиерея 1871 года [Кириченко, 2010, с. 229–230].

В методах русификации, то есть освоения более передовой культуры, И.В. Шестаков был «продолжателем традиций Н.И. Ильминского,

сторонника постепенного и бережного обращения коренных народов в христианство путем их просвещения и благотворительной помощи» [Нечаев, 2015, с. 104]. Система образования Н.И. Ильминского в тот период была одной из ведущих практик обучения инородцев в России (см., например: [Салмин, 2021; Сушкова, 2021; Помелов, 2022]). Также Иаков Васильевич поддерживал педагогические взгляды К.Д. Ушинского, соглашаясь с ним в том, что обучение инородцев на родном языке принесет больше пользы для их духовного развития, чем только одно усвоение русской грамоты и русского языка [Шестаков, 1912 а, с. 6, 10].

Он не ограничивался вопросами религиозного образования, был открыт новым идеям, следил за образовательными практиками в разных губерниях страны и выделял полезный для просвещения инородцев опыт. В частности, он упоминает решения съезда городских учителей, прошедшего в Санкт-Петербурге в 1909 году, приводит в пример развитие книгоиздания на родных языках народов Поволжья, Прибалтики и Великого княжества Финляндского [Шестаков, 1912 а, с. 7].

Важнейшей идеей Якова Васильевича являлось женское образование, которое среди коми-пермяков, по его словам, считалось роскошью. Действительно, в школах девочек обучалось мало. По данным 1889 года, в указанных выше училищах Чердынского уезда в местах проживания коми-пермяков числились 162 мальчика и только 16 девочек, в русско-пермяцких школах Соликамского уезда – 679 мальчиков и 38 девочек, часть из них могла быть из русских семей [Ведомость о состоянии училищ ... , 1990, с. 179–245; Таблица ... , 1890, с. 113–129]. «Для девочки более нужно образование, чем для мальчика, вследствие замкнутости ее и вместе с тем большего влияния и воздействия на семью, как матери, чем для отца, который менее живет дома, чем мать; она возится с детьми, начиная с пеленок, и заботится о них до самой своей смерти», – писал просветитель в конце XIX века [Шестаков, 1899]. Учитывая негативное влияние народного невежества и других факторов, он считал, что для образования необходима «крепость прочная» [Шестаков, 1911, с. 3], и наилучшим

способом для этого называл монастырь: «В этих видах, по нашему мнению, более принесет хороших последствий в глухом пермяцком краю своим просветительным влиянием рассадник женского просвещения, женский монастырь со школою грамоты, рукоделия и сельского хозяйства, хотя бы в самых скромных размерах» [Шестаков, 1899]. В чем же основная сила монастырей? По мнению И.В. Шестакова, это продолжительные богослужения, строгая нравственность, приучение к трудолюбию, воспитание добрых чувств по отношению к ближним. Монастырь рассматривался им не только как место обучения девочек, но еще как инструмент просвещения остального населения, которое будет посещать его для богомолья, будет получать книги от монахинь на родном языке. Монастырь станет примером чистоты и порядка, истового богослужения, образцовой обработки огорода и ведения ремесел, стройного церковного пения на родном языке и толкового чтения Закона Божия [Шестаков, 1911, с. 3].

Согласно публикациям начала XX века для И.В. Шестакова в это время одинаково важными становятся как обучение грамоте и церковным идеалам, так и получение ученицами практического опыта ведения хозяйства и ремесленных навыков. Опыт подобного заведения был предпринят в Кочевской волости Чердынского уезда, где с 1896 года действовало учебное хозяйство при школе, на котором молодые люди на практике приобретали сельскохозяйственные знания и навыки [Отчет о состоянии ... , 1903]. То есть у автора уже был наглядный положительный пример организации подобного обучения. Практико-ориентированное образование, по мнению Якова Васильевича, приблизило бы школы к крестьянской среде, мотивировало к получению знаний, было бы полезным для экономического развития края. Поэтому он ратовал о создании мастерских, опытных садов, огородов и пчельников при монастырях и земских училищах, открытии особых профессиональных женских школ, где бы обучали основам ведения сельского хозяйства и рукоделия [Шестаков, 1912 а, с. 13–14; Благой почин ... , 1916], руководству семейным бытом: «Рядом с низшими народными школами для детей безусловно необходимо иметь

более высшую школу для взрослой девушки, где последняя могла бы получить все, как будущая мать семейства, как домоправительница и хозяйка» [Камасинский, 1905, с. 60]. Примерами высшего образования в его описаниях были церковно-учительская школа и община сельских сестер милосердия.

Идея об общине сестер милосердия Иакову Васильевичу стала близка после знакомства с брошюрой новолодожского земского врача А.С. Петровского «Деревенские сестры милосердия» (СПб., 1893), в которой излагается положительный опыт обучения крестьянских девушек на курсах ухода за больными [Камасинский, 1905, с. 58]. По его мнению, такая община имела бы всенародное значение и могла быть организована в каждом уезде. В его представлениях община сестер милосердия стала бы многопрофильной формой образования: «В данном случае мы понимаем общину сельских сестер милосердия, как школу воспитания, обучения уходу за больными, практическую школу сельского хозяйства <...> и школу ремесел» [Камасинский, 1905, с. 60]. В общине имелся бы постоянный состав сестер и учащихся. Поступающие в общину девушки должны быть грамотными, обучившимися не менее четырех лет в сельской школе. Учеба должна быть доступна жительницам всех волостей уезда. В общине девушки проходили бы трехгодичный курс обучения и затем возвращались в свои семейства. Деятельность учениц-сестер распространялась бы на подведомственные общине благотворительные учреждения в виде домов милосердия, приемных покоев, школ-приютов, разбросанных по всему уезду [Камасинский, 1905, с. 62–63].

Женскую учительскую школу И.В. Шестаков считал возможным открыть при Камско-Николо-Березовском женском монастыре (Уфимская губерния) для пермячек, вотячек, черемисок, чувашек и других народов [Благой почин ... , 1916] по образцу учительской школы, которая действовала в Леушинском Иоанно-Предтеченском монастыре (Новгородская губерния). В Леушинской церковно-учительской школе девушки обучались в течение шести лет и после ее окончания получали звание домашней учительницы [Снытко, 2004, с. 194]. Также он предлагал уездным властям рассмотреть

вопрос открытия женских прогимназий с педагогическими и рукодельными курсами в волостных центрах пермяцкого края, в пример приводил Мясогутовскую (сельскую) прогимназию в Уфимском уезде и в заводе Омутнинском Вятской губернии [Шестаков б/д].

Подготовку учительских кадров из числа инородцев Иаков Васильевич считал важной задачей: «Пожелаем, чтобы для инородческих школ верхнекамского края был особый кадр учителей из инородцев» [Шестаков, 1912 а, с. 14]. Он сетовал, что мало образованных коми-пермяков посвящает себя просвещению соплеменников, при этом отмечал заслуги и приводил в пример учителей из числа народа, например К.Ф. Мошегова и И.В. Седегова [Камасинский, 1905, с. 55]. Большое значение он придавал дальнейшему развитию знаний педагогов, предлагал проводить земские съезды и курсы для учителей, а также выписывать педагогические журналы и газеты [Шестаков, 1912 а, с. 8].

Одним из непреклонных положений просветительских идей И.В. Шестакова было развитие образования для инородцев на родном языке, о чем уже отмечалось выше. Обучение на родном языке он рассматривал как главное средство приобщения инородцев к духовным ценностям. Иаков Васильевич ничего не писал о соотношении владения и использования коми-пермяками русского и родного языков. Хотя он желал русификации и ассимиляции народа, последние понятия, по-видимому, для него означали приближение инородцев к христианским идеалам и гуманитарному прогрессу или, как он сам пишет, «свободу от вековой некультурности» [Шестаков, 1912а, с. 11]. Он считал необходимым не только обучение детей и проведение проповедей на родном языке, но и перевод учебной и практически полезной литературы с русского на пермяцкий, ее издание и распространение [Шестаков, 1912а, с. 7]. Все данные положения давали возможность развивать и преумножать функции родного языка инородцев. Следует заметить, что в начале XX века в Пермской губернии были противники подобных начинаний. Так, в газетной статье 1908 года неизвестный автор пишет, что обучение пермяков на русском языке идет довольно успешно, поэтому «в нашем уезде школы при

теперешней их организации могут с большим успехом продолжать свою работу, не прибегая к такому некультурному языку, как пермяцкий, и что правила 12 марта 1906 года об инородческих школах для пермяков чердынского уезда неприменимы» [Чердынь, 1908, с. 3].

Помимо образовательных учреждений особую миссию в деле просвещения пермяков И.Я. Шестаков возлагал на церковь и ее служителей. Он считал, что священники и миссионеры должны выучить язык инородцев, для чего предлагал организовать для них языковые курсы. Также духовному развитию народа, по его мнению, должно было способствовать строительство новых храмов, организация крестных ходов и иные церковные мероприятия [Желательные мероприятия ... , 1916].

Учитывая содержание разного вида публикаций, которые выпускало его издательство, можно судить о том, что Иаков Васильевич продвигал мысли об учреждении в пермяцком крае ряда организаций (музея, типографии, различных комитетов), локализации в волостных центрах важных административных служащих (инспектора народных училищ, лесничего), которые были бы нацелены на решение злободневных задач именно этой местности, а также развитие путей сообщений (почты, телефонной связи) [Шестаков, 1912б; Камасинский, 2015; Неотложная нужда, 1918 и др.]. Иными словами, он желал распространить на периферию то, что было доступно в уездных и губернских центрах, что могло повлиять на скорость принятия решений и качественно изменить жизнь народа. Несомненно, комплекс данных мер имел бы существенное влияние на прогресс населения в экономической и социокультурной сферах.

Следует отметить, что многие свои идеи Иаков Васильевич старался воплотить в жизнь. Благодаря его усилиям и поддержке в коми-пермяцких селениях были открыты два женских монастыря, созданы школы при них, построены новые храмы, переводились православные и художественные произведения на коми-пермяцкий язык, осуществлялась их публикация, открывались читальни, проводились курсы для учителей [Игнатъев, 1917; Сыстеровва, 1996]. Иаков Васильевич искал благодетелей и сам жертвовал средства на продолжение

обучения детей в высших школах в разных городах России. Еще в начале XX века он писал о таких результатах обучения детей: «Окончило казанскую инородческую семинарию 8 мальчиков, и все они состоят учителями среди своих сородичей; женскую учительскую семинарию окончили 3 девицы; красноуфимскую сельскохозяйственную школу – 6 мальчиков; продолжают учиться в общинах сестер милосердия <в Москве и Санкт-Петербурге> пять девиц и вновь исходатайствовано на полное содержание 26 вакансий» [Камасинский, 1905, с. 168–169]. На одной из изданных им листовок 1915 года напечатано 19 фотографий с пермяками-инородцами при поступлении и окончании учебных заведений. На многих из них вместе с учащимися запечатлен сам И.В. Шестаков [Шестаков, 2015]. Эти снимки подтверждают его участие в судьбах детей. Подопечные высоко ценили его помощь, о чем свидетельствует одно из писем его «питомца» Родиона Ракова: «...езде Вы полезны, всюду приносите тепло и свет и всякому Ваш приезд – радость. ...Мы инородцы-пасынки видим Ваши дела и молимся о Вашем здоровье» [Игнатъев, 1917, с. 10–11].

Заключение

Из вышесказанного следует, что позиции И.В. Шестакова по вопросу просвещения пермяков-инородцев были комплексными. Его центральной идеей являлось развитие женского образования при монастырях и одновременно для служения общей цели считалось необходимым ведение обучения и богослужения на пермяцком языке, перевод литературы, обучение хозяйственным навыкам, учреждение высших профессиональных школ, постоянное поддержание знаний грамотных людей, а также преобразования в социально-экономической и культурной сферах как условие непрерывного духовного роста населения. Иакова Васильевича нельзя назвать новатором озвученных им идей, так как он большей частью опирался на известный опыт. Очевидно, он изучал состояние дел в разных губерниях и выбирал для пермяцкого края наиболее подходящие практики, иногда дополняя их собственными предложениями. Для населения и территории, которые он опекал, многие из его пожеланий были новациями. Помимо воспитания у коми-пермяков христианских идеалов, что определенным

образом, действительно, могло привести к забвению части этнической традиции, И.В. Шестаков стремился к развитию образовательных возможностей для инородцев, что является важным условием развития народа. Для начала XX века особо прогрессивными для Пермской губернии были его предложения, касающиеся женского образования. В настоящее время ценной представляется его позиция по поводу просвещения народа на родном языке, которая предполагала

получение осознанных знаний учащимися, а также способствовала развитию самого языка. Кроме этого, его собственный пример заботы о нуждах народа, который в практике иллюстрировал его наставление: «...Каждый день старайтесь кому-нибудь сделать добро. Если не можете полезного сделать людям, то хотя бы цветочек полейте водой: он тоже живет...» [Игнатъев, 1917, с. 17], – можно назвать одним из факторов возвращивания добродетельных посылов среди народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Благой почин в Прикамском крае [электронный ресурс]. 1916. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/2368> (дата обращения: 14.06.2023).

Ведомость о состоянии училищ в Чердынском уезде за 1888/89 учебный год // Журналы Чердынского уездного земского собрания XII чрезвычайной и XX очередной сессий 1890 года. Пермь, 1890. С. 179–245.

Ведомость училищ, состава преподавателей и штатного содержания на 1890 г. // Журнал XX очередного Соликамского уездного земского собрания 1890 года. Вятка, 1890. С. 62–72.

Гюнтер О.А. Роль русской православной церкви в развитии системы национального образования малых коренных народов Енисейской губернии (1860–1917 гг.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. № 1. Т. 7. С. 24–30.

Демидова Е.В. «Воздадите всем должная...»: опыт библиографического списка трудов священника И.В. Шестакова // I Кривошековские историко-архивные чтения: сб. материалов науч. конфер. Кудымкар, 2019. С. 56–60.

Желательные мероприятия для развития церковно-приходской жизни в Пермской епархии [электронный ресурс]. 1916. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/2329> (дата обращения: 14.06.2023).

Заезжий С. Кудымкор // Урал. 1901. 2 декабря. С. 3.

Игнатъев А.А. Священник Иаков Васильевич Шестаков. Очерк жизни и трудов. Сарапул, 1917. 18 с.

Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. М., 1905. 212 с.

Камасинский Я. Нужен ли телефон иньвенскому инородческому краю Соликамского уезда Пермской губернии [электронный ресурс]. Пермь, 2015. 4 с. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/2301> (дата обращения: 14.06.2023). (Статья без указания автора была напечатана в газете «Пермская земская неделя». 1915. № 41. Кол. 31–33).

Кириченко О.В. Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX века). М.: Алексеевская пустынь, 2010. 640 с.

Мельчакова О.А. Коми-пермяцкий просветитель – священномученик Иаков Васильевич Шестаков // Пермская старина. Церковно-краеведческий альманах. 2009. Вып. 2. С. 1–7.

Неотложная нужда преобразования села Кудымкара в город [электронный ресурс]. Пермь: Прикамский летописец, 1918. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/2380> (дата обращения: 14.06.2023).

Нечаев М.Ю. Женские миссионерские монастыри Пермской епархии: от идеалов к воплощению // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2015. Вып. 4. С. 86–111.

Отчет инспектора народных училищ о состоянии низших учебных заведений Соликамского уезда в 1888–1889 учебном году // Журнал XX очередного Соликамского уездного земского собрания 1890 года. Вятка, 1890. С. 82–112.

Отчет о состоянии IV сельско-хозяйственного отделения Кочевской народной школы // Журнал Чердынского уездного земского собрания XX чрезвычайной и XXXIII очередной сессии. Доклады управы и комиссий. Чердынь, 1903. С. 924–926.

Помелов В.Б. Священник и просветитель нерусских народов Н.И. Ильминский. К 200-летию со дня рождения великого педагога // Историко-педагогический журнал. 2022. № 1. С. 14–35.

Салмин А.К. Деятельность Н.И. Ильминского по народному образованию чувашей // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2021. № 201. С. 56–62.

Сапсай А.В. Участие православного миссионерского общества в развитии инородческой миссии в Пермской епархии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 3. С. 117–137.

Сафронов А.Н. Священномученик Иаков Шестаков – пермский миссионер, просветитель коми-пермяков Чердынского и Соликамского уездов // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2018: материалы научной конференции. Пермь, 2019. С. 271–278.

Снытко О.В. История Леушинского Иоанно-Предтеченского монастыря в документах Новгородского исторического архива // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2004. № 3. С. 178–206.

Соловьева Е.В. Яков Шестаков – священник, писатель, публицист // Сборник докладов. Чердынь, 2016. С. 52–57.

Страницы истории Коми-Пермяцкого автономного округа. Учебное пособие для VIII–XI классов. Пермь, 1995. 237 с.

Сушкова Ю.Н. Государственная политика России в отношении инородцев во второй половине XIX века (на примере системы образования Н.И. Ильминского) // Общество: философия, история, культура. 2021. № 1. С. 57–60.

Сыстеров Л.И. На благо людей // Кудымкарские ведомости. 1996. № 25. С. 5.

Таблица о результатах годичных испытаний в одноклассных и двухклассных училищах Соликамского уезда за 1888–1889 учебный год // Журнал XX очередного Соликамского уездного земского собрания 1890 года. Вятка, 1890. С. 113–129.

Чердынь // Пермская земская неделя. 1908. 28 мая. С. 3.

Шестаков И. Несколько слов по поводу открытия женских прогимназий с педагогическими курсами в отдельных окраинах Соликамского и Чердынского уездов, Пермской губернии. Б/м. Б/д. 4 с.

Шестаков И. К просвещению иньвенских инородцев Соликамского уезда // Пермские губернские ведомости. 1899. № 20 (26 января). С. 2.

Шестаков И. Кочинская Ионо-Серафимовская женская инородческая обитель Чердынского уезда Пермской губернии. Нижний Новгород: Типография И.А. Шелеметева. 1911. 4 с. (перепечатано из № 11–12 журнала «Монастырь» 1909 г.).

Шестаков И. Верхнекамские инородцы. Опыт обозрения мероприятий земств Соликамского, Чердынского и Глазовского в целях культурного подъема камских инородцев. Архангельск: Губернская Тип., 1912а. 15 с.

Шестаков И. Об улучшении сообщений в бассейне Верхней Камы. 1912б. 5 с. (Извлечено из Журнала Министерства путей сообщений. 1912. Кн. 2)

Шестаков И. Пермяки-инородцы Соликамского и Чердынского уезд. при поступлении и окончании учебн. завед. [электронный ресурс]. 1915. URL: <https://e.gorkilib.ru/node/2365> (дата обращения: 14.06.2023).

Tatyana Goleva

EDUCATIONAL IDEAS OF I.V. SHESTAKOV ON EDUCATION AND SPIRITUAL DEVELOPMENT OF THE KOMI-PERMYAKS*

Introduction. The article considers priest I.V. Shestakov's ideas on the Komi-Permyaks' education in the late 19th – early 20th century. **The purpose of the research** is to define I.V. Shestakov's main ideas on the Komi-Permyaks' education. **Materials and methods.** The study is based on a number of I.V. Shestakov's publications. The work uses a specific historical method of research and comparative analysis. **Research results and discussion.** I.V. Shestakov's key idea was to found nunneries in the Permian region and educate girls who could further spread Christian ideals to their families. A gradual and long process of the Komi-Permyaks' immersion into the true Christian culture he considered to be the important conditions of education, including the use of their native language in teaching and liturgical activity, as well as the development of local infrastructure and links with other parts of the country. **Conclusion.** Firstly, I.V. Shestakov's ideas were intended to educate virtues, sensitivity, morality and clean habits of the Komi-Permyaks; secondly, they equalized the opportunities to realize the socio-economic and cultural needs of the people.

Key words: I.V. Shestakov, education of the Komi-Permyaks, female education, community of sisters of mercy, education in mother tongue.

* The research has been done within the state task of the Institute of Humanitarian Research, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; the theme state registration number – AAAA-A19-119032590066-2.

REFERENCES

- Blagoi pochin v Prikamskom krae [Good initiative in the Kama region]. 1916. (In Russian) Available at: <https://e.gorkilib.ru/node/2368> (accessed 14.06.2023).
- Vedomost' o sostoianii uchilishch v Cherdynskom uезде za 1888/89 uchebnyi god [Statement on the state of schools in Cherdyn district for the 1888/89 academic year]. *Zhurnaly Cherdynskogo uездного zemskogo sobraniia XII chrezvychainoi i XX ocherednoi sessii 1890 goda*, Perm, 1890, pp. 179-245. (In Russian).
- Vedomost' uchilishch, sostava prepodavatelei i shtatnogo sodержaniia na 1890 god [The list of schools, the composition of teachers and staff for 1890]. *Zhurnal XX ocherednogo Solikamskogo uездного zemskogo sobraniia 1890 goda*, Viatka, 1890, pp. 62-72. (In Russian).
- Giunter O.A. Rol' russkoi pravoslavnoi tserkvi v razvitii sistemy natsional'nogo obrazovaniia malykh korennykh narodov Eniseiskoi gubernii (1860-1917 gg.) [The role of the Russian Orthodox Church in development of national education system of small indigenous peoples of the Yenisei province (1860-1917)]. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 24-30. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-1-24-30. (In Russian).
- Demidova E.V. «Vozdadite vsem dolzhnaia...»: opyt bibliograficheskogo spiska trudov sviashchennika I.V. Shestakova [“Give everyone due...”: the experience of the bibliographic list of the works of the priest I.V. Shestakov]. *I Krivoshchekovskie istoriko-arkhivnye chteniia: sbornik materialov nauchnoi konferentsii*, Kudymkar, 2019, pp. 56–60. (In Russian).
- Zhelatel'nye meropriiatiia dlia razvitiia tserkovno-prikhodskoi zhizni v Permskoi eparkhii [Desirable measures for the development of parish life in the Perm Diocese]. 1916. (In Russian) Available at: <https://e.gorkilib.ru/node/2329> (accessed 14.06.2023).
- Zaezhzii Selo Kudymkor [Kudymkar village]. *Ural*, 1901, December 2nd, p. 3. (In Russian).
- Ignat'ev A.A. Sviashchennik Iakov Vasil'evich Shestakov. Ocherk zhizni i trudov [Priest Iakov Vasilyevich Shestakov. An essay on life and works.]. Sarapul, 1917, 18 p. (In Russian).
- Kamasinskii Ia. Okolo Kamy. Etnograficheskie ocherki i rasskazy [Near Kama. Ethnographic essays and stories]. Moscow, 1905, 212 p. (In Russian).
- Kamasinskii Ia. Nuzhen li telefon in'venskomu inorodcheskomu kraiu Slikamskogo uезда Permskoi gubernii [Do the Inva foreign region of Solikamsk district, Perm province need a telephone?]. Perm, 2015, 4 p. (In Russian) Available at: <https://e.gorkilib.ru/node/2301> (accessed 14.06.2023).
- Kirichenko O.V. Zhenskoe pravoslavnoe podvizhnichestvo v Rossii (XIX – seredina XX veka) [Female Orthodox asceticism in Russia (XIX – mid-XX century)]. Moscow, Alekseevskaiia pustyn', 2010, 640 p. (In Russian).
- Mel'chakova O.A. Komi-permiatskii prosvetitel' – sviashchennomuchenik Iakov Vasil'evich Shestakov [Komi-Permian educator – Hieromartyr Iakov Vasilyevich Shestakov]. *Permskaia starina. Tserkovno-kraevedcheskii al'manakh*, 2009, iss. 2, pp. 1-7. (In Russian)
- Neotlozhnaia nuzhda preobrazovaniia sela Kudymkara v gorod [The urgent need to transform the village of Kudymkara into a city]. Perm, Prikamskii letopisets, 1918 (In Russian). Available at: <https://e.gorkilib.ru/node/2380> (accessed 14.06.2023).
- Nechaeva M.Iu. Zhenskie missionerskie monastyri Permskoi eparkhii: ot idealov k voploshcheniiu [The Missionary Nunneries of the Perm Diocese: From Ideals to their Implementation]. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2015, iss. 4, pp. 86-111. (In Russian).
- Otchet inspektora narodnykh uchilishch o sostoianii nizshikh uchebnykh zavedenii Solikamskogo uезда v 1888-1889 uchebnom godu [Report of the inspector of public schools on the state of lower educational institutions of Solikamsk county in the 1888-1889 academic year]. *Zhurnal XX ocherednogo Solikamskogo uездного zemskogo sobraniia 1890 goda*, Viatka, 1890, pp. 82-112. (In Russian).
- Otchet o sostoianii IV sel'sko-khoziaistvennogo otdeleniia Kochevskoi narodnoi shkoly [Report on the state of the IV agricultural department of the Nomadic folk school]. *Zhurnal Cherdynskogo uездного zemskogo sobraniia XX chrezvychainoi i XXXIII ocherednoi sessii. Doklady upravy i komissii*, Cherdyn, 1903, pp. 924-926. (In Russian).
- Pomelov V.B. Sviashchennik i prosvetitel' nerusskikh narodov N.I. Il'minskii. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia velikogo pedagoga [Priest and educator of non-Russian peoples N.I. Ilminsky. To the 200th anniversary of the birth of the great teacher]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, 2022, no. 1, pp. 14-35. (In Russian).
- Salmin A.K. Deiatel'nost' N.I. Il'minskogo po narodnomu obrazovaniiu chuvashei [The contribution of Nikolai I. Ilminsky in public education of the Chuvash]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2021, no. 201, pp. 56-62. DOI:10.33910/1992-6464-2021-201-56-62 (In Russian).
- Sapsai A.V. Uchastie pravoslavnogo missionerskogo obshchestva v razvitii inorodcheskoi missii v Permskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Participation of the Orthodox Missionary Society in the Development of the Mission among non-Russians in the Perm eparchy in the late 19th – early 20th centuries] *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2018, no. 3, pp. 117-137. DOI: 10.24411/2224-5391-2018-10305 (In Russian).

Safronov A.N. Sviashchennomuchenik Iakov Shestakov – permskii missioner, prosvetitel' komi-permiakov Cherdynskogo i Solikamskogo uezdov [Hieromartyr Jacob Shestakov – Perm missionary, educator of Komi-Permyaks of Cherdyn and Solikamsk counties]. *Noiabr'skie istoriko-arkhivnye chteniia – 2018: materialy nauchnoi konferentsii*, Perm, 2019, pp. 271-278. (In Russian).

Snytko O.V. Istoriia Leushinskogo Ioanno-Predtechenskogo monastyria v dokumentakh Novgorodskogo istoricheskogo arkhiva [History of Joahn the Precursor monastery in Leushino as according to the documents of the Novgorod historical archive]. *St. Tikhon's university review*, 2004, no. 3, pp. 178-206. (In Russian).

Solov'eva E.V. Iakov Shestakov – sviashchennik, pisatel', publitsist [Yakov Shestakov – priest, writer, publicist]. *Sbornik dokladov*, Cherdyn, 2016, pp. 52-57. (In Russian).

Stranitsy istorii Komi-Permiatskogo avtonomnogo okruga. Uchebnoe posobie dlia XVIII-XI klassov [Pages of the history of the Komi-Permyak Autonomous Okrug. Textbook for XVIII-XI grades]. Perm, 1995, 237 p. (In Russian).

Sushkova Iu.N. Gosudarstvennaia politika Rossii v otnoshenii inorodtsev vo vtoroi polovine XIX veka (na primere sistemy obrazovaniia N. I. Il'minskogo) [State policy of Russia in relation to foreigners in the second half of the XIX century (on the example of the education system of N.I. Il'minsky)]. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2021, no. 1, pp. 57-60. (In Russian).

Systerova L.I. Na blago liudei [For the benefit of people]. *Kudymkarskie vedomosti*, 1996, no. 25, pp. 5. (In Russian).

Tablitsa o rezul'tatakh godichnykh ispytaniy v odnoklassnykh i dvukhklassnykh uchilishchakh Solikamskogo uezda za 1888-1989 uchebnyi god [Table on the results of annual tests in single-class and two-class schools of Solikamsk county for the 1888-1989 academic year]. *Zhurnal XX ocherednogo Solikamskogo uezdnogo zemskogo sobraniia 1890 goda*, Viatka, 1890, pp. 113-129. (In Russian).

Cherdyn' [Cherdyn]. *Permskaia zemskaiia nedelia*, 1908, May 28, pp. 3. (In Russian).

Shestakov I. Neskol'ko slov po povodu otkrytiia zhenskikh progimnazii s pedagogicheskimi kursami v otdel'nykh okrainakh Solikamskogo i Cherdynskogo uezdov, Permskoi gubernii. [A few words about the opening of women's progymnasiums with pedagogical courses in certain suburbs of Solikamsk and Cherdyn counties, Perm province]. Without data, 4 p. (In Russian).

Shestakov I. K prosveshcheniiu in'venskikh inorodtsev Solikamskogo uezda [To the enlightenment of the Invenky foreigners of the Solikamsk district]. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1899, no. 20, p. 2. (In Russian).

Shestakov I. Kochinskaia Iono-Serafimovskaia zhenskaia inorodcheskaia obitel' Cherdynskogo uezda Permskoi gubernii [Kochinskaya Ion-Serafimovskaya female foreign monastery of Cherdynsky uyezd of Perm province]. *Nizhny*, 1911, 4 p. (In Russian).

Shestakov I. Verkhnekamskie inorodtsy. Opyt obozreniia meropriiati zemstv Solikamskogo. Cherdynskogo i Glazovskogo v tseliakh kul'turnogo pod"ema kamskikh inorodtsev [Verkhnekamsk foreigners. The experience of reviewing the events of the Solikamsk, Cherdyn and Glazov zemstvos for the purpose of cultural uplift of the Kama foreigners]. *Arkhangelsk, Gubernskaia Tipografiia*, 1912a, 15 p. (In Russian).

Shestakov I. Ob uluchshenii soobshchenii v basseine Verkhnei Kamy [On improving communications in the Upper Kama Basin]. 1912b, 5 p. (In Russian).

Shestakov I. Permiaki-inorodtsy Solikamskogo i Cherdynskogo uezdov pri postuplenii i okonchaniy uchebnykh zavedenii [Permians are foreigners of Solikamsk and Cherdynsky counties upon admission and graduation from educational institutions]. 1915. (In Russian). Available at: <https://e.gorkilib.ru/node/2365> (accessed 14.06.2023).

Голева Татьяна Геннадьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований Уральского
отделения Российской академии наук – филиал
Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Пермского федерального
исследовательского центра Уральского отделения
Российской академии наук (ИГИ Ур РАН),
г. Пермь,
Институт развития образования Пермского края
(ГАУ ДПО ИРО ПК),
г. Пермь
e-mail: golevat@yandex.ru

Tatyana Goleva

Candidate of Historical Sciences
Senior Researcher,
The Institute of Humanitarian Research,
the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences -
Branch of the
Federal State Budget Institution of Science, the Perm
Federal Research Center of the Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences (IHR Ural RAS),
Perm
Leading Researcher
of Institute of Education Development of the Perm Region,
Perm
e-mail: golevat@yandex.ru

УДК 070:947.8(470.343)

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-111-121

РАЗВИТИЕ ГОРНОМАРИЙСКОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2023 г. О.М. Петров

Введение. Вопрос о становлении печати Козьмодемьянского уезда в XX веке является одним из важнейших и малоизученных в марийской историографии. **Цель статьи** – проследить исторические этапы зарождения горномарийской печати и появление первых изданий. **Материалы и методы.** Материалами послужили периодическая печать, архивные документы, а также научные работы исследователей по данной проблематике. В основу работы положены историко-генетический, историко-описательный и историко-проблемный методы. **Результаты исследования, обсуждения.** Печать в Козьмодемьянском уезде в начале XX века долгое время развивалась обособленно от луговой. Важную роль в этом процессе сыграла типография Г.П. Зубкова, которая была основана в конце XIX века. Ее появление заложило основу горномарийской печати, способствовало развитию литературного языка. Следующий виток начался после Октябрьской революции. Взятый большевиками курс на самоопределение наций и приобретение ими своих территориальных образований открыли широкие возможности для развития культуры и языка. Большое значение для становления горномарийской печати в годы Гражданской войны сыграл Народный комиссариат национальностей (Наркомнац). Созданное им издательство мари в Казани позволило появиться целой сети партийных газет в районах с компактным проживанием мари, в том числе в Козьмодемьянске. **Заключение.** Усилиями коммунистов в середине 1920 года в Козьмодемьянске было организовано издание двух партийных газет: «Төр» на горномарийском языке¹ и «Красный труд» на русском. Это позволило местной власти уже в первые месяцы после образования Марийской автономной области выпускать на собственной территории печатную продукцию.

Ключевые слова: печать; Козьмодемьянск; Марийский край; газета; журналистика; издательство.

Введение

В конституции Республики Марий Эл марийский (луговой и горный) язык закреплен как один из государственных, наряду с русским. На них сегодня издается литература, периодика, выходят радио и телепередачи. Такое положение обусловлено национально-историческими особенностями развития республики и закреплено документом в начале XX века во время активного становления печати на территории Марийского края. Изучение истории печати Горномарийского района безусловно представляет большой интерес. Имея много общего с луговой, печать в Козьмодемьянске

долгое время развивалась своим путем. Во многом это обусловлено географическими и экономическими особенностями, в которых находился уезд. Так, именно благодаря расположению на Волге и развитой торговле в Козьмодемьянске появилась типография, которая стала первой на территории Марийского края и единственной уездной в Казанской губернии. Ее появление оказало воздействие и на соседние районы. Так, например, выходившая в Козьмодемьянске после Февральской революции газета «Наш край» распространялась и в Чебоксарском уезде. Однако наибольшую роль она сыграла в горномарийской культуре,

¹ Горномарийская литературная норма марийского языка.

когда после Октябрьской революции открылись новые возможности для развития печати на языках нерусских народов.

Цель статьи

В работе предпринята попытка проследить этапы развития печати Козьмодемьянского уезда до образования Марийской автономной области (МАО). К сожалению, в отечественной историографии этот вопрос остается малоизученным. Вместе с тем исследование основ, заложенных в период, предшествующий образованию республики, полезно для лучшего понимания процессов, происходящих сегодня в обществе.

Материалы и методы

Материалами послужили периодическая печать, архивные документы, а также научные работы исследователей по данной проблематике. В основу работы положены историко-генетический, историко-описательный и историко-проблемный методы.

Результаты исследования, обсуждения

Развитие печати в горномарийском районе берет свое начало с появления типографии в Козьмодемьянске. Основанная в 1897 году отставным прапорщиком Григорием Петровичем Зубковым, она сыграла огромную роль в развитии горномарийской культуры и языка. То, что первая типография в Марийском крае появилась именно в Козьмодемьянске, не случайно, и говорит о более высоком экономическом развитии этого города в сравнении с другими районами. Выгодно располагаясь на Волге, Козьмодемьянск имел связь с крупными промышленными центрами (Казань, Нижний Новгород, Симбирск и другие). Здесь активно протекала торговля, имелись библиотека, учебные заведения и даже небольшой импровизированный театр [Козьмодемьянск ... , 2008, с. 435–448].

Типография размещалась в двухэтажном особняке на берегу Волги, принадлежащем Г.П. Зубкову. На первом этаже находились две плоские печатные машины и три «Бостонки», здесь же располагался магазин с канцелярскими принадлежностями. На втором со своей семьей проживал хозяин. Предприятие использовалось в коммерческих целях, выполняя частные заказы. Удобное расположение у реки привлекало сюда различных приезжих купцов,

лесопромышленников, торговцев. Г.П. Зубков приобретал массу разнообразных винеток, украшений. Имел особые шрифты, украшенные всевозможными вензелями. Желая выделиться, торговцы заказывали у него разные красивые бланки, накладные и прочую печатную продукцию [Муравьев, 1997, с. 7–8].

Также печатались здесь различного рода листовки, афиши, объявления, журналы земских собраний, отчеты управ. Единственным литературным изданием, вышедшим в дооктябрьский период, стал сборник очерков и рассказов А. Полесского. Примечательно, что под этим псевдонимом скрывался бывший учитель ветлужской деревни Михаил Александрович Попов. В 1909 году он работал в типографии Г.П. Зубкова, свободное время посвящая литературным трудам, которые в итоге удалось издать отдельной книгой [Муравьев, 1997, с. 10]. Есть сведения о том, что в 1904–1905 годах печаталась оперативная информация о сражениях с Японией.

Первое время в типографии работало пять человек, для обучения которых и отладки машин Г.П. Зубков из Казани привозил профессиональных полиграфистов. Условия труда были тяжелыми, отсутствовало электричество, помещение освещалось керосиновыми лампами, машины работали на мускульной тяге, а сам рабочий день длился 11 часов [Муравьев, 1997, с. 6–5].

Таким образом, вплоть до 1917 года на типографии Г.П. Зубкова никакой периодики не издавалось. Радикально ситуация изменилась после Февральской революции 1917 года. Демократические преобразования сняли практически все ограничения для учреждения новых газет, позволив разным политическим силам посредством печати бороться за поддержку населения. Уже в первые дни после переворота в Козьмодемьянске избрано новое руководство, которое признало власть Временного правительства. Свержение царского режима вызвали волнения, в городе стали открываться уездные отделения политических партий. Так, одной из первых появилась ячейка кадетской партии. В июле в помещении мужской гимназии провела свое первое собрание трудовая народно-социалистическая партия (энесы). Обладая наибольшим числом сторонников,

особую силу в Козьмодемьянске приобрели эсеры. Они регулярно устраивали общие собрания, имели свою библиотеку с партийной литературой, выписывали столичные газеты, их агитаторы часто появлялись в деревнях, продвигая среди крестьян эсеровские идеи раздела земли [История Марий Эл..., 2020, с. 12–13].

Закономерным результатом стало решение об организации газеты, которая бы распространялась среди русскоязычного населения Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов. Газету называли «Наш край», выходила она на русском языке два раза в неделю и распространялась в Козьмодемьянском и Чебоксарском уезде. Редакция размещалась в здании женской гимназии и состояла из сотрудников, представляющих разные политические силы. В ее состав вошли социалисты – сторонники широкой коалиции политических сил: И.И. Александров, А.М. Баронов, члены Козьмодемьянского уездного Совета рабочих и солдатских депутатов, И.П. Федоров, городской голова, председатель исполкома уездного Совета, В.О. Копец, член Козьмодемьянского комитета партии народных социалистов [Стариков, 1991, с. 29].

«Наш край» вышел 25 июля (9 августа) 1917 года и стал первым изданием, непосредственно отпечатанным на территории Марийского края. В заголовке указывалось, что «газета социалистическая, беспартийная», но в редакционной статье дебютного номера ясно улавливается симпатия к новой власти: «Теперь Временное правительство зовет народ участвовать во всех общественных делах. И если народ сумеет хорошо делать общественные дела, то Россия выдержит беду и сохранится...» [Козьмодемьянск ... , 2008, с. 538]. Большевики же напротив представлены как деструктивная сила: «...мы не большевики, ибо большевики вообразили будто народ способен сейчас победить всех своих внутренних врагов, взять всю власть в свои руки и устроить счастливую жизнь...» [Козьмодемьянск ... , 2008, с. 538]. Не симпатизировала газета и партиям «кадетов» и «Народной свободы»: «Мы и не «кадеты», и не члены партии «Народной свободы», потому что эта партия не стремится вывести народ из-под власти промышленников и капиталистов» [Козьмодемьянск ... , 2008, с. 538].

Несмотря на то что газета обозначила свою политическую направленность, нельзя сказать, что она стала пропагандистским органом. Редакция призывала общественность присылать свои материалы, открыто выражать свои мысли. В номерах публиковались и материалы неполитического характера, затрагивающие жизнь Козьмодемьянского уезда: лесная ярмарка, положение в деревне, продовольственные и аграрные вопросы, крестьянские волнения. Большой проблемой для выпуска газеты являлось отсутствие корреспондентской сети, что приводило к нехватке материалов. В 10 номере редакция обращалась к читателям активнее писать, но призыв так и не был услышан и 13 номер (11 сентября) стал последним [Стариков, 1991, с. 30]. Таким образом, «Наш край» просуществовал лишь два неполных месяца, но вполне очевидно, что пришедшие к власти большевики рано или поздно все равно бы запретили газету.

Новый этап в развитии печати горномарийского района начался после Октябрьской революции. 31 декабря 1917 года уездный Совет в Козьмодемьянске признал новую власть. Вместе с тем в городе еще были сильны позиции эсеров, и окончательный контроль большевики здесь установят лишь в конце марта 1918 года [История Марий Эл ... , 2020, с. 32]. Подчинив своей воле все остальные волости уезда, они национализировали дом и типографию Г.П. Зубкова, передав ее в ведение местного совнархоза. Сам же Григорий Петрович, по-видимому, не стал конфликтовать с новой властью, продолжив работу на предприятии в должности директора [Сергеев, 1971, с. 47].

Национализация типографии была не случайна, вспыхнувшая Гражданская война побуждала большевиков вести активную агитацию среди населения. В этот период в РСФСР наблюдался резкий рост периодики, особенно за счет мелких уездных газет. По примерным подсчетам с октября 1917 года по 1920 год в стране выходило около 3000 их наименований [Молчанов, 2002, с. 14]. Коммунисты не жалели средств на печатную продукцию, не ограничивались только изданием газет, активно расклеивали на улицах различного рода листовки, призывы, воззвания и т.д.

Первой большевистской газетой, появившейся на территории Марийского края, стали «Известия Козьмодемьянского Совета Рабочих Крестьянских и Красноармейских Депутатов». Издание выходило с подписью редакционной коллегии, в состав которой вошли коммунисты Криворотов, заведующий городским народным домом М.К. Виноградов, Д.К. Романов и В.А. Соколов [Сергеев, 1971, с. 48]. Редакция размещалась на третьем этаже в доме Козьмодемьянского совдепа. Первый номер вышел 20 октября 1918 года. Газета печаталась небольшого формата и состояла из четырех страниц. Издание носило новостной характер, здесь в основном печатались постановления и приказы местных советских органов. Это имело большое значение для уезда, так как распространение сведений до волостных органов являлось непростой задачей. Печатать каждый раз отдельное объявление, отправлять его почтой было неудобно и дорого, поэтому газета являлась самым простым и дешевым средством донесения информации до населения. Исходя из этого местный исполком обязал каждое советское учреждение Козьмодемьянска и его уезда выписывать хотя бы по одному экземпляру «Известий» [Известия ... , 1918, № 1, с. 1].

Большое количество официальной информации, сухой казенный язык делали издание малопривлекательным для широкого круга читателей. Число индивидуальных подписчиков было крайне малым, из-за чего «Известия» выходили незначительным тиражом и являлись финансово убыточными. Несмотря на неоднократные призывы к сотрудничеству, крестьяне неохотно присылали свои материалы. Редкие опубликованные письма, которые все же доходили до редакции, несколько разбавляли служебный тон, но все же не могли сделать газету популярной. Несмотря на это «Известия» были насыщены важными подробностями из жизни уезда, они сегодня являются ценным источником в изучении истории Марийского края времен Гражданской войны. Так, из газеты можно узнать, что уже в 1918 году в Козьмодемьянске наблюдались признаки продовольственного кризиса. В одном из материалов указывалось, что в город было доставлено 4000 пудов ржи и муки для голодающего населения уезда.

Горожан Козьмодемьянска просили жертвовать средства на дальнейший выкуп хлеба [Известия ... , 1918, № 1, с. 2]. На страницах издания опубликованы все основные действия и распоряжения местной власти: выписки из протоколов заседания органов власти, приказы, объявления, телеграммы, уездная хроника.

Важная роль отводилась материалам агитационного характера. Крестьян призывали организовываться в комитеты бедноты, вставать на защиту революции и противостоять врагам советской власти, в первую очередь «белогвардейским бандам» [Романов, 1918, с. 2]. Активно народ настраивался на борьбу с чуждой советской идеологии элементами: кулаками, церковнослужителями, спекулянтами. Много печаталось материалов о международном положении, об угрозах, исходящих от капиталистических стран.

Продолжающаяся кровопролитная Гражданская война постепенно подтачивала хозяйственные отрасли страны, особенно пострадала бумажная промышленность. Многие предприятия остались на территориях, потерянных в ходе Первой мировой войны, либо существенно сократили свое производство из-за неблагоприятных условий. Накопленный до революции запас бумаги постепенно истощался, что подтолкнуло советское руководство к сокращению нерентабельных изданий. Так, 24 января 1919 года председатель партийной комиссии В. Покровский, обследовавший Козьмодемьянский уезд, внес предложение в местный исполком о прекращении издания «Известий» из-за нехватки бумаги. Власти города, не поддержавшие его, обратились в Казанский губсовдеп с просьбой не закрывать газету. В письме указывалось, что население уезда большей частью инородческое, верит провокационным слухам, распускаемым кулаками, а потому газета необходима для противодействия их влиянию. Кроме того, отмечалось, что с остановкой издания расход бумаги не уменьшится, так как все равно придется печатать множество разного рода объявлений [Сергеев, 1971, с. 53].

Проведя свое собрание, Козьмодемьянские коммунисты единогласно решили продолжить издание «Известий» до выяснения позиции Казани. Однако 6 февраля губернский комитет партии все же отклонил ходатайство,

поддержав упразднение. «Известия» продолжали издаваться по 23 марта 1919 года. В 42-м заключительном номере журналисты обратились к читателям с печальной вестью, эмоционально высказав сожаления по этому поводу: «Что-то родное, дорогое оторвалось от сердца. Осталась какая-то глухая пустота, не заполненная ничем. Газета умерла. Луч солнца, освещавший жизнь уезда, догорел...» [Сергеев, 1971, с. 53–54].

Козьмодемьянские коммунисты предпринимали попытку также издать еженедельник, в котором бы помимо официальных постановлений и распоряжений публиковались и материалы литературного характера, освещавшие партийную жизнь, но и здесь губернский комитет не поддержал инициативу. Невзирая на закрытие газеты, типография Г.П. Зубкова не остановила свою деятельность, выпуская листовки, брошюры, воззвания в том числе для Чебоксарского и Васильурского уездов [Сергеев, 1971, с. 55]. Продолжил свою работу на предприятии и Г.П. Зубков, лишь в 1920 году уехал в Казань.

Непреклонность губернских властей в отношении «Известий», по-видимому, объясняется тем, что русское население уезда вполне удовлетворяла центральная пресса, которая была заметно качественнее и пользовалась в связи с этим гораздо большим спросом. Марийское же население, не владевшее русским языком, оставалось в информационной изоляции и легко могло быть подвержено чужой пропаганде. Так, в деревне еще популярны были идеи эсеров, сохранялось влияние «Мари ушем» («Союз мари»), лидеры которых симпатизировали социалистам-революционерам. Выступления крестьян в связи с развернутой продразвёрсткой также подталкивал большевиков активнее действовать на информационном фронте. Такое положение в целом складывалось не только в Марийском крае, но и во многих других областях РСФСР. Понимая это, большевики решили усилить издание периодики на языках нерусских народов, которая получила мощный импульс во время Гражданской войны. Такая политика в целом укладывалась в провозглашенный В.И. Лениным курс на самоопределение наций и приобретение ими своих национальных территориальных образований.

Основное место в претворении указанной линии отводилось Народному комиссариату национальностей. Задачи наркомата были очень широки: обеспечение мирного сожительства всех национальностей РСФСР, содействие экономическому и культурному развитию народов, проведение национальной политики советской власти [Минеева, 2007, с. 92]. Одной из главных целей являлась агитационная функция, а именно издание газет и литературы, популяризирующих социалистические идеи. Важнейшими его структурными элементами стали отделы, занимающиеся вопросами каждой национальности в отдельности. Так, в июле 1918 года в Москве при Наркомнац создан Центральный Отдел мари (ЦОМ) во главе с заведующим Н.А. Алексеевым [Минеева, 2007, с. 174]. Позднее при участии ЦОМ в губерниях с компактным проживанием мари были созданы его подотделы, которые стали выпускать периодику. Начиная с октября 1918 года возникла целая сеть большевистских марийских газет, издававшихся в Казанской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях. Особенно в этом отношении выделялась Казань, где было организовано Центральное издательство мари, непосредственно курировавшее всю печать на марийском языке.

Появление первой горномарийской газеты тесно связано с отделом мари в Казани. После того как из города были выбиты белочехи, 24 сентября 1918 года при отделе создано издательство мари. Заведующим назначили редактора газеты «Ўжара» («Заря») В.А. Мухина [Р-627. Оп. 1. Д. 15. Л. 22]. Только что освобожденный из белогвардейского плена, он сразу же приступил к подготовке выпуска периодики. Позже он вспоминал, что за денежными средствами для издательства ему пришлось обращаться к наркому по делам национальностей И.В. Сталину. После того как комиссариат отпустил 11 500 руб., с 1 октября стала выходить газета на марийском языке «Йошкар кече» («Красный день») [Мухин, 1928, с. 2]. Позднее было возобновлено издание газеты «Ўжара», выпуск которой прервался из-за взятия Казани белогвардейцами.

Вскоре было принято принципиальное решение и об издании горномарийской газеты. 28 октября 1918 года в Казани прошло большое

собрание марийских работников, на котором обсуждался широкий круг вопросов культурного просвещения мари, а также организация новой газеты. Был очерчен круг лиц, способных участвовать в этом деле, в него вошли Н.В. Игнатьев и молодой студент С.Г. Гаврилов. Издание решили назвать «ИрЫк» («Свобода»). Ее выпуск поддержал также заведующий ЦОМ в Москве Н.А. Алексеев. В своем письме в Казань он отметил, что из-за отсутствия на их языке литературы, горные мари остаются инертными и безразличными к социальной жизни, и потому призывал как можно быстрее приступить к изданию, подчеркивая, что необходимые средства будут перечислены Народным комиссариатом просвещения [Р-627. Оп. 1. Д. 29. Л. 66].

Поспешность с подготовкой газеты не случайна, на рубеже 1918–1919 годов марийское крестьянство, как и в целом крестьяне по всей стране, продолжало выражать свое недовольство в отношении политики «военного коммунизма». Тяжелое продовольственное положение сложилось в Козьмодемьянском уезде. Из-за нехватки хлеба в волостях вспыхивали голодные бунты, происходили убийства, грабежи, насилие. Усиливалось брожение среди кулаков и примкнувшей к ним бедноты [Иванов, 2022, с. 51–61]. Конечно, издание газеты не могло радикально изменить ситуацию, но позволило бы власти пресекать всевозможные слухи и рассказывать о предпринимаемых мерах.

В этой ситуации большая ответственность ложилась на марийское издательство в Казани, сил которого явно было недостаточно. В октябре 1918 года здесь работало всего пять человек: заведующий В.А. Мухин, ответственный переводчик В.М. Васильев, журналист Г.И. Голубкин и двое технических работников – Ф.Д. Павлович и Л.Е. Ефимова. Такой немногочисленный состав, помимо выпуска газет, занимался переводом литературы, изданием учебников, брошюр, всевозможных листовок, воззваний, объявлений [Р-627. Оп. 1. Д. 26. Л. 17]. Так, всего за два месяца ими было переведено с русского на марийский язык около 50 наименований литературы. Кроме того, сотрудники вынуждены были отвлекаться от своих основных дел и выезжать в командировки,

где проводили агитационные митинги и собрания с крестьянами и красноармейцами [Р-627. Оп. 1. Д. 22. Л. 25].

Выпуск сразу двух газет на марийском языке становился очень затруднительным, поэтому в декабре было решено прекратить издание «Ўжара». Конечно, ее упразднение было связано не только с экономией материальных и трудовых средств. Находившаяся долгое время под влиянием эсеров, она оставалась символом прошлой эпохи, а потому, выбирая между двумя изданиями, большевики, конечно же, сохранили «Йошкар кече». Одновременно с этим был запрещен Центральный союз мари, многие члены которого до перехода «Ўжара» в руки большевиков работали журналистами в газете. Примечательно, что все имущество и денежные средства союза переходили в пользу издательства мари. Таким образом, большевики все сильнее усиливали нажим на информационном фронте, попутно расправляясь с конкурирующими группами.

Отказавшись от газеты «Ўжара», издательство начало подготовку к выпуску горномарийской газеты. По задумке она должна была ориентироваться на центральные издания «Знамя революции», «Известия ВЦИК» и подобно им информировать о важных событиях в стране, объяснять сущность советской политики. Безусловно, издание ставило главной своей целью укрепление советской власти в районах с проживанием горных мари, между тем газета много сделала в культурном просвещении народа, консолидации интеллигенции вокруг этой работы. Ее первый номер в количестве 2000 экземпляров вышел в Казани 17 января 1919 года и стал распространяться среди населения Козьмодемьянского уезда. Несмотря на первоначальные планы, название все же было заменено на «НезерЫн шамакшы» («Голос бедняка») [Сануков, 2014, с. 12]. Связано это было с политикой большевиков в отношении крестьянства. По всей стране массово создавались комитеты бедноты. В целом производные от слова «беднота» в то время использовались повсеместно. В Москве выходила центральная газета «Беднота», а популярный советский поэт Ефим Придворов публиковал свои произведения под псевдонимом Демьян Бедный. Однако затем газету снова переименовали,

и с 11 сентября 1919 года она стала выходить под названием «Төр» («Правда»).

Первые номера издавались под редакторством В.А. Мухина. С 17 августа за подписью Н.В. Игнатьева. Однако фактически редактором он стал гораздо раньше, так как еще 4 апреля был назначен ответственным за цензурирование газеты [Р-627. Оп. 1. Д. 22. Л. 25]. Большой вклад в издание газеты внес его друг детства П.С. Шорин. Порфирий Спиридонович больше занимался финансовыми и организационными вопросами, переводил материалы столичной и губернской прессы. За авторством Никона Васильевича публиковались стихи, фельетоны, очерки. Постепенно к ним присоединились и другие авторы, которые стали активно помогать в работе: С.Г. Гаврилов, О.А. Кольцова, Д.П. Федоров, В.С. Шорин [Сануков, 2004, с. 13].

Уже в первые месяцы обнажилась главная проблема в издании газеты. Значительная удаленность от района с проживанием горных марийцев не позволяла редакции оперативно реагировать на все важнейшие события в жизни уезда. Именно поэтому горномарийские коммунисты стали поднимать вопрос о переезде редакции в Козьмодемьянск, тем более что в городе имелась типография. Для проработки данной инициативы 16 июля 1919 года отдел мари принял решение командировать Н.В. Игнатьева в Козьмодемьянск [Р-627. Оп. 1. Д. 39. Л. 19]. Однако осуществить задуманное оказалось не просто. По приезде в город 12 августа 1919 года уездный комитет партии вынес постановление о создании горномарийского издательства и оказании содействия в решении данного вопроса [Сергеев, 1971, с. 59]. Несмотря на это, как утверждал Н.В. Игнатьев, никаких конкретных мер принято не было. Советские учреждения и ответственные работники не оказали должной поддержки. Жилищный комитет предоставлял помещение для редакции в «скверных» условиях, без мебели и на окраине города. Ссылаясь на отсутствие технической возможности, отказывалась набирать газету местная типография. Ее сотрудники требовали использовать свои краски и освещение, а также подыскать наборщиков. Вспоминая позднее поездку, Никон Васильевич с горечью писал: «Это, конечно, был отказ со стороны

советских учреждений Козьмодемьянска. Они не считались, что газета горных мари обслуживает сотысячную массу. Они не знали, что отнимали путеводителя к идеалу коммунизма...» [Р-627. Оп. 1. Д. 39. Л. 33].

Вернувшись в Казань и доложив 21 сентября 1919 года о результатах поездки, отделу мари не осталось ничего другого как продолжить издание «Төр» в Казани [Р-627. Оп. 1. Д. 39. Л. 33]. Снова вернуться к данному вопросу марийских коммунистов подтолкнуло тяжелое положение, сложившееся в Казани. Острый дефицит бумаги, отсутствие полиграфистов и перенос центральной типографии в другое здание привели к тому, что «Йошкар кече» и «Төр» с декабря 1919 по январь 1920 года перестали издаваться. Трудности возникли и в кадровом составе отдела мари. Так, из 40 сотрудников работу продолжали не более 10, остальные были командированы в политотделы Красной армии, либо в районы, освобожденные от белогвардейцев для восстановления партийной работы [Р-627. Оп. 1. Д. 39. Л. 26].

За организацию горномарийского издательства в Козьмодемьянске выступила член отдела мари О.А. Кольцова. Вернувшись из Козьмодемьянска, она рассказала о низком уровне просветительской работы в уезде. Местные жители жаловались ей об отсутствии литературы на родном языке, а в некоторых волостях газету «Төр» видели всего два-три раза [Сануков, 2004, с. 17]. Сложив все эти доводы, отдел мари 11 января 1920 года постановил перевезти редакцию [Р-627. Оп. 1. Д. 40. Л. 8]. Уже через день, 13 января, Н.В. Игнатьев снова выехал в Козьмодемьянск. Проведя там около полумесяца и переговорив с местными работниками, он получил полную поддержку в этом вопросе от председателя уездного комитета РКП(б) А.В. Григорьева. После этого дело сдвинулось с мертвой точки. А.В. Григорьев 17 февраля дал указание осуществить перевозку марийских шрифтов из Казани [Сануков, 2014, 17].

Несмотря на усилия, дело продвигалось медленно. Из-за приготовлений, связанных с переездом, «Төр» издавалась с перебоями. За период с 1 января по 1 апреля 1920 года на горномарийском языке вышло лишь восемь

номеров стенной газеты «Йошкар увер» [Р-627. Оп. 1. Д. 43. Л. 152]. Обращаясь 1 марта 1920 года к президиуму Казанского губернского исполкома, Н.В. Игнатьев вновь поднял вопрос, заявив, что оставление редакции нанесет горным марицам огромный ущерб в смысле политического руководства ими: «Существуя в Казани, будучи оторванной от своего центра, газета мари не достигает своей намеченной цели. А таковая необходима, нужно руководить массой. Горные мари слишком отстали от политической жизни. Идея коммунизма не ясна для них. В таком положении, безусловно, оставить их – преступление. Кулачество может спровоцировать таковую отсталую массу. Это кажется и сейчас заметно. Население настроено против сдачи продовольствия и т.д. А между тем горные мари более чем кто-либо близки по своему экономическому положению к коммунизму» [Р-627. Оп. 1. Д. 54. Л. 22].

Горномарийская редакция в Козьмодемьянск была переведена в апреле 1920 года, но из-за большого количества затруднений наладить издание на новом месте долгое время не удавалось. По-прежнему не оказывали содействия местные органы, которые, как замечал Н.В. Игнатьев, как будто бы хотели газету погубить, не давая подходящего помещения. Редакция вынуждена была перемещаться с места на место, одно время даже и вовсе оказалась фактически на улице, так как ее комнату занял комитет молодежи. После этого пришлось занять бывшую булочную с низким провисшим потолком, где не было мебели, а вместо нее журналисты приспособивали тюки с газетной бумагой [Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 27].

Большой проблемой являлось отсутствие наборщика, так как с доставленным из Казани мариным шрифтом некому было работать. Никон Васильевич писал, что можно было бы взять девушку или юношу из числа мари и обучить этому делу, но типография никак не соглашалась выделить место хотя бы для одного наборщика, ссылаясь на то, что их штат заполнен. Таким образом иногда редактору приходилось самому набирать газету [Сануков, 2004, с. 20–21].

Главным препятствием было отсутствие газетных кадров. Работников с журналистским образованием и владеющих мариным языком еще не было. Так, первым марицем, окончившим Государственный институт

журналистики, станет во второй половине 1920-х годов молодой комсомолец В.А. Фавстов. Необходимы были образованные, умеющие грамотно писать люди, но многие из них были заняты другой работой либо находились в армии. Зная об этом и о скором переводе редакции, Козьмодемьянский комитет партии еще в феврале 1920 года озаботился вопросом подготовки газетчиков, предложив найти двух способных товарищей для отправки их на трехмесячные курсы литературы и журналистики в Казанское губернское отделение Российского Телеграфного Агентства (РОСТА). Особо обращая внимание на важность, комитет указывал, что командированным будет предоставлено денежное содержание, социальное обеспечение и общежитие [Ф. 4. Оп. 1. Д. 43. Л. 85]. Однако даже с поиском подходящих учеников возникли сложности. Спустя месяц в телеграмме, адресованной уездному комитету партии, было указано, что удалось найти лишь одного товарища – Ивана Смирнова, и кроме него отправить было совершенно некого [Ф. 4. Оп. 1. Д. 43. Л. 114].

Попытки найти журналиста предпринимало и издательство мари в Казани. Его заведующий Л.В. Васильев 26 апреля писал, что горномарийская редакция находится в безвыходном положении, так как большинство способных к газетной работе состоят на военной службе. В связи с этим он обращался в штаб запасной армии с просьбой перевести В.С. Шорина на службу в Козьмодемьянск, где он смог бы помогать с изданием газеты [Р-627. Оп. 1. Д. 43. Л. 41]. Поиском занимался и сам редактор «Төр». Выступая на первом совещании горномарийских коммунистов 4 мая 1920 года, он говорил, что для поднятия издательства необходимы кадры работников, как в редакции, так и в деревне. Обсуждая этот вопрос, совещание приняло решение пригласить на работу в газету О.А. Кольцову, П.Л. Аксанкина и Кушакова [Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 63.].

Неохотно принимала участие местная интеллигенция, о чем с досадой писал Н.В. Игнатьев: «Марицкий народ, следует отметить, очень беден интеллигенцией, а тем более журналистами. Безусловно, подготовить не так трудно на это поприще, но нет подходящих свободных товарищей. Все заняты, мобилизованы в другие учреждения. Возможно,

некоторые интеллигенты просто игнорируют свою газету и не желают пачкаться, работая в ней...» [Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 27].

Из-за огромного количества проблем с момента переезда редакции в апреле до 1 июня удалось выпустить всего два номера «Төр». Однако, благодаря настойчивости Н.В. Игнатьева, постепенно все же смогли наладить регулярный выпуск. В докладе отделу мари в Казани 8 июня 1920 года он писал, что из-за неаккуратного выхода газета до сих пор была не известна всем горным марицам, но теперь быстро завоевывает популярность: «Сталкиваясь со многими горными мари, мне удалось установить бесценный факт, а именно: горномарийская газета стала и все более и более становится популярной среди обслуживаемого им населения. Никакая русская газета до сего времени не имела среди него такой симпатии. Нет, чтобы какой грамотей не читывал ее. Женщины, дети, старики, все с жадностью набрасываются на нее. Один крестьянин мари говорит, что любой голод перенесется легче, чем «газетный голод» [Р-627. Оп. 1. Д. 41. Л. 27].

Помимо «Төр» в Козьмодемьянске с 13 февраля по 3 июля 1920 года уездным отделением РОСТА было выпущено 13 номеров стенной газеты «Красный труд». Первые номера выходили за подписью председателя уездного комитета РКП(б) А.В. Григорьева. Позже ее редактировал А.А. Болодурин. После образования Татарской республики и передачи Козьмодемьянского уезда в состав Нижегородской губернии с 14 номера она стала издаваться как орган местного уисполкома и укома РКП(б). Из-за бумажного кризиса «Красный труд» печатался на пожелтевшей бумаге плохого качества. С 13 номера «Красный труд» выходил уже не в формате стенной, а как полноценная газета, и печатался на двух сторонах страницы. Как и другие большевистские газеты того времени одной из главных задач ее стало информирование населения, объяснение сущности советской политики. На ее страницах можно было найти сведения о жизни уезда, постановления и распоряжения местных властей, широко освещался ход Гражданской войны. С первого номера редакция призывала население сотрудничать и сообщать о важных событиях из жизни уезда [Сергеев, 1971, с. 66].

«Красный труд» имеет особое значение в истории марийского народа. После образования Марийской автономной области в ноябре 1920 года она станет первой газетой, начавшей выпускаться на территории нового субъекта. Ее роль для того времени трудно переоценить. Через «Красный труд» областное руководство сообщало населению о всех важнейших новостях и задачах, связанных со строительством автономии. В первые месяцы после провозглашения автономии многие не понимали кто будет руководить областью, где будет столица, какие границы и многое другое. Некоторые волости с марийским населением не знали о создании области и не понимали, как присоединиться к ней. Все эти вопросы газета старалась освещать на своих страницах.

Заключение

Таким образом, накануне образования Марийской автономии в Козьмодемьянске было организовано издание русской и горномарийской газет. В Казани продолжался выпуск «Йошкар кече» на луговом наречии. После образования МАО редакцию переведут в Краснококшайск, где она продолжит работу. Еще до образования автономии на территории Марийского края стала складываться система из трех языков, которая сохранится и в последующие годы. Что касается развития Горномарийской печати, то к началу 1920-х годов она только подымалась на ноги. Не хватало кадров, в первую очередь журналистов и печатников. Кроме листовок, объявлений, воззваний, не было организовано даже издание хоть какой-то литературы и прежде всего учебников, необходимых в образовательных целях. Однако, во многом благодаря стараниям Н.В. Игнатьева, горномарийское издательство постепенно набирало силу, появлялись планы на будущее. Из документов можно увидеть, что на 1921 год в Козьмодемьянске, помимо двух газет, планировалось издание литературно-политического журнала «Йўк», а также художественной литературы. К сожалению, многие планы не удалось быстро воплотить в жизнь, помешали Гражданская война, голод и общий хозяйственный упадок. Однако именно в начале XX века были сделаны важные шаги в деле развития литературы и периодики, которые в дальнейшем позволят вывести издательскую отрасль на новый уровень.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 43.
 ГА РМЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 50.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 15.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 22.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 26.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 29.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 39.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 40.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 41.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 43.
 ГА РМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 54.
 Иванов А.А., Федяева Т.П. Крестьянское движение в Марийском крае в 1919 г. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12. № 3. С. 51–61.
 Известия Козьмодемьянского Совета Рабочих Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1918. 20 октября. № 1. С. 1.
 История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 2. История Марий Эл с 1917 года до начала XXI века. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 575 с.
 Козьмодемьянск в конце XVI – начале XX века: документы и материалы по истории города. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т., 2008. 616 с.
 Минеева Е.К. Наркомнат и становление Марийской, Мордовской, Чувашской автономных республик: исторический опыт и уроки. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т., 2007. 300 с.
 Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М.: Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.
 Муравьев А. Первая типография в Марийском крае. Козьмодемьянск, 1997. 22 с.
 Мухин А.В. К 10-летию «Йошкар-Кече» // Марийская деревня. 1928. 20 декабря. № 146 (417). С. 2.
 Романов Д.К. Да здравствуют комитеты деревенской бедноты! // Известия Козьмодемьянского Совета Рабочих Крестьянских и Красноармейских депутатов. 1918. 24 октября. № 2. С. 2.
 Сануков К.Н. Никон Игнатьев: Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2014. 64 с.
 Сергеев М.Т. Возникновение и развитие печати Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. 244 с.
 Стариков С.В. Козьмодемьянск. 1917-й: по страницам уездной газеты «Наш край» // Марийский археографический вестник. 1991. № 1. С. 29–40.

Oleg Petrov

THE DEVELOPMENT OF THE HILL MARI PRINTING IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Introduction. The issue of the printing formation in Kozmodemyansk uyezd in the 20th century is one of the most important and little-known in Mari historiography. **The article is aimed** at describing the historical stages of the Hill Mari press origin and the first local editions. **Materials and methods.** Periodicals, archival documents, as well as research materials form the basis of the study. The work is based on historical-genetic, historical-descriptive and historical-problematic methods. **Research results and discussion.** Printing in Kozmodemyansk uyezd at the beginning of the 20th century had long developed separately from the Meadow Mari printing. An important role in this process was played by the G.P. Zubkov printing house founded in the late 20th century. It laid the foundation of the Hill Mari press and contributed to the development of the literary language. The next stage began after the October Revolution. The course taken by the Bolsheviks towards the self-determination of nations and the acquisition of their territorial entities had opened wide possibilities for the development of culture and language. The People's Commissariat of Nationalities (Narkomnats) played an important role in the formation of the Hill Mari press during the Civil War. The Mari publishing house established in Kazan began to circulate party newspapers in the areas with a compact Mari population, including Kozmodemyansk. **Conclusion.** Two party newspapers were founded in Kozmodemyansk: *Töp* in Hill Mari and

Krasny Trud (Red Labor) in the Russian language due to the efforts of the Communists in the middle of the 1920s. This allowed the local authorities to circulate the press in the district soon after the formation of the Mari Autonomous Oblast.

Key words: the press, Kozmodemnyansk, Mariysky Krai, newspaper, journalism, publishing house.

REFERENCES

- Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El (GA RME). Fund 4. Description 1. Case 43.
GA RME. Fund. 4. Description 1. Case 50.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 15.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 22.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 26.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 29.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 39.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 40.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 41.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 43.
GA RME. Fund. R-627. Description 1. Case 54.
Ivanov A.A., Fedyayeva T.P. Krestyanskoe dvizhenie v Marijskom krae v 1919 g. [Peasants' movement in Mariysky Krai in 1919]. Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya. 2022, vol. 12, no. 3, pp. 51-61. (In Russian).
Izvestiya Koz'modem'yanskogo Soveta Rabochih, Krest'yanskih i Krasnoarmejskih deputatov. 1918. 20 October, no. 1, p. 1. [Proceedings of the Kozmodemyansk Soviet of Workers, Peasants and the Red Army Deputies] (In Russian).
Istoriya Marij El s drevnejshih vremen do nashih dnei. T. 2. Istoriya Marij El s 1917 goda do nachala XXI veka [The History of Mari El since 1917 to the early 21st century]. Joshkar-Ola, MarNIIYaLI, 2020. 575 p. (In Russian).
Koz'modem'yansk v konce XVI - nachale XX vekov: dokumenty i materialy po istorii goroda [Kozmodemyansk in the late 16th - early 20th centuries]. Joshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2008. 616 p. (In Russian).
Mineeva E.K. Narkomnac i stanovlenie Marijskoj, Mordovskoj, Chuvashskoj avtonomnyh respublik: istoricheskij opyt i uroki [Narkomnats and the development of the Mari, Mordovian and Chuvash republics: historical experience and lessons]. Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyj universitet, 2007. 300 p. (In Russian).
Molchanov L.A. Gazetnaya pressa Rossii v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny (okt. 1917-1920 gg.) [The Russian press during the Revolution and the Civil War (Oct. 1917-1920)]. Moskow, Izdatprofpress, 2002. 272 p. (In Russian).
Murav'ev A. Pervaya tipografiya v Marijskom krae [The first publishing house in Mariysky krae]. Koz'modem'yansk, 1997. 22 p. (In Russian).
Muhin A.V. K 10-letiyu «Joshkar-Keche» [The *Yoshkar-Keche* 10th anniversary]. Marijskaya derevnya. 1928, 20 December, no. 146 (417), p. 2. (In Russian).
Romanov D.K. Da zdravstvuyut komitety derevenskoj bednoty! // Izvestiya Koz'modem'yanskogo Soveta Rabochih Krest'yanskih i Krasnoarmejskih deputatov. 1918, 24 October, no. 2, p. 2 [Proceedings of the Kozmodemyansk Soviet of Workers, Peasants and the Red Army Deputies]. (In Russian).
Sanukov K.N. Nikon Ignat'ev: Ocherk zhizni i deyatelnosti [Nikon Ignatyev's life and work]. Joshkar-Ola, Marijskoe kniznoe izdate'vo, 2014. 64 p. (In Russian).
Sergeev M.T. Vozniknovenie i razvitie pechati Marijskoj ASSR [Origin and development of the press in the Mari ASSR]. Joshkar-Ola, Marijskoe kniznoe izdate'vo, 1971. 244 p. (In Russian).
Starikov S.V. Koz'modem'yansk. 1917: po stranitsam uezdnoj gazety «nash kraj» [*Nash Krai* - the uyezd newspaper] // Marijskij arheograficheskij vestnik. 1991, no. 1, pp. 29-40. (In Russian).

Петров Олег Михайлович
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: petrovom@mail.ru

Oleg Petrov
Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: petrovom@mail.ru

УДК 94(470.343)

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-122-140

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МАРИ И РУССКИМИ В XVII ВЕКЕ

© 2023 г. С.К. Свечников

Введение. Проблема марийско-русских этнических связей и контактов в XVII веке является одной из самых важных, интересных, поскольку в это время происходил начальный этап процесса интеграции марийцев в формирующееся многонациональное Российское государство. **Цель статьи** – выявить и проанализировать особенности контактов между мари и русскими в XVII веке. **Материалы и методы.** Статья написана на основе широкого круга письменных источников, материалов фольклора, лингвистики. **Методы исследования:** конкретно-исторический, сравнительно-исторический, ретроспективный. **Результаты исследования, обсуждение.** В статье рассматриваются особенности марийско-русских этнических взаимоотношений в XVII веке в контексте русской колонизации Среднего Поволжья. Показано, что контакты между марийцами и русскими не носили тесного, постоянного и систематического характера. **Заключение.** На территории Среднего Поволжья в XVII веке была приблизительно равная численность марийского и русского населения, что свидетельствует о быстрых темпах русской колонизации этого региона с момента вхождения Казанского края в состав России. Вместе с тем из соображения безопасности основная часть русского населения была сконцентрирована в городах и вокруг них, проникновение туда марийцев и других представителей нерусских народов Поволжья было ограничено законами и устоявшейся практикой. Марийско-русские контакты развивались преимущественно в рамках пяти направлений: система управления, поземельные конфликты и споры, внутренняя торговля, военное дело (включая восстания), конфессиональная сфера, но вследствие навязывания малопроницаемых межэтнических границ интенсивность этого процесса была незначительной.

Ключевые слова: марийцы; черемисы; русские; колонизация; этнические контакты; этническая сегрегация.

Введение

Проблема марийско-русских этнических связей и контактов в XVII веке является одной из самых важных, интересных, поскольку в это время происходил начальный этап процесса интеграции марийцев в формирующееся многонациональное Российское государство. Многие аспекты данного вопроса уже получили освещение в литературе [Галямов, 2001; Иванов, 2004; Козлова, 1971; Kappeler, 1982]. Вместе с тем необходимо обобщить накопленный материал, осмыслить обозначенную проблему в целом.

С присоединением Среднего Поволжья к Русскому государству и подавлением черемисских войн второй половины XVI века

возникли условия для русской колонизации в Марийском крае, которая проводилась целенаправленно на государственном уровне. При этом преследовались две основные цели. Первая (приоритетная), политическая, цель заключалась в создании в лице русского населения (служилых, посадских людей, православного духовенства, крестьянства) надежной опоры правительства непосредственно на завоёванной территории, чтобы тем самым окончательно закрепить ее за Россией (на протяжении всего XVII века население городов Марийского края, за редким исключением, было представлено только русскими). Вторая (вспомогательная), экономическая, цель состояла в хозяйственном освоении новых земель,

получении с них дополнительного дохода в государственную казну.

Цель статьи – выявить и проанализировать особенности контактов между мари и русскими в XVII веке.

Материалы и методы

В работе использован широкий круг опубликованных источников, в первую очередь актовая и делопроизводственная документация, законодательные акты, сочинения иностранцев, а также фольклорно-этнографические сведения, лингвистические материалы. Применены методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический для выяснения исторической последовательности и синхронизации фактов, ретроспективный в целях восполнения недостающей информации в имеющихся источниках.

Результаты исследования, обсуждения

Главным опорным пунктом колонизации не только Марийского края, но и всего Средневожского региона была Казань. Первые русские селения появились в непосредственных окрестностях города Казани сразу же после присоединения Среднего Поволжья к России. Вследствие того, что в крае освободились земли, ранее принадлежавшие представителям феодалской знати Казанского ханства, убитым во время сражений или бежавшим после военных поражений, в интересах царской власти было скорее заселить их русскими переселенцами. Новые русские селения располагались в радиусе 30–40 км от бывшей столицы поверженного ханства, в том числе на территории Алатской, Арской и Галицкой дорог, где проживало значительное марийское население. Из-за длительного и ожесточенного антимосковского повстанческого движения, известного под названием «черемисские войны», освоение русским населением Марийского Поволжья началось лишь в последней четверти XVI века. Очагами колонизации стали города-крепости, возведенные непосредственно в населённых марийцами районах: Кокшайск (1574), Козьмодемьянск (1583), Царевококшайск (1584), Царевосанчурск (1585), Малмыж (1580-е), Ядрин (1590), Яранск (1591), Уржум (1595) [Димитриев, 1986, с. 107; Полтыш ... , 2003, с. 77, 211, 256–257, 265–266; Разрядная ... , 1974, с. 106–107, 195, 211; Разрядная ... , 1982, с. 368; 1987,

с. 47, 64–65; Тихомиров, 1979, с. 230–231]. При основании крепостей всё окрестное марийское население выселялось. В частности, во время строительства Козьмодемьянска по указу царя Федора Иоанновича «татаровя и черемиса для тесноты русских людей от города отведены житьем за десеть верст» [Айплатов, Иванов, 2000, с. 73]. По словам уржумских марийцев, «как де поставили город Уржум воевода Владимир Головин да Семен Яропкин, и деревни де Сарды у черемисы пахотные земли и санные покосы отошли все под город и под городовые поля» [Замятин, 1913, с. 21]. Под город Ядрин забрали землю «у черемисы у Алдеяра Агичева с товарищи» [АФЗХ, 1961, с. 109]. Царевококшайск поставлен «в большой волости в Тутаеве, от которой все воровство ставалось» [Карамзин, 1824, с. 15, примеч. 30]. Согласно преданиям, Малмыж построен на месте бывшей одноименной крепости марийского князя Болтуша (Полтыша), а все её прежние жители основали новое поселение Черемисский Малмыж (Мари-Малмыж) в 11 км к юго-востоку от разрушенного и покинутого городка [Полтыш ... , 2003, с. 76, 138, 211, 228–229, 231, 249, 373, 385].

Каждая из этих городов-крепостей имела воинский гарнизон, готовый при первой необходимости выступить против антиправительственных восстаний. Как правило, новые города становились административным центром уезда (за исключением Малмыжа, имевшего статус пригорода Казани) во главе с воеводой и подчиненной ему канцелярией («приказной (съезжей) избой»). Помимо военно-административных функций многие города по мере появления и роста посадского населения начинали выполнять и экономические функции. Однако посадки возникали не у всех городов. Многое зависело от безопасности, хозяйственной освоённости заселяемой местности, удобства в географическом, транспортном, природно-климатическом и почвенно-биологическом отношениях. В силу ряда неблагоприятных условий не имел посада Кокшайск (низинная часть постоянно затапливалась вешними водами, также в этой местности преобладала неплодородная рыхлопесчаная почва, имела место не очень успешная конкуренция с близлежащими правобережными поселениями

(город Чебоксары, село Сундырь с многочисленными слободами и починками). В XVII веке здесь проживали только служилые люди – подьячие, дети боярские, стрельцы, иноземцы, пушкарки, воротники, затынщики, толмачи, тарханы. В 1637 году их насчитывалось 132 чел., а в 1663 году – только 115 [Айплатов, 2009, с. 46]. Вместе с тем в таком городе, как Ядрин, посадские люди имелись уже в 1595 году, то есть через пять лет после основания города [АФЗХ, 1961, с. 55]. При этом служилых людей в Ядрине в первой половине XVII века насчитывалось около 200 чел., а в 1681 году их было только 95, в то же время количество посадских людей неуклонно росло: от 111 чел. м.п. в 1638 году до 426 чел. м.п. в 1678 году [Дмитриев, 1986, с. 26, 32]. Аналогичная тенденция наблюдалась и в других

городах Среднего Поволжья, которые к концу XVII века перестали служить передовыми опорными пунктами на рубежах Русского государства, передвинувшихся теперь далеко на юг и восток. Из «служилых» городов они превращались в уездные города «смешанного» типа с преобладающей хозяйственно-производственной деятельностью населения [Иванов, 2011, с. 328]. Вокруг городов возникали русские сельские поселения – починки, сёла, деревни. Картину масштабной русской колонизации дополняли монастыри, архиерейские владения, поместья служилых людей.

В последней четверти XVII века русское тяглое население в пределах территории расселения марийцев было уже достаточно многочисленным, о чем можно судить по приведенной ниже таблице:

Численность русского тяглового населения на территории, населенной марийцами, в 1678 году (дворов) [ДАИ, т. 8, 1862, с. 129–131]

Города и уезды	Посады	Церковные вотчины	Помещичьи имения	Дворцовые волости	Всего
Васильгород	193				193
Казань (с пригородами)	1717				1717
Казанский уезд		2972	3372	4790	11 134
Козьмодемьянск	342				342
Козьмодемьянский уезд		175	310		485
Кокшайский уезд		164	57		221
Уржум	58				58
Уржумский уезд		121	3	51	175
Царевококшайск	76				76
Царевококшайский уезд		21	79	220	320
Царевосанчурск	48				48
Царевосанчурский уезд		5	560		565
Ядрин	147				147
Ядринский уезд			30		30
Яранск	62				62
Яранский уезд		71	10	385	466
ИТОГО	2643	3529	4421	5446	16 039

Если исходить из точно доказанного коэффициента населенности 4–6 чел. обоого пола на один крестьянский двор и 3 чел. – на один посадский [Очерки ... , 2022, с. 90], то получается, что на территории, населенной марийцами, в 1678 году проживало от 60 до 90 тыс. чел. русского тяглового населения.

Служилых русских людей было на порядок меньше, чем тяглых. В частности, в 1663 году

в Казани и её пригородах их насчитывалось (за вычетом иноземцев, новокрещенов, тарханов, черемисских сотников и пятидесятников, служилых татар и мурз) 4498 чел. м.п., в Козьмодемьянске – 299, Кокшайске – 115, Уржуме – 134, Царевококшайске – 202, Царевосанчурске – 159, Ядрине – 123, Яранске – 210 [Веселовский, 1911, с. 44–48] (всего 5750 чел. м.п. или 12–15 тыс. чел. обоого пола).

Если добавить к этому еще несколько тысяч представителей русского православного духовенства, подьячих, «гуляющих людей» и др., то можно говорить практически о 100-тысячном русском населении, проживавшем во второй половине XVII века рядом с марицами. Это значит, что в марицких и смежных землях их было почти столько же, сколько и марицев: по подсчётам Г.Н. Айплатова, в 1670–1680-х годах численность марицкого ясачного населения составляла 110–120 тыс. чел. [Айплатов, 1965, л. 72]. Представителей служилого марицкого населения (новокрещенов, тарханов, сотников, пятидесятников) в 1663 году было не более 500 чел. м.п. [Веселовский, 1911, с. 44–48] (очевидно, в это число входят и другие народы Поволжья (татары, чуваша, удмурты, мордва), поскольку в документах того времени практически не отражена этническая принадлежность нерусских служилых людей).

Вместе с тем почти всё русское население Марицкого Поволжья в XVII веке было сконцентрировано в городах и вокруг них, в то время как марицам запрещалось жить в городах и в непосредственной близости к ним. Более того, марицам и представителям нерусского населения Поволжья из соображения безопасности даже запрещалось въезжать в города без разрешения властей и оставаться там на ночь [Чернышев, 2020б, с. 417]. На подступах к пригородным русским сёлам и деревням (например, у деревни Княжна близ Царевококшайска) в целях безопасности на случай нападения окрестного марицкого населения устраивали засеки [Документы и материалы ... , 1950, с. 185]. Близ городов разрешалось селиться только крещёным марицам («новокрещенам»). Попытки некрещёных марицев нарушить запрет на заселение пригородной территории жёстко пресекались. В частности, когда в 1654 году горные марицы построили несколько изб в 5 верстах от Козьмодемьянска возле Спасо-Юнгинского монастыря, было «велено их с тое монастырские земли сослать в Синбирской», однако, не дожидаясь насильственного выселения, «они с тое земли сошли жить на иную землю» [Айплатов, Иванов, 2000, с. 73]. Вследствие навязывания таких жёстких, резких межэтнических границ марицко-русские контакты не могли носить

в XVII веке тесного, постоянного и систематического характера.

Взаимоотношения между марицами и русскими в XVII веке развивались преимущественно в рамках пяти направлений: 1) система управления, 2) поземельные конфликты и споры, 3) внутренняя торговля, 4) военное дело, 5) конфессиональная сфера.

Известно, что для централизованного управления Казанским краем, куда входили и марицкие земли, в Москве был создан приказ Казанского дворца. На местах (в уездах) была создана подчиненная ему воеводская система управления. Её возглавляли назначенные царём воеводы, опиравшиеся на управленческий аппарат, состоявший из русских служилых людей. К управлению в низших звеньях привлекались нерусские служилые люди и выборные лица из ясачного населения.

Главной задачей уездной воеводской власти было обеспечение безопасности, социально-политической стабильности в крае. В наказах воеводам строго предписывалось «беречь того накрепко, чтоб в русских людех, в татарех, чуваше, черемисе и вотякех не было измены, шатости и воровские смуты». Для этого воеводы обязаны были организовать систему тайной слежки среди местных народов, применять ряд запретительно-карательных и предупредительно-предохранительных мер. Они использовали из приказных людей – толмачей и приставов, выборных лиц общинного самоуправления – сотников и старост, а также асламчеев (нерусских торговцев) и черемисских ябедников-коштанов (прослойки сельских заправил, являвшихся посредниками между крестьянской ясачной общиной и воеводским управлением). Подозреваемых в «измене и шатости» арестовывали и тайно приводили в уездные города, где бросали в тюрьму и пытали «накрепко». Воевода обязан был арестовывать и наказывать всех лиц, нарушавших законы; подвергнуть проверке пришлых людей, участвовать в поимке беглых людей и возврате их на прежнее местожительство. Использование традиционного для Поволжья того времени института заложников-аманатов из числа авторитетных ясачных марицев (для этого в городах создавались специальные «аманатные дворы») призвано было обеспечить послушное поведение

общинников и исправное несение податей и повинностей. Согласно наказам, воеводы всячески должны были выискивать нарушителей из числа нерусских людей, занимающихся кузнечным и серебряным делом, производством оружия и подвергать их наказанию.

Вместе с тем воеводы должны были не допускать того, чтобы русские феодалы, купцы, приказные служители закабалили ясачных людей и превращали в своих крепостных крестьян и дворовых людей, тем самым защищать государственные интересы и обеспечить меры предупреждения социальных протестов. За исполнение судебных функций воеводе предлагалось взиматься с судных дел «с русских людей с рубля по гривне да пересуду и правого десятка по семи алтын по две денги, а черемисы против того вполь». Наказы требовали, чтобы воевода и приказные люди судили и чинили управу «безволокидно в правду», чтобы воевода по «дружбе по посулам» не норовил, «а по недружбе» не мстил. В наказах постоянно выступает требование ко всем воеводам, военным, дворянам, детям боярским, приказным служителям, сборщикам податей, тарханам, служилым новокрещенам, ябедникам и коштанам из нерусских народов «не жесточить ясачных людей», «держатъ ясака и привет, и береженье» к ним, не взыскивать с них незаконные сборы, не брать с них «посулов и поминок». Однако эти грозные требования чаще всего нарушались воеводской властью. Не случайно в период Разинского восстания 1670–1671 годов именно воеводская приказная изба в первую очередь подвергалась нападению со стороны местных восставших людей [Иванов, 2000, с. 19–22; История Марий Эл ... , 2020, с. 101–104].

Одной из основных забот уездных воевод являлся сбор налогов. Наибольшая величина взимавшихся ежегодно окладных сборов приходилась на ясачные платежи марийского податного населения. Обычно ясак в марийской деревне взимали рожью, пшеницей, ячменью, овсом и деньгами, а оброчные платежи за обладание промысловыми угодьями – больше всего мёдом и пушниной. Ясачные сборы в марийских волостях производились приказными людьми воеводской съезжей избы под охраной стрелецких отрядов и нередко сопровождалась

всевозможными злоупотреблениями. В связи с этим в 1671 году, после подавления разинского движения, указом царя Алексея Михайловича воеводам запретили направлять в ясачные волости дворян, детей боярских и подьячих. «Ясачные всякие зборы» отныне должны были собирать выборные из числа самих марийцев «лучших и пожиточных людей», утвержденные в этой должности воеводской властью. Воеводы отвечали за составление и достоверность сведений о ясачных дворах, фиксируемых подьячими и писцами в «ясачных окладных книгах» и других фискально-податных документах (писцовые, переписные книги и т.п.). Для увеличения количества налогоплательщиков воеводам предписывалось «в черемиских деревнях новоприбыльных ясачных людей черемису выискивати... и тех новоприбыльных ясачных людей велети в оброчные, в ясачные книги писати имянно», и сборщикам платежи «на них положить, смотря по их прожитком и по промыслом». Обнаруженных ясачных беглых людей из других уездов следовало выслать на прежнее местожительство, иначе говоря, нормы крепостного права распространялись и на марийских ясачных крестьян. На воеводах же лежала обязанность организовать исполнение ряда повинностей: постройка и починка городских и крепостных сооружений, съезжей избы, таможенных и кабацких дворов, ремонт и починка дорог, мостов, направление «конной черемисы» подведомственного уезда на военную службу и другие вопросы [Иванов, 2000, с. 22–23].

Следует подчеркнуть, что в XVII веке государственные платежи, налагаемые на ясачных людей, были в целом ниже, чем на русских помещичьих, дворцовых, монастырских, черносозных крестьян [Kappeler, 1982, S. 201]. Однако на практике представители власти постоянно пользовались незнанием многими марийцами и другими народами Поволжья русского языка, правовых норм, их незащищенностью в целях своего личного обогащения. Следовательно, нерусское тяглое население было более угнетено, нежели русское. Например, в грамоте ядринскому воеводе М. Стрелкалову от 1677 года сообщается: «Ведомо нам великому государю учинилось, что в низовых городах ходят в съезжих избах вместо

приставов, для толмачества, всяких чинов многие люди, без нашего великого государя указа, собою, и в уезды ездят и из уездов ясашную черемису, взяв из домов их, привозят к себе на дворы и держат их у себя в домах в чепях и в железах и морят голодом, и которые ясашные люди дают большие откупы, и тех свободяют, а которым откупитца нечем, и те у них в домах помирают; а на иных ясашных людей емлют те толмачи писма в больших долгах безденежно, и тех ясашных людей держат у себя в домах в закладех, во всякой работе, с женами и с детьми, многие годы и мучают всякими муками...» [ДАИ, т. 7, 1859, с. 171–172]. Не менее показательным является высказывание Ивана Посошкова о мордве первой четверти XVIII века, которое можно отнести как к другим народам Среднего Поволжья, так и к ситуации предыдущего столетия: «... к ним паче русских деревень, приезжие солдаты и приставы и подьячия, овогда с указом, овогда ж и без указа, и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всяк их избобажает и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают и правеем правят» [Посошков, 2010, с. 163].

Важным фактором стабильности являлось разрешение многочисленных поземельных споров между различными землевладельцами, в которых участвовал и воевода. Воевода должен был добиваться того, чтобы требование закона о запрете расхищения ясачных земель русскими помещиками, монастырями и приказными людьми было нерушимым. На самом деле, как показывают материалы многолетнего поземельного спора между Спасо-Юнгинским монастырем и ясачными марицами Акпарсовой сотни Козьмодемьянского уезда, воеводская власть чаще всего оказывалась на стороне русских феодалов [Айплатов, Иванов, 2000, с. 14–34; Иванов, 2000, с. 21]. Активно присваивали себе ясачные марицкие земли на Вятке Успенский Трифонов и Уржумский Спасский Цепочкин монастыри. Между этими монастырями и вятскими марицами велась длительная борьба за обладание различными угодьями; верх обычно держали старцы обителей [Козлова, 1971, с. 223–224; Коробов, 1956, с. 38–42]. В Поветлужье марицкие земли захватывал Макарьевский Унженский

монастырь. Ветлужские марицы в 1667 году в челобитной на имя царя Алексея Михайловича писали, что монастырские люди «бьют и увечат и всякое поругание чинят и стреляют по ним из ружья», а старцы Варлам и Гурей «з братею и со крестьяны» завладели ясачными землями, санными покосами, бортными угодьями, рыбными ловлями, бобровыми гонами на левых притоках Ветлуги – Вае, Вахтане, Какше, Нелидовке, Усте [Крестьяне ... , 1931, с. 324]. В Казанском уезде на месте марицких святилищ были основаны Раифский и Седмиозёрский пустыни [Перетяткович, 1882, с. 102–103]. На ясачной земле некрещенных марицев Мананской волости была основана в 1647 году Царевококшайская Мироносицкая пустынь. Она была воздвигнута на месте древнего марицкого святилища вблизи целебного источника. На постройку монастыря на своей земле марицы ответили тем, что неоднократно пытались «монастырь запустошить», вернуть утраченные общинные земли, а также устраивали свои моления под монастырскими стенами, проводили народные праздники с игрой на музыкальных инструментах – «в роги и в пузыри» (пуч, шўвыр) [Иванов, 2011, с. 289, 292–293]. За это часть марицев, живших близ монастыря, была переведена из Царевококшайского в Казанский уезд, а их земли были приписаны Мироносицкой пустыни [Айплатов, 1965, л. 287–288]. Увеличивались за счет марицких земель также владения Варнавинского монастыря и Воздвиженской пустыни на Ветлуге, Суздальского митрополита, Чебоксарского Троицкого монастыря, Чернозерской пустыни в Козьмодемьянском уезде, Новодевичьего и Воздвиженского монастырей в Яранском уезде, Мусерской пустыни в Царевосанчурском уезде [История Марий Эл ... , 2020, с. 15]. Помимо земельных участков монастыри также захватили наиболее ценные рыболовные угодья по Волге, Ветлуге, Суре, где водились белуга, осетр, стерлядь и иные ценные виды рыб [Иванов, 2004, с. 175].

Владений светских вотчинников и помещиков в Марийском крае было немного. В середине XVII века в Поветлужье размещалась крупная вотчина стольника В.Н. Собакина; в Кокшайском, Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах имелось пять небольших

поместий помещиков и детей боярских [История Марий Эл ... , 2020, с. 122–123]. Светские феодалы тоже укрупняли свои владения за счёт марийских земель. Ветлужские марийцы в той же челобитной 1667 года указывали, что «помещиков и вотчинников Ветлужского уезду из разных волостей многие крестьяне поселились деревнями и починки на их черемисских же землях и в их угодьях и насильства де и поруганье имя всякое чинят же» [Крестьяне ... , 1931, с. 324]. Горные марийцы Теняковской и Аккозинской сотен Козьмодемьянского уезда в 1685 году жаловались, что «всякого звания люди и бояря» начали их «землю и прочие ужожи, у них черемис отымать, а их черемис из домов своих утеснять» [Никольский, 1919, с. 467].

Правда, марийцев и вообще представителей поволжских народов среди монастырских и помещичьих крестьян практически не было [Галямов, 2001, с. 117; Kappeler, 1982, S. 219]. Вместе с тем имеются сведения о нескольких «черемисских наймитах» и «купленных черемисах» в городе Казани [Материалы ... , 1932, с. 85, 91, 95; Олеарий, 2003, с. 314], то есть о холопах, лично зависимых людей марийского происхождения. В 1684 году был издан указ «О необращении никому в холопство новокрещенных, ясашных, служилых и неслужилых людей, и о наказании их, если будут проситься к кому либо в холопство» [ПСЗ, т. 2, 1830, с. 644–645]. Государство не хотело за счёт ясачных людей пополнять категорию холопов, поскольку последние не несли прямого государственного тягла.

Земельные конфликты между русскими и марийскими крестьянами были редки, и они не всегда обретали межэтнический облик [Kappeler, 1982, S. 170–171]. Один из таких примеров – земельный спор 1639 года своеобразной земляческой группировки русских посадских людей города Яранска и марийцев Яранского уезда с новоприбывшими русскими крестьянами дворцовой Кукарской слободы. Последние жаловались, что «еранские посацкие люди Баженко Коломлетин с товарищи и Еранского уезду черемиса» не пускают их селиться «и их имают и бьют и в Яранской сводят и в тюрьму мечут на долгое время и в железа куют и за приставов дают и животы их вымучивают».

Спорная земля принадлежала ясачным марийцам, но прежние владельцы «все померли, а их жон и детей не осталось». Однако за возникшие «пустоши» марийская ясачная община продолжала платить «денежной ясак и посопной хлеб» и пыталась снять с себя государственные платежи, передав пустующие земли местным русским посадским людям, но не желала поступиться ими в пользу посторонних. Землю, которые русские новоприходцы считали «пустой», то есть свободной, ничейной, марийцы рассматривали как свои «волостные пашни». Тем не менее земельный спор представителями царской власти был разрешён в пользу дворцовых крестьян [Шабалин, 1910].

Вообще, объявление земель «дикими», «пустыми», «выморочными», «покидными», «порозжими» было основным способом захвата марийских земель духовными и светскими феодалами. Марийцам только в очень редких случаях удавалось отстаивать свои владения [Айплатов, 1965, л. 290–291]. И это несмотря на то, что статья 43 главы XVI Соборного уложения 1649 года строго запрещала отчуждать ясачные земли: «А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские и всякие чинов люди учнут ... у всяких ясашных людей земли имать, сдачею, или покупать, или в заклад, или в наем на многие лета имать, или менять: и у тех всяких чинов людей ... ясашныя земли имать на государя, да им же за то от государя быти в опале» [ПСЗ, т. 1, 1830, с. 81].

В XVII веке в Марийском крае оседали беглые русские люди из различных регионов России. Приток пришлого русского населения усилился в 1650–1660-е годы в результате бегства крестьян из Костромского, Муромского, Арзамасского, Владимирского, Галичского и других уездов [Айплатов, 1991, с. 41]. При этом они нередко вновь попадали в крепостную зависимость, но теперь уже от других феодалов. Например, служилому иноземцу Григорию Кашпиреву в 1644 году в поместье была пожалована состоявшая из 13 дворов деревня Подборная (Новая Полянка, ныне Загуры) близ Царевококшайска, основанная в 1634 году «на порозжей земле» русскими беглыми крестьянами [Иванов, 2011, с. 301, 339–342]. Многие беглые скрывались в глухих лесных районах, селились или по согласию в новых починках

на территории марийских лесных угодий, или непосредственно в марийских волостях, деревнях или даже во дворах-усадебках. Марийцы принимали их в состав своих общин из соображения облегчения в уплате ясачных и иных государственных податей. Русские ясачные крестьяне землёй владели совместно с марийцами («с черемисою вместе, через полосу») и платили ясак в тех же размерах, что и марийцы [Айплатов, 1965, л. 177–180]. В результате возникла этническая чересполосица, происходило тесное соприкосновение русских новопоселенцев со старожилами марийцами. Нередко сами марийцы осваивали новые земли, причём они это часто делали совместно с русскими крестьянами. Например, согласно грамоте царя Федора Алексеевича 1681 года, из земель Успенского Трифонова монастыря в районе Вятских Полян было велено «сослать» пришлых «крестьян и всяких чинов русских людей и иноверцов черемису, Янбулатка Яналова с товарищи» [Грамоты ... , 1906, с. 180].

Но всё же в XVII веке марийцы предпочитали отступать и обособляться, нежели смешиваться с русскими. «Не следует забывать, – отмечает К.И. Козлова, – что между теми и другими существовала резкая разница в языке и религии, в традициях (собственно марийских и переданных марийцам казанско-татарским населением), в различных «земляческих» интересах и в приниженном положении «ясашной черемисы» побежденной русской Москвой» [Козлова, 1971, с. 224–225].

Некоторая часть марийского населения предпочла переселение в восточном направлении – в Прикамье и Приуралье. Так, в переписной книге волостей Галицкой дороги Казанского уезда 1678 года отмечено 10 дворов бежавших в Уфимский уезд марийцев. В 1686 году в марийских волостях Шурма, Рой, Биляморы, Рошку Уржумского уезда насчитывалось «пустых новокрещенских, черемисских и черемисских бобыльских дворов 167 мест». В Закокшайской и Чемуршинской волостях Кокшайского уезда в том же 1686 году было зафиксировано 47 пустых дворов и «полудворов» [Гареев, 1999, л. 50].

Марийско-русские контакты активно развивались в рамках торговли, хотя и здесь приходилось иметь дело со множеством

ограничений. В уездах все торговые операции контролировались воеводской властью. В наказе кокшайскому воеводе А.П. Суровцеву 1645 года предписывалось, чтобы «безъявочно б никакие люди с торгом в Кокшайский уезд не ездили, а ездили б с торгом всякие люди ево ведома, явясь в таможене с проезжими грамотами» [История Марийского края ... , 1992, с. 114]. Особое внимание уделялось продаже марийцам и другим народам Поволжья «заповедных товаров». В наказе казанским воеводам Г.И. Морозову и И.А. Хилкову 1649 года написано: «Смотрити и беречи накрепко, чтоб в Казанской уезд в чювашские и черемисские волости и в деревни торговые всякие люди заповедных всяких товаров: пансырей и шеломов, и сабель и железец стрелных, и лишних всяких товаров сверх проезжих грамот и таможенных памятей не возили, и кузнечного и серебряные снасти ни у ково б в чюваше, и в черемисе, и в вотяках не было... А железные б всякие товары: и топоры, и косы, и серпы, и уклад, и железа, и соль казанская и иных городов и уездов чюваша и черемиса покупили у всяких людей в торгу... Толко б им продавали торговые и всякие люди такие товары от невелика, чем мочно в год пробывать, а лишняго б вперед на запас никто тех заповедных товаров не покупали» [История Марийского края ... , 1992, с. 123]. Запрещалось иметь дело с «заповедными товарами» также татарским и марийским торговцам, ездившим по разным русским городам. В уставной грамоте 1633 года о сборе таможенных пошлин в г. Гороховце Нижегородского уезда указано: «Велеть тем татаром и черемисе торговати и меняти всякие товары, опричь заповедных товаров: меди, и елеса, и олова, и свинцу, и зелья пушечново и писчальноново, и серы горячие, и иных заповедных товаров» [История Марийского края ... , 1992, с. 108].

Марийцы могли продавать что-либо только после уплаты натурального и денежного ясака и только в гостином дворе, по преимуществу оптовым торговцам. Торговым людям русского происхождения запрещено было ездить по марийским волостям и торговать в них, чтобы не допустить недобора ясачных денег. Розничная торговля марийцев в городах тоже не допускалась, что обрекало их на подчинение

скупщикам, стремившимся приобрести товар по заниженным ценам. Если марийцы привозили на рынок свои товары, то, прежде всего, должны были представить все это казённым скупщикам для царской казны и по ценам, установленным правительством. Несмотря на значительные преграды, марийцы не могли обойтись без торговли продукцией собственного производства. Часть хлеба, пушнину, кожи, мясо и сало, мёд и воск, мочальные изделия, кадки и бочки, колёса и телеги необходимо было продавать, чтобы уплатить денежный ясак или оброк и купить металлические изделия, необходимые в хозяйстве. При этом марийцы часто пользовались посредничеством русских торговцев. Основными рынками для марийцев были местные: Козьмодемьянск, Чебоксары, Свияжск, Кокшайск, Царевококшайск, Царевосанчурск, Уржум и другие, а также Казань и Нижний Новгород. Марийские товары достигали через русских и татарских скупщиков более отдаленных рынков, вплоть до заграничных центров [Айплатов, 1971; Чернышев, 2020а, с. 155–157; 2020б, с. 436–437].

Вероятно, служилым марийцам, привлекаемым на воинскую службу, приходилось под контролем властей закупать оружие (саадачный набор (лук, стрелы, колчан, налуч, портупею), сабли, копья, ножи и др.) у русских ремесленников и торговцев. Ясачные люди для участия в военных действиях, возможно, снабжались вооружением из казённых арсеналов [Бахтин, Соколов, 2021, с. 87; Илюшин, 2021, с. 81–84]. На ратную службу, в первую очередь, привлекали служивших «с земли» марийских тарханов, новокрещен, сотников, пятидесятников, а также ясачных людей (одного человека с трёх дворов) [История Марий Эл ... , 2020, с. 112–114]. В ряде источников также упоминаются «служилые черемисины» [ДПП, 1994, с. 425; Книга строельная ... , 1897, с. 73].

Привлечение марийцев и представителей других народов Среднего Поволжья к участию в войнах России с другими государствами эпизодически происходило ещё в период их нахождения в составе Казанского ханства [Свечников, 2014, с. 150]. С вхождением в состав России призывать марийских воинов в ряды царских войск стали регулярно. Во время

Ливонской войны (1558–1583) черемисы (как правило, это было несколько сотен человек) во всех упоминаемых случаях числились в Переводном полку. При этом они держались обособленно, но во главе марийских отрядов были головы из числа русских служилых людей [Илюшин, 2021, с. 144].

В Смутное время марийскими отрядами тоже нередко руководили русские люди; при этом марийские воины находились в рядах и правительственных войск, и противостоявших им «воровских людей»; вместе с тем нет достоверных сведений об участии марийцев в Первом и Втором народных ополчениях. В 1614–1618 годах, когда государство остро нуждалось в служилых людях, марийцы и другие народы Среднего Поволжья массово призывались в состав царских полков. В ряде военных кампаний они составляли от 30 до 78 % войска. Марийские, мордовские, чувашские ратники сталкивались в боях с поляками, литовцами, украинскими казаками, крымскими татарами, ногайцами, русскими «ворами» и «заворовавшими» соплеменниками. Можно считать, что 1614–1618 годы были временем наибольшего военного значения марийцев в военной истории России [Илюшин, 2021, с. 147–160]. Это было замечено и в Западной Европе. В частности, английский дипломат Джером Горсей, повествуя об окончании Смутных времен, отмечал, что основная заслуга в освобождении России от врагов принадлежит черемисам и другим нерусским народам: «Собравшись в большое войско, они напали на поляков и поставили их в опасное положение: грабили, убивали и истребляли их, заставив поспешно бежать с тем, что они успели награбить и захватить. Так они очистили всю страну» [Горсей, 1990, с. 138].

Правда, не обходилось и без серьёзных осложнений, обусловленных унаследованными с прошлого века противоречиями. В частности, в 1615 году, узнав о сборе обременительной пятинны с ясачных людей, все казанские ратники ушли с поля сражения против польского войска Александра Лисовского близ города Орла. Самовольно вернувшись в свои края, они развернули повстанческое движение, известное под названиями: «Восстание против пятинных денег», «Еналеевщина», «Татарская война». Оно

проходило в 1615–1616 годах, охватило помимо Поволжья и Приуралья, но было достаточно быстро (в течение трёх месяцев) подавлено военными гарнизонами городов Казанской земли и верными правительству нерусскими служилыми людьми (прежде всего, служилыми татарами). Это восстание носило не только антифеодальный, но и национально-освободительный характер, во многом напоминая Черемисские войны второй половины XVI века. Повстанцы, в отличие от предыдущих вооружённых выступлений эпохи Смуты, были представлены только нерусским населением Поволжья, причём восставшие опустошали поместья русских дворян, нападали на русских крестьян [Димитриев, 1986, с. 219–229; Лисейцев, 2020]. По всей видимости, именно в этой среде спустя 20 лет – в 1635 году – возникло послание к крымскому хану и османскому султану, где содержалась просьба к правителям крупных тюрко-мусульманских государств направить в Среднее Поволжье большое войско в целях воссоздания Казанского ханства, а в качестве союзников назывались «словые черемисы» – 40 тыс. домов, «горные чувашы» – 20 тыс. домов, «иштяк-башкиры» – 10 тыс. домов, «ары» – 15 тыс. домов [Измайлов, 2014].

В период после Смуты военное значение марийских ратников заметно снизилось. Основную роль в вооружённых силах России на фоне кризиса дворянского ополчения и стрелецкого войска стали играть полки «нового (иноземного) строя» (рейтарские, драгунские и солдатские полки). В числе других народов Среднего Поволжья марийских служилых и ясачных людей призывали в рамках мобилизационных кампаний во время Смоленской (1632–1634) и русско-польской (1654–1667) войн, но те принимали в них лишь редкое, эпизодическое участие. Вместе с тем они активно привлекались к возведению засечных черт, пограничной службе, подавлению башкирского восстания 1662–1664 годов (часть марийцев при этом выступала на стороне башкирских повстанцев) [Бахтин, Соколов, 2021, с. 56–57, 72–80, 108–122; Илюшин, 2021, с. 161–183]. Марийцы были и в числе стрельцов, служивших на Закамской засечной черте [Перетяткович, 1882, с. 158]. Патрик Гордон упоминал об

участии в подавлении Медного бунта 1662 года в Москве «800 мордвин и черемисских татар, кои, верно, не стали бы сочувствовать или примыкать к мятежникам и бунтовщикам» [Гордон, 2003, с. 119]. Во второй половине XVII века марийцев включали в полки «нового строя», сливаясь в достаточно монолитную массу регулярных войск [Илюшин, 2021, с. 178, 180–184].

В частности, марийские драгуны из числа царевokokшайских тарханов и новокрещёнов в 1670 году принимали участие в подавлении Разинского восстания [Крестьянская война ... , 1957, с. 437–438]. Однако в Крестьянской войне под предводительством С.Т. Разина 1670–1671 годов марийцы большей частью были в рядах повстанцев, сражаясь в содружестве с русскими, чувашами, татарами и другими народами Среднего Поволжья. Прежние межэтнические противоречия отступили на второй план, поскольку восставшие руководствовались прежде всего сплачивающими их антифеодальными мотивами и действовали против одних и тех же противников – светских феодалов, монастырей и представителей воеводской администрации. Зафиксированы лишь отдельные случаи межэтнических конфликтов (например, в Цивильском и Ядринском уездах чувашы и марийцы нападали на русских крестьян и разоряли русские деревни) [Крестьянская война ... , 1957, с. 459, 466–467], но это не отменяет того факта, что побудительной причиной разинщины были социальные антагонизмы, классовая борьба. В том же Цивильском уезде повстанцы разграбили хозяйства зажиточных чувашей, отказавшихся присоединиться к восстанию [Крестьянская война ... , 1957, с. 398–399].

Именно совместное выступление народов Среднего Поволжья обусловило невероятный размах и силу, которые приобрело Разинское восстание. Ещё 20–27 сентября 1670 года двигавшимся вверх по Свияге на выручку осажённому войсками Степана Разина гарнизону Симбирска царским полкам князя Ю.Н. Барятинского учинили четыре сражения «казаки и татаровя и чюваша и черемиса и мордва». 1 октября 1670 года под стенами Симбирска произошло сражение, в котором против царских войск Степан Разин выступил «собрався

с ворами з донскими казаки, и с астраханскими, и с царичынскими, и с саратовскими, и с самарскими ворами, и с-ызменники с синбирскими, и по черте изо всех городов с ворами из розных городов, с татары и с чувашею и с черемисою и с мордвою», но потерпел сокрушительное поражение [Крестьянская война ... , 1957, с. 138]. В Марийском Поволжье повстанческое движение развернулось вскоре после разгрома основных сил восставших под Симбирском. Русские, марийские и чувашские разинцы 1 октября 1670 года заняли город Козьмодемьянск (удерживали его до 3 ноября 1670 года), затем захватили Спасо-Юнгинский монастырь, осаждали Кокшайск, Цивильск, Чебоксары, сражались с отрядом полковника М. Баракова на берегах Большой Кокшаги и Рутки и полками князя Д.А. Барятинского на правом берегу Волги. На Горной стороне ожесточённые бои продолжались до конца 1670 года. В октябре 1670 – январе 1671 года в Поветлужье действовал отправившийся из мятежного Козьмодемьянска русско-марийский отряд под командованием разинского атамана Ильи Долгополова и черемисского пристава Мирона Мумарина [Айплатов, 1990; Чернышев, 2020а, с. 202–261]. В источниках также упоминается об участии черемисов в повстанческом движении на территории Алатырского, Арзамасского, Саранского, Симбирского уездов, в Лыскове и Мурашкине [Крестьянская война ... , 1957, с. 61, 70–72, 94, 104, 143, 151, 170, 198, 279].

Можно сказать, что в XVII веке в условиях политики этнической сегрегации, фактически проводимой царской властью, именно совместное участие в войнах, восстаниях, иных мероприятиях, событиях и процессах военного характера, обусловившее возникновение своего рода «боевого братства», стало основным фактором этнической интеграции марийцев и русских, начала аккультурации марийского этноса. Скорее всего, именно тогда марийский язык обогатился словами, воспринятыми из русской военной лексики: «оро» (рус. «оружие»), «пёлка» (рус. «полк»), «пычал» (рус. «пищаль»), «салтак» (рус. «солдат»), «служитлаш» (рус. «служить») и др.

Царская власть стремилась интегрировать нерусские народы Среднего Поволжья

в Российское государство прежде всего посредством обращения их в православную веру. Путём христианизации и последующей русификации правительство добивалось их лояльного отношения к Российскому государству. Ещё в 1553 году духовник Ивана IV протопоп Сильвестр призывал «просветити агарян и черемисы святым крещением», причём проводя политику насильственной христианизации («неверных в веру обращати, аще и не восхотят») [Голохвастов, Леонид, 1874, с. 89, 99]. Действительно, в источниках того времени имеются сведения о насильственном крещении татар в первые годы после падения Казани [Казанская история, 1954, с. 156; ПСЛР, 1965, с. 182]. Однако ожесточенное и яростное сопротивление поволжских народов в ходе «черемисских войн» вынудило вести очень осторожную политику христианизации. В наказной памяти самому первому казанскому архиепископу Гурию, выданной в 1555 году, рекомендовалось «татар к себе приучати и приводити их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити» [ААЭ, 1836, с. 260]. Политика христианизации в этот период коснулась прежде всего татар [Галямов, 2001, с. 23, 50]. Для второй половины XVI века недостаточно достоверных сведений о наличии марийцев среди новокрещенных – особой категории представителей местного населения, принявших православие и находившихся на царской службе. Единственный такой известный факт содержится в актах Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря под 1565 годом, где упоминается починок Поярков на речке Мостовке (на правом берегу Оки между Нижним Новгородом и Муромом около города Горбатов) «за новокрещены, что была луговая черемиса» [Акты Суздальского ... , 1998, с. 257–258, 261–264]. Видимо, луговые марийцы были переселены из территории бывшего Казанского ханства на новое место жительства западнее Нижнего Новгорода после обращения их в православное христианство в целях выведения их из-под влияния некрещёных сородичей.

В XVII веке новокрещены марийского происхождения впервые упоминаются в Писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 годов (служилый новокрещен Митька Баишов

и ясачные новокрещены «в волости Черемисской в Малмыже», служилый новокрещен Микита (Митя) Бакшигов, «что был черемисин Баим») [ПКК, 1978, с. 126–127, 151]. В дальнейшем марийские новокрещены неоднократно упоминаются в целом ряде источников. Новокрещены были подчинены воеводской власти и вместе с другими служилыми людьми их приписывали к тому или иному уездному городу. Полученные за службу поместья новокрещен обычно размещались в пригородной местности. Например, около Царевококшайска «за острогом» имелась Новокрещенская слобода на реке Ноле, а в 5 верстах от Козьмодемьянска в Подгородном стане находились земельные владения служилых новокрещен с. Богородицкого (Владимирского Басурманова) [История Марий Эл ... , 2020, с. 114]. И всё же в Марийском крае того времени новокрещен было очень мало. В 1663 году служилых новокрещен (причём не только марийского происхождения) в Казанском уезде насчитывалось 337 чел., Козьмодемьянском – 22 чел., Уржумском – 62 чел., Царевококшайском – 30 чел., Царевосанчурском – 20 чел., а в Кокшайском, Ядринском и Яранском уездах их не было вовсе [Веселовский, 1911, с. 44–48].

Такое положение дел во многом объясняется мягкой религиозно-конфессиональной политикой русского царя на всём протяжении XVII века. Ещё в начале XVII века французский писатель и авантюрист Жак Маржерет удивлялся, что в России можно свободно исповедовать свою религию: «Под властью русских находятся также татары, турки и персы, помимо мордовитов и иных магометанских народов, исповедующих свою религию, не считая сибиряков, лапландцев и прочих, каковые не являются ни христианами, ни магометанами, но, следуя своим фантазиям, поклоняются различным животным, не принуждаемые в своей вере» [Маржерет, 2007, с. 130]. В наказной памяти ядринскому воеводе, составленной в период Разинского восстания 1670–1671 годов, предписано, что любой народ, боящийся бога и поступающий законопослушно, угоден царю, даже если они не крещены: «И говорить, что во всяком языке бояйся бога и делай правду, приятен ему есть, хотя они и черемиса и не крестились во имя отца и сына и святого духа»

[Крестьянская война ... , 1957, с. 493]. 20 мая 1682 года был издан указ царя Петра Алексеевича, где утверждалось: «А которые бусурманы, мурзы и татары, и мордва, и чуваша, и черемиса креститца не похотят, и тех крестить не велено». Далее дано пояснение, показывающее прагматичный подход Российского государства к проблеме нехристианских подданных: «И они б, видя к себе нашу, великого государя, премногую милость нам, великому государю, служили и доходы платили по-прежнему, и на нашу, великого государя, милость всегда были во всем надежны» [Беляков, 2020, с. 112–113].

Марийцы, как правило, переходили в православную веру не столько под влиянием миссионерской деятельности церковных служителей, сколько из-за тех льгот и привилегий, которые им предоставляли за крещение. В частности, в 1678 году по царскому указу предписывалось: «дать им в тягле льготы на год, или как пристойно, смотря по житьям, и по угодыям»; «а буде у которых новокрещенов прежних дворов, и ясачных, и тяглых земель, и всяких угодьев нет, и тем новокрещеном велено отвести вновь под дворы и на пашню земли и всяких угодьев»; «к тем новокрещеном во всяких делех велено держать ласку и привет и береженье большое, чтоб видя то, их братья некрещеные от прелестных своих вер обратились в православную христианскую веру» [Айплатов, 1967, с. 136]. Переход в православную веру зачастую носил формальный характер, нередко новокрещены возвращались к своим традиционным верованиям. В 1686 году казанский митрополит Адриан обращал внимание архимандрита Спасо-Юнгинского монастыря Мисаила на то, что некоторые «новокрещены мужеск пол и женск, оставя христианскую веру, перешли жить от верных к прежним своим иноверным сродцам ..., а к покаянию и в веру христианскую не обратились, и никакой святыне после крещения сами те новокрещены не восприали, и детей своих по заповеди божии не крестили ж, а иные в поганой вере своей живут, убегая по-прежнему с неверными» [Айплатов, Иванов, 2000, с. 218].

Служилые новокрещены, которые были изолированы от своих соплеменников и жили близ крепостных стен русских городов, довольно быстро осваивали православные традиции

и русский язык. В частности, к концу XVII века обрусели практически все новокрещены села Богородицкого (Владимирского Басурманова) [История Марий Эл ... , 2020, с. 114]. Знавшие русский язык новокрещены были, пожалуй, основными распространителями русского влияния среди марийцев. Также во второй половине XVII века появились толмачи из числа марийского населения, как, например, Пехтемиш Тинбаев из Царевококшайского уезда [Малов, 1896, с. 107, 108]. О степени распространения в XVII веке русского языка среди «живущих вокруг Казани» марийцев свидетельствует Адам Олеарий: «Те, кто в этих местах живут среди русских, пользуются обыкновенно русским языком» [Олеарий, 2003, с. 315]. По словам Яна Стрёйса, жители Казани и её округи «по большей части употребляют русский язык, который, как мы слышали, распространился после того, как русские победили» [Стрейс, 1935, с. 185]. Русское влияние прослеживалось и в быту. В частности, Николасс Витсен отмечал, что марийские мужчины «ходят одетые, как русские крестьяне» [Витсен, 2010, с. 772]. Тем не менее в XVII веке основная часть марийцев испытывала со стороны русского на-

селения лишь опосредованное влияние через трансформацию марийской культуры в процессе постепенной интеграции в российскую цивилизацию.

Заключение

На основе комплексного использования широкого круга источников удалось выяснить, что на территории Среднего Поволжья в XVII веке была приблизительно равная численность марийского и русского населения, что свидетельствует о быстрых темпах русской колонизации этого региона с момента вхождения Казанского края в состав России. Вместе с тем из соображения безопасности основная часть русского населения была сконцентрирована в городах и вокруг них, проникновение туда марийцев и других представителей нерусских народов Поволжья было ограничено законами и устоявшейся практикой. Марийско-русские контакты развивались преимущественно в рамках пяти направлений: система управления, поземельные конфликты и споры, внутренняя торговля, военное дело (включая восстания), конфессиональная сфера, но вследствие навязывания малопроницаемых межэтнических границ интенсивность этого процесса была незначительной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Айплатов Г.Н. Город Кокшайск во второй половине XVI–XVIII вв. // Города Среднего Поволжья: история и современность (к 425-летию города Йошкар-Олы): Сб. статей межрегион. науч.-практ. конфер. (г. Йошкар-Ола, 30 октября 2009 года). Йошкар-Ола: МарГУ, 2009. С. 44–51.
- Айплатов Г.Н. Из истории развития ремесла и торговли в Марийском крае в XVII в. // Труды МарНИИ. Вып. XVII: Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1971. С. 113–131.
- Айплатов Г.Н. Крестьянство Марийского края в составе Российского многонационального государства (середины XVI–XVII вв.) // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1986–1990 гг. Йошкар-Ола, 1991. С. 38–41.
- Айплатов Г.Н. Новый архивный документ о ясачном обложении и ясачной политике царизма в Марийском крае в XVII веке // Труды МарНИИ. Вып. XXII: История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967. С. 130–147.
- Айплатов Г.Н. Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII веке. М., 1965 // Научный рукописный фонд МарНИИ. Оп. 1. Д. 524.
- Айплатов Г.Н. Участие населения Марийского края во второй крестьянской войне XVII века // Положение и классовая борьба крестьян Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. С. 4–44.
- Айплатов Г.Н., Иванов А.Г. Монастырская колонизация Марийского Поволжья: По материалам Спасо-Юнгинского монастыря Козьмодемьянского уезда, 1625–1764 гг.: Исследование. Тексты документов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2000. 463 с.
- ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. Т. 1. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836. 548 с.
- Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506–1608 гг. М.: Памятники ист. мысли, 1998. 638 с.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 443 с.
- Бахтин А.Г., Соколов А.В. Военная история марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2021. 309 с.
- Беляков А.В. Новый документ о религиозной политике в России в XVII в. // Средневековые тюрко-мусульманские государства. 2020. № 12. С. 109–114.

- Веселовский С.Б. Сметы военных сил Московского государства 1661–1663 гг. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1911. 59 с.
- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 2. Амстердам: Pegasus, 2010. С. 626–1225.
- Галямов Р.Ф. После падения Казани... Казань: Татар. кн. изд-во, 2001. 143 с.
- Гареев И.С. Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Йошкар-Ола, 1999. 291 л.
- Голохвастов Д.П., архим. Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1874. 110 с.
- Гордон П. Дневник, 1659–1667. М.: Наука, 2003. 314 с.
- Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. 287 с.
- Грамоты и акты Вятского Трифонова монастыря // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1906 год. Вып. III–IV. Вятка: Тип. П.Д. Харитоновна, 1906. С. 179–346.
- Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.
- Дмитриев С.К. Город Ядрин в конце XVI–XVII веках // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары: ЧувашНИИЯЛИЭ, 1986. С. 24–39.
- ДПП – Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М.: Наука, 1994. 477 с.
- Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах в XVII в. Саранск: МНИИЯЛИ, 1950. 580 с.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим. Т. 7. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. 374 с.
- ДАИ – Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. 366 с.
- Замятин Г.А. Грамоты и акты Уржумского Спасского Цепочкина монастыря. 1645–1694 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1913 год. Вып. III–IV. Вятка: Губ. тип., 1913. С. 1–123.
- Иванов А.Г. Культурно-бытовые связи марийцев и русских во второй половине XVI–XVIII вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. С. 171–177.
- Иванов А.Г. Система воеводского управления в Марийском крае во второй половине XVI – XVIII вв. // Марийский археографический вестник. 2000. Вып. 10. С. 14–31.
- Иванов А.Г. Царевококшайск в конце XVI–XVIII веков. Очерки по истории уездного города. Йошкар-Ола: МарГУ, 2011. 440 с.
- Измайлов Д.М. Об одном послании из Поволжья в Крымское ханство 1635 г. // Крымское историческое обозрение. 2014. № 2. С. 50–62.
- Илюшин Б.А. Очерк военного дела и военной истории мордвы, марийцев и чувашей в составе Российского государства XVI–XVII веков. Новосибирск: НГУ, 2021. 240 с.
- История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. Т. 1: История Марий Эл с древнейших времен до начала XX в. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 543 с.
- История Марийского края в документах и материалах. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 564 с.
- Казанская история. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 10. СПб.: Тип. Н. Греча, 1824. 291, 166 с.
- Книга строельная города Синбирска. Симбирск, 1897. X, 108, VII с.
- Козлова К.И. Марийско-русские этнические границы и связи в XVII–XVIII вв. // Труды МарНИИ. Вып. XXIII: Новые страницы в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1971. С. 213–236.
- Коробов С.А. К вопросу аграрных отношений в Марийском крае во второй половине XVI в. и в XVII в. // Труды МарНИИ. Вып. VIII: История, язык и литература мари. Йошкар-Ола, 1956. С. 35–46.
- Крестьяне и националы в революционном движении: Разинщина. М.: Огиз; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. XX, 428 с.
- Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. Т. 2: Август 1670 – январь 1671. Ч. 1. Массовое народное восстание в Поволжье и смежных областях. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 665 с.
- Лисейцев Д.В. Новые сведения о «татарской войне» 1615–1616 гг. в Казанском царстве и судьбе членов семьи предводителя Еналеева восстания // Золотоордынское обозрение. 2020. № 1. С. 108–126.
- Малов Е.А. Мирносицкая пустынь Казанской епархии. История пустыни и современное ее состояние. Казань: Тип. наследников М.А. Чирковой, 1896. 143 с.
- Маржерет Ж. Состояние Российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях. М.: Яз. славянских культур, 2007. 550 с.

- Материалы по истории Татарской АССР. Вып.2. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. XXV, 208 с.
- Никольский Н.В. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань: Тип.-лит. Казанского ун-та, 1919. 479 с.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 480 с.
- Очерки демографической истории России. XI–XXI века: в 7 т. Т. 2. XVI–XVII века. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2022. 624 с.
- Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса: Тип. П.А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1882. IV, 400, III с.
- ПКК – Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов / сост. Р.Н. Степанов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 240 с.
- ПСЗ – Полное собрание русских законов. Т. 1: С 1649 по 1675. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. XXXI, 1029, 13 с.
- ПСЗ – Полное собрание русских законов. Т. 2: С 1676 по 1688. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. 974, 2 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Наука, 1965. 239 с.
- Полтыш – князь черемисский. Малмыжский край / ред.-сост. Л. Шемиэр (В.Н. Козлов). Йошкар-Ола: МПИК, 2003. 440 с.
- Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое. М.: РОССПЭН, 2010. 592 с.
- Разрядная книга 1559–1605 гг. М.: Наука, 1974. 436 с.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1982. С. 109–440.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1987. 236 с.
- Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань: ЯЗ, 2014. 268 с.
- Стрейс Я.Я. Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935. 415 с.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383 с.
- Чернышев Е.И. Народы Поволжья в крестьянской войне под предводительством С. Разина (1670–1671 гг.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2020а. 383 с.
- Чернышев Е.И. Народы Среднего Поволжья в XVI – начале XX века: избранные труды. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2020б. 548 с.
- Шабалин В.И. О заселении спорных земель Колобова, Лесникова и Липова Яранского уезда крестьянами дворцовой слободы Кукарки 148 (1640) года // Труды Вятской ученой архивной комиссии. 1910 год. Вып. I. Вятка, 1910. С. 39–46.
- Kappeler A. Rußlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln; Wien: Böhlau, 1982. VII, 571 S.

Sergey Svechnikov

THE RELATIONS BETWEEN THE MARI AND THE RUSSIANS IN THE 17th CENTURY

Introduction. The problem of the Mari-Russian ethnic ties and contacts in the 17th century is one of the most important and interesting, since at this time the initial stage the integration process of the Mari people into the emerging multi-ethnic Russian state took place. **The purpose** of the study is to identify and analyze the contacts between the Mari and the Russians in the 17th century. **Materials and methods.** The article is written on the basis of a wide range of written sources, materials of folklore and linguistics. **Research methods** include specific historical, comparative historical and retrospective ones. **Research results and discussion.** The article considers the Mari-Russian ethnic ties and contacts in the 17th century in the context of the Russian colonization of the Middle Volga region. It is shown that contacts between the two peoples were not close, constant and systematic. **Conclusion.** In the Middle Volga region in the 17th century there was an approximately equal number of Mari and Russian population which testifies to the rapid pace of Russian colonization of this region since the Kazan Territory became part of Russia. At the same time, for security reasons, the majority of the Russian population was concentrated in and around the cities; the penetration of the Mari and other representatives

of non-Russian peoples of the Volga region was limited by laws and established practice. Mari-Russian contacts developed mainly in five directions: the system of governance, land conflicts and disputes, internal trade, military affairs (including uprisings), the confessional sphere, but due to the imposition of tight inter-ethnic boundaries, the intensity of this process was insignificant.

Key words: Mari; Cheremis; Russians; colonization; ethnic contacts; ethnic segregation.

REFERENCES

Ajplaton G.N. Gorod Kokshajsk vo vtoroj polovine XVI – XVIII vv. [The city of Kokshajsk during the second half of the 16th to 18th centuries]. *Goroda Srednego Povolzh'ja: istorija i sovremennost' (k 425-letiju goroda Joshkar-Oly): Sbornik statej mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii (g. Joshkar-Ola, 30 oktjabrja 2009 goda)* [Cities of the Middle Volga Region: History and Modernity (to the 425th Anniversary of the City of Yoshkar-Ola). Collection of articles of the interregional scientific-practical conference (Yoshkar-Ola, 30 October 2009). Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2009, pp. 44-51. (In Russian).

Ajplaton G.N. Iz istorii razvitija remesla i trgovli v Marijskom krae v XVII v. [From the history of the development of crafts and trade in the Mari region in the 17th century]. *Vyp. XVII: Voprosy istorii i arheologii Marijskoj ASSR* [Proceedings of the Mari Research Institute. Iss. 17. Issues of History and Archaeology of the Mari ASSR]. Yoshkar-Ola, 1971, pp. 113-131. (In Russian).

Ajplaton G.N. Krest'janstvo Marijskogo kraja v sostave Rossijskogo mnogonacional'nogo gosudarstva (serediny XVI-XVII vv.) [The peasantry of the Mari region in the Russian multinational state (mid 16th-17th centuries)]. *Tezisy dokladov na konferencii po itogam nauchno-issledovatel'skoj raboty MarNII v 1986-1990 gg.* [Abstracts of Papers at the conference on the results of research work of the Mari Research Institute in 1986-1990]. Yoshkar-Ola, 1991, pp. 38-41. (In Russian).

Ajplaton G.N. Novyj arhivnyj dokument o jasachnom oblozhenii i jasachnoj politike carizma v Marijskom krae v XVII veke [A new archival document on yasachny taxation and yasachny policy of tsarism in the Mari region in the 17th century]. *Trudy MarNII. Vyp. XXII: Istoriya, arheologija, jetnografija mari* [Proceedings of the Mari Research Institute. Iss. 22. History, archaeology, ethnography of Mari]. Yoshkar-Ola, 1967, pp. 130-147. (In Russian).

Ajplaton G.N. Social'no-jekonomicheskoe razvitie i klassovaja bor'ba v Marijskom krae v XVII veke. M., 1965 [Socio-economic development and class struggle in the Mari region of the 17th century. Moscow, 1965]. *Nauchnyj rukopisnyj fond MarNII. Op. 1. D. 524* [Scientific manuscript collection of the Mari Research Institute, aids 1, fol. 524]. (In Russian).

Ajplaton G.N. Uchastie naselenija Marijskogo kraja vo vtoroj krest'janskoj vojne XVII veka [Participation of the population of the Mari region in the second peasant war of the 17th century]. *Polozhenie i klassovaja bor'ba krest'jan Marijskogo kraja* [Situation and class struggle of peasants in the Mari region]. Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1990, pp. 4-44. (In Russian).

Ajplaton G.N., Ivanov A.G. Monastyrskaja kolonizacija Marijskogo Povolzh'ja: Po materialam Spaso-Junginskogo monastyrja Koz'modem'janskogo uezda, 1625–1764 gg.: Issledovanie. Teksty dokumentov [Monastic Colonisation of the Mari Volga Region. Based on the Materials of the Spaso-Yunginsky Monastery, Kozmodemyansk uezd, 1625-1764. Research. Texts of documents]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2000, 463 p. (In Russian).

AAE – Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoj jekspediciej Imperatorskoj Akademii Nauk. Tom 1 [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1.]. Saint Petersburg, 1836, 548 p. (In Russian).

Akty Suzdal'skogo Spaso-Efim'eva monastyrja 1506-1608 gg. [Acts of the Suzdal Spaso-Efimiev Monastery 1506-1608.]. Moscow, Pamjatniki istoricheskoj mysli, 1998, 638 p. (In Russian).

AFZH – Akty feodal'nogo zemlevladienija i hozjajstva. Chast 3 [Acts of feudal land ownership and economy. Part 3]. Moscow, Akademija nauk SSSR, 1961, 443 p. (In Russian).

Bahtin A.G., Sokolov A.V. Voennaja istorija marijskogo Naroda [Military history of the Mari people]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2021, 309 p. (In Russian).

Beljakov A.V. Novyj dokument o religioznoj politike v Rossii v XVII v. [A new document on religious policy in Russia in the 17th century]. *Srednevekovye tjurko-musul'manskije gosudarstva* [Medieval Turkic-Muslim States]. 2020, no. 12, pp. 109-114. (In Russian).

Veselovskij S.B. Smety voennyh sil Moskovskogo gosudarstva 1661–1663 gg. [Estimates of the military forces of the Moscow state in 1661-1663]. Moscow, 1911, 59 p. (In Russian).

Vitsen N. Severnaja i Vostochnaja Tartarija, vkljuchajushhaja oblasti, raspolozhennye v severnoj i vostochnoj chastjah Evropy i Azii. Tom 2 [Northern and Eastern Tartary, comprising areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. Vol. 2]. Amsterdam, Pegasus, 2010, pp. 626-1225. (In Russian).

- Galjamov R.F. Posle padenija Kazani... [After the fall of Kazan...]. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001, 143 p. (In Russian).
- Gareev I.S. Marijskie krest'jane Prikam'ja i Priural'ja v XVIII – prvoj polovine XIX veka [Mari peasants of the Kama and Ural regions in the 18th - first half of the 19th century]. Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 1999, 291 p. (In Russian).
- Golohvastov D.P., archimandrite Leonid. Blagoveshhenskij ierej Sil'vestr i ego pisanija [Annunciation Priest Sylvester and his writings]. Moscow, 1874, 110 p. (In Russian).
- Gordon P. Dnevnik, 1659-1667 [Diary, 1659-1667]. Moscow, Nauka, 2003, 314 p. (In Russian).
- Gorsej Dzh. Zapiski o Rossii. XVI – nachalo XVII vv. [Notes on Russia. 16th - early 17th centuries]. Moscow, Moskovskij gosudarstvennyj universitet, 1990, 287 p. (In Russian).
- Gramoty i akty Vjatskogo Trifonova monastyrja [Diplomas and acts of the Vyatka Trifonov Monastery]. *Trudy Vjatskoj uchenoj arhivnoj komissii. 1906 god. Vyp. III-IV* [Proceedings of the Vyatka Academic Archival Commission. 1906. Iss. 3-4]. Vjatka, 1906, pp. 179-346. (In Russian).
- Dimitriev V.D. Chuvashija v jepohu feodalizma (XVI – nachalo XIX v.) [Chuvashia in the epoch of feudalism (16th - early 19th century)]. Cheboksary, Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1986, 456 p. (In Russian).
- Dmitriev S.K. Gorod Jadrin v konce XVI-XVII vekah [The city of Yadrin in the late 16th-17th centuries]. *Issledovanija po istorii Chuvashii perioda feodalizma* [Studies on the history of Chuvashia in the period of feudalism]. Cheboksary, 1986, pp. 24-39. (In Russian).
- DPP – Dokumenty Pechatnogo prikaza (1613-1615 gg.) [Documents of the Seal Order (1613-1615)]. Moscow, Nauka, 1994, 477 p. (In Russian).
- Dokumenty i materialy po istorii Mordovskoj ASSR. Tom 1. Chast 2: Social'no-jekonomicheskie otnoshenija v Kazanskom krae, Saranskom i Temnikovskom uezdah v XVII v. [Documents and materials on the history of the Mordovian ASSR. Vol. 1. Part 2. Socio-economic relations in the Kazan region, Saransk and Temnikovskij uyezds in the 17th century.]. Saransk, 1950, 580 p. (In Russian).
- DAI – Dopolnenija k aktam istoricheskim. Tom 7 [Supplements to the Acts of History. Vol. 7]. Saint Petersburg, 1862, 374 p. (In Russian).
- DAI – Dopolnenija k aktam istoricheskim. Tom 8 [Supplements to the Acts of History. Vol. 8]. Saint Petersburg, 1862, 366 p. (In Russian).
- Zamjatin G.A. Gramoty i akty Urzhumskogo Spasskogo Cepochkina monastyrja. 1645-1694 gg. [Diplomas and acts of the Urzhum Spassky Tsechochkin monastery. 1645-1694]. *Trudy Vjatskoj uchenoj arhivnoj komissii. 1913 god. Vyp. III-IV* [Proceedings of the Vyatka Academic Archival Commission. 1913. Iss. 3-4]. Vjatka, 1913, pp. 1-123. (In Russian).
- Ivanov A.G. Kul'turno-bytovye svjazi marijcev i russkih vo vtoroj polovine XVI-XVIII vv. [Cultural and everyday relations between Mari and Russians in the second half of the 16th-18th centuries]. *Formirovanie, istoricheskoe vzaimodejstvie i kul'turnye svjazi finno-ugorskih narodov: Materialy III Mezhdunarodnogo istoricheskogo kongressa finno-ugrovedov* [Formation, Historical Interaction and Cultural Ties of Finno-Ugric Peoples. Proceedings of the 3rd International Congress of Finno-Ugric Historians]. Yoshkar-Ola, 2004, pp. 171-177. (In Russian).
- Ivanov A.G. Sistema voevodskogo upravljenija v Marijskom krae vo vtoroj polovine XVI-XVIII vv. [The system of voivodship administration in the Mari region in the second half of the 16th - 18th centuries]. *Marijskij arheograficheskij vestnik* [Mari Archaeographical Bulletin]. 2000, iss. 10, pp. 14-31. (In Russian).
- Ivanov A.G. Carevokokshajsk v konce XVI-XVIII vekov. Oчерki po istorii uezdno goroda [Tsarevokokshajsk at the end of the 16th - 18th centuries. Essays on the history of the district town]. Yoshkar-Ola, Marijskij gosudarstvennyj universitet, 2011, 440 p. (In Russian).
- Izmajlov D.M. Ob odnom poslanii iz Povolzh'ja v Krymskoe hanstvo 1635 g. [About one message from the Volga region to the Crimean Khanate in 1635]. *Krymskoe istoricheskoe obozrenie* [Crimean Historical Review]. 2014, no. 2, pp. 50-62. (In Russian).
- Iljushin B.A. Oчерk voennogo dela i voennoj istorii mordvy, marijcev i chuvashej v sostave Rossijskogo gosudarstva XVI-XVII vekov [Sketch of military affairs and military history of the Mordva, Mari and Chuvash in the Russian state of the 16th-17th centuries]. Novosibirsk, Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2021, 240 p. (In Russian).
- Istorija Marij El s drevnejshih vremen do nashih dnei. Tom 1: Istorija Marij El s drevnejshih vremen do nachala XX v. [History of Mari El from ancient times to the present day. Vol. 1. History of Mari El from ancient times to the beginning of the 20th century]. Yoshkar-Ola, 2020, 543 p. (In Russian).
- Istorija Marijskogo kraja v dokumentah i materialah [History of the Mari region in documents and materials]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992, 564 p. (In Russian).
- Kazanskaja istorija [Kazan history]. Moscow, Leningrad, Akademija nauk SSSR, 1954, 195 p. (In Russian).
- Karamzin N.M. Istorija gosudarstva Rossijskogo. Tom 10 [History of the Russian State. Vol. 10]. Saint Petersburg, 1824, 291, 166 p. (In Russian).

- Kniga stroel'naja goroda Sinbirsk [Stroyelnaya Book of the City of Sinbirsk]. Simbirsk, 1897, X, 108, VII p. (In Russian).
- Kozlova K.I. Marijsko-russkie etnicheskie granicy i svjazi v XVII-XVIII vv. [Marii-Russian ethnic boundaries and relations in the 17th-18th centuries]. *Trudy MarNII. Vyp. XXIII: Novye stranicy v istorii Marijskogo kraja* [Proceedings of Mari Research Institute. Iss. 23. New pages in the history of the Mari region]. Joshkar-Ola, 1971, pp. 213-236. (In Russian).
- Korobov S.A. K voprosu agrarnyh otnoshenij v Marijskom krae vo vtoroj polovine XVI v. i v XVII v. [To the question of agrarian relations in the Mari region in the second half of the 16th century and in the 17th century]. *Trudy MarNII. Vyp. VIII: Istorija, jazyk i literatura mari* [Proceedings of MarNII. Iss. 8. History, Language and Literature of the Mari]. Joshkar-Ola, 1956, pp. 35-46. (In Russian).
- Krest'jane i nacionaly v revoljucionnom dvizhenii: Razinshhina [Peasants and Nationals in the Revolutionary Movement. Razinshchina]. Moscow, Leningrd, 1931, XX, 428 p. (In Russian).
- Krest'janskaja vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina: Sbornik dokumentov. Tom 2: Avgust 1670 – janvar' 1671. Chast 1. Massovoe narodnoe vosstanie v Povolzh'e i smezhnyh oblastjah [Peasant war led by Stepan Razin: Collection of documents. Vol. 2. August 1670 - January 1671. Part 1. Mass popular uprising in the Volga region and adjacent areas]. Moscow, AN SSSR, 1957, 665 p. (In Russian).
- Lisejcev D.V. Novye svedenija o «tatarskoj vojne» 1615-1616 gg. v Kazanskom carstve i sud'be chlenov sem'i predvoditelja Enaleeva vosstanija [New information about the "Tatar war" of 1615-1616 in the Kazan kingdom and the fate of the family members of the leader of the Yenaley uprising]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review]. 2020, no. 1, pp. 108-126. (In Russian).
- Malov E.A. Mironosickaja pustyn' Kazanskoj eparhii. Istorija pustyni i sovremennoe ee sostojanie [The Myronositskaya hermitage of the Kazan diocese. History of the hermitage and its current state]. Kazan', 1896, 143 p. (In Russian).
- Marzheret J. Sostojanie Rossijskoj imperii: J. Marzheret v dokumentah i issledovanijah [The State of the Russian Empire. J. Margeret in Documents and Studies.]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007, 550 p. (In Russian).
- Materialy po istorii Tatarskoj ASSR. Vyp.2. Piscovye knigi goroda Kazani 1565-1568 gg. i 1646 g. [Materials on the history of the Tatar ASSR. Iss. 2. Census books of the city of Kazan in 1565-1568 and 1646.]. Leningrad, AN SSSR, 1932, XXV, 208 p. (In Russian).
- Nikol'skij N.V. Sbornik istoricheskikh materialov o narodnostjah Povolzh'ja [Collection of historical materials on the Volga region nationalities]. Kazan', 1919, 479 p. (In Russian).
- Olearij A. Opisanie puteshestvija v Moskoviju [Description of the journey to Moscovia]. Smolensk, Rusich, 2003, 480 p. (In Russian).
- Oчерки демографической истории России. XI-XXI века. Том 2. XVI-XVII века [Essays on the demographic history of Russia. XI-XXI centuries. Vol. 2. XVI-XVII centuries]. Moscow, Institut rossijskoj istorii RAN, 2022, 624 p. (In Russian).
- Peretjatkovich G.I. Povolzh'e v XVII i nachale XVIII veka (oчерki iz istorii kolonizacii kraja) [The Volga region in the 17th and early 18th centuries (essays from the history of colonisation of the region)]. Odessa, 1882, IV, 400, III p. (In Russian).
- PKK - Piscovaja kniga Kazanskogo uezda 1602-1603 godov [Census book of the Kazan uyezd 1602-1603 years]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1978, 240 p. (In Russian).
- PSZ - Polnoe sobranie russkikh zakonov. Tom 1: S 1649 po 1675 [Complete Collection of Russian Laws. Vol. 1. From 1649 to 1675]. Saint Petersburg, 1830, XXXI, 1029, 13 p. (In Russian).
- PSZ – Polnoe sobranie russkikh zakonov. Tom 2: S 1676 po 1688 [Complete Collection of Russian Laws. Vol. 2. From 1676 to 1688]. Saint Petersburg, 1830, 974, 2 p. (In Russian).
- PSRL - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 30: Vladimirskij letopisec. Novgorodskaja vtoraja (Arhivskaja) letopis'. M.: Nauka, 1965. 239 s. (In Russian).
- Poltysh - knjaz' cheremisskij. Malmyzhskij kraj [Poltysh - Prince of Cheremis. Malmyzhsky region]. Joshkar-Ola, Marijskij poligraficheskoe-izdatel'skij kombinat, 2003, 440 p. (In Russian).
- Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve. Zaveshhanie otecheskoe [A book on scarcity and wealth. Father's testament]. Moscow, ROSSPEN, 2010, 592 p. (In Russian).
- Razrjadnaja kniga 1559-1605 gg. [Razryadnaya book of 1559-1605]. Moscow, Nauka, 1974, 436 p. (In Russian).
- Razrjadnaja kniga 1475-1605 gg. Tom 2. Chast 2 [Razryadnaya book of 1475-1605. Vol. 2. Part. 2]. Moscow, Institut istorii SSSR AN SSSR, 1982, pp. 109-440. (In Russian).
- Razrjadnaja kniga 1475-1605 gg. Tom 3. Chast 2 [Razryadnaya book of 1475-1605. Vol. 3. Part. 2]. Moscow, Institut istorii SSSR AN SSSR, 1987, 236 s. (In Russian).

Svechnikov S.K. Prisoedinenie Marijskogo kraja k Russkomu gosudarstvu [Annexation of the Mari region to the Russian state]. Kazan', JaZ Publ., 2014, 268 p. (In Russian).

Struys J.J. Tri puteshestvija [Three journeys]. Moscow, Socjkgiz, 1935, 415 p. (In Russian).

Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie [Russian chronicle writing]. Moscow, Nauka, 1979, 383 p. (In Russian).

Chernyshev E.I. Narody Povolzh'ja v krest'janskoj vojne pod predvoditel'stvom S. Razina (1670-1671 gg.) [The peoples of the Volga region in the peasant war led by S. Razin (1670-1671)]. Kazan', Tatarskoje knizhnoje izdatel'stvo, 2020a, 383 p. (In Russian).

Chernyshev E.I. Narody Srednego Povolzh'ja v XVI – nachale XX veka: izbrannye Trudy [Peoples of the Middle Volga Region in the 16th - early 20th century: selected works]. Kazan', Institut istorii imeni Sh. Mardzhani AN RT, 2020b, 548 p. (In Russian).

Shabalin V.I. O zaselenii spornyh zemel' Kolobova, Lesnikova i Lipova Jaranskogo uezda krest'janami dvorcovoj slobody Kukarki 148 (1640) goda [On the settlement of the disputed lands of Kolobov, Lesnikov and Lipov in the Yaransk uyezd by peasants of the palace sloboda of Kukarka 148 (1640)]. *Trudy Vjatskoj uchenoj arhivnoj komissii. 1910 god. Vyp. I* [Proceedings of the Vyatka Academic Archival Commission. 1910. Iss. 1]. Vjatka, 1910, pp. 39-46. (In Russian).

Kappeler A. Russlands erste Nationalitäten: Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert [Russia's first nationalities. The Tsarist empire and the peoples of the Middle Volga from the 16th to the 19th century]. Köln, Wien, Böhlau, 1982, VII, 571 p. (In German).

Свечников Сергей Константинович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov

Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ

УДК [81'272] (=511.1):(470.40/43+470.5)

DOI 10.51254/2312-0312-2023-64-141-150

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ*

© 2023 г. Ф.Г. Сафин, А.А. Илиева, Е.М. Гильмитдинова

Введение. Вопрос этнической и этноязыковой идентичности в последние годы в национальных республиках носит противоречивый характер. **Цель статьи** заключается в раскрытии этноязыковых процессов среди финно-угорских народов в национальных республиках Урало-Поволжья. **Материалы и методы.** Статья подготовлена на основе широкого круга материалов Всесоюзных и Всероссийских переписей населения, а также имеющейся по данной проблеме литературы. Методы исследования: конкретно-исторический, сравнительно-исторический, ретроспективный. **Результаты исследования, обсуждения.** Выявлено, что ни в одной из республик численность финно-угорского населения по данным последних переписей не увеличилась. Отмечается, что у финно-угорских народов наблюдаются некоторые парадоксы, связанные с сохранением родных языков. В одноименных республиках с финно-угорским населением доля признания родного языка своей национальностью меньше, чем в тюркоязычных (Башкортостан и Татарстан). Выявлено, что, несмотря на владение родным языком своей национальностью, использование финно-угорских языков в повседневной жизни представляется ограниченным и существенно уступает функциям русского языка. **Заключение.** На основе комплексного использования широкого круга источников удалось выявить, что среди финно-угорских народов в национальных республиках Урало-Поволжья наблюдается тенденция постепенного сокращения доли родного языка своей национальностью. Основными факторами данного процесса выступают широкая урбанизация финно-угорских народов в постсоветский период и доминирующее на них влияние в городах русского языка. Несмотря на существенное сокращение доли родных языков, их социальная база позволяет использование родных языков в повседневной жизни.

Ключевые слова: финно-угры; марийцы; мордва; удмурты; родной язык; владение языками; республики.

Введение

Одним из парадоксов среди финно-угорских народов является низкий показатель признания родным языком своей национальности в одноименных республиках. Одним из факторов, влияющих на этническую и языковую идентичности населения выступает демографический потенциал этнических групп. Отмечая этнодемографический аспект этноязыковой ситуации в национальных республи-

ках Урало-Поволжья следует констатировать, что за последние 30 лет, по данным переписей, ни в одной из них численность финно-угорского населения не увеличилась. Опубликованные статистические данные Всероссийской переписи населения 2020 года позволяют провести определенный анализ этнодемографического и этноязыкового развития финно-угорских народов в национальных республиках Волго-Уральского региона.

* Исследование выполнено в рамках государственного задания ИЭИ УФИЦ РАН «Социальные основы этнополитических процессов в республиках Урало-Поволжья». № АААА-А21-121012290085-3

В материалах переписей населения присутствуют два показателя, которые между собой не согласуются. Это показатель признания родного языка и владение языком данной национальности. Казалось бы, человек, признавая родным язык своей национальности, косвенно подтверждает, что он уже владеет данным языком. Но, данные переписи показывают обратное. Получается, число владеющих данным языком существенно меньше, чем признавших родным данный язык. Более того, в число лиц, владеющих языком данной национальности, могут быть включены и представители других этнических групп, которые также владеют данным языком.

Цель статьи заключается в раскрытии этноязыковых процессов среди финно-угорских народов в национальных республиках Урало-Поволжья.

Материалы и методы

В работе использован широкий круг опубликованных источников, это, прежде всего, материалы Всероссийской переписи населения 1989 года, а также трех Всесоюзных переписей 2002, 2010 и 2020 годов, в которых нами применялся этнодемографический состав населения национальных республик Урало-Поволжского региона, а также признание родным языка своей национальности и владение населением родным и русским языками, часть которых была получена из Текущего архива Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (ТА ТО ФСГС по РБ). Применены методы исследования: конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы позволили выявить динамику изменения этнодемографического и этноязыкового развития финно-угорских народов за последние 30 лет времени; ретроспективный позволил для восполнения ряда важных данных переписи, которые имелись только в архивах.

Результаты исследования, обсуждения

Численность финно-угорского населения в республиках Урало-Поволжья начиная с 1989 по 2020 год имела тенденцию сокращения. За прошедший межпереписной период с 2010 по 2020 год численность марийского

населения по стране с 547 605 чел. сократилась до 423 803 чел., т.е. сокращение составило 123 802 чел. Если в 2010 году из всех марийцев 70,5 % признали родным марийский язык [Итоги, 2012, Т. 4, кн. 1], то в 2020 году данный показатель составил 75,1 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 6]. Если за предыдущие годы между переписями наблюдалось сокращение лиц с родным языком своей национальности, то в 2020 году происходит обратная тенденция.

Численность мордовского населения за этот период с 744 237 чел. сократилась до 484 450 чел., т.е. на 259 787 чел. Родным мордовский язык в 2010 году признали 386 384 чел. или 59,0 %. В 2020 году данный показатель сократился и составил 274 876 чел. (56,7 %). Иными словами, среди мордвы за 10 лет численность с родным языком своей национальности сократилась на 111 508 чел. [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 6].

Численность удмуртского населения по стране с 2010 по 2020 год сократилась на 165 834 чел. В 2010 году численность удмуртов с родным удмуртским языком по стране составила 342 963 чел. (62,1 %). А в самой Республике Удмуртия 65,0 % удмуртов признали родным удмуртский язык, в Мордовии этот показатель среди титульной этнической группы отмечен на уровне 70,7 %, в Республике Марий Эл – 72,0 % [Итоги, 2012, Т. 4, кн. 1].

Следует отметить, что наиболее компактно финно-угорское население за пределами своих одноименных республик проживает в республиках Башкортостан и Татарстан. В Башкортостане по переписи 2010 года численность марийского населения составляла 103 658 чел. Однако перепись 2020 года показала существенное сокращение марийцев в Башкортостане до 84 988 чел. Численность удмуртов и мордвы также претерпела некоторое сокращение. За межпереписной период с 2010 по 2020 год численность мордвы в РБ сократилась на 9330 чел., удмуртов – на 4328 чел. При этом общая их численность составляла более 10 тыс. (ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2020).

**Численность финно-угорского населения с родным языком своей национальности
в республиках Урало-Поволжья**
[Всероссийская, 2020, т. 5].

	Всего лиц данной нац-ти	С родным языком дан- ной нац-ти	Число и доля лиц в городах	С родным языком в городе	Число и доля лиц в селе	С родным языком св. нац-ти
Россия						
марийцы	423 803 0,28	318 495 75,1	186 642 44,0	122 686 65,7	237 161 56,0	195 809 82,6
мордва	484 450 0,32	274 876 56,7	248 343 51,3	118 603 47,8	236 107 48,7	156 273 66,2
удмурты	386 465 0,26	271 882 70,3	133 977 34,7	70 395 52,5	252 488 65,3	201 487 79,8
Республика Башкортостан						
марийцы	84 988 2,1	76 678 90,2	30 356 35,7	25 213 83,1	54 632 64,3	53 700 98,3
мордва	10 970 0,3	7871 71,7	5105 46,5	2950 57,8	5865 53,5	5112 87,2
удмурты	17 149 0,4	15 705 91,6	4883 28,5	4190 85,8	12 266 71,5	11 900 97,0
Республика Марий Эл						
марийцы	246 560 36,4	179 094 72,6	107 729 43,7	71 252 66,1	138 831 56,3	109 817 79,1
мордва	423 0,06	179 42,3	362 85,6	145 40,0	61 14,4	34 55,7
удмурты	1348 0,2	1094 81,6	345 25,6	189 54,8	1003 74,4	922 91,9
Республика Мордовия						
мордва	290 750 37,1	160 405 55,2	149 667 51,5	75 353 50,3	141 083 48,5	91 074 64,5
марийцы	94 0,01	55 58,5	55 58,5	28 50,9	39 41,5	27 69,2
удмурты	39 0,005	17 43,6	25 64,1	10 40,0	14 35,9	7 50,0
Республика Татарстан						
марийцы	15 666 0,4	12 751 81,4	9102 58,1	6818 74,9	6564 41,9	6170 94,0
мордва	12 065 0,3	8677 71,9	8007 66,3	5463 68,2	4058 33,6	3429 84,5
удмурты	21 327 0,5	18 220 85,4	8917 41,8	6872 77,1	12 410 58,2	11 629 93,7
Республика Удмуртия						
удмурты	299 874 20,6	210 592 70,2	92 072 30,7	48 409 52,6	207 802 69,3	166 661 80,2
марийцы	5983 0,4	4565 76,3	2006 33,5	1174 58,2	3977 66,5	3486 87,7
мордва	466 0,03	185 39,7	314 67,4	111 35,3	152 32,6	74 48,7
Республика Чувашия						
марийцы	2904 0,2	1500 51,6	2495 85,9	1267 50,8	409 14,1	309 75,5
мордва	7707 0,6	4641 60,2	3760 48,8	1757 46,7	3947 51,2	2990 75,7
удмурты	214 0,0002	86 40,2	156 72,9	49 31,4	58 27,1	37 63,8

Небольшая численность из финно-угорских народов за пределами своих республик в Урало-Поволжье по данным переписи 2020 года отмечена у мордвы: в Марий Эл – 423 чел. и в Удмуртии – 466 чел. Весьма незначительная численность удмуртов проживала в Чувашии – 214 чел., а в Мордовии, наряду с удмуртами – 39 чел., зафиксировано 94 марийца, более половины и тех, и других были горожанами [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4].

У марийцев в Башкортостане в 2010 года родным языком своей национальности признали 88,3 % [Национальный, 2013, Ч. 2, с. 80], в Татарстане – 82,3 %, что существенно было выше, чем в Республике Марий Эл (72,0 %). Из всех удмуртов в Башкортостане 89,5 %, в Татарстане – 85,7 % признали родным удмуртский язык, тогда как в самой Удмуртии всего лишь – 65,0 % [Итоги, 2012, Т. 4, кн. 1].

Самый низкий уровень родного мордовского языка в 2010 году отмечен в Башкортостане (56,6 %) и в Чувашии – 60,5 % [Итоги, 2012, Т. 4, кн. 1]. Следует также отметить, что аналогичный парадокс проявляется и среди удмуртского населения, т.к. признание среди удмуртов родного языка своей национальности в одноименной республике было на несколько пунктов меньше (65,0 %), чем у мордвы в своей республике (70,7 %). Одним из низких было признание марийцами родным языка своей национальности в Республике Чувашия. Из 3648 чел. марийской национальности, лишь немногим более половины (53,7 %) родным отметили марийский язык [Итоги, 2012, Т. 4, кн. 1].

Например, по данным переписи 2020 года, из 423 803 марийцев по стране 318 495 чел. (75,1 %) родным признали марийский язык, тогда как о своем владении отметили только 62,5 %. Из всех владеющих марийским языком лишь немногим более половины (53,9 %) подтвердили, что пользуются им в повседневной жизни [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4]. В условиях города данный показатель еще снижается. Если учитывать то, что по данным переписи лишь 44,0 % марийцев проживало в городах, то среди горожан, пользующихся родным марийским языком в повседневной жизни составило всего лишь 47 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4]. Еще более интересными представляются показатели по горным

марийцам. Если общая численность горных марийцев по стране составляла 14 077 чел., то родным горномарийский диалект назвали 18 332 чел. и пользующихся им в повседневной жизни также превышал общую их численность [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4]. Аналогичная тенденция характерна и для представителей луговых марийцев. Численность признавших родным восточно-луговой диалект марийского языка и владеющих им в два раза превышает число лиц, идентифицирующих себя луговыми марийцами. В целом по стране 84 969 чел. марийской национальности, что составляет 20,0 % из всех марийцев, в качестве родного отметили русский, 18 221 – горномарийский, 612 – татарский, 225 – лугово-восточный, 294 – башкирский язык, 73 – чувашский, 36 – удмуртский, 33 – мансийский языки [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 7]. В целом по стране марийский язык родным считало 318 495 чел., из них 56,6 % приходилось на Республику Марий Эл, в которой 181 069 чел. родным признали марийский язык. Это с учетом не только марийцев, но и представителей других этнических групп, проживающих в республике, но, признающих марийский язык родным. Из них 71 232 чел. (39,3 %) в городах и 109 817 чел. (60,6 %) на селе [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4]. Из всех марийцев в Республике Марий Эл родным марийский язык, по данным переписи 2020 года, отметило 179 094 чел., что составило 72,6 %. Помимо марийцев, почти 2 тыс. чел. других этнических групп марийский язык назвали родным, из них 773 русских, 50 татар, 19 чувашей, 201 других национальностей, а также 928 чел., не указавших свою национальность [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 7].

Самый высокий показатель родного языка у марийцев, по данным переписи 2020 года, был отмечен в Республике Башкортостан, из 84 988 марийцев в качестве родного отметили 78 913 чел. (90,2 %). Из них 25 213 чел. в городах (32,0 %) и 53 700 чел. в сельской местности [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 7]. Данный показатель отражает не только марийцев, но и всех остальных жителей республики, помимо марийцев, которые признали в качестве родного марийский язык. Доля предста-

вителей других национальностей в общей структуре с родным марийским языком составляет 2235 чел. (2,6 %). Из них – башкиры – 681 чел., русские – 349 чел., татары – 99 чел., мордва – 22 чел. и др. Среди марийцев Башкортостана более 7078 чел. (8,3 %) родным признали русский язык [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 3]. Хотя в 2010 г. родным русский язык был отмечен у 11 450 марийцев, что составляло 11,0 % [Национальный, 2013, Ч. II, с. 80]. По данным переписи 2020 года среди марийцев 99,3 % отметили о своем владении русским языком и 97,0 % об использовании его в повседневной жизни. А тут существенное сокращение как абсолютной, так и относительной величины численности владеющих марийским языком. Иными словами, некоторые показатели родного русского языка и столь масштабное сокращение численности марийского населения в республике не совсем вписываются в естественные процессы этнодемографического и этноязыкового развития народов в целом. Если учитывать и такой фактор, что в Башкортостане самая высокая рождаемость за последние 30 лет отмечена у марийцев [Сафин, Сиразетдинов, 2020, с. 447], что является одним из существенных факторов естественного роста, то такого сокращения не должно было быть. Масштабных миграционных процессов среди марийского населения за пределы республики также не отмечено.

В самой Республике Марий Эл в 1989 году признание марийцами родного марийского языка составляло 88,4 % [Сафин, Мухтасарова, Халиулина, 2019, с.158]. Иными словами, за 20 лет численность марийцев с родным марийским языком в республике сократилась на 76 924 чел. или на 16,4 %, тогда как в Башкортостане сокращение имело место всего лишь на 2,9 %, а в Татарстане – на 0,7 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 7].

Аналогичная тенденция признания удмуртами родного языка отмечена в одноименной республике, в которой за 1989–2010 годы проявилось сокращение на 10,7 %, а в Башкортостане – на 0,5 %, в Татарстане – на 1,1 %. Численность удмуртов в последних двух республиках в целом оставалась стабильной. Причины данного парадокса видимо необходимо искать не в соотношении городского и сель-

ского населения, поскольку во всех этих трех республиках удмурты преимущественно проживают компактными группами в сельской местности. Более глубинные процессы заложены в учебном процессе в общеобразовательных школах с изучением родного и обучением на родном удмуртском языке. Поскольку, как в Башкортостане, так и в Татарстане, еще с советских времен сохранились обучение и изучение удмуртского языка в школьном образовании [Сафин, Мухтасарова, Халиулина, 2020, с. 14–24].

Среди финно-угорских народов Урало-Поволжья особое место в этнодемографическом и этноязыковом развитии занимает мордовское население. Если с 1989 по 2002 год численность мордвы в одноименной республике сократилась почти на 30 тыс. чел., то в следующий межпереписной период (2002–2010 годы) она увеличилась почти на 50 тыс. [Сафин, Мухтасарова, Халиулина, 2019, с. 152–167]. Перепись 2020 года показала новое сокращение уже на 42 362 чел., при этом доля мордвы в республике составляла уже 37,1 %, что по сравнению с 1989 годом увеличилась на 4,6 %. Демографический фактор также оказывал существенное влияние на этноязыковой аспект проблемы. Если в 1989 году 88,5 % мордвы признавало родным мордовский язык, то в 2010 году доля таковых сократилась до 70,7 %, т.е. сокращение составило 17,8 % [Сафин, Мухтасарова, Халиулина, 2019, с. 152–167]. Низким оставалось признание родным языком у мордовского населения, проживающего в Удмуртии (39,7 %) и Марий Эл (42,3 %), поскольку численность мордвы в этих республиках составляла менее 500 чел.

Несмотря на сокращение численности финно-угорских народов в таких республиках, как Башкортостан и Татарстан, доля с родным языком по сравнению в их одноименных республиках, по данным переписи 2020 года выглядит весьма впечатляюще.

В Башкортостане марийский язык родным признали 90,2 % от численности марийцев в республике, среди них 98,3 % марийцев в сельской местности и 83,1 % в городах, а удмуртский – 91,6 %, в селе – 97,0 % и в городах – 85,8 % и мордовский – 71,7 %, на селе среди мордвы – 87,2 %, в городах – 57,8 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 3].

В Татарстане из 15 666 марийцев в 2020 году 81,4 % признали родным марийский язык. Из них на селе 94,0 %, а в городах данный показатель составлял 74,9 %, т.е. на 20 % меньше. Численность мордвы в Татарстане с родным языком своей национальности была существенно меньше, чем у марийцев и удмуртов. Если средний показатель с родным языком у мордвы был на уровне – 71,9 %, то на селе он доходил до 84,5 %, а в городах всего лишь – 68,2 %. В Татарстане одним из высоких было сохранение родного языка и среди удмуртов (85,4 %). Вариация между городскими и сельскими жителями составила 16,6 %, при доле сельчан – 93,7 %, горожан – 77,1 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 3].

Казалось бы, в одноименных республиках, где национальные языки, имеющие государственный статус, находящиеся под защитой республиканских органов власти, согласно существующим региональным программам по их сохранению и возрождению, должны были иметь высокую долю титульного населения с родным языком своей национальности. А получилось, наоборот, что удельный вес с родным языком у титульных этнических групп в одноименных республиках существенно был ниже, чем проживающих не в «своих республиках».

Высокий уровень сохранения родного языка обусловлен компактным проживанием этнических групп в сельской местности, в которой языком общения в однонациональной деревне выступает национальный язык данной этнической группы. Несмотря на проявляющиеся тенденции смены родного языка и приобщения в основном к русскому языку, горожане в первом поколении еще сохраняют родной язык своей национальности. Например, из 6 тыс. марийцев в Удмуртии 76,3 % в качестве родного признали марийский язык. Из всех марийцев в городах проживала одна треть (33,5 %), среди которых более половины (58,2 %) родным языком отметила марийский [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4].

В городах Татарстана родной марийский отмечен у 74,9 %, в Башкортостане – 83,1 %, тогда как в самой Марий Эл только лишь – 66,1 % [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 4].

Практически аналогичная тенденция среди удмуртского и мордовского городского

населения. При этом лишь в городах двух республик – Башкортостане и Татарстане относительно высокой остается доля с родным языком своей национальности. Например, в Башкортостане доля мордвы в составе городского населения составила 46,5 %, при этом более половины из них (57,8 %) родным языком признала мордовский. Из всей городской мордвы в повседневной жизни мордовским языком пользовались менее трети (30,7 %) представителей данной национальности, тогда как русским – 99,1 %.

Среди удмуртов удельный вес городского населения составляла лишь немногим более четверти (28,5 %). При этом из них 85,8 % родным отметили удмуртский язык. В городах Башкортостана проживало 4883 удмурта, из них 64,3 % владели удмуртским языком, 53,7 % им пользовались в повседневной жизни. Общая численность мордвы и удмуртов в городах республики приблизительно была равной (табл. 1), но несмотря на это, носители удмуртского языка в 1,7 раза больше использовали родной язык в повседневной жизни, чем это делала мордва. О своем употреблении русского языка в повседневной жизни отметили 95,8 % удмуртов Башкортостана (табл. 2).

В Башкортостане доля горожан среди марийского населения по данным переписи 2020 года составляла 30 356 чел. (35,7 %), из них половина (49,1 %) родным признала марийский язык, при этом 42,6 % пользуется им в повседневной жизни, что составляет 22,4 % от всех марийцев, владеющих в республике марийским языком (табл. 2). Но при этом в целом по республике 97,0 % марийцев в своей повседневной жизни используют русский язык.

В Республике Татарстан из 21 тыс. удмуртов 41,8 % проживало в городах, из них 77,1 % родным считали удмуртский язык, тогда как в самой Республике Удмуртия всего лишь немногим более половины (54,8 %) удмуртов горожан родным признали язык своей национальности. Если в Татарстане, по данным переписи 2020 года, из всех городских удмуртов более половины (51,4 %) в своей повседневной жизни использовали удмуртский язык (табл. 2), то 85,6 % в аналогичной ситуации употребляли русский.

Численность финно-угорского населения с родным русским и владение русским языком в республиках Урало-Поволжья
[Всероссийская, 2020, т. 5].

	Всего лиц данной нац-ти	С родным языком св. нац-ти	С родным русским языком	Владеют русским языком	Польз-ся в повсед-й жизни
Россия					
марийцы	423 803 0,28	312 277 73,7	84 969 20,0	416 087 98,2	404 835 95,5
мордва	484 450 0,32	264 499 54,6	144 913 30,3	479 832 99,0	471 552 97,3
удмурты	386 465 0,26	265 531 68,7	117 766 30,5	382 476 99,0	373 293 96,6
Республика Башкортостан					
марийцы	84 988 2,1	76 678 90,2	7078 8,3	84 403 99,3	82 472 97,0
мордва	10 970 0,3	7871 71,7	2895 26,4	10 934 99,7	10 888 99,3
удмурты	17 149 0,4	15 705 91,6	1160 6,7	17 024 99,3	16 435 95,8
Республика Марий Эл					
марийцы	246 560 36,4	179 094 72,6	43 701 17,7	240 202 97,4	231 916 94,1
мордва	423 0,06	179 42,3	Нет сведений	421 99,5	419 99,1
удмурты	1348 0,2	1094 81,6	240 17,9	1339 99,3	1336 99,1
Республика Мордовия					
мордва	290 750 37,1	160 405 55,2	63 598 21,9	287 493 98,9	280 684 96,5
марийцы	94 0,01	55 58,5	Нет сведений	94 100	93 98,9
удмурты	39 0,005	17 43,6	Нет сведений	39 100	39 100
Республика Татарстан					
марийцы	15 666 0,4	12 751 81,4	2434 15,5	15 379 98,7	14 585 93,1
мордва	12 065 0,3	8677 71,9	2817 23,3	11 869 92,2	11 819 98,0
удмурты	21 327 0,5	18 220 85,4	2839 13,3	20 973 98,3	18 253 85,6
Республика Удмуртия					
удмурты	299 874 20,6	210 592 70,2	87 280 29,1	296 703 98,9	291 033 97,1
марийцы	5983 0,4	4565 76,3	1369 22,9	5950 99,4	5916 98,9
мордва	466 0,03	185 39,7	Нет сведений	466 100	462 99,1
Республика Чувашия					
марийцы	2904 0,2	1500 51,6	1241 42,7	2876 99,0	2876 99,0
мордва	7707 0,6	4641 60,2	2568 33,3	7683 99,7	7542 98,8
удмурты	214 0,0002	86 40,2	Нет сведений	214 100	214 100

В Удмуртии 88,5 % представителей титульной этнической группы в своей повседневной жизни пользовались родным языком своей национальности, при этом использование русского языка достигало 97,1 %.

Наибольшая вариация употребления родного и русского языков отмечена у мордвы в одноименной республике. Если мордовский язык в повседневной жизни использовали всего лишь немногим более трети (37,4 %) представителей титульной этнической группы, то в аналогичной ситуации употребление русского языка превышало 96 %.

Одной из причин столь высокого удельного веса с родным языком своей национальности у мордвы и, прежде всего, у удмуртов в городах, видимо, кроется в том, что сохранившие родной язык представители данных этнических групп являются горожанами в первом поколении, которые еще не забыли свой родной язык. Вместе с тем надо полагать, что значительная часть молодежи с родным языком своей национальности в определенной степени еще не прекратила связи с деревней, где общение со своими родственниками происходит на национальном языке.

Но, с другой стороны, несмотря на видимость столь широкого применения национальных языков в повседневной жизни у финно-угорских народов, независимо от региона

проживания, все же доминирует употребление русского языка.

Например, проживающие в Республике Марий Эл 54,6 % марийцев отметили, что они в повседневной жизни пользуются марийским языком, в то же время об употреблении русского языка в быту признали 94,1 %. Практически также использует русский язык удмуртское население, проживающее в Республике Марий Эл. Если в повседневной жизни удмуртский язык употребляли 62,7 % удмуртов, то русский язык применяют 99,1 %.

Заключение. Таким образом, на основе анализа широкого круга источников и литературы выявлено, что среди финно-угорских народов в национальных республиках Урало-Поволжья наблюдается тенденция постепенного сокращения доли родного языка своей национальности. Основными факторами данного процесса выступают широкая урбанизация среди финно-угорских народов, поскольку в городах доминирующим языком выступает русский язык. Несмотря на существенное сокращение доли родных языков, их социальная база позволяет использование родных языков в повседневной жизни. Вместе с тем проводимая языковая политика в целом по стране направлена на дальнейшее углубление функций русского языка, выступающего как одного из факторов формирования общероссийской идентичности населения, независимо от этнической принадлежности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 1. Национальный состав населения. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 15.08.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 3. Население по национальной принадлежности, владению русским языком и его использованию. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 12.08.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 4. Владение языками и использование языков населением. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 05.08.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 6. Население по родному языку. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 15.09.2023).

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 7. Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку. https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 15.09.2023).

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012. 847 с.

Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа. 1990. 104 с.

Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. Статистический сборник в 2 ч. Уфа. Башкортостанстат, 2013. Ч. II. 189 с.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиulina А.И. Этнодемографические и языковые проблемы удмуртского населения в Башкортостане // Вестник Удмуртского университета. 2019. Т. 29, вып. 4. С. 660–668.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Этнодемографическое и этноязыковое развитие финно-угорских народов в Урало-Поволжье // Финно-угорский мир. 2019. Том 11, № 2. С. 152–167.

Сафин Ф.Г., Сиразетдинов К.О. Марийцы Башкортостана в 1970–2010 годы: демографические и лингвистические аспекты развития // Научный диалог. 2020. № 6. С. 434–352.

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И. Школьное образование как фактор сохранения родного языка в многонациональном регионе (на примере обучения на удмуртском языке в Башкортостане) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Том 14. Выпуск 1. С. 14–24.

Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан (Башкортостанстат). Всесоюзная перепись населения 2020 г. Население по национальности и родному языку (ТА ТО ФСГС по РБ ВПН 2020).

Fail Safin, Alyona Ilieva, Elena Gilmitdinova

ETHNO-LINGUISTIC PROCESSES BETWEEN THE FINNO-UGRIC PEOPLES IN THE URAL-VOLGA REPUBLICS*

Introduction. The issue of ethnic and ethno-linguistic identity has been controversial in national republics in recent years. **The purpose of the study** is to reveal ethno-linguistic processes between Finno-Ugric peoples in the national republics of the Ural-Volga region. **Materials and methods.** The article was prepared on the basis of a wide range of materials of the All-Union and All-Russian censuses, as well as available sources on the issue. **Research methods** include specific historical, comparative-historical and retrospective methods. **Research results and discussion.** It has been revealed that, according to the latest censuses, the number of Finno-Ugric population has not increased in any of the republics. It is noted that the Finno-Ugric peoples have some paradoxes related to the preservation of their native languages. In the Finno-Ugric republics of the same name, the proportion of people who recognize their native language as one of their nationality is lower than in the Turkic-speaking republics (Bashkortostan and Tatarstan). It has been found that, despite their knowledge of their native language, the use of the Finno-Ugric languages in everyday life appears to be limited and significantly inferior to the functions of Russian. **Conclusion.** On the basis of a comprehensive use of a wide range of sources, it was possible to identify that among the Finno-Ugric peoples in the national republics of the region there is a tendency to gradually decrease the share of their national mother tongues. The main factors of this process are the widespread urbanization of the Finno-Ugric peoples in the post-Soviet period and the dominant influence of the Russian language in the cities. Despite a significant reduction in the proportion of mother tongues, people use them in everyday life.

Key words: Finno-Ugric; Mari; Mordva; Udmurt; native language; knowledge of languages; republics.

REFERENCES

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. Tom 5, tabl. 1. Nacional'nyj sostav naseleniya [All - Russian Population Census 2020 Volume 5, table. 1. The national composition of the population]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 15 August 2023).

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. Tom 5, tabl. 3. Naselenie po nacional'noj prinadlezhnosti, vladeniyu russkim yazykom i ego ispol'zovaniyu [All - Russian Population Census 2020 Volume 5, table. 3. The population by nationality, proficiency in the Russian language and its use]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 12 August 2023).

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. Tom 5, tabl. 4. Vladenie yazykami i ispol'zovanie yazykov naseleniem [All - Russian Population Census 2020 Volume 5, Table 4 Language proficiency and use of languages by the population]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 5 August 2023).

* The study was carried out within the framework of the state task «Social Bases of Ethno-political Processes in the Republics of the Ural-Volga Region», No. AAA-A21-121012290085-3 in the Institute of Ethnological Research, Ufa Research Center, Russian Academy of Sciences

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. Tom 5, tabl. 6. Naselenie po rodnomu yazyku. [All - Russian Population Census 2020 Volume 5, table. 6. Population by native language]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 15 September 2023).

Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. Tom 5, tabl. 7. Naselenie naibolee mnogochislennyh nacional'nostej po rodnomu yazyku [All - Russian Population Census 2020 Volume 5, table. 7. The population is predominantly multinational in their native language]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed 15 September 2023).

Itogi Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda. V 11 tomah. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [Results of the All-Russian Population Census of 2010. In 11 volumes. Vol. 4. National composition and language proficiency, citizenship]. In the Book.1. Moscow, Informacionno-izdatel'skij centr "Statistics of Russia", 2012, 847 p.

Nacional'nyj sostav naseleniya Bashkirskoj ASSR po rezul'tatam Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1989 g. [The national composition of the population of the Bashkir ASSR according to the results of the All-Union population Census of 1989]. Ufa, 1990, 104 p.

Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 g. Statisticheskij sbornik v 2 ch. [National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan According to the All-Russian Population Census of 2010. Statistical collection, part 2]. Ufa, Bashkortostan, 2013. Part II, 189 p.

Safin F.G., Muhtasarova E.A., Haliulina A.I. Etnodemograficheskie i yazykovye problemy udmurtskogo naseleniya v Bashkortostane [Ethnodemographic and linguistic problems of the Udmurt population in Bashkortostan]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. 2019. vol. 29, iss. 4, pp. 660-668. (In Russian).

Safin F.G., Muhtasarova E.A., Haliulina A.I. Etnodemograficheskoe i etnoyazykovoe razvitie finno-ugorskih narodov v Uralo-Povolzh'e [Ethnodemographic and ethnolanguage development of Finno-Ugric peoples in the Ural-Volga region]. *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world]. 2019. vol. 11, no. 2, pp.152–167. (In Russian).

Safin F.G., Sirazetdinov K.O. Marijcy Bashkortostana v 1970–2010 gody: demograficheskie i lingvisticheskie aspekty razvitiya [Mari people of Bashkortostan in 1970-2010: demographic and linguistic aspects of development]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialog]. 2020, no. 6, pp.434-352. (In Russian).

Safin F.G., Muhtasarova E.A., Haliulina A.I. SHkol'noe obrazovanie kak faktor sohraneniya rodnogo yazyka v mnogonacional'nom regione (na primere obucheniya na udmurtskom yazyke v Bashkortostane) [School education as a factor of preserving the native language in a multinational region (by example teaching in the Udmurt language in Bashkortostan)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2020, vol. 14, iss. 1, pp. 14-24. (In Russian).

Tekushchij arhiv Territorial'nogo organa federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan (Bashkortostanstat). Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 2020 g. Naselenie po nacional'nosti i rodnomu yazyku. (TA TO FSGS po RB VPN 2020) [The current archive of the territorial body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan (Bashkortostanstat). All-Union Population Census 2020. Population by nationality and native language. (THE same FSGS for RB VPN 2020)].

Сафин Фаиль Габдулович

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИЭИ УФИЦ РАН,
профессор кафедры философии, истории
и социального инжиниринга ФГБОУ ВПО
Уфимского государственного нефтяного
технического университета,
г. Уфа
e-mail: failsafin@mail.ru

Ильева Елена Андреевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры физической культуры и спорта
Бирского филиала ФГБОУ ВО
«Уфимский университет
науки и технологий»,
г. Бирск
e-mail: Ilievaalena72@mail.ru

Гильмитдинова Елена Максимовна

учитель английского языка МБОУ СОШ
с. Сусады-Эбалак МР Янаульский район РБ
e-mail: gilmitdinova_e_m@mail.ru

Fail Safin

Doctor of History, Professor,
Chief Researcher of the Institute of Ethnological Research
Ural Federal Research Centre of the Russian Academy of
Sciences,
Professor of Philosophy, History and
Social Engineering Chair of Ufa State Petroleum
Technological University,
Ufa
e-mail: failsafin@mail.ru

Alyona Ilieva

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Physical Culture
and Sports Chair Birsk Branch of Ufa University
of Science and Technology,
Birsk
E-mail: Ilievaalena72@mail.ru

Elena Gilmitdinova

English teacher of the Secondary General School
Susady-Ebalak, Yanaul District of the Republic
of Bashkortostan
e-mail: gilmitdinova_e_m@mail.ru

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 811.511.151

«ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ» (к юбилею Л.Я. Григорьевой)

© 2023 г. М.Т. Ипакова

22 июля 2023 года отметила свой юбилей деятель науки, ученый-филолог, директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, кандидат филологических наук, доцент Людмила Яковлевна Григорьева. В администрации института она работает уже более десяти лет, является опытным руководителем, всегда достигает своих целей. Под ее руководством наш сплоченный коллектив продолжает свое динамичное развитие. Благодаря высокой организаторской способности и многолетнему опыту работы Людмила Яковлевна заслужила уважение в научном сообществе. Ее жизненное кредо: «Дорогу осилит идущий».

Людмила Яковлевна родилась 22 июля 1973 года в деревне Сапуньжа (мар. Шап Унчо) Моркинского района Марийской АССР в обычной сельской семье. В 1980–1983 годах училась в Ямбаторской начальной школе, затем продолжила учебу в Шоруньжинской средней школе Моркинского района (1983–1991). Как отмечает юбиляр, любовь к родному языку и к родному краю привили ее родители Яков Викторович и Анастасия Филипповна Александровы. В выборе профессии огромную роль сыграли учителя: Светлана Николаевна Федорова, Владимир Гордеевич Егоров, Валентина Платоновна Егорова, Валерий Петрович Шаймарданов, Людмила Николаевна Александрова, Людмила Изосимовна Ямнеева.

После средней школы Л.Я. Григорьева поступила в Марийский государственный университет, окончила историко-филологический факультет с присвоением квалификации «Филолог. Преподаватель марийского языка и литературы, русского языка и литературы» (1996). В стенах университета она глубже начала изучать свой родной язык и филологию у таких известных профессоров, как Ю.В. Андуганов, И.С. Галкин, Н.Н. Глухова, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев, З.В. Учаев. Благодаря их напутствиям, поступает в аспирантуру по специальности 10.02.22 – «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)».

7 марта 2003 года на заседании Диссертационного совета Д 212.116.01 при Марийском государственном университете Людмила Яковлевна защитила кандидатскую диссертацию

на тему «Глагольное управление в восточном наречии марийского языка». Диссертационная работа написана под руководством доктора филологических наук профессора Ю.В. Андуганова. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор Г.М. Тужаров (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук старший преподаватель А.А. Илиева (Бирск).

Кандидатская диссертация Л.Я. Григорьевой представляет собой «первое монографическое исследование по диалектному синтаксису марийского языка на уровне связи формы слова: посвящена она системному изучению глагольного управления в восточном наречии исследуемого языка» [Тужаров, 2003, с. 218]. Данное исследование предлагает новые факты для освещения путей развития синтаксиса марийского языка, оно поможет выявить возможности диалектного и общеразговорного синтаксиса, взаимосвязи диалектов и письменного языка, что в конечном итоге будет способствовать обогащению моделей синтаксических конструкций марийского литературного языка [Там же, с. 219]. Автор диссертации выявила в восточном наречии большое количество отличных от литературной нормы синтаксических образований. По ее мнению, в глагольной конструкции восточного наречия выступает иной падеж или послелог, чем в литературном языке; между компонентами глагольных конструкций реализуются разные виды морфолого-синтаксической связи: в восточном наречии – управление, в литературной норме – примыкание. Результаты исследования свидетельствуют, что в говорах восточного наречия марийского языка сохраняются словосочетания, построенные по структурным моделям древнемарийского языка, а также появляются новые классы синтаксических конструкций, вследствие чего происходит обогащение системы глагольных словосочетаний диалекта. Научная новизна диссертации заключается в следующем: работа представляет собой первое системное описание глагольного управления в восточном наречии марийского языка; впервые в марийской диалектологии принята попытка социолингвистического изучения языкового материала с применением комплексной методики; выявлено большое

количество отличительных от литературной нормы синтаксических образований, раскрыта природа их происхождения; определен ареал распространения выявленных языковых особенностей в говорах восточного наречия [Там же, с. 222].

Во время учебы на историко-филологическом факультете началась преподавательская деятельность Л.Я. Григорьевой: в 1995–1997 годах она работала по совместительству в Политехническом лицее Республики Марий Эл преподавателем марийского языка и литературы. В период подготовки и после защиты кандидатской диссертации работала заведующей кабинетом финно-угорской филологии (2000–2003), старшим преподавателем (2003–2006), доцентом кафедры финно-угорских языков Марийского государственного университета (2006–2008).

В университете Людмила Яковлевна преподавала общетеоретические дисциплины: введение в языкознание, общее языкознание, история и методы лингвистических исследований, сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков, основные проблемы современного финно-угроведения, современные языковые процессы, теоретические проблемы современного марийского языка. Ею опубликованы методические указания для организации самостоятельной работы по дисциплинам: «Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков» (2006) и «Общее языкознание» (2007). Являлась руководителем курсовых и дипломных работ студентов. Некоторые ее ученики обучались в аспирантуре и успешно защитились. Будучи ответственной по внеурочной деятельности историко-филологического факультета, она активно участвовала в организации и проведении общественных мероприятий. Была инициатором и главным координатором по проведению олимпиады по финно-угорской филологии в Марийском государственном университете, победители которой принимали участие во всероссийских филологических олимпиадах в Ижевске и Саранске.

С сентября 2008 года Л.Я. Григорьева трудится в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ). Сначала она работала старшим научным сотрудником

отдела языка института, по совместительству – доцентом кафедры общего и финно-угорского языкознания Марийского государственного университета. С 2013 года – учёный секретарь МарНИИЯЛИ, а с 2016 года – заместитель директора, при этом неоднократно исполняла обязанности директора института. С 14 февраля 2023 года Л.Я. Григорьева Правительством Республики Марий Эл назначена директором Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Активная жизненная позиция, ответственность, работоспособность и нацеленность на результат – все эти положительные качества Людмилы Яковлевны помогают решать востребованные временем задачи института. Под ее руководством успешно разработан и реализуется комплекс организационных, методических и контрольных мероприятий, направленных на сохранение кадрового потенциала и обеспечение соответствия оплаты труда научных работников качеству выполнения работ, на укрепление положительного имиджа МарНИИЯЛИ. Благодаря этим усердиям сохраняются и развиваются традиции института, актуализируются научные исследования в соответствии с федеральными программами и с учетом специфики развития региона в современных условиях. Активно выполняются инновационные проекты в сфере изучения и популяризации марийского языка, издательские проекты МарНИИЯЛИ, в частности созданы такие фундаментальные труды, как «История Марий Эл с древнейших времен до наших дней» (2020), «Русско-марийский словарь с электронной версией» (2019) и «Марийско-русский фразеологический словарь» (2020) в двух томах, готовится к изданию «История города Йошкар-Олы».

Людмила Яковлевна уделяет особое внимание поиску новых тем и форм для междисциплинарных исследований. Она считает, что «необходимым условием для развития науки является сотрудничество с научными школами регионов России и мира». Ведется работа по поддержке и развитию научных связей с научно-исследовательскими институтами Академии наук Республики Татарстан, Научно-исследовательским институтом гумани-

тарных наук при Правительстве Республики Мордовия, Чувашским институтом гуманитарных наук, Удмуртским институтом истории, языка и литературы, Коми научным центром и другими институтами и вузами. Создаются совместные научные труды: «Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому» (2019), «Калейдоскоп культур: сборник материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан» (2021), «Марий Эл, Мордовия, Удмуртия: современная этноконфессиональная ситуация» (2021), «Мари и чуваша: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе» (2023), «Поясные наборы населения Ветлужско-Вятского междуречья IX–XI вв.» (на русском и венгерском языках) (2023) и др.

Григорьева Л.Я. – автор и редактор более 90 научных и учебно-методических трудов. Ее исследовательские работы представлены в различных изданиях международного, всероссийского и республиканского уровней. Основные направления научных исследований: диалектология и синтаксис марийского языка, общее языкознание, сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков, теория и практика перевода, когнитивная лингвистика. Научные интересы ученого весьма многогранны. Многие работы посвящены изучению восточного наречия марийского языка [Григорьева, 2000а, с. 83–85; 2000б, с. 48–57; 2002, S. 41–43; 2002, с. 256–258; 2003а, с. 52–61; 2003б, с. 177–185; 2004а, с. 40–43 и др.]. В её исследованиях заслуживают внимания узловые проблемы глагольных словосочетаний [2003а, с. 52–61; 2003б, с. 177–185; 2004а, с. 40–43; 2005, с. 85–90 и др.] и валентности глаголов в марийском языке [2013а, с. 29–34; 2014б, с. 161–169; 2015, S. 254–255; 2015, с. 52–59; 2016, с. 119–125; 2018, с. 17–21 и др.]. В поле зрения ученого – основные пути сохранения и развития языков народов России [2018, с. 82–90; 2019, с. 7–10], история возникновения и развития языкознания [2020, с. 203–212], вопросы научного сотрудничества [2023] и другие вопросы.

Григорьева Л.Я. активно участвует в научных и научно-практических конференциях, симпозиумах и конгрессах, проводимых как в России, так и за рубежом. Занимается

рецензированием и редактированием научных трудов, монографий и материалов конференций, оппонирует диссертации на соискание кандидата филологических наук, выступает в СМИ (по радио, телевидению, в периодической печати).

Является членом Правительственной комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл, Комиссии при Главе Республики Марий Эл по Государственным премиям Республики Марий Эл в области литературы, искусства, архитектуры, науки и техники, Комиссии при Главе Республики Марий Эл по присуждению Государственных молодежных премий Республики Марий Эл, Геральдического совета при Главе Республики Марий Эл, Совета ректоров образовательных организаций Республики Марий Эл, Общественного совета при Министерстве внутренних дел по Республике Марий Эл, Ревизионной комиссии Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации, председателем Ученого совета

МарНИИЯЛИ, редакционного совета журнала «Финно-угроведение».

Заслуги Л.Я. Григорьевой в научной, преподавательской, общественной и административной деятельности отмечены почетными грамотами Марийского государственного университета (2007), Государственного Собрания Республики Марий Эл (2015, 2020), Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2018, 2023), Памятной медалью «Служение народу. 100-летию Республики Марий Эл, И.П. Петров» (2021) и Благодарностью Организационного комитета Года науки и технологий (Москва, 2021).

Уважаемая Людмила Яковлевна, примите от имени всех коллег пожелания душевного тепла, добра, крепкого здоровья, неиссякаемого творческого вдохновения, новых профессиональных свершений, успешных реализаций намеченных планов, сохранения достигнутого. Пусть сбудутся все Ваши желания и устремления. Таза, кужу ўмыран, пиалан лийза.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Л.Я. ГРИГОРЬЕВОЙ

Состояние изучения восточного наречия марийского языка // Материалы II Всерос. науч. конфер. финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия». Саранск, 2000а. С. 83–85.

Этапы изучения восточного наречия марийского языка // Финно-угроведение. 2000б. № 2. С. 48–57.

Основные особенности падежно-последложного глагольного управления в восточном наречии марийского языка // IFUSCO XVIII Kansainvälinen fenno-ugristiikaan opiskelijoiden konferenssi. Helsinki, 2002. S. 41–43.

Глагольное падежное управление в восточном наречии марийского языка // Материалы Всерос. междисциплинарной науч. конфер. «Россия и мировое сообщество в поисках новых форм стабильности». Йошкар-Ола, 2002. С. 256–258.

Глагольные словосочетания с зависимым именем в дательном падеже восточного наречия марийского языка // Материалы Регион. науч. конфер. «Актуальные проблемы межъязыковых и межкультурных контактов», посвящ. 70-летию со дня рождения проф. Л.П. Грузова. Йошкар-Ола, 2003а. С. 52–61.

Глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в номинативе в восточном наречии марийского языка // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: материалы Междунар. науч. конфер., посвящ. 70-летию проф. И.С. Галкина. Йошкар-Ола, 2003б. С. 177–185.

Реализация глагольного управления в словосочетании с зависимым именем в аблативе восточного наречия марийского языка // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы науч.-практ. конфер., посвящ. 90-летию со дня рождения проф. Н.Т. Пенгитова. Йошкар-Ола: МГПИ им. Н.К. Крупской. Кафедра марийского языка и литературы, 2004а. С. 40–43.

Речевые и собственно диалектные особенности в реализации глагольного управления восточного наречия марийского языка // Актуальные проблемы финно-угроведения: материалы Регион. науч.-практ. конфер. 22–23 апреля 2004 г. Ч. 1. Бирск: Бирск. гос. пед. ин-т, 2004б. С. 59–63.

Глагольно-именные словосочетания со значением образа действия в восточном наречии марийского языка // Марийская филология (посвящ. 70-летию проф. И.Г. Иванова). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 85–90.

Глагольные словосочетания с зависимым именем в абессиве в восточном наречии марийского языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всерос. науч. конфер. финно-угроведов. Сыктывкар: Ин-т яз., лит. и истории Коми науч. центра УрО РАН, 2005. С. 69–71.

Некоторые особенности функционирования зависимых компонентов глагольно-именных словосочетаний восточного наречия марийского языка // Тезисы секционных докладов X Междунар. конгр. финно-угроведов: Лингвистика. Ч. II. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2005. С. 44–46.

Финн-угор йылме ешын сравнительно-исторический грамматикыже (Методические указания для организации самостоятельной работы по дисциплине «Сравнительно-историческая грамматика финно-угорских языков» для студентов специальности 021700 – Филология). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006. 45 с.

Йылмышанчын историйже: шкевуйа тунеммым тергымаш (Методические указания для организации самостоятельной работы по дисциплине «Общее языкознание» для студентов специальности 021700 – Филология). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. 36 с.

Марий йылмысе глаголан муткылдышлаште вариантность // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов: материалы Регион. науч. конфер., посвящ. 75-летию со дня рождения проф. Л.П. Грузова. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2007. С. 125–129.

Глагольные словосочетания с пространственным значением в восточном наречии марийского языка // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества: сб. науч. трудов Всерос. науч.-практ. конфер., посвящ. 90-летию Первого съезда марийского народа. Ч. 1. Бирск – Йошкар-Ола: Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2007. С. 171–180.

Некоторые модели глагольного падежного управления в восточном наречии марийского языка // Материалы X Междунар. конгр. финно-угроведов: Лингвистика: Ч. 4. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2008. С. 285–292.

К 125-летию со дня рождения академика Э. Беке // Финно-угроведение. № 2. 2008. С. 94–98.

Некоторые лингвистические суждения профессора Н.И. Исанбаева (к 80-летию) // Финно-угроведение. № 1. 2009. С. 71–75.

Атрибутивные словосочетания в марийском языке // Проблемы сохранения языка и культуры в условиях глобализации: материалы VII Междунар. симпозиума «Языковые контакты Поволжья». Казань: Казанский гос. ун-т, 2009. С. 74–76.

Валентность глаголов восприятия и речи в марийских текстах // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: материалы IV Всерос. конфер. финно-угроведов. Ханты-Мансийск: Инф.-изд. центр ЮГУ, 2009. С. 49–52.

Юбилей профессора Н.И. Исанбаева // Музейный вестник Марийского государственного университета / авт.-сост. Е.В. Пинегина, В.Г. Сушенцова. Вып. 4. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. С. 149–151.

Словосочетания в марийских табуированных выражениях // Congressus XI Internationalis Fenno-ugristarum. Summaria acroasium in sectionibus. Pars II. Piliscsaba, 9–14. VIII. 2010. Piliscsaba, 2010. S. 93.

В.М. Васильевын «Вэс марла книга на луговомь нарфчи» пашажын йылмыже // Ученый и общество: Просветительство, родной язык, культура народов Поволжья и Приуралья: материалы науч. конфер., посвящ. Дню мар. письменности и 125-летию со дня рождения видного мар. просветителя, общественного деятеля, ученого-языковеда В.М. Васильева. Йошкар-Ола – Чебоксары: Мар. гос. ун-т, 2011. С. 10–12. (Соавт. Буркова А.)

Марий да англичан йылмылаште пале мутын ышталтмыже // Ученый и общество: Просветительство, родной язык, культура народов Поволжья и Приуралья: материалы науч. конфер., посвящ. Дню мар. письменности и 125-летию со дня рождения видного мар. просветителя, общественного деятеля, ученого-языковеда В.М. Васильева. Йошкар-Ола – Чебоксары: Мар. гос. ун-т, 2011. С. 12–15. (Соавт. Гордеева В.)

Причины образования вариантности в подсистеме глагольно-именных словосочетаний марийского языка // Fenno-ugrica 2: Проблемы финно-угроведения, этнокультурных и межъязыковых контактов // Труды института финно-угроведения, посвящ. 80-летию д-ра филол. наук, проф. Исанбаева Николая Исанбаевича. Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом «Сельские вести», 2012. Вып. VI. С. 40–46.

Согласование в марийской поэзии // Марийская филология: Ученые записки Института финно-угроведения (посвящ. юбилею проф. Ю.В. Андуганова). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2012. Вып. 8. С. 56–63.

Валентностный анализ глагола *кондаш* ‘приносить’ марийского языка // Материалы заочной Межрегион. науч.-практ. конфер. (17–18 мая 2013 г.) «Язык и Литература: история и современность». Бирск: Бирский филиал БашГУ, 2013а. С. 29–34.

Служение науке и школе (к 80-летию Г.И. Лаврентьева) // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2013б. № 2. С. 106–109.

Рецензия на монографию: Гаврилова В.Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. – 212 с. // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2014а. № 1. С. 85–88.

Валентности глаголов *вашлияш* ‘встречать’ и *ужжаташ* ‘проводить’ в марийском языке // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса: материалы IX Междунар. симпозиума, Саранск, 13–15 июня 2013 г. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014б. С. 161–169.

- Журналистская деятельность Ю.В. Андуганова // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 2014в. № 2. С. 80–84.
- Специфика перевода официальных и рекламных текстов с русского языка на марийский язык // Язык и социум: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. Дню марийской письменности (9 декабря 2014 г.). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. С. 55–60.
- Ефруш (Ефремов) Георгий Захарович // История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 77–81.
- Арбан (Деревяшкин) Николай Михайлович // История Марийского края в лицах. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2015. С. 300–303.
- Валентность глаголов питания в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2015. С. 81–87.
- Syntactic valency of the verbs *лудаш* 'to read' and *возаш* 'to write' in the Mari language // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Oulu 2015. Book of Abstracts. University of Oulu, 2015. S. 254–255.
- Валентность глаголов *лудаш* 'читать' и *возаш* 'писать' в марийском языке // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Ижевск, 2015. Т. 25. Вып. 6. С. 52–59.
- Марийские глаголы сна: валентностный анализ // XV Игнатъевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Междунар. науч.-практ. конф. «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья» (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г.). Йошкар-Ола, 2016. С. 119–125.
- Марий йылмыште *лудаш* «читать» глаголын кучылталтме ойыртемеже = [Особенности функционирования глагола «лудаш»] // Государственная культурная политика и творческая деятельность на современном этапе: материалы IV Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (Марисола, 27 марта 2015 г.). Йошкар-Ола, 2017. С. 79–85.
- Когнитивные сценарии глаголов скромного поведения в марийском языке // Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики: сб. ст. Ижевск, 2017. С. 53–63.
- Марий ойышто «чон» мутын кучылталтме ойыртемеже [Функционирование слова *чон* «душа» в марийской речи] // Марийская словесность в контексте развития культур народов Урало-Поволжья: материалы конф. Йошкар-Ола, 2018. С. 161–165.
- Основные пути сохранения и развития языков народов России (на примере Республики Марий Эл) // Языковая политика: общероссийская экспертиза: сб. докл. М., 2018. С. 82–90.
- Способы выражения причины радости в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2018. С. 17–21.
- Йыван Кырлан почеламутлаштыже – илыш кумдык = [Пространство и время в языке поэзии Йывана Кырла] // Национальная культура в социальном пространстве и времени: материалы V Межрегион. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (Йошкар-Ола, 31 марта 2017 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 18–24.
- Актантная структура предикатов религиозно-обрядовых действий в марийском языке // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 15–19.
- Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «I Ёпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики» // Финно-угроведение. 2019. № 60. С. 196–197.
- Научное наследие профессора Н.И. Исанбаева и вопросы компаративистики // I Ёпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 26 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 28–39.
- Языки коренных народов России: пути их сохранения // Марийское краеведение: опыт и перспективы развития: материалы XXV Межрегион. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2019. С. 7–10.
- Йылме наукин шочмо да виангме корныжо [История возникновения и развития языкознания] // Этнонациональные традиции и культурно-образовательная деятельность (история и современность): материалы VI Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 11 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2020. С. 203–212.
- Тихон Ефремовын сылымут аршашыжын йылме ойыртемеже [Язык художественных произведений Т. Ефремова] // «Кынешла, шогалза: кайышаш корно кужу вет...». Памяти выдающегося просветителя народа мари Тихона Ефремовича Ефремова: сб. трудов / сост. и отв. ред. Л.Я. Григорьева; МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 93–98.
- Обзор изданий МарНИИЯЛИ 2020 года // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 233–238.
- Исанбаев Николай Исанбаевич // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. Йошкар-Ола, 2020. С. 166–172.

Центр гуманитарных исследований Республики Марий Эл (к 90-летию МарНИИЯЛИ) // Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. 90 лет: история в лицах (1930–2020): биобиблиогр. сб. Йошкар-Ола, 2020. С. 240–248.

Этнокультурное развитие Республики Марий Эл в условиях информационного общества // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе. Материалы XVII Респ. науч.-практ. конфер. «Йыван Кырла лудмаш», посвящ. 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района (п. Сернур, 9 апреля 2021 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 7–21.

Научное сотрудничество Марий Эл и Чувашии // Память о выдающихся земляках – духовное богатство и великое наследие чувашского народа: материалы Всерос. науч. конфер. (г. Чебоксары, 24 ноября 2022 г.) / сост. И.В. Ядранская, А.В. Кузнецов, Ю.М. Виноградов; под общ. ред. Ю.Н. Исаева. Чебоксары: ЧРИО, 2023. С. 34–44.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Тужаров Г.М. Григорьева Л.Я. Глагольное управление в восточном наречии марийского языка. Йошкар-Ола, 2003 // LU. XXXIX. № 3. Tallinn, 2003. S. 218–222.

Марийские лингвисты: биобиблиографический сборник / Мар. гос. ун-т; сост.: И.Г.Иванов, В.Н. Васильев, В.Н. Максимов. Изд. 3-е, испр. и доп. Йошкар-Ола. 2016. С. 157–162.

Васильева А. Шыма ўдырамаш, тале шымылзые // Кугарня. 2006. 21 апрель.

Семенова Л. Ыштыше енлан корно почылтеш // Марий Эл. 2023. 24 июль.

Ипакова Марина Тимерьяновна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

Marina Ipakova

Candidate of Philological Sciences,
Chief Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: marinaipakova@rambler.ru

УДК 94(470.343)

К ЮБИЛЕЮ С.К. СВЕЧНИКОВА

© 2023 г. А.Н. Кудрявцев

В 2023 году свой 50-летний юбилей отметил ученый-историк, кандидат исторических наук Сергей Константинович Свечников. Родился 21 апреля 1973 года в селе Микряково Горномарийского района Марийской АССР. В 1980–1990 годах учился в Конганурской средней школе Куженерского района Марийской АССР. Окончив с отличием историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской, в 1995–1997 годах преподавал историю и обществознание в Русскошойской средней школе Куженерского района Республики Марий Эл.

После окончания аспирантуры при Марийском государственном университете под руководством профессора, доктора исторических наук К.Н. Санукова юбиларом защищена диссертация по теме «Присоединение Марийского края к Русскому государству» и в 2002 году С.К. Свечникову была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В 2000–2008 годах С.К. Свечников занимал должность доцента кафедры социально-экономических наук Марийского института образования; в 2004–2005 годах – старший научный сотрудник отдела истории Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В 2008–2013 годах юбилар трудился в Марийском государственном университете: заместитель декана факультета культуры и искусств, доцент кафедры культуры и искусств (2008–2009), доцент кафедры социально-культурных технологий (2009–2011), заведующий кафедрой социально-культурных технологий (2011–2013).

В 2013–2016 годах профессиональная деятельность С.К. Свечникова была связана с работой отдела истории Национального

музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева; в 2015–2019 годах – с управлением общего и дошкольного образования Министерства образования и науки Республики Марий Эл. В 2019–2020 годах работал старшим научным сотрудником отдела истории Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, а с 1 января 2021 года С.К. Свечников занимает должность ведущего научного сотрудника направления «Этнология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Основная сфера научного интереса С.К. Свечникова касается прежде всего этнической истории мари и народов Поволжья. Он является автором более 100 научных и учебно-методических работ, в том числе одной монографии, пяти учебных пособий, двух научно-популярных изданий, а также глав и разделов в коллективных монографиях и энциклопедиях: «Марийцы. Историко-этнографические очерки» (2005), «Марийская биографическая энциклопедия» (2007, 2017), «Энциклопедия Республики Марий Эл» (2009), «История Марий Эл с древнейших времен до наших дней. В 2 томах» (2020). Юбилар является активным участником республиканских, всероссийских и международных научных конференций.

В своих трудах С.К. Свечников анализирует с актуальных историографических позиций процесс вхождения марийцев в систему Российской государственности и дальнейшую организацию существования народа в ней. При этом история марийского народа дается в тесной связи с историей соседних народов – русских, татар, чувашей, удмуртов и всех других этносов Урало-Поволжья.

Большая работа проводится юбиларом на ниве написания учебных пособий и инфор-

мационно-просветительских сборников в рамках школьного курса «История и культура народов Марий Эл». Эти издания, предназначенные в первую очередь для учителей и учащихся средних общеобразовательных школ и затрагивающие важнейшие аспекты истории и культуры народов Марийского края, находят широкую востребованность среди краеведов, работников культуры и самого массового круга читателей, интересующихся историей и культурой родного края.

Сергей Константинович – постоянный участник теле- и радиопередач, культурных и общественно значимых мероприятий, посвященных вопросам истории и культуры мари и других народов Поволжья. С 2001 года регулярно входит в состав жюри республиканского этапа Всероссийских олимпиад школьников по истории и культуре народов; занимается разработкой вопросов и заданий для Международной акции «Большой этнографический диктант» (региональный компонент), для этапов Всероссийских олимпиад школьников по истории, олимпиад по истории и культуре народов Республики Марий Эл, для тестирования

обучающихся 9-х классов в рамках подготовки к ОГЭ по истории.

В сфере популяризации научных знаний консультирует авторов произведений изобразительного искусства и художественных фильмов, писателей, журналистов, составляет исторические справки, направленные в органы государственной власти, а также в различные организации и учреждения науки, образования и культуры Республики Марий Эл.

За профессиональные достижения Сергей Константинович Свечников награжден почетными грамотами Министерства образования и науки Республики Марий Эл (2005, 2016, 2019), Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2020), медалью «Служение народу» в честь 100-летия Марий Эл. Петров Иван Петрович (1893–1938) (2020).

Редколлегия журнала «Финно-угроведение» и коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева искренне поздравляют с юбилеем уважаемого ученого Сергея Константиновича Свечникова.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ С.К. СВЕЧНИКОВА

Присоединение Марийского края к Русскому государству: монография. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 268 с.

История и культура народов Республики Марий Эл: информационно-просветительский сборник. В 2 частях. Часть I: История края XVII–XVIII вв., культура народов XVIII–XX вв. (соавтор: А.Г. Иванов). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2018. 256 с.

История и культура народов Республики Марий Эл: информационно-просветительский сборник. В 2 частях. Часть II: История края XIX века и культура народов XIX–XX столетий (соавтор: А.Г. Иванов). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 256 с.

История и культура народов Марий Эл: учебное пособие для 9 класса. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2020. 180 с.

История и культура народов Марий Эл: учебное пособие для 10–11 классов. Йошкар-Ола: Мар. ин-т образования, 2021. 224 с.

Административно-территориальное устройство Марийского края в составе Казанского ханства // Финно-угорский мир: история и современность: Материалы II Всерос. науч. конфер. финно-угроведов (Исторические и педагогические науки). Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2000. С. 86–88.

Вхождение марицев в систему российской государственности // Этнологические проблемы в поликультурном обществе: Материалы всерос. школы-семинара «Национальные отношения и современная государственность». Йошкар-Ола, 2000. Вып. 1. С. 76–90.

Вхождение горных марицев в состав Русского государства // Актуальные проблемы истории и литературы: Материалы респуб. межвуз. науч. конфер. V Тарасовские чтения. Йошкар-Ола, 18–19 мая 2001 г. Йошкар-Ола: МГПИ, 2001. Вып. 1. С. 34–39.

Некоторые проблемы аграрной истории марицев XV–XVI вв. // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: Сб. материалов VI регион. науч. конфер. историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: МарНИИ; МарГУ, 2002. С. 28–36.

Участие марицев в битвах за Казань. 1505–1552 гг. // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2003. № 3/4. С. 115–121.

Марийцы в XIII–XVI веках // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Коллективная монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 28–35.

Русско-казанские отношения 1534–1545 гг. и мари́йцы // Присоединение Марийского края к Российскому государству. Взгляд из XXI века. Материалы VI Тарасовских чтений. Йошкар-Ола: МГПИ, 2005. С. 45–56.

К.Н. Сануков о вхождении мари́йцев в состав Русского государства // Актуальные проблемы истории народов Поволжья и Приуралья: Сб. материалов, посвящ. 70-летию со дня рождения проф. К.Н. Санукова. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 60–71.

Последствия вхождения мари́йцев в состав России // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. ст. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2014. С. 151–158.

Марийско-татарские отношения в XV–XVI веках // Проблемы сохранения и развития татарского этноса в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2014. С. 59–63.

Черемисские войны в марийском фольклоре // Музейный вестник. 2015. № 9. С. 362–366.

Марийцы в русско-казанских войнах 1460-х годов // Регионы России в военной истории страны: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конфер., г. Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 года. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 82–90.

Республиканский музей в 30–40-е годы XX века // Марийский архивный ежегодник. Йошкар-Ола, 2020. С. 67–71.

Участие марийского сотенного князя Мамич-Бердея в Черемисской войне 1552–1557 гг. // Финно-угроведение. 2020 (№ 61). С. 123–133.

Этнические контакты мирного характера между мари и русскими в Казанскоханский период // Финно-угроведение. 2021 (№ 62). С. 98–110.

Этническая история агрызских мари // Калейдоскоп культур: сб. материалов по результатам научных экспедиций по изучению культуры народов Республики Татарстан. Казань: Изд-во АН РТ, 2021. С. 80–93.

Марийско-мордовские этнические контакты в XV–XVI вв. // XXI Игнатъевские чтения. Материалы ежегодной Регион. науч.-практ. конфер. «Горные мари в современном мире», посвящ. 100-летию со дня образования Горномарийского района Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2022. С. 158–170.

Марийско-удмуртские этнические контакты в средневековый период // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2022. Т. 12. № 1. С. 63–71.

Кудрявцев Алексей Николаевич
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: alterloki@rambler.ru

Aleksey Kudryavtsev
Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: alterloki@rambler.ru

УДК 39(=511.151)

К ЮБИЛЕЮ ИЛДИКО ЛЕХТИНЕН

© 2023 г. Т.Л. Молотова

Известный финно-угровед, ученый-этнолог, доктор философских наук, доцент этнологии Хельсинкского университета (1995) и университета Турку (1997) Илдико Лехтинен в текущем году отмечает свой достойный и славный 75-летний юбилей.

Научный путь исследователя берет свои истоки с начала семидесятых годов прошлого столетия с работы в Национальном музее Финляндии, где она занимала должность старшего научного сотрудника, а в дальнейшем была заместителем директора Музея культур. И. Лехтинен активно трудилась в составе Консультативного комитета финно-угорских народов, совета Ассоциации финских этнологов, с 1981 года состояла в правлении Финно-угорского общества, с 2000 года была членом правления Общества М.А. Кастрена, возглавляла его с 1994 по 2014 годы, а также с 2014 года работала в составе саамского музейного правления при Саамском национальном музее в г. Инари и успешно совмещала трудовую деятельность в правлении Финского общества древностей (до 2009 года). В настоящее время ученый является председателем Ассоциации финских женщин «Калевала» (с 2015 года), успешно продолжает участвовать в научной и общественной жизни Финляндии.

Родилась Илдико 6 марта 1948 года в Будапеште в семье служащих. В 1966 году окончила обучение в женской гимназии и спустя год поступила на филологический факультет Будапештского университета им. Этвеша Лоранда. В 1968 году она переехала в Финляндию и стала студенткой отделения финно-угорской этнографии и финно-угроведения филологического факультета Хельсинкского университета. В 1973 году после успешной защиты магистерской работы на тему «Пастушеская система на пастбищах Кискунфелдхазы» исследователь заслуженно получила степень магистра искусств и финно-угорской этнологии.

Известно, что в Национальном музее Финляндии был накоплен значительный материал в виде богатых коллекций, рукописей, фотографий, рисунков по истории и культуре финно-угорских народов, данный сбор коллекций был связан с образованием в 1883 году Финно-угорского общества. С этого периода берет свое начало систематическое исследование финно-угорских народов России, положившее начало активному экспедиционно-исследовательскому труду – полевая работа была целенаправленно ориентирована на многоплановое изучение языковых особенностей, устного поэтического творчества, этнологии, истории, обычаев и традиций, уклада быта и нравов родственных финно-угорских народов.

Одним из больших достижений начального этапа научной трудовой деятельности Илдико Лехтинен стало издание, опубликованное в 1984 году в соавторстве с Пирко Сихво – это основательная книга-альбом с многочисленным количеством ярких иллюстраций о финском народном костюме, где проанализирован обширный материал о формах и элементах одежды, украшений, обуви различных территориальных групп этноса. Издание имело большой успех и было переиздано Национальным музеем Финляндии в 2005 году [4].

Масштаб научных изысканий, тематическая направленность практической деятельности И. Лехтинен всегда были весьма развернутыми и разносторонними. Уже в начале своей исследовательской деятельности она трудилась над составлением обзорных работ по культуре финно-угров, в частности по финно-угорским народам России [1; 2; 3]. Примечательной особенностью ее трудов является применение в работах сопоставительного и сравнительного методов – культура любого финно-угорского этноса изучается в разрезе аналитического рассмотрения с другими родственными народами.

Начало профессиональной деятельности исследователя было разделено на два направления, одно опиралось на конкретную предметную базу и было связано с изучением украшений финно-угорских народов, а второе определялось материально-теоретической стороной и было направлено на публикацию хранящихся в архивных фондах Финно-угорского общества рукописных работ марийского краеведа, этнографа и музейного деятеля Т.Е. Евсеева. Именно данная часть работы легла в основу углубленного и искреннего интереса исследователя к самобытной культуре марийского народа, а дальнейшее изучение марийского языка на курсах финского профессора-языковеда Алхо Алхониemi и долгожданное посещение с ним Марийского края лишь глубже сподвигли ученого на будущую работу.

Необходимо отметить, что благодаря И. Лехтинен рукописные труды Т.Е. Евсеева стали достоянием мировой научной общности, в частности, в 1985 году две его рукописные работы о традиционном ткачестве и народном костюме марийцев были опубликованы на немецком языке [6], а в 2002 году эта книга была издана и на русском языке [7].

В последующее время И. Лехтинен стала приезжать в республику в этнографические экспедиции, которые организовывали Финская и Российская Академии наук. Эти экспедиции состоялись в 1984, 1987, 1991, 1994–1997, 2001–2012, 2015 годах, причём не только в Республике Марий Эл, но и в других регионах проживания марийцев. Ряд экспедиций 1995–2015 годов проводились среди восточных марийцев. Во время командировок ей удалось изучить фонды МарНИИЯЛИ и Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Илдико Лехтинен явилась одной из ведущих исследователей, развивавших связи между финскими и российскими финно-угроведами в 1990-е годы.

Первым опытом и результатом исследовательских этнографических экспедиций к марийцам стали научные публикации, посвященные украшениям и народному костюму горных мари, исследователь рассмотрела функциональное назначение украшений в общем комплексе костюма, а также показала роль их в ритуалах и обрядах, их эстетическое значение [5].

А общим результатом многолетней исследовательской деятельности И. Лехтинен стала

докторская диссертация «Марийские женские украшения» (1994). В исследовании, опубликованном отдельным изданием, раскрыта эволюция женских марийских украшений в период между 1880 и 1990 годами; они охарактеризованы как составная часть национального костюма; проанализированы их функциональное назначение; рассмотрены мировоззренческие и эстетические взгляды народа на данный элемент костюма. Работа состоит из семи разделов: украшения марийцев как предмет исследования; типы украшений; материал украшений; функции украшений; изготовители и носители украшений – марийские женщины; комплексы украшений. В вводной главе монографии автор дает краткий историографический обзор работ об украшениях различных этносов, опубликованных как за рубежом, так и в России. Исследование базируется на обширной источниковедческой базе: фондовых и архивных материалах Национального музея и Финно-угорского общества Финляндии; этнографических материалах, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук, Российского этнографического музея, Русского музея в Санкт-Петербурге, Национального музея им. Т.Е. Евсеева в Йошкар-Оле. В качестве источника о марийском народном костюме, о положении женщин в советский период И. Лехтинен использовала публикации из марийских периодических изданий 30–40-х годов прошлого века, где публиковались статьи о жизни простых деревенских женщин, о новых явлениях после-революционной жизни, которые нередко сопровождались фотографиями. Особенно ценным вкладом в исследование марийских украшений были собственные этнографические полевые наблюдения автора во время этнографических экспедиций в Марийскую республику и в районы проживания восточных марийцев. Во время этих экспедиций Илдико Лехтинен сделала значительное количество фотоснимков, которыми богато иллюстрирована данная монография [8]. Во время этих поездок она собрала большую коллекцию по современному марийскому костюму, которая обогатила фонды Национального музея. На основе собранного в экспедициях вещевого и информационного материала исследовательница опубликовала монографию о марийском платье [9].

Илдико Лехтинен плодотворно работала все эти годы и как профессиональный

этнограф-исследователь, и как музейный работник. Она была автором и соавтором многих выставок, проведенных в Национальном музее и в других музеях Финляндии. Ее авторству принадлежат такие выставки, как «Рыболовство финно-угорских народов», «Украшения финно-угорских народов», «Венгерская культура», «Поволжские народы – история и современная жизнь», «Коренные народы Сибири», «Карелия», «В Сибирь! Путешествие Матиаса Кастрена в Сибири», «Фотографии Кай Доннера». Илдико Лехтинен также была автором выставок, посвященных финским ученым А. Алквисту и А. Хейкелю.

Илдико Лехтинен вела и преподавательскую работу, с 1978 года она читала лекции по этнографии в Хельсинкском университете. Одна из ее учебно-методических работ посвящена полевым экспедициям как введению в финно-угорскую этнологию. В 1996 году ей присвоено звание доцента финно-угорской этнографии. И. Лехтинен обучала своих студентов методике сбора новых этнографических материалов. С этой целью она провела ряд экспедиций в с. Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл (2002–2005). В результате этого многолетнего исследования была подготовлена коллективная монография «Ош Юмын ўдырышт-влак. Марий ўдырамаш модернизаций корнышто («Дочери Светлого/Белого Бога. Марийская женщина в эпоху модернизации»). Монография представляет собой коллективное исследование различных аспектов жизни современной марийской сельской женщины, особенностей репрезентации ею этнической идентичности. Книга состоит из семи разделов, введения и заключения. Каждая глава монографии снабжена обширным списком цитированной литературы. В работе широко представлены рисунки, фотографии, наглядно иллюстрирующие комментарии, выводы и заключения авторов. Коллективный труд обобщает результаты совместного исследовательского проекта, в котором приняли участие преподаватели и студенты факультетов этнографии университетов городов Турку и Хельсинки. Работа над проектом субсидировалась Финно-угорским обществом, Фондом культуры Финляндии, которые выделяли финансирование в различное время на протяжении с 2001 по 2005 годы. За это время участниками проекта было сделано много записей, рисунков,

фотографий, был снят видеофильм по различным аспектам проекта. По результатам экспедиций в университете Турку был выпущен журнал, на основе созданных фотографий была организована выставка, проведено три семинара в 2003, 2004, 2005 годах в Хельсинкском университете. В 2006 году собранные фотографии легли в основу выставок в Хельсинки и Страсбурге. Руководитель проекта Илдико Лехтинен называет первоначальные трудности работы над темой, к которой она относит способности исследования менталитета и гендерной этнической идентичности на примере жителей одного села. В работе сочетается изложение общих и частных методов изучения темы исследовательского проекта с детальным описанием всего процесса творческой деятельности коллектива, начиная с выбора и обоснования темы [10].

Илдико Лехтинен была неоднократно инициатором международных проектов. Под ее руководством в Финляндии проводились научные курсы финского языка и этнографии (1995–1997), где обучались ученые, сотрудники музеев, библиотек из различных финно-угорских регионов России. Также по ее инициативе были составлены справочник о финно-угорских музеях России и энциклопедия традиционной культуры марийцев, мордвы и удмуртов [11; 12].

Илдико Лехтинен плодотворно сотрудничала с Этнографическим музеем Венгрии, Национальным музеем Эстонии, Российским этнографическим музеем, Музеем Кунсткамеры, Музеем Археологии и этнографии г. Уфы, Мордовским республиканским объединенным краеведческим музеем им. И.Д. Воронина, Мордовским республиканским музеем изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи, Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т. Евсеева, Национальным музеем Удмуртской Республики им. Кузубая Герда.

Весьма успешным стал ее проект «Марийская женщина», по результатам которого была разработана виртуальная выставка в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (2014–2016). Энтузиазм ученого, ее неустанные стремления к научным изысканиям говорят сами за себя – в августе 2009 года состоялась совместная экспедиция с Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т. Евсеева к башкирским марийцам, результатом которой стала караванная

выставка «Три тотема» в Мишкинском районе Республики Башкортостан, данный опыт нашел свое продолжение в 2015 году, когда ученый организовала экспедицию к марийцам Татарстана, где участвовали сотрудники МарНИИЯЛИ и Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.

В 2017 году под ее руководством были изданы этнографические очерки «Традиции и инновации. Современное культурное наследие восточных марийцев», где были опубликованы исследования как марийских, так и финских исследователей [13]. В 2020 году при финансовой поддержке общества М. Кастрена этот сборник вышел на марийском языке [14].

Вклад Илдико Лехтинен в развитие этнологической науки Республики Марий Эл бесценен. За заслуги и значительный научный вклад в изучение культуры финно-угорских народов И. Лехтинен была награждена Почет-

ной грамотой Верховного Совета Марийской АССР (1989), она является лауреатом премии им. Яныша Ялкайна за вклад в изучение культуры восточных марийцев (2006), награждена медалью ордена Белой Розы Финляндии, Крестом венгерского рыцарского ордена.

Глубокоуважаемая Илдико Лехтинен, Ваша трудовая деятельность является ярким примером служения научной работе, результаты которой имеют огромное значение в культурном развитии Республики Марий Эл. Как талантливый учёный, Вы изучаете многогранные вопросы традиционной марийской культуры, открывая прекрасный и удивительный мир философии, этики, глубокой мудрости народа мари.

От души желаем Вам крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, жизненной удачи и успехов, душевной гармонии и оптимизма, новых высоких результатов в научной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Тимофей Евсеев: этнографические коллекции. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 148 с.
- Традиции и инновации. Современное культурное наследие восточных марийцев. Этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2017. 168 с.
- Эрвелмарий калыкын тўвыра поянлыкше: ожнысо тўсшō да тачысе сынже. Этнографий очерк-влак / МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 2020. 170 с.
- Istvan R.* Finno-Ugric Folk Art. Helsinki, 1977. 336 p.
- Lehtinen I.* Naisten korut Keski-Venäjällä ja Siperiassa. Helsinki: Museovirasto, 1979. 209 p.
- Lehtinen I., Kukkonen J.* Iso Karhu. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Lahti, 1979. 204 p.
- Lehtinen L., Sihvo P.* Rahwaan puku. Nakokulmia Suomen kansanpukukoelmiin. Helsinki: Forssa, 1984. 280 p.
- Lehtinen I.* Muotitietoisien vuorimarinainen puku // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. № 183. Helsinki. 1983; Some observations on changes in the folk costumes Mountain Man people in the 1980 s. // Ethnos-toimite, 6. Helsinki. 1985.
- Lehtinen I.* Timofej Jevsevjevs ethnographische Sammlungen tiber die Tscheremissen. Museovirasto. Helsinki, 1985. 138 p.
- Lehtinen I.* Tscheremissischen Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne, 14. 1994. 372 p.
- Lehtinen I.* Marien mekot. Volgansuomalaisten kansanpukujen muutoksista. Travaux ethnographiques de la Société Finno-Ougrienne, 16. 1994. 144 p.
- Lehtinen I. (toim.).* Suomalais-ugrilaaisia kokoelmia Venäjän museoissa / Finnougrian collections in Russians museums. Helsinki, 1999. 45 p.
- Lehtinen I. (toim.).* Marit, mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakirja. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, 989. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura – Museovirasto. 2005. 360 p.
- Lehtinen I. (toim.).* Valkoisen jumalan tyttäret. Marilainen nainen ja modernisaatio. / Oš Jumyn üdyryšt-vlak. Marij Üdyramaš modernitsajj kornyšto. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja, 19. 2009. 305 p.

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 94(470.343)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ КАЗИМОВЫН ШОЧМЫЖЛАН – 75 ИЙ

© 2023 г. Т.Л. Молотова

Александр Сергеевич Казимов (19.08.1948–23.08.2019) – Марий Эл Республикыште сайын палыме мер-политике пашаен, шымлызе, историй науко кандидат (1986), В.М. Васильев лүмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтын директоржо (2000–2016). Тудо Йошкар-Олаште служащий ешеш шочын. Ачаж ден аваже (кызыт) Башкортостан Республикысе Шаран кундем гыч улыт. Ачаже, Казимов Сергей Константинович, 1914-ше ийыште шочын. Козьмодемьянскысе ялозанлык техникумым пеш сайын (отличий дене) тунем пытарен, Кугу Ачамланде сарыште кредалын, МАССР-ын Ялозанлык министрствыштыже ыштен, емыж ден пақчасаска пөлкам вуйлатен. 1953-шо ийыште колен. Аваже,

Казимова Марзынбика Мавликаевна, 1920-шо ийыште шочын. Красноуфимскысе туныктышо-влакым ямдылыме училищыште тунемын, школышто тыршен. Ешыштышт кок икшыве кушкын. А.С. Казимовын шўжарже Надежда Сергеевна шуко ий Йошкар-Оласе ола эмлым-верыште эмлызе-кардиологлан ыштен.

1966-шо ийыште А.С. Казимов Йошкар-Оласе 11-ше номеран школым тунем лектын да Марий туныктышо институтыш, историй ден обществоведений пөлкаш, пурен. Тунеммаште веле огыл, институтысо мер илышыштат шкенжым чолган ончыктен, факультетысе комсомол организацийын секретарже лийын. 1970-ше ийыште институтым сайын пытарен, историй ден обществоведений туныктышо специальностьым налын. Самырык еным распределений дене республикысе Кужэнер районыш пашаш колтеныт. 1970-ше ий август гыч Александр Сергеевич Йывансола кыдалаш школышто историй ден немыч йылмым туныктен. А 1972-шо ий август гыч 1973-шо ий марте Кужэнер районысо Салтакъял кандашиаш школын директоржо лийын. 1973-шо ийыште тудым Совет армий радамышке налыныт. Службым 1974-ше ийыште запасысе лейтенант лүм дене пытарен. Ты ийыштак сентябрь гыч декабрь марте Йошкар-Оласе 8-ше номеран школышто историй ден географийым туныктен.

1975-ше ий 2-шо январь гыч А.С. Казимов Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтышто, историй пөлкаште, изирак шанче пашаен семын ышташ тўнгалын. Тудо ик пеш неле темым – Марий кундемыште XVIII курымын мучашыжым да XIX курымын икымше пелыжым авалтыше пагытыште социальный илыш ден экономике вианмым шымлаш пижын. Паша тўналтыштак шкенжым чылажымат келгын лончылаш да умылтараш

тыршыше шымлызе семын ончыктен. 1976–1980-ше ийлаште СССР Науко академийын Историй институтыштыжо, капитализм пагытысе историй пӧлкаште, стажировкым эртен да тыштак очный аспирантурышто тунемын. 1986-шо ийыште «Социально-экономическое развитие Марийского края в конце XVIII – первой половине XIX века» («XVIII курым мучаште – XIX курымын икымше пельштыже Марий кундемаште социальный илыш ден экономике виянмаш») теме дене диссертацийым сайын арален.

Шымлымашым тӱрлӧ архивыште погымо, тыгак революций деч ончыч да совет жапыште савыкталтше пашала гыч налме поян материал негызеш серыме. Диссертаций Марий кундемын революций деч ончычсо историйжым рашемдымашке кугу надырым пыштен, молан манаш гын тудын марте ты пагытысе социальный илыш ден экономикын могай лиймышт нерген шагал возымо улмаш. Икымше главаште Марий кундемысе ялозанлыкым лончылымо. Мланде паша верысе чыла тӱрлӧ кресаньыкклан да калык-влакклан тӱн озанлык сомыл лийын. Нунын мланде дене пайдаланымаштышт шкешотан ойыртемын семын теве мом палемдыме: кучылтмо мланде шукуж годым мер (сложный общине) кидыште лийын. Ту пагытыште кундемаште мланде паша тӱн шотышто «трехполье» манме (такыр ага – кокияш ага – икияш ага) радамын дене шукталтын. Кокымшо главаште йӧнозанлык (промышленный) производствын да тудым виктарен толмо тӱрлӧ формын виянмыштым ончымо. Тыгодым паша вий да сатум ыштен лукмын кушкын толмышт негызеш кӧргӧ рыннын ончыко кайымыжым да элысе моло кундем дене кыл пенгыдеммым рашемдыме. Кӱлешан арверым шке сурт озанлыкыштак ыштыме да тӱрлӧ кидпаша дене пырля XVIII курым мучаште – XIX курымын икымше пельштыже сатум изирак предприятийлаште ыштен лукмаш шарлен толын. Кушкыл кӱляшым да кӱляш дене арверым ыштыме, пу гыч тӱрлӧ ѳзгарым ямдылыме, чодырам руымо паша изи предприятийлаште шукталташ тӱналын. Икмыняр кресаньык сомыл – кӱм лукмо да кӱ гыч арверым ыштыме, чодырам йӧрыктымӧ да волтым, смолам лукмо да южо моло паша артель дене ышталтын. Кумшо главаште кушкын толшо

феодал-крепостной эксплуатацийлан кӧра марий ялыште социальный илыш ден озанлык вашталтым да П.Д. Киселевын реформыж жапыште марий кресаньык-влак коклаште лийше пудыранчыкым (класс кучедалмашым) почын пуймо. А.С. Казимов ѳшанле материалеш негызлалтын ончыктен: реформым илышыш шындырыме ийлаште кресаньык-влакын феодал ваштареш тӱшкан шогалмышт виक्टर ден тӱрлӧ чиновникын политикиштым мыняр-гынат весемден; Марий кундемаште, социальный илыш ден экономике кушмаште тӱрлӧ нелылык лийын гынат, икшырымлык ситен огыл гынат, эркын капитализм кончыш-влак шарлен толыныт, ончыл верыш лектыныт. Автор палемдыме семын, кундемысе экономикем пӱтынь Российысе дене пырля ик йогынышто виянын. Онай, кресаньык-влак кокла гыч кугу ужашыжын илышышт начарем толмо жапыштак озанлык ончыко каен. А.С. Казимовын паша лектышыже наукушто веле огыл, тӱн шинчымашым пуйшо да кӱшыл школлаште туныктымаштат моткоч кӱлешан. Тиде Марий кундемын XVIII курым мучаште – XIX курымын икымше пельштыже вашталт толмыж нерген икымше кугу шымлымаш [Казимов, 1986а].

Казимов А.С. – Науко академийын институтлаштыже шуаралтше, классический шинчымашым налше шымлызе-влак кокла гыч иктыже. Тудо пеш шуко палыше да моштышо тале специалист лийын, кумда уш-акыл дене ойыртемактын, кундемнан историйже дене кылдалтше йодыш-влакым сайын пален да негызлен умылтарен моштен.

Александр Сергеевичын ятыр шымлымашыже феодал-крепостной илыш радамын лунчыргымо да шаланыме, капитализм шочмо да кушкын толмо пагыт дене кылдалтын. Тушто Марий кундемаште озанлык кузе виянме, социальный кыл могай лийме, класс кучедалмаш кузе палдырныме, ялозанлык кушкылым ончен куштымо, калыкым туныктымо нерген йодыш-влак ончалтыныт [Казимов, 1979; 1986б; 1990; 1980; 1993]. А.С. Казимов «История Марийской АССР. Т. I» («Марий АССР-ын историйже. I т.») кугу пашан ик авторжо семын палыме. Тудо «Марийский край в период разложения и кризиса феодально-крепостнического строя, зарождения и развития

капиталистического уклада (конец XVIII в. – 50-х гг. XIX в.) («Феодал-крепостной илыш радам шолдыргымо да шаланыме, капитализм илыш радам шочмо да виянме пагытысе Марий кундем (XVIII курым мучаш – XIX курымын 50-ше ийлаже)») [Казимов, Терешкина, 1986 в] да «Культура периода феодализма» («Феодализм пагытысе тўвыра») [Казимов, 1986 г] ужаш-влакым возен. Статьяже-влак Йошкар-Ола, Озан, Саранск да Киров олаште тўрлө шанче сборникыште савыкталтыныт.

Александр Сергеевичын Марий кундемыште революций деч ончыч мланде пашам виктарен шогымо нерген шымлымашыже-влак поснак онай да шонымашлан поян улыт [Казимов, 1986д; 1999]. А.С. Казимовын возымыж гыч рашемеш: кресаньык-влакын мланде паша йўлашт ты сомылым шуко курым дене шуктен чумырымо шинчымашыштыт, йырым-йырысе пўртўсым, игечым, вер-шор ойыртемным тўткын эскерен иктешлымашыштыт негызлалтын. Марий-влак мланде паша лектышым мо вашталтым (начаремдымым але саемдымым) посна ойырен огытыл, а чылажымат пырля шотыш налын онченыт. Тыге мланде паша кечышот шочын, утларак да утларак рашемдалт толын. Тудо тўрлө пасу пашалан келшыше жапым палемдаш да лектышым ончылгоч ужаш полшен. Науко ден теорий сенгымашыш але экспериментеш негызлалты деч ойыртемаптын, калык «агрономий», мланде сомыл шуктым ий гыч ийыш тўткын эскерен-танастарен, лектышым саемден толаш йонным пуэн. Южо шымлызе кресаньыкын мланде пашаште «шентелан кодмыж» нерген возен, тыгодым паша ўзгарын акрет годсо улмыжым да мландым келгын огыл куралмым ушештарен. Александр Сергеевич ты сомылын ойыртемапжым шымлен лекме деч вара палемден: кресаньык-влак келгын куралмын лўдыкшыжым сайын умыленыт, молан манаш гын курал-ўдым мландын кугу ужашыштыже ўмбал рок лончо кўжгө лийын огыл, садлан куралаш куштылгырак тарманым кучылтыныт. Тыге нуно келгын шонен моштымыштым, паша лектышым саемдыше йон-влакым чарныде кычалмыштым да мумыштым (но нигузе шонен-умылен моштыдымыштым огыл) ончыктеныт [Казимов, 1999, с. 69–71].

Гаранин Л.А. дене пырля возымо «Марий Эл на рубеже веков» («Курым-влак кокласе Марий Эл») книга наукышко кугу надыр лийын [Гаранин, Казимов, 2006]. Монографий 1990–2005-ше ийлаште республикыште йонозанлык (промышленность), ялозанлык, социальный алан, тазалык аралымаш, туныктымаш, тўвыра да политике виянме ойыртемным радамлын почын ончыктен. Тунам республикыште веле огыл, пўтынь Россий мучко неле, умылаш лийдыме, ваш шогымо пагыт улмаш. Автор-влак тыгай саманлан у, шкешотан акым лўдде пуэныт. Посна главлаште калык илышым аралыме, тазалык аралыме, туныктым, тўвырам вияндыме дене кылдалтыше йодыш-влак нергелалтыныт. Шымлымаш семын, республикыште тўрлө объективный амал дене агропромышленный секторлан эн неле лийын. 1990-ше ийлаште марий ял-влак эркин шолдырген, шаланен миеныт, паша вер уклан кўра шуко ен тушеч олашке куснен. Ялозанлык сатум ыштен лукмо нимогай парышым конден огыл, конкурцийым сенген кертын огыл. Лач у курымын икымше ийлаштыже веле тыгай сўрет вашталташ тўналын. Тунам Марий Элын Виктерже ялым нўлталме пашам республикын социальный илыш ден озанлыкшым вияндымаште ик эн ончыч ыштыме йодыш семын палемден. Но, автор-влакын возымышты дене, агропромышленный комплекс виянмаште сай кончыш икмыняр палдырнен гынат, нелылык шагал огыл кодын. Молан манаш гын отрасль-влак коклаште да отрасль кўргыштат ак шотышто вашумылыдымаш, келшен толдымаш лийыныт, ятыр негыздыме ойыртемап лектын [Гаранин, Казимов, 2006, с. 171–173]. Шымлымаште палемдыме: озанлыкыште социализм йон гыч рынке корныш савырныме пагыт экономикыланат, калык илышланат ятыр нелылыкым конден. Но, тидым ончыде, Российысе реформатор ден вуйлатыше-влак кўчык жапыште элым у рельс ўмбаке шогалтен кертыныт. Мемнан республикыште да пўтынь элыштат социальный илыш ден экономикын ик семынак виянмышты весе гычат койын: элым кугу туткар гыч лукташ да икшырымын виянме корныш шогалташ мыняр вий пыштым республикым онченат ужаш лиш [Гаранин, Казимов, 2006, с. 170]. Монографийым пеш поян статистике материалым

лончылымо негызеш возымо. Тидым экономикын түрлө ужашыж дене иктешыше табылице-влакат ончыктат. Книга мучашысе пеленлыклаште (приложенийлаште) Марий Эл Республик Виктерын, депутат-влакын, муниципальный образований администраций глава-влакын түрлө жапысе составыштым пуымо. Шымлымашым 2006-шо ийысе эн сай книгалан шотлымо.

Александр Сергеевич – Козьмодемьянск оланан 425 ий темме лүмеш тўшкан ямдылыме пашан ик авторжо. Книгашке кундем, тудын историйже дене кылдалтше очерк-влак пуреныт. Нуно оланан негызым пыштыме да тудын кушмо историй нерген, йөнозанлык ден амалкалымаш (предпринимательство) шочмо да виянме нерген, сатулымаш ден озанлык кыл, тўвыра илыш ден чапланыше вер-влак, кызытсе олан лүмлө пашазыж ден чоңышыж-влак нерген каласкалат [Казимов, 1986е].

Институтышто А.С. Казимов эре лидер, чолга мерьен лийын. Мер пашам институтышто веле огыл, республик кўкшытыштат шуко шуктен. 1980-ше ийла мучаште элысе демократий толкыныш, тудым вияндымашке уло кумылын ушнен. 1993–1996-шо ийлаште Марий Эл Республик Кугыжаныш Погынын депутатше лийын, закон лукшо да законлык комиссий председателын алмаштышыжлан шоген. Варажат түрлө мер сомылым ыштен: 1997-ше ий гыч Марий Эл Республик Президент пеленысе Айдемын праваж шотышто комиссий председателын алмаштышыже, Марий Эл Республик Президент пеленысе Геральдикке канашын председателже, Марий Эл Республик Вуйлатыше пеленысе Марий Эл Республикын Кугыжаныш премийже-влак шотышто комиссийын да Марий Эл Республик Виктер пеленысе Марий Эл Республикысе кугыжаныш йылме-влак шотышто комиссийын членышт (йыжынгьенгышт) лийын.

1997–2000-ше ийлаште Россий Федераций Президентын Марий Эл Республикысе полномочный представитель аппаратыштыже специалист-экспертлан ыштен. Тыгодым түрлө аланысе неле, пўсө йодыш-влакым келгын лончылен, кўлмө годым коранден, нунылан чын вашмутым муын моштымыжым ончыктен. 2005-ше ий гыч Марий Эл Республик Элгөргө паша министерстве пеленысе Мер канашын

чолга членже лийын, а 2013–2016-шо ийлаште ты канашым вуйлатен.

Александр Сергеевич, пашам кўшыл верлаште ыштен гынат, сомылжо эре шуко лийын гынат, институт дене кылым нигунам кўрлын огыл, тушто мо ышталтмым да мо кўлмым паленак шоген. Институт коллективлан лекше нелылык-влакым шымлен-умылен налаш да кертмыж семын корандашат полшен.

2000-ше ий декабрьыште Марий Эл Республик Президентын указше дене А.С. Казимовым Марий Эл Республик Виктер пеленысе В.М. Васильев лүмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтын директоржылан шогалтыме. Институтым Александр Сергеевич латкуд ий вуйлатен, шанче пашам моштен виктарен. Ты ийлаште республикыште гуманитарный науко дене шымлымаш-влакым палынак вияндыме. Институтын пашажат койын чулымештын, шымлымаш-влакын шанче кўкшытышт кушкын, институтын мер илышыште верже нөлталтын. Александр Сергеевич эре чолга, лўддымө да ончыко ончен-ужын моштышо лийын, у шонымаш-влакым темлен да илышыш шындараш тыршен. Тудын вуйлатыме жапыште шанче сборник-влак веле огыл, шуко монографий савыкталтыныт. А.С. Казимов директор семын «Марийцы» («Марий-влак») историй-этнографий монографийым (2005, 2013) тўшкан возаш таратен (тыгай книга кўлмө нерген шонымаш шукертак шочын улмаш). 2009-ше ийыште калыкклан моткоч кўлешан «Энциклопедия Республики Марий Эл» («Марий Эл Республикын энциклопедийже») кугу паша лектын, кидвозышым А.С. Казимов шкак тўрлатен шоген (тидын марте тыгай савыктыш нерген шонышо нигө лийын огыл). Кум томан «История Марийского края в лицах» («Марий кундемын историйже да ен-влак») (2012, 2015, 2017) серийым ямдылымаште да савыктымаште А.С. Казимовын суапше кугу. Тылеч посна, институтышто ятыр сай йўлам пўртылымө. Мутлан, шуко томан «Словарь марийского языка» («Марий мутер») дене да «Свод марийского фольклора» («Марий калык ойпого») серий дене посна савыктыш-влак умбакыже лекташ тўналыныт.

Александр Сергеевич финн-угор шанче тўнеж да рўдер-влак дене кылым ыштен, кучен

да пенгыдемден шоген [Казимов, Никитина, Попов, 2007; Казимов, 2008а; 2008б]. Финн-угор шымлызе-влакын III тўнямбал историй конгрессышт годым (2003) республикысе оргкомитетыште председателын алмаштышыже лийын. Йошкар-Олаште Финн-угор шымлызе-влакын X тўнямбал конгрессыштым (2005) эртарыме годымат вуйлатыше кокла гыч иктыже лийын. Конгрессышке толшо-влак кугу форумым кўкшын акленят. Александр Сергеевич шкежат тўнямбал, Россий, кундем да республик кўкшытан финн-угор шанче конференциялаште ятыр гана докладым ыштен.

Казимов А.С. публицистикылан шагал огыл вийым пуэн. Чўчкыдынак проблеман да лончылымашан статья-влакым савыктен. Тўрлө пўсө йодыш дене шке пенгыде шонымашыже лийын, тудым тура луктын каласаш лўдын огыл, ўшандарен умылтарен моштен. Увер (информаций) политикым вияндыше фондын (Москва) Марий Эл Республикыште штатысе огыл эксперт-политологшо лийын.

Александр Сергеевичым калык сайын пален, тудым весылан полшаш эре ямде улшо, шке шонымашым вашталтыдыме айдеме семын пагален.

Марий Эл Республик Вуйлатыше, Марий Эл Республик Виктер, Кугыжаныш Погын, министерстве ден ведомство-влак Александр Сергеевичын шкем чаманыде ыштыме кугу пашажым шуко гана чапкагаз, таумут, шарнымашан медаль дене палемденят. Марий Эл Республикым вияндымашке кугу надырым пыштымыж дене А.С. Казимов «Марий Эл Республикысе наукин сулло пашаенже» чаплўмым (2005) да «Марий Эл ончылно суаплан» орденын медальжым (2008) сулен налын.

2016-шо ий декабрьыште А.С. Казимовым паша контракт пытыме да тазалыкше начаремме амал дене должностьшо гыч коранденят.

2023-шо ий 21-ше августышто Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институтышто Александр Сергеевич Казимовын шочмыжлан 75 ий темме лўмеш «Служа науке и отечеству» («Науко да шочмо эл верч тыршен») вуймутан йыргешке ўстел эртен. Вашлиймаште шымлызе, тўвыра ден туныктымаш аланласе пашаен, мерьен ден журналист-влак, Александр Сергеевичын родо-тукым ден лишыл енже-влак лийыныт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гаранин Л.А., Казимов А.С. Марий Эл на рубеже веков: Очерки социально-экономического и общественно-политического развития в 1990–2005 гг. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2006. 220 с.

Казимов А.С. Из истории классовой борьбы в Марийском крае (первая половина XIX в.) // Вопросы дореволюционной истории Марийского края: сб. ст. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1979. С. 24–34.

Казимов А.С. Крестьянское хозяйство в Марийском крае в первой половине XIX века // Из истории крестьянства Марийского края: сб. ст. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1980. С. 87–113.

Казимов А.С. Социально-экономическое развитие Марийского края в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986а. 20 с.

Казимов А.С. Вопросы истории Марийского края периода разложения и кризиса феодализма в советской исторической науке // Вопросы историографии истории Марийской АССР: сб. науч. ст. Йошкар-Ола, 1986б. С. 104–110.

Казимов А.С., Терешкина М.И. Марийский край в период разложения и кризиса феодально-крепостнического строя, зарождения и развития капиталистического уклада (конец XVIII в. – 50-х гг. XIX в.) // История Марийской АССР: в 2-х т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986в. Т. 1. С. 120–142.

Казимов А.С. Культура периода феодализма // История Марийской АССР: в 2-х т. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986г. Т. 1. С. 158–161.

Казимов А.С. Динамика уровня земледельческого производства в Казанской и Вятской губерниях в первой половине XIX века // Проблемы социально-экономического развития деревни Среднего Поволжья в период феодализма: сб. ст. Казань, 1986д. С. 97–104.

Казимов А.С. Козьмодемьянск в первой половине XIX века // Козьмодемьянск. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986е. С. 79–87.

Казимов А.С. Повинности государственных крестьян Марийского края в первой половине XIX в. // Положение и классовая борьба крестьян Марийского края: сб. ст. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1990. С. 92–113.

Казимов А.С. Развитие народного образования в Марийском крае в конце XVIII – первой половине XIX века // Из истории развития народного образования и просветительства в Среднем Поволжье: сб. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1993. С. 8–16.

Казимов А.С. Земледельческая культура крестьян Марийского края в первой половине XIX века (Традиции и инновации) // Марийский археографический вестник. 1999. № 9. С. 68–78.

Казимов А.С., Никитина Т.Б., Попов А.А. О некоторых тенденциях в современных этнических процессах у финно-угорских народов России: (на материалах Приволжского федерального округа) // Этнокультурное и конфессиональное пространство Российского севера в условиях экономического роста: (финно-угорское измерение рос. север. политики, горизонты междунар. сотрудничества, взаимодействие государства, церкви и граждан. об-ва): материалы II Север. соц.-эколог. конгр. «Горизонты социально-экономического и культурного развития», 19–21 апр. 2006 г. г. Сыктывкар. Сыктывкар, 2007. С. 16–31.

Казимов А.С. Социально-экономическое развитие Республики Марий Эл в конце XX – начале XXI в. // Этнокультурные аспекты социальной стратегии России: Интересы и уклад жизни народов Севера, финно-угорское измерение рос. политики: материалы III Север. соц.-эколог. конгр. «Социальные перспективы и экологическая безопасность», 18–20 апр. 2007 г., г. Сыктывкар. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2008а. С. 60–66.

Казимов А.С., Никитина Т.Б., Попов А.А. К оценке этнических процессов у финно-угров Приволжского федерального округа: (марийцы, мордва, удмурты, коми-пермяки) // Идентичность и изменяющийся мир: материалы к дискуссии на V Всемир. конгр. финно-угор. народов, г. Ханты-Мансийск, 2008 г. Сыктывкар, 2008б. С. 48–60.

Молотова Тамара Лаврентьевна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Tamara Molotova

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 811.511.132

ВСПОМИНАЯ ВЛАДИМИРА ЛЯШЕВА (к 80-летию со дня рождения коми языковеда)

© 2023 г. Е.А. Цыпанов

В феврале 2022 года исполнилось бы 80 лет со дня рождения известного коми языковеда, финно-угроведа, кандидата филологических наук Владимира Александровича Ляшева, который скоростижно скончался 13 апреля 1999 года.

Владимир Александрович Ляшев родился 7 февраля 1942 года в с. Визинга Сысольского района в семье колхозников. После окончания средней школы в родном селе он поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института, полный курс которого окончил в 1964 году. Студентом проявлял большой интерес к родному языку и литературе. Но путь в науку для выпускника института был не прямым. В 1964–1965 годах В.А. Ляшев находился на военной службе, после чего до 1971 года преподавал коми и русский языки в школах Сыктывдинского района, в основном в восьмилетней школе с. Шошка. Однако его все больше привлекала филологическая наука, поэтому в 1971 году молодой человек поступает в аспирантуру Коми филиала АН СССР по специальности «финно-угорские языки». Большую роль в становлении его как ученого сыграл научный руководитель доктор филологических наук, профессор В.И. Лыткин (Илля Вась). Росту ученого благоприятствовало поступление в аспирантуру при Институте языкознания (г. Москва) в сектор финно-угорских языков. Его кандидатская диссертация на тему «Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка» на основе собственных, собранных в ходе многих полевых диалектологических экспедиций, материалов. Диссертацию В.А. Ляшев защитил в 1977 году в Эстонии, в стенах известного своими научными традициями в области

финно-угорского и уральского языкознания Тартуского государственного университета.

После успешной защиты диссертации начинающий ученый с большой охотой взялся за выполнение научных планов Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Работая сначала младшим, затем старшим научным сотрудником, разработал разделы для составления «Лингвистического атласа Европы» (ЛАЕ) по части коми языка. Он составил 14 карт по стандартному вопроснику, которые были опубликованы в первом томе «Лингвистического атласа Европы». Однако в общем списке авторов-составителей атласа его фамилия не значилась, вместо нее фигурировал другой «автор» Г.Г. Бараксанов, который не имел прямого отношения к составлению конкретных карт. В.А. Ляшев ездил в командировки к кольским, зауральским коми, коми-пермякам и зюзьдинским коми, проживающим в Кировской области, а также к коми-язвинцам в Пермскую область. Однако основной интерес для него всегда представляли проблемы описательной и исторической диалектологии коми языка.

Ученый внес большой вклад в организацию и проведение XV Всесоюзной конференции финно-угроведов (Сыктывкар, 1979) и VI Международного конгресса финно-угроведов (Сыктывкар, 1985). Одновременно Владимир Александрович преподавал в открывшемся в 1972 году в Сыктывкарском государственном университете имени 50-летия СССР (на кафедре коми языка и литературы), читал основные курсы и спецкурсы, руководил курсовыми и дипломными работами студентов, сотрудничал с коллегами из Удмуртского государственного университета, выезжал для чтения лекций в города Ижевск и Будапешт (Венгрия). В.А. Ляшев всегда охотно помогал

молодым исследователям, аспирантам, подбирал им необходимую литературу, давал ценные советы и рекомендации. С 1987 года он все больше времени начал отдавать преподавательской и методической работе, однако не оставлял в стороне и коми языковедение.

В 1987 году В.А. Ляшев из ИЯЛИ перешел работать в Институт усовершенствования учителей на должность доцента. С созданием в 1989 году кафедры коми языка, литературы и культуры он стал первым ее заведующим, по сути дела, организатором деятельности этой кафедры. Возглавил разработку образовательных программ и спецкурсов по коми языку для работников детских садов, неполных и средних школ и ПТУ. За короткое время подготовил и в 1991 году издал методическое пособие «Коми язык: материалы к факультативу по коми языку для общеобразовательных школ и ПТУ». К сожалению, этот план по внедрению коми языка в программы средних учебных заведений, ПТУ в Республике Коми так и не был претворен в жизнь. За годы работы в ИУУ В.А. Ляшев объездил почти все сельские школы, проводил открытые уроки, широко применял научные знания на своих курсах, особое внимание обращал на преподавание коми языка в Национальной гимназии искусств.

В течение многих лет Владимир Александрович работал в качестве члена терминологической комиссии при Министерстве по делам национальностей Республики Коми, вел активную деятельность по включению новой коми лексики в язык учебников и методических пособий. Результатом явилось внедрение собственно-коми лингвистических терминов в процесс преподавания коми языка в средней школе и вузах. К примеру, вместо термина *местоимение* начали употреблять *нимвежтас*, вместо глагола – *кадакыв*, вместо частица – *кывтор* и т.д.

Наиболее крупной и значимой работой В.А. Ляшева была и остается его кандидатская диссертация, посвященная описанию вымского диалекта коми языка. В ней вымский диалект трактуется как территориальная разновидность языка жителей всего бассейна р. Вымь, выделяются и характеризуются нижневымские, средневымские и верхневымские

говоры в сопоставлении с соседними нижневымским и ижемским диалектами. При изложении фонетических особенностей автор пользовался экспериментальными данными, что повышает достоверность результатов анализа. Рукопись хранится в архиве Коми научного центра (Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Сыктывкар, 1977. Ед. хр. 218, индекс 806. 267 л.). Благодаря помощи студенческого друга Г.С. Габова в 2014 году диссертация В. Ляшева была опубликована отдельным изданием в авторской редакции. Всего В.А. Ляшевым написано около 80 научных работ, среди них несколько учебников и словарей. Заслуживает упоминания препринт «Диалектное членение древнекоми языка» (Сыктывкар, 1980), где автор вполне обоснованно выделил и вычегодский диалект древнекоми языка, определив его дистриктивные признаки. По сути дела, эта небольшая работа до сих пор является чуть ли не единственной отдельной публикацией в области исторической диалектологии коми языка.

Хотя на основной работе Владимир Александрович выполнял функции методиста, он одновременно активно сотрудничал с коллегами из сектора языка ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, в результате чего были выпущены два словаря: «Словарь антонимов коми языка» (Сыктывкар, 1992; в соавторстве с Л.М. Безносиковой) и «Школьный этимологический словарь коми языка» (Сыктывкар, 1996; в соавторстве с Л.М. Безносиковой, Е.А. Айбабиной, Н.К. Забоевой). Кроме того, ученый написал ряд статей в энциклопедические издания, вышедшие достаточно большими тиражами: «Коми язык. Энциклопедия» (М., 1998), «Республика Коми. Энциклопедия» в трех томах (Сыктывкар, 1997–2000). В.А. Ляшев является одним из соавторов учебника «Коми кыв» для 8–9 классов (Сыктывкар, 1991, 1995).

Владимир Александрович обладал легким уживчивым характером, был общительным, дружелюбным и отзывчивым. Не зря у него много как крупных работ, так и газетных публикаций, написанных в соавторстве, точнее, в содружестве.

Владимир Александрович Ляшев был на редкость скромным и непритязательным

человеком, каких обычно или не замечают, или чаще обходят. За успешный труд был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Коми АССР (1985), знаком «Отличник народного просвещения» (1997), получил звание «Ветеран труда» (1997).

В знак признательности к многогранной плодотворной деятельности ученого и педагога 20–21 октября 2022 года в г. Сыктывкаре состоялся XIX Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», организатором которого выступил Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. Конференция проводилась при финансовой и организационной поддержке Министерства национальной политики Республики Коми. Она была посвящена 80-летию со дня рождения Владимира Александровича Ляшева (1942–1999), внесшего значимый

вклад в развитие пермского и финно-угорского языкознания. В научном форуме в очной, онлайн и заочной форме приняли участие более 60 исследователей пермских языков, представители академического и вузовского сообществ Сыктывкара, Ижевска, Перми, Кудымкара, Москвы, Санкт-Петербурга. Доклады первого пленарного заседания были посвящены памяти ученого и педагога В.А. Ляшева (докладчик – кандидат филологических наук Н.И. Гуляева), его вкладу в развитие коми диалектологии (докладчик – кандидат филологических наук С.А. Сажина). Сборник статей на основе докладов симпозиума предусматривается издать отдельной книгой.

Добрая память о В.А. Ляшеве всегда будет жить в сердцах многих финно-угроведов, исследователей пермских языков, учителей коми языка.

Югыдін да шоныдін тэныд, Владимир Александрович!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ В.А. ЛЯШЕВА

Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1977. 14 с.

Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Сыктывкар, 2014. 176 с.

Опыт картографирования коми диалектологического материала в европейском атласе // Вопросы лексикологии коми языка: сб. ст. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1979. С. 30–33.

Лингвогеографический аспект в пермской лексикологии // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1984. С. 55–66. (соавтор Р.Ш. Насибуллин).

К вопросу о диалектном районировании языков // Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков: сб. ст. Ижевск, 1987. С. 51–55.

Die Probleme der Komi Sprachgeographie // Материалы VI Междунар. конгр. финно-угроведов (24–30 июля 1985 г., Сыктывкар). М.: Наука, 1990. Т. 2. С. 327–330.

Диалектное членение древнекоми языка. Сыктывкар, 1980. 23 с.

Вопросы коми-зырянского лингвоэтногенеза // Сущность, развитие и функции языка: сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 141–145.

Верхневычегодский диалектный ареал в этногенетическом аспекте // Проблемы этногенеза народа коми: сб. ст. Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1985. С. 45–53.

Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. 59 с. (соавторы А.М. Мурыгин, К.С. Королев).

Вятско-камский языковой компонент на Выми // Проблемы этногенеза удмуртов: сб. ст. Устинов: УдНИИ, 1987. С. 104–111.

Цыпанов Евгений Александрович

доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом языка, литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

Evgeniy Tsypanov

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Language,
Literature and Folklore,
The Institute of Language, Literature and History
of The Komi Research Centre,
The Ural Branch of The Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: tsypanov@mail.illhkomisc.ru

УДК 39(=511.131)(470.51)

**КУЗЕБАЙ ГЕРД И УДМУРТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ
(к 125-летию со дня рождения ученого)**

© 2023 г. Н.И. Шутова

Кузьма Павлович Чайников или Кузубай Герд (1898–1937) – известный удмуртский прозаик, поэт, общественный деятель, драматург, критик, лингвист, педагог, фольклорист и этнограф [Кузубай Герд, 1997; Ермаков, 2012]. Его жизни и творчеству посвящено несколько монографий и сборников, десятки статей [Ермаков, 1988; 1996: К изучению жизни и творчества, 1988, 2002; Кузубай Герд и удмуртская культура, 1990; Как молния в ночи, 1998; Камитова, 2006 и др.]. Кузубай Герд один из немногих исследователей, занимавшихся сбором и обобщением фольклорно-этнографического материала по удмуртам в первое десятилетие советской власти, однако его достижения в этой сфере не являлись предметом специального изучения. Цель настоящей статьи – охарактеризовать научное наследие К.П. Герда и оценить его вклад в удмуртскую этнологию с позиций современных исследований.

Краткие заметки о научных изысканиях Кузубая Герда содержатся в трудах В.Е. Владыкина и Л.С. Христоробовой [1984, с. 59–60]. При публикации книги «Человек и его рождение у восточных финнов» (1993) финский исследователь И. Лехтинен сопроводила ее некоторыми пояснениями [1993]. В монографии Ф.К. Ермакова в краткой форме дано перечисление работ К. Герда по этнографии и фольклору [1996, с. 347–380, 394–407].

Основу источниковой базы настоящей статьи составили этнографические работы и поэтические материалы К. Герда, рукописные материалы, хранящиеся в Малмыжском краеведческом музее (г. Малмыж, Кировская обл.).

Основная, наиболее важная тема исследований К. Герда – семейные обряды, связанные с рождением людей: он писал диссертацию «Родильные обряды и восточно-финская колыбель». К сожалению, ныне сохранился лишь

первый раздел этой работы «Человек и его рождение у восточных финнов», изданный Финно-угорским обществом в г. Хельсинки в 1993 году. Эта книга состоит из «Краткого введения», «Заключения» и восьми глав, посвященных следующим блокам проблем: «Беременность в понимании вотяков и других восточных финнов», «Утробный период ребенка», «Роды и родильные обряды», «Новорожденный и уход за ним», «Наречение имени», «Родильные празднества», «Крестильные обряды», «Уход за роженицей» [Герд, 1993]. Судя по перечисленным разделам книги, К. Герд постарался охватить все возможные аспекты темы, связанной с появлением человека и при этом добросовестно и детально описал полученный материал.

Ценность и уникальность этой работы состоит в том, что автор вводит в научный оборот оригинальный материал, который собран в полевых условиях начала XX века. Большинство собранной информации получено К. Гердом от собственной матери и собрано в родной деревне в 1914–1919 годах. Исследователь рано начал интересоваться проблематикой семейной обрядности, однако серьезно стал заниматься ею после 1925 года (большинство фотоснимков датированы 1925–1929 годами). Географический охват материала не систематичен: основная его часть относится к Можгинскому ареалу, частично происходит с северных районов Удмуртии, единичные явления приведены по бирским удмуртам, по г. Ижевску [Лехтинен, 1993, с. XXII]. И, действительно, информанты происходят в основном из Вавожской вол. Можгинского уезда (8 чел.), единичные сведения из Понинской вол. (2) и Люмской вол. (1) Глазовского уезда, из Камаевской вол. (1) Елабужского уезда, Алнашской вол. (1) Можгинского уезда и Чураевской вол. (1) Бирского кантона.

Важно отметить, что К. Герд успел провести опрос повивальных бабушек, деревенских акушеров, которые являлись весьма значимыми фигурами сельского социума того времени. В книге содержатся многочисленные примеры использования магии и сакрального знания в родильных обрядах, практиковавшихся в начале XX века. В наши дни такая информация не сохранилась вследствие исчезновения из современной жизни и быта людей, которые владели народными знаниями и умениями в сфере родильной обрядности.

Следующая важная проблема, которой занимался К. Герд, – гендерные исследования. Элементы подобных научных изысканий содержит книга «Человек и его рождение у восточных финнов». Продолжение этой темы мы видим в работе «Женщина-вотячка, ее семейное, правовое и общественное положение». Следует отметить, что первый раздел «Женщина-вотячка в старину» не в полной мере соответствует современным научным воззрениям. Здесь К. Герд рисует идеализированный образ женщины-родоначальницы, женщины-воительницы. Во всяком случае, налицо преувеличение роли женщины в обществе, обусловленное увлечениями автора идеями о ярком периоде матриархата в истории человечества. Подобные положения, имеющие некоторые основания, автор не подкрепил серьезной доказательной базой. Более близок к реалиям раздел «Женщина-вотячка теперь», ведь автор изнутри наблюдал перипетии внутрисемейных и внутридеревенских отношений в сельском сообществе. Вместе с тем этот раздел также имеет налет идеализации [Герд, 2004, т. 4, с. 87–93].

Важно отметить статьи К. Герда, касающиеся проблем этнопедагогики и этнопсихологии. Этнографический очерк «Среди вотяков» дает психологические зарисовки удмуртской семьи и деревенского быта [Герд, 2004, т. 4, с. 72–78]. В статьях «Вотские дети и родной язык» [Герд, 2004, т. 4, с. 84], «Детские типы в вотской детской литературе» [Герд, 2004, т. 4, с. 204–214] уделено внимание детской психологии, особенностям воспитания детей, важности преподавания на удмуртском языке, необходимости обучения детей в особой атмосфере уважения и любви с учетом психологического развития ребенка. В статье «Вотский язык – орудие просвещения вотяков»

говорится о поэзии родного языка, важности его изучения детьми для приобщения к культурному наследию народа [Герд, 2004, т. 4, с. 97–100]. Эти же мотивы звучат в трудах по народной культуре, поэзии, музыкальному творчеству. Например, «Вотяк в своих песнях» – своеобразный гимн удмуртскому песенному творчеству [Герд, 1926; 2004, т. 4, с. 142–179] и др.

Статья «Вотяки и христианство» написана в духе послереволюционного времени и критики православия, повествует о злоупотреблениях священников, насильственной христианизации [Герд, 2004, т. 4, с. 78–82]. Процесс христианизации оценивался К. Гердом однобоко, в духе революционной эпохи и критического отношения к религии, в соответствии с распространением идей материализма и научного атеизма. Несмотря на имеющиеся негативные явления в жизни и деятельности церковных институтов и отдельных ее членов в удмуртской среде конца XIX – начала XX века, несомненно, следовало говорить и о положительной роли православной церкви и ее служителей в развитии удмуртского сельского сообщества.

В статье «Вотский театр» К. Герд привел краткие описания праздников и обрядовых церемоний, которые можно рассматривать как предтеча народного удмуртского театра. В работе содержатся краткие сведения о традиционных удмуртских обрядах и праздниках Гуждор вöсь (праздник первой проталинки), Акашка (весенний праздник плуга, начало пахоты), Ю-мурт-кутон (обряд привлечения хранителя зерновых), Пöртмаськон (обряд ряжения), Шайтан уляян (обряд изгнания злых духов) [Герд, 2004, т. 4, с. 110–115].

Кузубай Герд подготовил краткий очерк по истории этнографии удмуртов: охарактеризовал общества и кружки по изучению родного края, описал основных этнографов и удмуртоведов. Всего К. Герд написал свыше 100 научных работ по проблемам фольклористики, литературоведения, лингвистики, этнографии и педагогики. В период аспирантуры подготовил две диссертации: «Удмуртские загадки» по фольклору и «Родильная обрядность и колыбель» по этнографии, к сожалению, обе рукописи оказались утерянными [Ермаков, 2012, с. 124].

Интересные этнографические зарисовки можно извлечь из литературных произведений

К. Герда. В его поэзии нашли отражение старинные этнографические обряды по очищению (сакрализации) деревенского пространства Шайтан ульян (проводы шайтана, т.е. обряд изгнания злых духов) [Герд, 2001, т. 1, с. 93–94]. В элегии «Керемет» перед нами предстает образ заброшенной священной рощи Луд /Керемет, мы узнаем, какие церемонии в старину здесь проводились, в каком состоянии находится священная роща [Герд, 2001, т. 1, с. 94–95; 2004, т. 4, с. 39–43]. Кузубай Герд дает характеристику деревенского костюма в стихах «Удмурт музъемлы» [Герд, 2001, т. 1, с. 95–96], описание нищего в «Кураськись (нищий)» [Герд, 2001, т. 1, с. 104–105], рекрута в «Лекрутьёс (рекруты)» [Герд, 2001, т. 1, с. 132–133]. Важные наблюдения сделаны исследователем относительно психологии новой удмуртской интеллигенции, которая металась между привычной деревенской средой и притягательностью города. В ряде поэтических произведений «Шоро-куспо (серединка-наполовинку)», «Чагыр чын (голубой дым)», «Карлы (городу)» описывается маргинальное состояние получившего образование удмурта, оказавшегося между городом и заводом, с одной стороны, и природной и деревенской средой – с другой [Герд, 2001, т. 1, с. 139–140, 140–151, 151–152]. В поэме «Над Шошмой» приведена легенда о марийском богатыре Болтуше [Герд, 2004, т. 4, с. 43–46] и т.д.

Кузубай Герд – своеобразный летописец исторических, социальных процессов, происходящих в удмуртской среде в первые десятилетия советской власти. Его интересует уровень грамотности, состояние здравоохранения, народного образования, положение женщины и детей того периода. Как правильно подметила И. Лехтинен, просветительская роль Герда повлияла на то, что он расширил рамки этнографии в сторону практического направления. Он ратовал за улучшение условий жизни, организацию медицинской помощи, писал о необходимости расширения акушерской помощи на селе, уменьшения детской смертности [Лехтинен, 1993, S. XXII–XXIII]. Кузубай Герд написал статьи о задачах социального воспитания и роли педагога, подготовке педагогических кадров, необходимости формирования нравственной духовной среды для воспитания хорошей молодежи. Выраженные в работах идеи остаются актуальным до наших дней.

Большая часть материалов, собранных и написанных Гердом, не введена в научный оборот. Часть неопубликованных материалов, затерянных в фондах музеев, архивов, ждут своего открывателя. В Малмыжском краеведческом музее (МКМ) хранятся рукописи «Легенды и предания вотяков Малмыжского уезда», по истории нескольких десятков удмуртских и русских селений Большая Докья, Уе-Докья, Шушмо-Малмыж и другие, представленные К. Гердом [Регистрационная книга]. Отчасти эти данные опубликованы в сборнике «Ватка но Калмез» [1971, с. 90].

Как уже отмечено выше, утеряны рукописи двух диссертаций. В потерявшейся второй части диссертации К. Герд рассматривал способы переноски детей, колыбели походные и домашние, материал для колыбелей, способы их устройства, украшения и оборудование, способы укладывания и укачивания детей, колыбельные игрушки, поверья и обряды, связанные с колыбелью, колыбельный фольклор, колыбель в играх старших детей. Сохранилась лишь часть рисунков колыбелей. По сведениям Ф.К. Ермакова, эта часть диссертации имела иллюстрации – приложение из 456 фотоснимков, 30 зарисовок детской одежды, записанных и снятых 79 игр, 15 детских игрушек, 12 текстов и мелодий детских песен [Ермаков, 1993, S. XIV].

По данным И. Лехтинен, К. Герд планировал передать Национальному музею Финляндии богатую коллекцию фотоснимков диссертации по разным темам (более 600 экз.), но не успел. Среди них были фотоснимки детских колыбелей (походные, домашние, зимние, летние, способы их ношения, способы ношения детей); детские игры (100 разных игр); танцы (южных, средних и северных удмуртов, музыкальные инструменты и танцевальные методы); деревенские изгороди, способы уборки хлеба, колодцы с их чертежами, орнаменты наличников, бани и их внутреннее убранство, жилища (всего 175 фото, среди них 50 чертежей), крыльцо, орнаменты ковров, варежек, чулок; панорамы деревень [Лехтинен, 1993, S. XX–XXI].

Также не сохранились рукописи многих статей и докладов: «Удмуртский орнамент», «Удмуртские танцы», «Малмыжские песни», «Алнашские песни», «Вотяки Карлыганского

края», «Быт и материальная культура», «Жилища вотяков» и др. Будем надеяться, что утраченные рукописи, фотоснимки, рисунки и предметы быта, хотя бы частично где-нибудь сохранились и всплывут.

В ходе научных разработок Кузубай Герд привлекает результаты дореволюционных исследователей и краеведов. Более того, наблюдается преемственность научных интересов Герда и его дореволюционных предшественников (М. Бух, Б. Гаврилов, Д. Островский, И.Н. Смирнов, Г.Е. Верещагин). Он широко использует метод сравнительно-исторический, метод включенного наблюдения, опрос, привлекает свои детские воспоминания. С одной стороны, К. Герд исследует проблему изнутри, как носитель народной традиции, а с другой – его научные изыскания находятся под сильным влиянием социально-экономической обстановки и общекультурного фона того времени: общего уровня грамотности, новых идей, революционного энтузиазма, желания перемен, социально-экономических преобразований в сельской местности. Следует отметить высокий уровень интеллекта, логическое мышление, самостоятельность суждений, большую работоспособность Кузубая Герда, его личную эрудицию, важность его научных связей и контактов с ведущими отечественными учеными и зарубежными финно-угроведами.

В то же время, несмотря на талант, энтузиазм, огромный объем выполненной работы, чувствуется непроработанность и неподкреплённость источниками отдельных его научных положений. Критические оценки высказали и другие исследователи. «Признавая заслуги К. Герда в развертывании активных этнографических исследований в Удмуртии в 20-е годы, следует отметить, что в ряде случаев у него встречаются неправильные оценки, склонность к идеализации традиционного быта удмуртов, нежелание видеть социальное расслоение в удмуртской деревне, обусловленное непоследовательностью его мировоззрения» [Владыкин, Христюлова, 1984, с. 59–60]. По мнению И. Лехтинен, этнографическая деятельность Кузубая Герда носит публицистический характер [1993, S. XXII–XXIII]. В целом, К. Герд не избежал политизированности в духе того времени, налета революци-

онного критицизма, предопределяющих односторонность суждений: отрицательное отношение к христианизации удмуртов, критика царских школ, тезис о религиозном, национальном и классовом угнетении малочисленных народов.

Заключение

Кузубай Герд является одной из ярких фигур в удмуртоведении начала XX века. Значимый научный и научно-практический вклад К. Герда как этнолога в историко-культурное наследие удмуртов обусловлено рядом факторов.

1. Научный аспект. Он инициировал изучение этнографии и фольклора удмуртов в новых политических и социально-экономических условиях. Тем самым он был один из тех ученых, перекинувших мостик от материалов, собранных дореволюционными краеведами и любителями конца XIX века, до научных изысканий последней трети XX века. Как мы понимаем, этот мостик был достаточно хрупкий, учитывая краткость и незавершенность научной деятельности Кузубая Герда. Период начала XX века был очень благодатным для этнографа в силу сохранения патриархального уклада в удмуртской деревне. В отдаленных от городских и заводских центров местностях сохранились и функционировали многие традиционные элементы народной культуры, которые оказались утраченными к концу XX века из-за коллективизации и других преобразований в сельском хозяйстве. Кузубай Герд мог собрать разнородный и богатый этнографический материал, однако не успел воспользоваться ситуацией в силу своей обширной и многогранной деятельности, включающей занятия литературой, общественной и просветительской работой. Но в большей степени он не реализовал многие свои задумки из-за неблагоприятных и трагических событий 1930-х годов, когда К. Герд и его единомышленники попали под колесо репрессий.

Оценивая научное наследие Кузубая Герда с высоты современных изысканий, следует учитывать то, что общий уровень развития исторических научных знаний того времени, активная общественная и научная деятельность Герда, его желание погрузиться и участвовать в разных сторонах бурной революционной эпохи не содействовали целенаправленному и вдумчивому занятию наукой.

2. Культурный аспект. Как один из лидеров национального движения, К. Герд в ряде статей и заметок обосновывал исключительную важность развития народной культуры, обрисовал наиболее значимые на его взгляд аспекты культурного наследия удмуртов – этнография, музыковедение, искусство, язык, поэзия, фольклор, психология, педагогика. Выступал за сохранение самобытного языка и искусства, боролся за необходимость изучения и возрождения народной музыки, танцев, театра, за формирование нравственной и духовной среды для молодежи.

3. Практический аспект. Он ратовал за сбор и экспонирование этнографического материала в музеях. Занимался пропагандой краеведческой работы. Говорил о необходимости подготовки специалистов в области науки, образования, культуры.

Его научные изыскания следует оценивать всесторонне, в широком историческом и социокультурном аспектах, в совокупности с его многогранной общественной и просветительской деятельностью, в контексте новой революционной эпохи, уровня развития и состояния исторической науки того времени, в том числе удмуртоведения. Кузубай Герд был человеком своей эпохи, чувствовал тенденции этого времени, был увлечен новыми свободолюбивыми веяниями, боролся за пробуждение национального самосознания, мечтал о будущем расцвете удмуртского народа. Как преданный сын своего народа, собирая и изучая разные стороны жизни и быта удмуртов, образцы устного и музыкального народного творчества, он не избежал вполне закономерных в таких случаях романтических идеализаций семейных и социальных процессов в селе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ватка но Калмез: Удмурт калык легендаос но преданиос = [Ватка и Калмез: Удмуртские народные легенды и предания] / сост. Н.П. Кралина но П.К. Поздеев. Ижевск, 1971. 162 с.

Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 142 с.

Герд К. (Чайников Кузьма Павлович) = Кузубай Герд. Собр. соч. в 6 томах = Люкам сочинениос. Куать томен / сост. Ф.К. Ермаков. Ижевск: Удмуртия, 2001. Т. 1: Стихи, поэмы. 352 с.; 2004. Т. 3: Рассказы, повесть, пьесы, статьи, научные работы, письма. 328 с.; 2004. Т. 4: Стихотворения, поэмы, переводы, статьи, научные работы, письма. 384 с.

Герд К. Вотяк в своих песнях // Вотяки. М., 1926. С. 17–40.

Герд К. / Gerd Kuzebai. Человек и его рождение у восточных финнов // *Ethnographica. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1993. № 217. 97 с.

Ермаков Ф.К. Герд Кузубай // Удмуртская Республика: Культура и искусство = Удмурт Элькун: Лулчеберет но устолык. Энциклопедия. Ижевск, 2012. С. 123–124.

Ермаков Ф.К. Кузубай Герд – краткий биографический очерк // Герд К. / Gerd Kuzebai. Человек и его рождение у восточных финнов // *Ethnographica. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1993. № 217. S. VII–XV.

Ермаков Ф.К. Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск: Полиграфкомбинат, 1996. 443 с.

Ермаков Ф.К. Удмуртский поэт и учёный. Очерк. Ижевск: Удмуртия, 1988. 264 с.

К изучению жизни и творчества Кузубая Герда, 1898–1941 / отв. ред. В. Ванюшев. Ижевск, 1988. 134 с.

К изучению жизни и творчества Кузубая Герда. Вып. 3: Кузубай Герд и финно-угорский мир. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. 174 с.

Как молния в ночи: К. Герд. Жизнь, творчество, эпоха / сост. З.А. Богомолова. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 751 с.

Камитова А.В. Образный мир Кузубая Герда: оригинал и переводческая интерпретация. Ижевск, 2006. 191 с.

Кузубай Герд и удмуртская культура / отв. ред. А.Г. Шкляев. Ижевск, 1990. 184 с.

Кузубай Герд: Библиогр. указ.: К 100-летию со дня рождения / сост. Л.Г. Кондратьева. Ижевск, 1997. 70 с.

Лехтинен И. Комментарий // Герд К. / Gerd Kuzebai. Человек и его рождение у восточных финнов // *Ethnographica. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1993. № 217. S. XVII–XXIV.

Регистрационная книга Малмыжского музея для записи сведений о древностях, легенд и преданий. МКМ. № 3904. Т. 1, запись № 224 ф.

Шутова Надежда Ивановна

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра, Уральское отделение РАН, г. Ижевск
E-mail: nad_shutova@mail.ru

Nadezhda Shutova

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher Associate, Udmurt Institute of History, Language and Literature, of the Udmurt Federal Research Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Izhevsk
E-mail: nad_shutova@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК 398.8(=511.151)

Рец.: Абукаева Л.А. Марийские гостевые песни в контексте традиций гостеприимства: монография. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство», 2021. 192 с.

© 2023 г. Л.Я. Григорьева

«Марийский народ славится гостеприимством, а именно умением приглашать и принимать гостей. У мари гостеприимство считается одним из важных факторов поддержания родственных и добрососедских отношений», – с такой душевной легкостью и добротой открывает первые страницы монографии и привлекает внимание читателей к социально-гуманитарному познанию Любовь Алексеевна Абукаева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Гостеприимство является объектом исследования различных наук, таких как этнология, фольклористика, культурология, языкознание, психология, педагогика, социология, политология, туристика. Возрастающая *актуальность* исследования устного народного творчества объясняется тем, что истинный смысл многих значимых составляющих частей марийского гостеприимства в условиях глобализации постепенно утрачивается. Комплексное изучение глубинной структуры и семантики марийских традиций и обычаев приема гостей способствует сохранению и популяризации историко-культурного наследия народа мари. Результаты фундаментального исследования могут быть применимы в индустрии этнографического туризма и гостеприимства.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые описаны типовые ситуации гостевания, репрезентированные в текстах марийских гостевых песен, выявлены

функции песен, выделены жанровые разновидности марийских гостевых песен с учетом контекста исполнения, осуществлен анализ ключевых концептов, связанных с традициями марийского гостеприимства.

Общетеоретической базой научной работы послужили выводы и результаты трудов отечественных и зарубежных ученых, в частности С.А. Арутюнова, Н.Д. Арутюновой, Я. Ассмана, М.М. Бахтина, А.В. Вейнмейстера, М.А. Венгранович, В.В. Виноградова, М.Г. Кондратьева, Н.И. Формановской и др. Список использованной литературы включает 105 единиц.

Эмпирический материал собран автором в 1989–2020 годах в ходе проведения полевых исследований в Республике Башкортостан, в работе также использованы тексты из опубликованных сборников марийских песен и рукописных материалов фольклорных экспедиций Марийского государственного университета и Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (общий объем – более 1800 текстов песен). Анализ эмпирического материала проведен с помощью метода интроспекции (самонаблюдения), семантико-когнитивного, описательного, контекстологического методов. В необходимых случаях применены элементы сравнительного, сопоставительного методов, в частности при характеристике традиций приема почетных гостей.

Структура работы продиктована темой, целью и задачами исследования, внутренней логикой рассматриваемого материала. Исследование

состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

Во введении содержится обоснование выбора темы, ее актуальности; определяются цель и задачи, предмет, материалы и методы исследования; раскрывается история издания и изучения марийских гостевых песен.

Первая глава посвящена изучению песенного этикета мари, функций марийских гостевых песен и репрезентации обрядов гостеприимства: приглашение, встреча, потчевание гостей, застолье, прием почетных гостей, гостевание у соседей и родственников хозяев, благодарности и проводы гостей. При этом четко показаны существующие правила, которые определяют время исполнения песен, их состав и количество в зависимости от числа адресатов, их статуса, контекста и позволяют формулировать коммуникативные цели как хозяев, так и гостей.

Автором внимательно рассматривается связь марийских гостевых песен с другими жанрами фольклора: со свадебными и рекрутскими песнями, пословицами, приметами, запретами, которые придают гостевым песням афористичность и подтверждают устойчивость этнических знаний и ценностей. В качестве примера приводятся фольклорные тексты различных этнических групп мари, в лингвистических материалах отражаются и диалектные особенности.

На основании выявления древнейших культурных кодов и исторической памяти народа в изучаемых текстах ученый сделал ряд важных выводов, имеющих немалую ценность не только для фольклористов и этнологов, но и для специалистов смежных наук, занимающихся материальной и духовной культурой, историей народа мари. Как показывают результаты исследования, в старинных марийских песнях запечатлены древние мифологические воззрения и религиозные верования, представлены персонажи марийского пантеона, сохранены фрагменты сакральных текстов, сведения о народных музыкальных инструментах, особенностях народных ремёсел, о традиционных занятиях, национальной кухне, ритуальных блюдах, об экономических, торговых и культурных контактах мари. Марийские гостевые песни в монографии оцениваются как

«энциклопедия народной жизни». Автор монографии раскрывает их аккумулятивную, эстетическую, регулятивную, воспитательную, катарсическую функции и функцию социализации. Как пишет Л.А. Абукаева, «лексема *ший* ‘серебряный’, будучи весьма продуктивным эпитетом (в анализируемых текстах песен встречается 117 раз), воплощает в себе представления мари не только о ценном и дорогом, но и о чистом, светлом, ясном, а также важном, значимом». Гостевые песни и традиции служат показателем высокой культуры гостеприимства, которая вырабатывалась мари веками в тесном контакте с соседними народами (с. 142).

Значительный интерес представляет вторая глава, где подробно анализируются ключевые концепты марийских традиций гостеприимства: *уна* ‘гость’, *родо-шоцшо* ‘родные / близкие’, *сий* ‘угощение’, содержащие важную историко-культурную информацию и отражающие систему ценностей и установок, характерных для марийского народа. В песнях хорошо представлены визуальные образные признаки, акцентирующие внимание на внешности гостей, что детально проанализировано в монографии. С помощью сравнений в величальных песнях описывается лицо и фигура персонажей, обозначаются наиболее яркие характерные детали одежды, материалы, из которых шилось платье, а также способы его украшения. Количественное распределение распространителей лексем *ялук* ‘платок’ и *тувыр* ‘платье’ в гостевых песнях уральских и мишкинских мари (см. табл. 1 и 2) позволяет автору сделать вывод, что при создании визуального образа используются модели и формулы, определяющие статус адресата в этническом сообществе, а также отношения между адресатом и адресантом. Так, формула «*вуешетат пидме ... ялукет*» ‘повязанный на твоей голове платок’ организует величальные старшим по возрасту женщинам, «*јмбаланет чиялме ... тувырет*» ‘надетое тобою ... платье’ – в честь матери, «*кыдалешет јушталме ончылакет*» ‘повязанный на твоей талии передник’ – старшей сестре. В качестве основных идей таких песен выступают идеи поддержания и укрепления исконных родственных отношений и установления новых родственных связей.

Аудиальные образы на первый план выдвигают такие элементы в образе гостей, как красивый смех, сладкоречивость, звонкость застольных песен. В этом сегменте в образе гостя оказывается значимым умение вести приятную беседу, исполнять традиционные песни.

Концепт *родо-шочшо* 'родные / близкие' как важный ключ к пониманию менталитета марийского народа заставляет нас задуматься. Цитируем слова автора: «Родным полагается молиться за своих близких, часто навещать их, не дожидаясь приглашения и не ссылаясь на занятость, поддерживать в трудных жизненных ситуациях. Именно поэтому родные в гостевой песне выступают как объект призыва жить вместе, неразлучно:

*Кўжиш гына курыкын вуйыштыжо
Орлай денат орлай ден мёр кўэи.
Айста гына, родем-влак, пырля илена,
Ик орлаеш кўиш мёр гае.*

‘На вершине высокой горы
Гроздьями да гроздьями созрели ягоды.

Давайте, мои родные, будем жить вместе,

Словно ягоды, созревшие на одной грозди’» (с. 126). Чувствуется профессиональный подход автора и к переводам текстов марийских песен на русский язык.

В третьей главе марийские гостевые песни рассматриваются в контексте фольклорной коммуникации, определяются индивидуальные и коллективные адресаты. Следуя выводам Л.А. Абукаевой, в гостевых песнях мари

в качестве адресата выступают хозяева и родственники: *ача-ава* ‘родители’, *ача* ‘отец’, *ава* ‘мать’, *иза* ‘старший брат’, *енга* ‘жена старшего брата’, *ака* ‘старшая сестра’, *курска* ‘зять, муж старшей сестры’, *тулар / туглар* ‘сват’, *тулаче / туглаче* ‘сваха’, *шольо* ‘младший брат’, *шўжар* ‘младшая сестра’, *пошкудо* ‘сосед (-ка)’, *музиканче* ‘гармонист’, *шочшо* ‘родня / родные’, *суртан* ‘хозяин (хозяева)»; старшие по возрасту женщины: *кувай*, *кокай* ‘тётушка’. Кроме того, женщины, пребывающие в гостях, в обязательном порядке величают своих мужей (с. 150).

Главы имеют логические связи, заканчиваются выводами. Грамотно отобран и использован терминологический аппарат исследования. Задачи, сформулированные в введении, решены, цель достигнута.

Монография Л.А. Абукаевой представляет собой самостоятельное исследование большой теоретической и прикладной значимости. Она является вкладом в лингвофольклористику, этнологию, культурологию, этнопедагогику, философию, межкультурную коммуникацию. Книга будет замечательным подарком специалистам в сфере народного творчества и туризма, руководителям фольклорных ансамблей. Для удобства внедрения изучаемых песен в практику предлагаем автору подготовить и издать отдельный сборник марийских гостевых песен с некоторыми комментариями традиций марийского гостеприимства.

Григорьева Людмила Яковлевна

кандидат филологических наук,
директор МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
E-mail: ludyagrig@mail.ru

Ludmila Grigoryeva

Candidate of Philology,
Director of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
E-mail: ludyagrig@mail.ru

УДК 94(470.4)

**Рец.: Николаев Г.А. Мир волжской деревни
во второй половине XIX – начале XX века.
Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2022. 416 с.**

© 2023 г. С.К. Свечников

Геннадий Алексеевич Николаев – известный ученый, признанный специалист по истории Среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX века. Эффективно работая на протяжении многих лет в должности заместителя директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук, он в то же время весьма успешно занимается научно-исследовательской деятельностью. Семь лет назад вышла его монография «Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии» [Николаев, 2016]. Изданная небольшим тиражом (200 экз.), она быстро разошлась и стала букинистической редкостью. Естественным решением стало её переиздание, что и случилось в 2022 году. Новую версию своего научного труда автор переименовал, значительно дополнив и переработав содержание, изменив структуру и даже несколько скорректировав тематический вектор – теперь он сильнее смещен в сторону этнологических проблем. Книга стала более цельной, монолитной, без прежней этюдной фрагментарности. Не удивительно, что в апреле 2023 года монография Г.А. Николаева «Мир волжской деревни во второй половине XIX – начале XX века» была объявлена победителем республиканского фестиваля-конкурса «Литературная Чувашия: книга года – 2022» в номинации «Лучшая научная книга».

Первое, что бросается в глаза в самом начале знакомства с данной книгой, – живой, выразительный, сочный стиль изложения. В каждой строчке чувствуется легкая мысль, а не выдавливание из себя информации. Хочется читать и читать, получая удовольствие от ярких метафор и эпитетов, образного языка, метких сравнений, виртуозного оперирования

огромным множеством фактов, цифр, имён, терминов и т.д. Эстетическое восприятие усиливается очень удачно подобранной для обложки иллюстрацией (репродукция картины самобытного чувашского художника А.И. Миттова «Деревня»), иносказательно сформулированными названиями разделов и раскрывающими их смысл эпиграфами. Вместе с тем перед нами серьезное исследование, полностью отвечающее требованиям, предъявляемым к научным работам. Умение органично соединять строгий научный подход с образно-поэтическим, художественно-эмоциональным изложением материала – это очевидный признак большого мастера.

Монография Г.А. Николаева посвящена социально-экономическим, этнокультурным и этноконфессиональным аспектам жизни многонационального крестьянства двух поволжских губерний – Казанской и Симбирской – в период российской модернизации второй половины XIX – начала XX века. Исследование проведено на основе многочисленных неопубликованных и опубликованных письменных источников, фольклорных и этнографических материалов, обширной специальной литературы. Автор в целом непредвзято освещает жизнь марийских, мордовских, русских, удмуртских, чувашских и татарских крестьян. Можно заметить, что взгляд автора в основном сосредоточен на мире чувашского крестьянства (это вовсе не упрёк, а обозначение вполне естественной ситуации, ибо ученые, рассматривая события и процессы с участием представителей своего этноса, как правило, концентрируют свое основное внимание именно на них). Вместе с тем его суждения о других народах не страдают этноцентризмом. В работе крестьяне различной этнической

принадлежности выступают равноправными участниками исторического процесса.

Основная часть работы состоит из 8 разделов, и каждая из них заслуживает особого внимания. Первый раздел, озаглавленный «Новое время – новые ветры», дает панорамную картину модернизационных процессов в волжской деревне в период после отмены крепостного права в 1861 году и до начала XX века. Автор последовательно раскрывает причины, сущность, ход реформ 1860-х годов и особенности их реализации в средневожской деревне, анализирует процесс трансформации крестьянской общины и ее низового звена – семьи, выявляет значение перемен в сфере образования для средневожского крестьянства (преимущественно в свете претворения в жизнь системы Н.И. Ильминского), прослеживает конфессиональное обновление средневожской деревни. Автор пришел к важному и достаточно аргументированному выводу о том, что в результате этих модернизационных процессов на качественно иную ступень поднялось этническое самосознание крестьян (с. 58). Не упущены из виду и проблемные моменты, такие как сохранение многих крепостнических пережитков, рост малоземелья, обострение противоречий в сельских обществах, углубление конфликта отцов и детей, ассимиляционные процессы, случаи межконфессиональных конфликтов.

В разделе «Знаться честно – ладно жить» рассматриваются особенности межэтнических отношений в Среднем Поволжье. Автор отмечает, что, будучи многонациональным по своему составу, регион являлся слепком Российской империи в миниатюре, где русские являлись ядром, систематизирующей, стержневой составляющей (с. 71). Автора интересуют, прежде всего, этнически неоднородные населенные места, зоны этнических контактов. Показано, что в условиях средневожской деревни превалирующим было обычно этнокультурное влияние той этнической общности, которая в округе преобладала численно и отличалась большей социокультурной продвинутостью. Таковым в большинстве случаев становилось русское влияние. С ним конкурировало татаро-мусульманское культурное поле. По словам Г.А. Николаева, «марийцам, чувашам и удмуртам образ жизни татар-мусульман, «татарская

вера» и татарский язык были намного ближе, чем образ жизни великороссов, «русская вера» и русский язык» (с. 113–114). Как следствие, основными потоками ассимиляционных процессов были обрусение и отатаривание. В то же время автор отмечает, что русско-«инородческие» браки не получили широкого распространения, а случаи перехода русских в состав других средневожских этносов были крайне редкими. Также в работе довольно подробно рассматриваются встречные потоки ассимиляционных процессов (переходы чувашей в состав марийцев и наоборот, чувашей – в состав мордвы, мордвы – чувашей, чувашей – кряшен, кряшен – чувашей). Они, по мнению ученого, наблюдались в местностях, где «инородческие» группы проживали в относительно близком соседстве и имели между собой частые сношения (с. 117). Вместе с тем в работе присутствует весьма спорное утверждение о том, что браки между марийцами и удмуртами были исключительно редки, поскольку эти народы якобы проживали вне контактных зон (с. 123). Марийско-удмуртские контактные зоны наиболее характерны для Вятской губернии, не входящей, правда, в территориальные рамки рассматриваемого исследования, но они все же имели место и в Казанской губернии в пределах Казанского и Мамадышского уездов [Никольский, 2008, с. 568–571, 576–577, 652–653]. Впрочем, следует признать, что вопрос о марийско-удмуртских этнических контактах в XIX – начале XX века ждет своего исследователя, он практически не был затронут даже в недавно изданной коллективной монографии, посвященной марийцам Удмуртии [Марийцы Удмуртии, 2021].

Раздел «Живи всяк в своей вере, но считайся с чужой» посвящен конфессиональной ситуации в Среднем Поволжье. Эта проблема раскрывается через диспозицию «свой – чужой». Отмечается исторически сложившееся в регионе религиозное многообразие при подавляющем численном преобладании приверженцев православия над мусульманами и язычниками. Показано, что в условиях средневожской деревни православный мир распадался на несколько лоскутков: среди русских и мордвы были представители официальной церкви, старообрядцы и сектанты, из

православных татар сформировалась этноконфессиональная группа кряшен (те, в свою очередь, подразделялись на «таза кряшен» (православно-языческих двоеверов), «кара кряшен» (наиболее преданных православной вере) и «ак кряшен» (исламизированных), в среде чувашей, марийцев и удмуртов «христиане являли собой преимущественно «язычествующих» православных и «двоеверов» (с. 138). В разделе рассматривается дифференциация не только по конфессиональному признаку, но и по родству, происхождению, этнической и сословной принадлежности, языковым диалектам, костюму, обычаям, традициям, строю хозяйственной жизни, имущественному и правовому положению, административно-территориальному делению. Как отмечает автор, в отличие от этноконфессиональных различий, дистанцированию от «чужаков» в волжской деревне по большинству признаков не придавалось особого значения (с. 151). Именно на основе конфессиональной принадлежности выстраивалась этическая идентичность, национальное «Я». Однако даже в наиболее принципиальной оппозиции «христианин – мусульманин» и «мусульманин – христианин» в условиях средневожской деревни конфликты не носили массового характера, отношения между христианами и мусульманами, по словам автора, «следует квалифицировать как нейтрально осторожные, толерантные» (с. 167).

В разделе «Рука об руку как равный с равным» анализируются особенности чувашско-марийских контактов в пореформенный период. В поле зрения автора – две основные зоны контактов. Первая – это территория Козьмодемьянского уезда, где горные марийцы и верховые чуваша тесно взаимодействовали между собой с древних времен, вторая – левобережная часть Чебоксарского уезда, где первое чувашское селение по соседству с лугово-марийскими появилось лишь в середине XIX века. Автор приходит к справедливому выводу, что отсутствие смешанных чувашско-марийских сельских поселений было обусловлено имевшими место в прошлом ассимиляционными процессами и масштабными миграциями (с. 202–203). Отмечается, что на территории Козьмодемьянского уезда в контактной зоне часто заключались чувашско-

марийские браки, практиковалось породнение (кумовство), поддерживались оживленные хозяйственно-экономические связи, чуваша и марийцы посещали одни и те же культовые места, совместно проводили праздники, происходило взаимное культурное, языковое влияние. При этом, как отмечает автор, «активное начало являли собой чаще марийские крестьяне, имевшие, в отличие от чувашей, более тесные контакты с русским населением» (с. 215). В левобережье Чебоксарского уезда на первоначальном этапе чуваша держались несколько обособленно от марийцев, но с течением времени этнические контакты постепенно здесь оживились. Более тесные взаимоотношения, имеющие многолетнюю историю, преимущественно в хозяйственно-экономической сфере, поддерживались между ездившими друг к другу через Волгу чувашскими крестьянами Горной стороны и луговыми марийцами; у многих правобережных чувашей имелись марийцы-досы, которым давали обет неразрывной дружбы. Автор указывает, что между чувашскими и марийскими крестьянами изредка случались и трения на житейско-бытовой почве, но в целом чувашско-марийские взаимоотношения были ровными, добрососедскими, доверительными. Можно полностью согласиться с Г.А. Николаевым, отметившим, что «в социокультурном плане как чуваша марийцев, так и марийцы чувашей воспринимали как равную» (с. 232). Необходимо также подчеркнуть, что многие сведения, размышления и выводы, имеющиеся в данном разделе, ретроспективно позволяют пролить свет и на некоторые вопросы истории чувашско-марийских контактов более раннего периода. В частности, автор отмечает идентичность многих составляющих материальной культуры чувашей и горных марийцев в контактной зоне правобережья и снижение этнокультурного влияния сопредельных сторон друг на друга по мере удаления от линии соприкосновения (с. 213–214). Учитывая, что многие чувашские поселения данной контактной зоны ещё в 1770-х годах значились как «черемисские» [Корсаков, 1908, с. 295–298], на основе этих данных можно получить приблизительные представления о динамике формирования этнографической группы верховых чуваш.

Чувашско-татарские взаимоотношения получили своё отражение в разделе «Взаимососедство – доброе соседство». Они, с точки зрения автора, представляли собой многослойное, сложное явление: с одной стороны, происходило притяжение двух народов в силу их генетической, языковой, культурной близости, многовекового соседства, тесных контактов во многих сферах жизни, с другой стороны, имело место отчуждение, вызванное, прежде всего, религиозной дистанцией, усилившейся вследствие этноконфессиональной мобилизации укрепившихся в православии чувашей. Показано, что тенденция этнокультурного сближения превалировала, но это был асимметричный процесс в силу доминирующего культурного влияния татар, обусловленного демографическими, социально-экономическими, социокультурными и социально-психологическими факторами (с. 257). Принявшие ислам чувашаи (равно как и другие народы Среднего Поволжья) обычно становились татарами, в то время как случаи ассимиляции татар чувашами были редкими, единичными.

Для получения полной картины межэтнических контактов в Среднем Поволжье во второй половине XIX – начале XX века хотелось бы видеть такие же по своей подробности и глубине разделы, посвященные русско-чувашским, марийско-татарским, татарско-удмуртским и т.д. взаимоотношениям. Возможно, исследования в этом направлении Г.А. Николаевым будут продолжены, учитывая, что в предыдущем издании раздела о чувашско-марийских контактах не было.

Раздел «Крах мирских устоев или болезнь роста» посвящен весьма деликатному вопросу – молодежному хулиганству, получившему массовый характер в волжской деревне в начале XX века. Причину возникновения этого явления автор видит, прежде всего, в кризисе традиционного уклада жизни, мирских устоев, в недовольстве молодежи своим принижением положением в семье и общине, копившемся в пореформенные годы. По словам Г.А. Николаева, «в социальное пространство села вместе с капиталом хлынули и пороки цивилизации» (с. 305). В книге приводится множество ярких и показательных примеров этой новой стороны повседневной жизни деревенского сообщества.

Рассмотрены не только многочисленные случаи нарушения общественного порядка «буйной» молодежью, но и такие асоциальные явления, как пьянство, внебрачное сожитие, занятие проституцией. Вместе с тем автор видит в молодежном хулиганстве сложный социальный феномен, квалифицируя его «и как конфликт поколений, и как форма проявления борьбы городского и сельского менталитетов, и как противостояние сторонников традиционализма и обновления, и как внешнее отражение поиска молодыми людьми своего места в жизни» (с. 322).

Последние два раздела «Праведное богатство – благо, неправедное – зло» и «Богат, но на свой лад» отражают ценностный мир волжской деревни – отношение крестьян к богатству, способам его приобретения и собственно к представителям своей зажиточной верхушки. Автор приходит к выводу, что, несмотря на развернувшиеся модернизационные процессы, базовые основы системы традиционных социально-нравственных ценностей волжского крестьянства оставались неизменными.

Монография Г.А. Николаева относится к тем произведениям, которые хочется перечитывать заново – из-за легкого, увлекательного стиля изложения, благодаря благосклонному, но справедливому отношению автора к объектам своего исследования, в силу полемического характера многих суждений, вследствие раскрытия таких тем, которые ранее никогда не затрагивались. Необходимо также подчеркнуть, что все проблемы, анализируемые в работе, тесно взаимосвязаны между собой, поэтому всякий раз возникает желание вернуться к уже прочитанному. Сама по себе эта книга – большой вклад в науку. Она может послужить образцом для написания аналогичных работ как по другим регионам России этого же периода, так и по народам Среднего Поволжья в иных хронологических рамках. Однако нет предела совершенству. Ученый сам отмечает в своем труде, что впереди еще много работы, особенно по части выявления и изучения новых источников. Все идет к тому, что в ближайшие несколько лет Г.А. Николаев представит нам третье издание. Уверен, что и тогда новая книга будет интересна всем – от обычного любителя старины до профессионала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Корсаков Д.А. Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII веке // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XVIII. Вып. 4–6. Казань, 1908. С. 1–367.

Марийцы Удмуртии: историко-этнографические очерки / отв. ред. и сост. Е.В. Попова / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: «Монпоражён», 2021. 244 с.

Николаев Г.А. Волжское крестьянство во второй половине XIX – начале XX века: этюды по истории и этнологии. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 312 с.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. III: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.

Свечников Сергей Константинович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov

Candidate of History,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

ХРОНИКА

УДК [08+39+80/81] (470.343)

VIII РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЙЫВАН КЫРЛА ЛУДМАШ: ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ МАРИЙСКОГО КРАЯ»

© 2023 г. С.К. Свечников

14 апреля 2023 года в с. Марисола Сернурского района состоялась VIII Республиканская научно-практическая конференция «Йыван Кырла лудмаш». Она была посвящена обсуждению темы «Этнический фактор в социокультурном развитии Марийского края». Научно-практическая конференция «Йыван Кырла лудмаш» традиционно проводится на родине известного киноактера и поэта Йывана Кырла (Кирилла Ивановича Иванова) (1909–1943) с периодичностью один раз в два года. Организаторы конференции – Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; Министерство образования и науки Республики Марий Эл; Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева; ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»; администрация Сернурского муниципального района Республики Марий Эл.

Перед началом конференции состоялось торжественное возложение цветов у памятников Йывану Кырла в д. Купсола и с. Марисола. На пленарном заседании с приветственным словом к участникам и гостям «Йыван Кырла лудмаш» обратились Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин, глава Сернурского муниципального района Республики Марий Эл С.Л. Адиганов, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл И.Г. Садовин, директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева.

На пленарном заседании прозвучали три доклада: кандидата филологических наук, консультанта Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл

А.В. Илларионова «Международное десятилетие языков коренных народов в Республике Марий Эл: основные мероприятия»; кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника МарНИИЯЛИ С.К. Свечникова «Марийско-русские этнические контакты в XVII в.»; поэта, журналиста, члена Союза писателей России З.М. Дудиной «Йыван Кырла нерген у кагаз-влак» («Новые штрихи к творческой биографии Йывана Кырла (по материалам фондов Государственного архива Республики Марий Эл»).

Работа конференции проходила в шести секциях: «Актуальные вопросы истории Марийского края», «Роль языка в развитии этноса», «Национальная литература народов Республики Марий Эл», «Традиционная культура в современном обществе», «Этнокультурная составляющая в деятельности образовательных организаций», «Народные традиции и учреждения культуры». Было заслушано около 50 докладов, прочитанных научными работниками, аспирантами, магистрантами, студентами, учителями школ, работниками учреждений культуры, журналистами, краеведами Республики Марий Эл.

Отличительная черта данной конференции – это то, что она является единой научной площадкой для всех, кто изучает и интересуется историей и культурой народов Республики Марий Эл. Ученые, являющиеся признанными специалистами в той или иной научной сфере, здесь общаются со своими коллегами из числа работников различных учреждений культуры и образования, писателями, журналистами, студентами, обучающимися, краеведами-любителями и т.д., показывая им своеобразный

мастер-класс научно-исследовательской деятельности и умения ее репрезентировать. Опыт непосредственного приобщения к настоящей науке для публики, не имеющий отношения к профессиональной научно-исследовательской сфере, бесценен. Это позволит повысить уровень тех наработок, с которыми приходят на такие форумы любители от науки. В свою очередь, и ученые нередко обнаруживают в выступлениях этих любителей подлинные жемчужины научной мысли. В трудах специалистов, отягощенных учеными степенями, порой мы можем встретить ссылки даже на статьи школьников. Таким образом, необходи-

мость проведения этого мероприятия в дальнейшем не вызывает сомнений.

Темы выступлений научно-практического форума «Йыван Кырла лудмаш» вызвали живой интерес со стороны участников и гостей конференции. Дружеская доброжелательная атмосфера, царившая при общении и обмене мнениями в ходе обсуждения докладов и сообщений, способствовала результативной плодотворной работе. Участниками конференции были выработаны конкретные предложения по расширению направлений исследовательской деятельности, сохранению и развитию этнокультурных традиций в современных условиях.

Свечников Сергей Константинович

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

Sergey Svechnikov

Candidate of History,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: svechnikov-sk@mail.ru

УДК 821.511.151

XXIII ИГНАТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ГОРНЫЕ МАРИ́ЙЦЫ И ГОРОД КОЗЬМОДЕМЬЯНСК: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

© 2023 г. Н.А. Федосеева

31 марта 2023 года в г. Козьмодемьянске состоялась ежегодная Региональная научно-практическая конференция «XXIII Игнатьевские чтения: горные мари́йцы и город Козьмодемьянск: историко-культурные взаимосвязи», посвященная 440-летию со дня основания г. Козьмодемьянска. Инициатива проведения Игнатьевских чтений принадлежит доктору филологических наук, почетному профессору Марийского государственного университета Лидии Петровне Васиковой (1927–2012). Первый форум «Горные мари́йцы на рубеже веков» прошел в 2001 году, на котором было принято решение ежегодно проводить конференцию в г. Козьмодемьянске и посвятить его Никону Васильевичу Игнатьеву (1895–1941) – автору первого мари́йского романа и основоположнику горномари́йской литературы – и назвать ее «Игнатьевские чтения».

Цель конференции заключается в выявлении уникальных аспектов взаимодействия горных мари с историческим и культурным контекстом города Козьмодемьянска, а также в обмене знаниями и исследовательским опытом среди ученых, историков, филологов и других специалистов, заинтересованных данной тематикой.

Мероприятие проводилось в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы».

Организаторами XXIII Игнатьевских чтений выступили Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл; Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева; Марийский государственный университет; администрация Горномари́й-

ского муниципального района; администрация городского округа «Город Козьмодемьянск»; Республиканский научно-методический центр народного творчества и культурно-досуговой деятельности.

Для участия в конференции из разных регионов (Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Республика Татарстан) поступило 76 заявок от ученых, учителей, студентов, работников культуры и образования.

Был зачитан приветственный адрес Первого заместителя Председателя Правительства Республики Марий Эл Михаила Зиновьевича Васютина, в котором сказано: «За сорокалетнюю историю развития городскому округу удалось превратиться в динамично развивающийся центр с экономическим, туристическим и культурным потенциалом. В городе гармонично сочетаются прошлое и настоящее; сохраняются традиции народов, проживающих на его территории; особое внимание уделяется бережному отношению и преумножению уникальной, самобытной культуры горных мари; издается газета «Ведомости Кузьмы и Дамиана»; функционируют музеи с богатыми фондами. Работниками культуры, краеведами проводятся научные изыскания по истории города Козьмодемьянска и Горномари́йского района, организовываются различные фестивали и культурные мероприятия».

В своем напутственном слове директор МарНИИЯЛИ Людмила Яковлевна Григорьева подчеркнула, что «конференция объединяет государственных служащих, ученых и краеведов, работников учреждений образования и культуры, журналистов, аспирантов и студентов, общественных деятелей и учит работать в команде и совместно решать

актуальные задачи по сохранению и развитию родного языка, родной литературы, традиционной культуры, по изучению истории родного края».

С приветственной речью выступили: заместитель главы администрации муниципального образования «Городской округ «Город Козьмодемьянск» Д.А. Бузанов, начальник отдела межнациональных и межконфессиональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл М.В. Чемышев, директор ГБУ Республики Марий Эл «ЦИТОКО» О.М. Майкова.

На пленарном заседании заслушано три доклада. Доктор исторических наук, профессор Марийского государственного университета А.Г. Иванов рассказал о взаимосвязях горномарийской деревни и города Козьмодемьянска в конце XVI – начале XX века. Он подчеркнул, что значимую роль для горномарийцев сыграла знаменитая козьмодемьянская речная пристань на Волге. В XIX – начале XX века она стала для уездных марийских крестьян окном в широкий мир с началом пароходства. В преодолении языкового барьера первопроходцами стали толмачи-переводчики при воеводской канцелярии. Кроме них важную функцию выполняли сельские приходские священники, которые должны были блестяще знать язык своих прихожан. А христианское просвещение для горных марийцев стало важной вехой в укреплении духовных скреп. Благодаря церковникам открывались новые школы. В укреплении взаимосвязей марийского и русского населения большую роль внесли земские учителя и врачи, а козьмодемьянское земство непосредственно занималось подготовкой учительских кадров.

Заместитель главы администрации муниципального образования «Городской округ «Город Козьмодемьянск» Д.А. Бузанов ознакомил с достижениями города Козьмодемьянска на современном этапе. В частности, он отметил, что город богат своей историей и культурой. С каждым годом Козьмодемьянск становится все более привлекательным не только для жителей Республики Марий Эл, но и для туристов из других регионов. Город активно развивает инфраструктуру, модернизируя образовательные учреждения, развивая торговые

центры и сферу услуг. Сохранение культурного наследия и традиций становится важной задачей для горожан. Фестивали, ярмарки и культурные мероприятия проводятся с целью сохранения и популяризации местной истории и народных обычаев. На современном этапе город стремится сохранить свою уникальность и привлекательность, ставя перед собой цель создания благоприятной среды для жизни и отдыха горожан и гостей.

В совместном докладе научного сотрудника МарНИИЯЛИ А.В. Чемышева и младшего научного сотрудника МарНИИЯЛИ А.А. Митрусковой «Горномарийский литературный язык и большой цифровой мир» отмечены основные задачи, которые решаются для реализации проекта горномарийского подкорпуса марийского языка: сканирование и распознавание текстов, распознавание и синтезатор речи, составление программы по горномарийскому морфоанализатору, создание видеороликов по горномарийской грамматике.

Работа проходила в семи секционных заседаниях и на круглом столе. Заслушано более 70 докладов, посвященных актуальным вопросам лингвистики, литературы, фольклора, исторических наук и краеведения, образования, культуры и искусства. Затронуты такие вопросы, как современные проблемы развития и сохранения горномарийского литературного языка, марийская литература в поликультурном мире, использование марийско-русского и русско-марийского словарей в формировании коммуникативных универсальных учебных действий, вопросы истории г. Козьмодемьянска в контексте истории России, народные художественные промыслы и традиционные ремёсла горных мари: история и перспективы развития, библиотеки и музеи как культурно-формирующая среда, патриотическое воспитание в системе работы общеобразовательных учреждений.

На круглом столе «Мары сӱлнӱшӱя доно терминвлӓ дӓ школышты тымдымаш» («Марийские литературоведческие термины и обучение их в школе») обсуждались вопросы, связанные с федеральной олимпиадой по родным языкам и литературе, трудностями при создании учебников по марийской литературе и родным языкам, проблемами перевода

художественных текстов на горномарийский литературный язык.

На Игнатъевских чтениях ежегодно активно участвуют студенты, что способствует обмену знаниями и опытом, создается благоприятная среда для научного диалога и обсуждения. Эта конференция не стала исключением. Студенты, представляющие свои исследования на таком мероприятии, имеют уникальную возможность получить обратную связь от коллег и экспертов, что позволяет углублению их научных компетенций. Они демонстрируют не только свои академические достижения, но и способность к публичному выступлению и обмену идеями перед аудиторией, а также могут расширить свои профессиональные связи, установить контакты с представителями научного сообщества и потенциальными коллегами.

Федосеева Надежда Александровна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
E-mail: fedna74@mail.ru

На заключительном пленарном заседании Игнатъевских чтений выражена благодарность организаторам конференции, подведены итоги работы, высказаны предложения и рекомендации:

- издать сборник конференции;
- муниципальному учреждению «Отдел образования администрации Горномарийского муниципального района» совместно с МарНИИЯЛИ организовать рабочую группу по составлению русско-горномарийского словаря литературоведческих терминов;
- рассмотреть возможность переиздания горномарийского орфографического словаря с дополнениями;
- культурным и образовательным учреждениям активнее популяризировать духовное и материальное наследие горных мари.

Nadezhda Fedoseyeva

Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
E-mail: fedna74@mail.ru

УДК 811.511.15

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕРГЕЙ ЧАВАЙН. ЛИЧНОСТЬ. ТВОРЧЕСТВО. ЭПОХА»

© 2023 г. Н.А. Федосеева

5 октября 2023 года в г. Йошкар-Оле состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха», посвящённая 135-летию со дня рождения основоположника марийской литературы Сергея Григорьевича Чавайна (1888–1937), внесшего неопределимый вклад в развитие марийского словесного искусства. Она стала логическим продолжением и углублением дискуссий, обозначенных на аналогичном форуме с одноимённым названием, состоявшемся 5 октября 2018 года в г. Йошкар-Оле. Цель мероприятия состоит в осмыслении творческого наследия С. Чавайна в аспекте историко-культурных связей. По итогам первой конференции в 2020 году издан сборник научных трудов – первый выпуск.

Организаторы конференции – Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Национальная библиотека им. С.Г. Чавайна Республики Марий Эл, Региональное отделение «Союз писателей России» Республики Марий Эл.

Перед началом научной дискуссии состоялось торжественное возложение цветов к памятнику Сергея Григорьевича Чавайна. В работе форума приняли участие ученые, работники отрасли культуры, науки и образования, общественные деятели, студенты и учащиеся общеобразовательных школ и журналисты из Республики Марий Эл, Республики Татарстан, Удмуртской Республики, Республики Коми, Мордовской Республики. Мероприятие творческими номерами украсили ученики Национальной гимназии искусств колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая Анна Мамасова, Татьяна Дубинина, Мария Ибулаева (учитель

марийского языка и литературы Национальной гимназии искусств колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая Э.В. Петрова).

Открывая конференцию, директор МарНИИЯЛИ Л.Я. Григорьева отметила, что на сегодняшний день еще много нераскрытых страниц из жизни и творчества С. Чавайна. На прошедшей пять лет назад научной встрече был доклад из Казахстана, который представила учительница г. Аральска Б.Б. Ибраева-Тэн. Она осветила жизнь Сергея Григорьевича во время его работы в железнодорожной станции г. Аральска. Необходимо стремиться к укреплению таких связей.

В своем приветствии Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин подчеркнул, что стихотворение «Ото» («Роща») Сергея Чавайна переведено на 45 языков мира и известно в разных уголках земли. Его произведения сегодня ставятся на сцене Марийского драматического театра им. М. Шкетана, артисты которого придают им новое дыхание.

С приветственными словами к участникам конференции обратились заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл И.Г. Садовин, директор Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна И.В. Щеглова, председатель Всемарийского Совета – Мер Канаш, Онъыжа Э.В. Александров, председатель РО «Союз писателей России» Республики Марий Эл С.Д. Архипова.

На пленарном заседании доклад о личности и творчестве С. Чавайна в общественном сознании эпохи представлен кандидатом филологических наук, ведущим научным сотрудником МарНИИЯЛИ Н.А. Федосеевой. Она особо обратила внимание на творческие связи С. Чавайна,

отметив, что общение с такими же талантливыми людьми, каковым являлся сам писатель, с первым поколением марийской интеллигенции, с активными деятелями культуры других народов благотворно повлияло как на начало, так и на всю дальнейшую творческую деятельность писателя. Так, И.С. Михеев, посвятивший свою жизнь делу просвещения удмуртского народа, вдохновил классика марийской литературы к созданию учебников на марийском языке. Изданная С. Чавайном совместно с В. Ипатовым в 1910 году «Третья марийская книга» по своему содержанию близка к пособию И. Михеева.

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета Т.И. Зайцева изучала специфику удмуртского литературного процесса последних лет. Ею отмечены особенности функционирования традиционных реалистических тенденций и новых экспериментальных направлений; сделан анализ произведений писателей, которым присуще стремление синтезировать реалистические традиции прошлых лет с приемами искусства «новой реальности».

В своем выступлении кандидат филологических наук, заведующий лабораторией сопоставительного татароведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан М.И. Ибрагимов затронул современные направления исследований национальной словесности. Он подробно остановился на проблемах сопоставительной поэтики в изучении национальных литератур Поволжья.

Работа основных участников проходила в трех секционных заседаниях: «Творчество С. Чавайна в культурном и информационном пространстве», «Национальная культура и современность», «Языковая картина мира и художественное слово». Было заслушано около 50 докладов. Особый интерес вызвали выступления сотрудников Национальной библиотеки имени С.Г. Чавайна Е.Г. Петровой и А.Н. Булыгиной о первом исследователе творчества С.Г. Чавайна Фёдоре Кузьмиче Казанцеве; научного сотрудника МарНИИЯЛИ О.М. Петрова о журналистской деятельности С.Г. Чавайна; научного сотрудника МарНИИЯЛИ

Н.В. Мушкиной о песнях на стихи С. Чавайна; младшего научного сотрудника Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН Е.В. Пантелеевой о поэзии В. Ар-Серги; старшего преподавателя Удмуртского государственного университета О.М. Максимовой об очерках В. Ар-Серги; студента Марийского государственного университета Д.Д. Захаровой о повести Яныша Ялкайна «Ужар жап»; кандидата педагогических наук, заведующего лабораторией «Марийская школа» Марийского государственного университета В.Т. Михайлова о судьбах марийской интеллигенции в годы тоталитарного режима.

В рамках конференции работал круглый стол «Творчество М. Шкетана: история и современность», посвященный 125-летию со дня рождения классика марийской словесности М. Шкетана, сыгравшего немаловажную роль в становлении марийской драматургии и театра. На данной площадке интересным было выступление кандидата исторических наук А.В. Муравьева, рассказавшего не только о жизни и творчестве марийского классика, но и об архивных документах, о проделанной работе по подготовке стендов и экспозиций для Дома-музея М. Шкетана. Обмен опытом, обсуждение и анализ произведений писателя позволили сделать вывод, что литературное наследие М. Шкетана интересно и для молодого поколения.

Отрадно, что конференция вызвала живой интерес, на ней прозвучали доклады студентов и магистрантов. Новый взгляд молодых исследователей на творчество С.Г. Чавайна дает уверенность в том, что литературное наследие марийских писателей и в будущем станет предметом научного осмысления.

Организаторы и участники конференции выразили единодушное мнение о том, что подобные научные мероприятия необходимы, они позволяют сконцентрировать внимание на выявлении неизвестных ранее фактов, обсуждении актуальных вопросов, подготовке новых изданий, отражающих результаты литературоведческих, культурологических, исторических, языковедческих изысканий.

В ходе проведения и подведения итогов научного мероприятия участники конференции выразили благодарность организаторам и выработали следующие рекомендации:

- осветить результаты мероприятия в средствах массовой информации;
- по результатам научно-практической конференции подготовить и опубликовать сборник ее материалов;
- следующую конференцию провести через пять лет, в 2028 году;
- активизировать работу по открытию памятного знака на родине С.Г. Чавайна в д. Малые Корамасы Моркинского района Республики Марий Эл;
- рекомендовать телеканалу МЭТР совместно с Государственным архивом Республики Марий Эл, Национальной библиотекой

Федосеева Надежда Александровна

кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
E-mail: fedna74@mail.ru

- им. С.Г. Чавайна, Национальным музеем им. Т.Е. Евсеева, Марийским научно-исследовательским институтом им. В.М. Васильева создать серию документальных фильмов о жизни и творчестве С. Г. Чавайна;
- рекомендовать Марийскому научно-исследовательскому институту им. В.М. Васильева совместно с Государственным архивом Республики Марий Эл, Национальной библиотекой им. С.Г. Чавайна, Национальным музеем Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева создать альбомное издание архивных документов и фотографий о жизни и творчестве С. Г. Чавайна.

Nadezhda Fedoseyeva

Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
E-mail: fedna74@mail.ru

УДК 39+94(=511.151+511.111)

**СОВМЕСТНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МарНИИЯЛИ И ЧГИГН «МАРИ И ЧУВАШИ:
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ»**

© 2023 г. Г.А. Эрцикова

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) и Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН) 22 сентября 2023 года на площадке Муниципального общеобразовательного учреждения «Красноярская средняя общеобразовательная школа» Звениговского района Республики Марий Эл провели вторую в истории совместную Межрегиональную научно-практическую конференцию «Мари и чуваш: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе». Конференция проводилась с целью объединения усилий гуманитариев двух республик в изучении истории добрососедских отношений двух поволжских народов – марийцев и чувашей.

Первое аналогичное мероприятие «Чуваши и марийцы – соседи по “общему дому”» состоялось 17 мая 2019 года в с. Большой Сундырь Моргаушского района Чувашской Республики и с. Кулаково Горномарийского района Республики Марий Эл, результатом которого стал сборник научных материалов «Чуваши и марийцы – соседи по “общему дому”»¹.

Нынешний форум был организован в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы». В числе организаторов мероприятия, вместе с МарНИИЯЛИ и ЧГИГН, выступили Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Министерство образования Чувашской Республики.

Участников конференции приветствовали: глава администрации Звениговского муниципального района Республики Марий Эл С.В. Петров, первый заместитель министра образования Чувашской Республики А.П. Лукшин, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл И.Г. Садовин, заместитель министра образования и науки Республики Марий Эл В.Г. Гаврилова, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук П.С. Краснов, директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Л.Я. Григорьева.

В адрес участников форума поступило приветственное слово Главы Республики Марий Эл Ю.В. Зайцева, где отмечено: «Уверен, конференция откроет новые перспективы для развития современной науки, будет способствовать сохранению и укреплению дружественных и добрососедских отношений между нашими республиками».

Более 50 специалистов различных отраслей гуманитарных знаний из Республики Марий Эл, Чувашской Республики, г. Москвы, г. Алматы обсудили на конференции проблемы этнических процессов в Марийско-Чувашском Поволжье в эпоху Средневековья; истории взаимосвязей и взаимоотношений двух народов; языковых контактов, фольклорного и литературного наследия мари и чувашей; этнодемографической ситуации в контактной (пограничной) зоне; этнографии и культуры двух народов в зеркале параллелей.

На пленарном заседании было представлено три доклада. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЧГИГН Н.С. Мясников поделился предварительными

¹ Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: Материалы Межрегион. науч.-практ. конфер. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. 432 с.

итогами исследований многослойного археологического памятника Чебоксарский городок в Чувашском Заволжье за 2022–2023 годы (содокладчики – старший научный сотрудник ЧГИГН Е.П. Михайлов, научный сотрудник ЧГИГН А.Ю. Березин, младший научный сотрудник ЧГИГН В.Ю. Григорьев, лаборант-исследователь ЧГИГН Л.В. Сивова). Исследователь отметил, что это одно из крупнейших поселений типа Галанкиной горы в Чувашско-Марийском Поволжье, связанное с формированием оригинальных синкретичных чирковских древностей на рубеже III–II тыс. до н.э. Средневековый могильник, как было сообщено, требует дальнейших раскопок. В целом по территории местонахождения, топографии, отдельным элементам погребальной обрядности (обряд запираания, дополнительный жертвенный комплекс вещей в могиле) он наиболее близок поволжско-финским древностям IX–XI веков, в частности могильникам Ветлужско-Вятского междуречья.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ Т.Б. Никитина (содокладчик – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ А.В. Акилбаев) рассказала о новом памятнике эпохи средневековья – «Амоксарском могильнике» – в Марийско-Чувашском Поволжье. По словам докладчика, в исследуемом могильнике выявлены две группы захоронений, которые различаются в погребальном обряде. Марийские этномаркеры в первой группе захоронений позволили исследователям прийти к выводу, что в рассматриваемой местности находилось марийское население. Вторая группа захоронений требует дальнейшего более глубокого изучения. Могильник датируется в пределах X–XII веков.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЧГИГН И.И. Бойко (содокладчик – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ О.В. Орлова) в докладе «Население Республики Марий Эл и Чувашской Республики о языковой ситуации», основанном на материалах социологических исследований, осветил вопросы, касающиеся отношения населения указанных республик к проблемам функционирования и сохранения марийского и чувашского

языков. Он отметил, что следует искать другие пути сохранения и развития языков в школьном образовании: использовать новые методики преподавания, создания учебников и пособий, вызывающих интерес к изучению родных языков, повышении интересов учителей и т.д. Однако заметно большее внимание, по мнению ученого, следует обращать на бытование родных языков в семьях, использование его в общении с детьми разных возрастов.

Работа конференции продолжилась в трех секционных заседаниях. На одном из них обсуждались ключевые вопросы истории и современного состояния двух соседних народов. Например, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ С.К. Свечников в своем докладе рассмотрел малоизученную и сложную в силу немногочисленности и фрагментарности сведений, имеющихся в источниках, тему «Марийско-чувашские этнические контакты в XVI–XVII вв.». Заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Г.А. Николаев рассказал о хозяйственно-экономических связях и бытовых контактах верховых чувашей и горных мари Казанской губернии в аспекте рыночных реалий второй половины XIX – начала XX века и отметил: «И чувашаи, и мари глубоко осознавали исключительную важность принципа жить в добром соседстве с этническими партнерами и руководствовались им в повседневной жизни». Межнациональные и межконфессиональные отношения в Республике Марий Эл и Чувашской Республике по данным социологических исследований последних лет были освещены старшим научным сотрудником МарНИИЯЛИ Г.С. Зеленеевой.

Внимание на конференции было уделено проблемам языковых контактов мари и чувашей. Так, интересные факты о временах глагола в чувашском и марийском языках привел ведущий научный сотрудник ЧГИГН Э.Е. Лебедев. Главным выводом его исследования стало то, что проанализированные формы глаголов в рассматриваемых языках имеют много сходств в плане их семантики. Старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ С.С. Сибатрова, изучая роль суффиксов чувашского происхождения в производстве марийских слов от русских заимствований, подытожила: «несколько суффиксов чувашского происхождения в той

или иной мере участвуют в производстве мари-ских имен существительных и прилагательных не только от исконных основ, но и от русских заимствований». Выявлению сходств и различий лексикографических произведений мари-ского просветителя А.Н. Смирнова и чувашского ученого-тюрколога Н.И. Золотниченко был посвящен доклад старшего научного сотрудника МарНИИЯЛИ О.А. Сергеева.

Специальная секция была посвящена этническим и культурным взаимосвязям мари и чувашей – рассмотрению особенностей семейно-родственных отношений, традиционных костюмов, устного народного творчества мари и чувашей и др. К примеру, старший научный сотрудник БУ «Чувашский национальный музей» Н.И. Захарова-Кульева достаточно подробно изучила женские шейно-головные уборы верховых чувашей и мари-йцев. Наибольшее сходство она обнаружила в орнаментации, способах ношения *сорпанов* и *шарпанов* у верховых чувашей сундырской подгруппы и горных мари-йцев. Ведущий научный сотрудник ЧГИГН Г.Б. Матвеев исследовал ряд космогонических, тотемических мифов и топонимических преданий чувашей и мари-йцев. По его мнению, в космогонических мифах чувашей и мари-йцев переплелись две традиции – тюркская и финно-угорская. Научный сотрудник МарНИИЯЛИ Н.В. Мушкина рассмотрела проблему взаимосвязей в музыкально-

песенной культуре мари и чувашей и пришла к выводу, что межэтнические связи в области музыкально-песенного фольклора чувашей и мари значительны и многообразны, уходят корнями в глубокую древность, интенсивное взаимодействие продолжается и в настоящее время.

Мероприятие творческими номерами украсили учащиеся и учителя Красноярской средней общеобразовательной школы и народный фольклорный ансамбль «Чувашьен» Чуваши-Отарского сельского дома культуры Звениговского района Республики Марий Эл. Для участников конференции была проведена экскурсия по выставкам Красноярской средней общеобразовательной школы, посвященным знаменитым уроженцам Звениговского района, прославившим свою малую родину и внесшим весомый вклад в развитие региона, и предметам старинного мари-йского быта. В рамках конференции работали выставки изданий МарНИИЯЛИ и ЧГИГН, которые вызвали живой интерес участников и гостей форума.

На заключительном заседании по подведению итогов участники форума отметили важность проведения научно-практической конференции как для общества в целом, так и для гуманитарных наук в частности, приняли итоговые резолюции и решили продолжить практику проведения конференций по обозначенной теме не реже одного раза в 5 лет.

Эрцикова Галина Алексеевна

кандидат филологических наук,
заместитель директора по научной работе
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

Galina Ertsikova

Candidate of philological sciences,
Deputy Director for Scientific Work
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: galina.ehrcikova@yandex.ru

ХРОНИКА НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ФИННО-УГОРСКОГО МИРА ЗА 2023 ГОД

- 1 февраля,
г. Йошкар-Ола
- Всероссийская научно-практическая конференция «XVI Евсеевские чтения». Тема конференции – наставничество в музейном пространстве: история, опыт и потенциал. В конференции приняли участие свыше 130 человек из 15 регионов страны: 6 областей (Ульяновская; Оренбургская; Вологодская; Нижегородская; Амурская; Мурманская); 5 республик (Марий Эл; Коми; Карелия; Татарстан; Чувашия), Пермского края и Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, городов Москвы и Санкт-Петербурга.
- 7–8 февраля,
г. Йошкар-Ола
- Научная сессия «Современное состояние и перспективы развития гуманитарных наук», посвященная Дню российской науки. Она проводилась в рамках Фестиваля науки в Республике Марий Эл и Десятилетия науки и технологий в России. Были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам филологии, истории, археологии, этнологии, социологии.
- 8–9 февраля,
г. Ижевск
- II Всероссийская научно-практическая конференция «Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России», приуроченная к 125-летию удмуртских поэтов-просветителей Кузубая Герда (1898–1937) и Ашальчи Оки (1898–1973) и 100-летию юбилею известного критика, литературоведа З.А. Богомоловой (1923–2012). Обсуждаемые вопросы – интеграция молодежи в научно-образовательном пространстве; активизация творческой и интеллектуальной инициативы обучающихся через привлечение к научно-исследовательской и проектной деятельности; ценностные ориентиры студенческой молодежи; диалог культур в молодежной политике.
- 21 февраля,
г. Йошкар-Ола
- В рамках культурно-просветительского проекта «Мемнан мутна» («Наше слово») имя существительное *ото* «роща» было объявлено Словом 2023 года на марийском языке. Церемония объявления Слова года состоялась в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.
- 27–28 февраля,
г. Ижевск
- Научно-практический семинар, посвященный проблематике внешнего влияния на этноконфессиональные процессы в республиках проживания финно-угорских народов России, провели Удмуртский филиал Института философии и права УрО РАН и Институт стратегических исследований АН РБ. Семинар реализован в рамках проекта «Влияние геопроекта «Туран» на этнополитические процессы в регионах Поволжского федерального округа», который является частью поддержанного Фондом Президентских грантов многолетнего проекта «Школа молодого этнополитолога». В нем приняли участие историки, философы, политологи, социологи, а также студенты и аспиранты из Уфы, Казани, Ижевска, Сыктывкара, Саранска, Перми, Йошкар-Олы, которые поделились своим опытом, результатами научных исследований и наработок. Выступления были разделены по кейсам: мордовский, марийский, удмуртский, коми-пермяцкий. Учеными были сопоставлены модели этноконфессиональных отношений в тюркских и финно-угорских республиках Поволжья, сделаны выводы о схожести этноконфессиональных процессов в регионах традиционного проживания российских финно-угорских народов и возникающих в них этноконфессиональных проблемах.

- 28 февраля,
г. Йошкар-Ола
- XXIV республиканская научно-практическая конференция «Марийское краеведение: опыт и перспективы развития». Ежегодно она объединяет исследователей, педагогов, краеведов, студентов и учащихся, работающих в направлении изучения, развития и пропаганды краеведческого наследия народа мари.
- 28 февраля,
г. Саранск
- Межрегиональный научно-практический семинар «Проблемы орфографии мордовских языков», проведенный в рамках межрегиональной олимпиады по родным (мокшанскому, эрзянскому) языкам и литературе. Ученые, преподаватели образовательных учреждений республики, представители институтов гражданского общества и творческой интеллигенции обсудили актуальные проблемы орфографии мокшанского и эрзянского языков на современном этапе развития, вопросы преподавания мордовских языков и литературы в Республике Мордовия и субъектах Российской Федерации с компактным проживанием мордовского народа, а также функционирование мордовских языков в сфере культуры и СМИ.
- 2–3 марта,
г. Казань
- Итоговая Всероссийская научная конференция (с международным участием) Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. Соорганизатором научного форума выступил Казанский (Приволжский) федеральный университет. В работе конференции приняли участие исследователи, представляющие научные центры Российской Федерации (Барнаул, Донецк, Елабуга, Йошкар-Ола, Москва, Набережные Челны, Оренбург, Самара, Саратов, Тобольск, Чебоксары), ближнего (Киргизская Республика, г. Бишкек; Узбекистан, г. Бухара) и дальнего (Монголия, г. Улан-Батор) зарубежья, активно сотрудничающие с археологами Татарстана. В ходе конференции обсуждались актуальные вопросы, связанные с сохранением археологического наследия, проведением комплексных междисциплинарных исследований, методами и приемами реставрационных работ, особенностями приема и учета археологических коллекций, проведения научных экспедиций.
- 16 марта,
п. Морки,
Моркинский р-н
РМЭ
- Конференция «Священник Гавриил Яковлев – миссионер, педагог, духовный наставник», посвященная 180-летию со дня рождения просветителя марийского народа, священника Гавриила Яковлева. Перед началом мероприятия в Богоявленском храме п. Морки был совершен молебен, который возглавил митрополит Йошкар-Олинский и Марийский Иоанн.
- 18 марта,
г. Йошкар-Ола
- «Марий форум: весенняя сессия», посвященная 30-летию Межрегионального общественного движения марийского народа «Всемарийский совет – Марий Мер Кангаш». Форум имеет особую социальную и практическую значимость: объединяет общественные движения марийского народа, содействует реализации государственной политики, направленной на устойчивое развитие народов России, сохранение и развитие марийского языка и традиционной культуры, повышение уровня правосознания населения. География участников конференции была представлена муниципальными районами и городами Республики Марий Эл, Татарстана, Башкортостана, Удмуртии, Свердловской, Кировской и Нижегородской областей, Республики Крым, а также городом Москвой.
- 24 марта,
с. Красный Яр,
Звениговский р-н
РМЭ
- Заседание Президиума Ассоциации финно-угорских народов России. В мероприятии приняли участие представители органов законодательной власти регионов России, руководители общероссийских общественных организаций, представители региональных вузов, СМИ, эксперты в сфере науки, образования и межнациональных отношений. Были обсуждены вопросы изучения и преподавания родного языка в образовательных организациях, проблемы экспертизы учебников по родным языкам и литературе.

- 27–31 марта,
г. Петрозаводск
Молодежный этнолагерь для исполнителей на национальных духовых инструментах «Torvi-SAMP». Его участниками стали 40 молодых музыкантов из Москвы, Санкт-Петербурга, Тамбова, Архангельска, Казани, Республик Карелия, Коми и Марий Эл, Московской и Ленинградской областей.
- 31 марта,
г. Козьмодемьянск,
РМЭ
Ежегодная Региональная научно-практическая конференция «XXIII Игнатьевские чтения: Горные марийцы и город Козьмодемьянск: историко-культурные взаимосвязи», посвященная 440-летию со дня основания г. Козьмодемьянска. Мероприятие прошло в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы». Были заслушаны доклады, посвященные актуальным вопросам лингвистики, литературы, фольклора, исторических наук и краеведения, образования, культуры и искусства.
- 14 апреля,
с. Марисола,
Сернурский р-н
РМЭ
VIII Республиканская научно-практическая конференция «Йыван Кырла лудмаш: Этнические факторы в социокультурном развитии Марийского края». На конференции обсудили актуальные проблемы истории Марийского края, роль языка в развитии этноса, национальную литературу народов Марий Эл, традиционную культуру в современном обществе, этнокультурную составляющую в деятельности образовательных организаций, народные традиции и учреждения культуры.
- 12–14 апреля,
г. Саранск
V семинар «Древности поволжских финнов в эпоху Средневековья» проведен Институтом археологии РАН совместно с Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. Тема семинара – «Элементы костюма как отражение историко-культурных контактов финно-угорского мира». В течение трех дней работы семинара свои доклады представили ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Липецка, Пензы, Перми и других городов России. Рассматривались вопросы, связанные с осмыслением роли и места украшений из металлов в повседневной и ритуальной жизни финно-угорских народов Поволжья и Прикамья. Состоялось обсуждение культурного взаимодействия финно-угорских племен с соседними народами и государствами, в том числе характер изменений материальной и духовной культуры финно-угорского населения эпохи Средневековья в результате этого взаимодействия. Были затронуты проблемы обратных контактов – влияния финно-угорской культуры на соседние племена и народы, нашедшей свое отражение в элементах костюма.
- 19–20 апреля,
г. Йошкар-Ола
VII Международная научно-практическая конференция «Международное гуманитарное сотрудничество: новые вызовы и возможности», организованная Институтом национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета. Мероприятие было посвящено обсуждению международного социального и гуманитарного сотрудничества в различных сферах, перспектив использования «мягкой силы», публичной и культурной дипломатии России и зарубежных стран, международного права, международных конфликтов, актуальных проблем глобальной безопасности и других важных тем.
- 24–25 апреля,
г. Чебоксары
Межрегиональный форум учителей родных языков «Пёрлэхре – вай» / «В единстве – сила», посвященный 175-летию со дня рождения выдающегося просветителя чувашского народа Ивана Яковлевича Яковлева и Году Педагога и наставника. Форум собрал учителей родного чувашского, русского, татарского языков Чувашии и других регионов России. В рамках события проходили круглые столы, лекции, обучающие семинары, мастер-классы.

- 26 апреля,
г. Йошкар-Ола
Круглый стол «Этногенез марийского народа», посвященный Дню марийского героя (Марий талешке кече). Участники круглого стола рассмотрели историю изучения происхождения народа мари. Особое внимание было уделено исследованию проблемы марийского этногенеза фольклористами и археологами. Также были обозначены сложности интерпретации некоторых исторических источников в контексте заявленной тематики. Участниками мероприятия выступили ученые, работники учреждений образования и культуры, государственные служащие, общественные деятели, краеведы, журналисты, студенты.
- 4 мая,
г. Йошкар-Ола
Межрегиональная научно-практическая конференция «Строительство оборонительных рубежей: трудовой подвиг Поволжья». Был презентован выставочный проект «Рубежи Победы» и состоялся показ оперы «Сурский рубеж» Чувашского государственного театра оперы и балета.
- 12 мая,
с. Шоруньжа
Моркинский р-н
РМЭ
Краеведческая конференция «Ший талешке» («Серебряный герой»), посвященная 155-летию со дня рождения выдающегося марийского просветителя Т.Е. Ефремова. В ней участвовали учителя и учащиеся школ Республики Марий Эл и Республики Татарстан. На мероприятии были представлены доклады по двум номинациям: «Туньктышо – наставник да йолташ» («Учитель – наставник и друг») и «Герой землякна-влак» («Герои-земляки»).
- 17 мая,
г. Йошкар-Ола
Открытие Дома дружбы народов Республики Марий Эл. В Доме дружбы народов созданы офисные помещения, универсальные многофункциональные залы с современной аппаратурой для проведения конференций, выставок и концертов, встречи делегаций и других мероприятий.
X Международный финно-угорский студенческий форум «Богатство финно-угорских народов». Форум объединил представителей 10 регионов России: Карелии, Мордовии, Кемеровской области, Чувашии, Татарстана, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Башкортостана и Югры.
- 25 мая,
г. Чебоксары
Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лексикографии, терминологии и теории перевода», посвященная 90-летию со дня рождения выдающегося чувашского лексикографа и педагога М.И. Скворцова. В работе конференции приняли активное участие более 100 сотрудников научных и научно-исследовательских организаций, преподаватели высших учебных заведений, аспиранты, магистранты и студенты из Алматы (Казахстан), Туркестана, Чебоксар, Новочебоксарска, Москвы, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Кызыла, Уфы, Якутска и других городов России.
- 29–30 мая,
г. Нижний
Новгород;
31 мая – 2 июня,
г. Москва
Семинары Школа молодого этнополитолога «Инновационные подходы в социальных сетях по информационному влиянию на этнополитические процессы в регионах России» и «Влияние зарубежных концепций формирования этноконфессиональной идентичности на процессы развития общегражданской российской идентичности тюркских народов Российской Федерации».
- 9 июня,
г. Козьмодемьянск,
РМЭ
Межрегиональная научно-практическая конференция «Этнокультурная составляющая в деятельности образовательных организаций и учреждений культуры», посвященная Году педагога и наставника. На конференции участвовали специалисты из Казани, Чебоксар, Йошкар-Олы, Козьмодемьянска Горномарийского района Республики Марий Эл, г. Шахунья Нижегородской области.

- 23–24 июня,
г. Саранск
- Международная научно-практическая конференция «Фольклорный ландшафт сегодня: репрезентации культурных традиций, трансформации, перспективы». Мероприятие посвящено 60-летию издания академической серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров МАССР (ныне – НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия), являющейся значительным вкладом в развитие финно-угроведения и региональной фольклористики, национальной культуры в целом. На конференции были обсуждены актуальные проблемы фольклористики, литературоведения, этнологии, культурологии, а также других смежных с ними наук.
- 26–30 июня,
г. Санкт-Петербург
- XV Конгресс антропологов и этнологов России – кочующий научный форум, который с 1995 года раз в два года проводится в разных городах страны. Открытие и Пленарная сессия Конгресса прошли 26 июня в Таврическом дворце. Рабочая программа Конгресса продолжалась с 27 по 29 июня и вместила 54 тематических сессии, 7 круглых столов и один воркшоп. Круг обсуждаемых вопросов смещался то к полюсу классической этнографии, то к полюсу современных аспектов социальной антропологии. Завершилась рабочая программа Конгресса съездом Ассоциации антропологов и этнологов России, где были подведены итоги научного форума, прошли выборы президента Ассоциации и назван город, который через два года примет следующий XVI Конгресс антропологов и этнологов России.
- 30 июня – 1 июля,
дер. Старые Быги,
Удмуртская Республика
- IX Международный фестиваль национальной финно-угорской кухни «Быг-Быг» собрал около 8 тысяч гостей из разных регионов России: от Москвы до Ямало-Ненецкого автономного округа.
- 9–13 июля,
с. Русские Шои,
Куженерский р-н
РМЭ
- XV Всероссийский слёт марийской молодежи. В молодежном форуме приняли участие молодые люди из Татарстана, Удмуртии, Кировской и Свердловской областей. Состоялись лекции, арт-гостиные, встречи с экспертами, мастер-классы.
- 15 июля,
с. Арда,
Килемарский р-н
РМЭ
- XV Межрегиональный фольклорно-этнографический праздник «Земля предков». Праздник собрал около 5 тысяч гостей из Марий Эл, Кировской и Нижегородской областей, Татарстана и Чувашии. На выставке-ярмарке гости имели возможность приобрести предметы кустарных ремесел.
- 17–19 августа,
г. Саранск
- II Всероссийский форум финно-угорских народов. Мероприятие объединило около 2,5 тысяч участников из 51 региона страны – представителей федеральных и региональных органов власти Российской Федерации, этнокультурных общественных организаций, экспертного и научного сообществ, учреждений образования и культуры. Тема форума – «Этнокультурное многообразие России: современные вызовы и перспективы развития». Программа была ориентирована на содействие дальнейшему развитию научного, культурного, информационного, языкового и иного сотрудничества финно-угорских народов. В ходе работы форума были проанализированы актуальные вопросы реализации государственной национальной политики, взаимодействия органов государственной власти и некоммерческих организаций, укрепления межнационального единства. По итогам форума была принята резолюция, которую представляют главам финно-угорских республик и губернаторам российских регионов, на территории которых компактно проживают финно-угорские народы, и в профильные федеральные

- министерства и ведомства. В рамках форума состоялось совещание с представителями исполнительных органов субъектов Российской Федерации по вопросам реализации Комплекса мер по этнокультурному развитию финно-угорских народов России. Частью мероприятия стал Всероссийский молодежный фестиваль национальных культур «Мы вместе!», организованный при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.
- 21 августа,
г. Йошкар-Ола
Круглый стол «Служа науке и Отечеству», посвященный 75-летию со дня рождения А.С. Казимова, известного ученого и общественного деятеля, кандидата исторических наук, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева в 2000–2016 годах.
- 12–15 сентября,
г. Петрозаводск
IX конференция по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера «Рябининские чтения – 2023». Конференция проводится музеем-заповедником «Кижы» с 1991 года с периодичностью один раз в четыре года; ее название является данью уважения к знаменитой династии былинных сказителей Рябининых, живших в Кижской волости Петрозаводского уезда. За 32 года конференция приобрела статус международного форума и крупнейшего научного события России, которое позволяет оценить развитие различных наук в области изучения народной культуры Русского Севера, обсудить тенденции в изучении и актуализации традиционной культуры в современном мире.
- 13–16 сентября,
г. Сыктывкар
VIII Кинофестиваль финно-угорских народов «Туйвеж» («Перекресток»), приуроченный к Году молодежи в Республике Коми.
- 17 сентября,
Нижегородская область
Международный фестиваль искусств и народного творчества «Финно-угорский транзит». Фольклорные театры, коллективы традиционной народной культуры из Коми, Карелии, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии, Пермского края и Нижегородской области выступили на сцене Нижегородского государственного ордена «Знак Почета» театра юного зрителя, представив постановки на национальных языках и перформансы с элементами этнической хореографии.
- 19 сентября,
г. Саранск
Научно-практический семинар «Ученый – финно-угровед, наставник», посвященный 95-летию со дня рождения выдающегося финно-угроведа, известного специалиста по мордовскому языкознанию, заслуженного деятеля науки Республики Мордовия, профессора Александра Павловича Феоктистова (1928–2004). В работе научно-практического семинара приняли участие преподаватели, аспиранты и студенты, сотрудники редакций национальных газет и журналов, работники библиотек, радио и телевидения.
- 20–22 сентября,
г. Екатеринбург,
г. Пермь
Всероссийская научная конференция с международным участием «Региональные столицы России – точки опоры и роста». Дискуссия была приурочена к 300-летию Екатеринбурга и Перми, крупнейших российских региональных центров, связанных сотрудничеством и совместным развитием.
- 20–22 сентября,
г. Ханты-Мансийск
Всероссийская конференция финно-угорских писателей с международным участием, направленная на содействие развитию литературы, языков и культуры, укрепление культурных связей и сохранение этнической идентичности финно-угорских народов. В мероприятии приняли участие около 200 писателей, литературоведов, переводчиков, языковедов, издателей, этнографов, сотрудников библиотек, журналистов.

- 22 сентября,
с. Красный Яр,
Звениговский р-н
РМЭ
- 23 сентября –
17 ноября,
г. Йошкар-Ола,
- 29 сентября,
г. Ханты-Мансийск
- 30 сентября –
1 октября,
Республика
Хакасия
- 5 октября,
г. Йошкар-Ола
- 6 октября,
г. Екатеринбург
- II Межрегиональная научно-практическая конференция «Мари и чувашы: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе». Конференция объединила более 50 специалистов различных отраслей гуманитарных знаний из Республики Марий Эл, Чувашской Республики, г. Москвы, г. Алматы. В рамках работы секционных заседаний были рассмотрены следующие темы: этнические процессы в Марийско-Чувашском Поволжье в эпоху Средневековья; история взаимосвязей и взаимоотношений двух народов; языковые контакты, фольклорное и литературное наследие мари и чувашей; этнодемографическая ситуация в контактной (пограничной) зоне; этнография и культура двух народов в зеркале параллелей.
- Фестиваль искусств «Марийская осень» состоялся в Марийской государственной филармонии имени Я. Эшпая. В рамках фестиваля выступили коллективы Мордовского государственного ансамбля песни и танца «Умарина», Удмуртского государственного театра фольклорной песни и танца «Айкай» и другие.
- Филологический форум Югры «Современная филология и образовательная практика Югры: актуальные вопросы, достижения и инновации». Участниками Форума выступили ведущие эксперты в области филологической науки из разных субъектов Российской Федерации (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Йошкар-Ола, г. Якутск, г. Новосибирск, г. Сургут, г. Ханты-Мансийск). На экспертной площадке прошла дискуссия по вопросам формирования функциональной грамотности на примере русского и русского родного языка, медиа и цифровой грамотности педагога, цифровизации финно-угорских языков в образовательном пространстве.
- Межрегиональная научно-практическая конференция «Языковая политика в Республике Хакасия в контексте задач Международного десятилетия языков коренных народов». В ходе конференции ведущие эксперты, ученые и языковые активисты из Республики Хакасия и других регионов России, занимающиеся проблемами изучения, преподавания и сохранения языков коренных народов, специалисты в области международной и российской языковой политики обсудили языковую ситуацию, сложившуюся в нашей стране на национальном и региональном уровне.
- II Всероссийская научно-практическая конференция «Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха», посвященная 135-летию со дня рождения основоположника марийской литературы С.Г. Чавайна. На конференции обсудили следующие вопросы: творчество С. Чавайна в современном культурном и информационном пространстве; изучение и популяризация наследия С. Чавайна в образовательных организациях и учреждениях культуры; языковая картина мира в творчестве национальных писателей, сохранение культурного наследия как задача современного общества и др. В рамках конференции состоялся круглый стол «Творчество М. Шкетана: история и современность», посвященный 125-летию со дня рождения классика марийской словесности М. Шкетана.
- XVIII Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные культуры Урала. Нематериальное культурное наследие: вопросы сохранения и репрезентации». В конференции приняли участие специалисты и ученые по традиционной народной культуре из республик Марий Эл, Удмуртия, Башкортостан, Татарстан, Челябинской, Свердловской, Тюменской областей, Пермского края, Кургана, Тюмени и Санкт-Петербурга.

- С докладами выступили ученые (историки, этнографы, фольклористы, музыковеды, лингвисты и др.), педагоги, научные сотрудники музеев, краеведы, студенты высших учебных заведений гуманитарных направлений, а также специалисты культуры. Были рассмотрены вопросы сохранения и систематизации объектов культурного наследия, обсуждены этнокультурные аспекты народных промыслов и роль выставочной деятельности в развитии народного искусства.
- 9–13 октября,
г. Йошкар-Ола
- X Международный форум «Языки. Культура. Этносы», посвященный 25-летию подготовки переводчиков в Республике Марий Эл. В рамках форума были проведены международная конференция, викторины, турниры и конкурсы, кейс-батл, мастер-классы от ведущих преподавателей перевода, а также мастер-классы по 18 языкам, в т.ч. китайский, японский, армянский, французский и другие. Одним из интересных форматов форума стал кулинарный турнир, 34 участника из разных стран представили национальные блюда. Участники передали колорит стран не только с помощью богатства и разнообразия народной кухни, но и песен, танцев, красочных презентаций. Всего в мероприятиях форума приняли участие более 3500 человек.
- 11–12 октября,
г. Чебоксары
- Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья», посвященная 100-летию со дня рождения педагога, фольклориста и литературоведа И.И. Одюкова. На конференции обсуждались проблемы, связанные с изучением и сохранением традиционной культуры народов Поволжья и Приуралья. К работе научного форума подключились более 100 исследователей из Алматы, Астаны (Казахстан), Владивостока, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Москвы, Новосибирска, Саранска, Sterлитамака, Уфы, Чебоксар и других городов. Среди них были представители научных организаций, высших учебных заведений и учреждений культуры.
- 12 октября,
г. Йошкар-Ола
- XV Международная научно-практическая конференция «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты». Интерес к вопросам изучения языков и культур объединил более 250 участников из Китая, Франции, Индии, Белоруссии, Тайваня, Туркменистана и 34 субъектов Российской Федерации. На 12 тематических секциях были представлены доклады, касающиеся перевода, проблем языковых картин мира, обучения языкам. Заседание каждой секции было построено в формате открытого научного диалога опытных преподавателей-исследователей и студентов, делающих первые шаги в науке.
- 12–15 октября,
г. Москва
- Форум переводчиков с языков народов Российской Федерации на русский язык и конференция «Поэзия и проза финно-угорских и самодийских народов». Научные мероприятия направлены на развитие творческих связей, преодоление культурных барьеров, обсуждение актуальных проблем национальных литератур народов России. В работе форума и конференции приняли участие писатели, поэты, переводчики, ученые из Москвы, Ижевска, Йошкар-Олы, Петрозаводска, Перми, Саранска, Сыктывкара, Ханты-Мансийска и других городов.
- 13 октября,
г. Москва
- Конференция «Поэзия и проза финно-угорских и самодийских народов». Научное мероприятие направлено на развитие творческих связей, преодоление культурных барьеров, обсуждение актуальных проблем национальных литератур народов России. Участники: писатели, поэты, переводчики, ученые из Москвы, Ижевска, Йошкар-Олы, Петрозаводска, Перми, Саранска, Сыктывкара, Ханты-Мансийска и других городов.

- 14 октября,
г. Йошкар-Ола
- Конференция «Марий форум: осенняя сессия» Межрегионального общественного движения марийского народа «Всемарийский совет – Марий Мер Кангаш», посвященная культуре, традициям и обычаям марийского народа. В рамках мероприятия в «Царевококшайском Кремле» прошел межрегиональный праздник «Угинде» («Новый урожай»).
- 16–22 октября,
финно-угорские
регионы
- Дни родственных финно-угорских народов. В финно-угорских регионах состоялись выставки, концерты, мастер-классы, конкурсы.
- 17–19 октября,
г. Казань
- Международная научно-практическая конференция «История письма европейской цивилизации и письменная культура народов России». В работе конференции приняли участие ученые из разных городов России и из других стран: Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана. Специалисты разных направлений – историки, палеографы, археографы, источниковеды, эпиграфисты, лингвисты, литературоведы, искусствоведы – собрались для обсуждения вопросов, связанных с общими и частными проблемами истории письменности как главной составляющей истории культуры. Прошли мастер-классы по каллиграфии и реставрации рукописей, презентации четырех научных изданий, подготовленных в рамках проекта «История письма европейской цивилизации».
- 19–20 октября,
г. Сыктывкар
- Всероссийский симпозиум «Изучение художественного опыта литератур финно-угорских народов: тенденции, проблемы, перспективы». В работе симпозиума приняли участие ученые из Коми, Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Карелии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Чувашии, занимающиеся актуальными вопросами формирования и развития литератур, литературоведения, литературной критики. На секциях форума была освещена научно-исследовательская деятельность литературоведов, внесших вклад в изучение национальных литератур.
- 20 октября,
г. Йошкар-Ола
- Открыт Центр по изучению уральских языков и лаборатория национальной цифровой лингвистики в Марийском государственном университете. В рамках деятельности центра будут проводиться фундаментальные и прикладные исследования уральских языков, цифровизация финно-угорских и самодийских языков.
- 20 октября,
г. Йошкар-Ола
- I Международная научно-практическая конференция «Язык, традиционная и художественная культура народов Волго-Камья в парадигме современности», посвященная Международному десятилетию языков коренных народов и 10-летию со дня основания Института национальной культуры и межкультурной коммуникации. Она была связана с ранее проводимыми ежегодными конференциями института: «Проблемы марийской и сравнительной филологии» (2014–2022) и «Проблемы ревитализации традиционной культуры народов Волго-Камья» (2006–2022). Конференция объединила исследователей вопросов перевода, языковой картины мира, художественных текстов, образовательных технологий и др.
- 26 октября,
г. Саранск
- Всероссийская научная конференция «Гражданственность и патриотизм молодежи в многоконфессиональном и полиэтничном пространстве России» стартовала в рамках XVII Сафаргалиевских научных чтений. Ее цель – выстраивание диалога культур и религий, укрепление межнационального мира и межконфессионального согласия. В двухдневной конференции приняли участие более 500 человек из 13 регионов России, в том числе представители Российской академии наук, доктора и кандидаты наук, аспиранты, студенты, педагоги, учащиеся школ.

- 30 октября,
с. Великополье,
Оршанский р-н
РМЭ
- Республиканская краеведческая конференция «Шкетан лудмаш» («Шкетановские чтения»), посвященная 125-летию со дня рождения классика марийской литературы Я.П. Майорова-Шкетана. Основная цель мероприятия – популяризация и пропаганда творческого наследия классика марийской литературы, привлечение к научно-исследовательской деятельности, повышение интереса учащихся и учителей к творчеству. В рамках конференции прошел районный конкурс чтецов «Шкетан лудмаш» («Шкетановские чтения»).
- 30 октября,
г. Москва
- Всероссийская научно-практическая конференция «Россия в новых измерениях: единство и многообразие». В работе конференции приняли участие более 200 человек. Обсуждались следующие вопросы: современное состояние межнациональных отношений в Российской Федерации и перспективы их развития, основные направления реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, сохранение межнационального мира и согласия, а также особенности формирования и реализации государственной миграционной политики.
- 30–31 октября,
г. Казань
- II Международная научно-практическая конференция «Опыт сохранения и развития традиционной культуры в современном мире. Народные художественные промыслы», посвященная Году национальных культур и традиций в Татарстане. В рамках конференции проходила выставка «Традиционная культура народов Поволжья и Приуралья в современном мире», где были представлены костюмные комплексы и изделия народных художественных промыслов. Участники выставки проводили мастер-классы по ткачеству и вышивке в рамках организованных выставок. В конференции принимали участие ученые из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Ижевска, Йошкар-Олы, Саранска, Чебоксар, Уфы, Ярославля и др., а также представители Академии наук Республики Татарстан, научных и научно-образовательных учреждений республики, средств массовой информации и т.д.
- 3–8 ноября,
Российская
Федерация
- VII Международная просветительская акция «Большой этнографический диктант».
- 4 ноября,
г. Москва
- Открытие международной выставки-форума «Россия» на ВДНХ. Республика Марий Эл представила экспозицию «Марий Эл. Единство природы и технологий». На выставке представлены культурное наследие и современные информационные технологии региона, а также образовательная, деловая и культурная программы. Мероприятие будет проходить до 12 апреля 2024 года.
- 15–16 ноября,
г. Йошкар-Ола
- V Всероссийская научно-практическая конференция «Регионы России в военной истории страны», посвященная 80-й годовщине разгрома фашистских войск в Сталинградской битве. На конференции обсудили вопросы, связанные с методологическими, источниковедческими и историографическими проблемами изучения военной истории, военными конфликтами в древности и средневековье и др., а также отражение событий военной истории в культуре, искусстве, исторической памяти народа, военная археология и поисковое движение.
- 23–25 ноября,
г. Йошкар-Ола
- VIII открытый Межрегиональный фестиваль-конкурс исполнителей национальной эстрадной песни финно-угорских народов «Ший памаш» («Серебряный родник»). В мероприятии приняли участие солисты и малые вокальные ансамбли.

2 декабря,
г. Йошкар-Ола

III Межрегиональный этнофорум мастеров национального костюма «Созвучие веков». Мастера народного костюма из Республики Марий Эл и регионов с компактным проживанием народа мари представили старинные украшения и их современную обработку. Помимо этого, свои изделия показали рукодельницы из Удмуртии, Чувашии и Мордовии. В программе были мастер-классы, показ народных обрядов, исследовательские работы по сохранению традиций национального костюма.

5 декабря,
г. Йошкар-Ола

Научно-практический семинар «Языковое и культурное многообразие в цифровом и информационном пространстве», посвященный Дню марийской письменности. На нем приняли участие ученые, специалисты информационной сферы, государственные служащие, работники учреждений образования и культуры, общественные деятели, краеведы, журналисты, студенты и аспиранты. Круг обсуждаемых вопросов: цифровизация марийского языка, деятельность «Марий Эл Телерадио» по обеспечению доступности передач на марийском языке и популяризации марийского языка в регионах компактного проживания мари, финно-угорские медиа: современные вызовы и возможности, песенно-музыкальный фольклор кикнурских мари.

8–9 декабря,
г. Сыктывкар

Всероссийская научная конференция «10-е чтения памяти Д.Т. Яновича» «Художественные коллекции как ресурс развития территорий» в рамках 80-летия Национальной галереи Республики Коми при поддержке Министерства культуры, туризма и архивного дела Республики Коми. На конференции обсуждались вопросы истории формирования, значение и роль государственных, муниципальных и частных художественных собраний в социокультурном пространстве отдаленных северных регионов, малых городов и поселений, обозначили проблемы и перспективы сохранения, изучения, презентации и развития этих коллекций в современных условиях. В 2023 году исполнилось 90 лет со дня рождения выдающегося этнографа, исследователя коми народного искусства Л.С. Грибовой (1933–1986). В память о ней на конференции обсудили проблемы сохранения, изучения и популяризации народного искусства.

декабрь,
г. Йошкар-Ола

Вышел очередной номер научного журнала «Финно-угроведение» (№ 64).

Составители хроники:

Любимов Николай Иванович
помощник Министра культуры,
печати и по делам национальностей
Республики Марий Эл,
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

Пекшеева Эльвира Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

Chronicle compilers:

Nikolay Lyubimov
Assistant to the Minister of Culture, Press
and Ethnic Affairs of the Republic of Mari El,
Yoshkar-Ola
e-mail: nikolaj.lyubimov@bk.ru

Elvira Peksheeva
Candidate of philological sciences,
Senior researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: peksheevaelya@rambler.ru

«Финно-угроведение», 2023 (№ 64)

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *С.Л. Яковлевой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 19.12.2023. Вышел в свет 28.12.2023. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 24,41. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 2475

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95
помещение 12-12А корпус 101А

